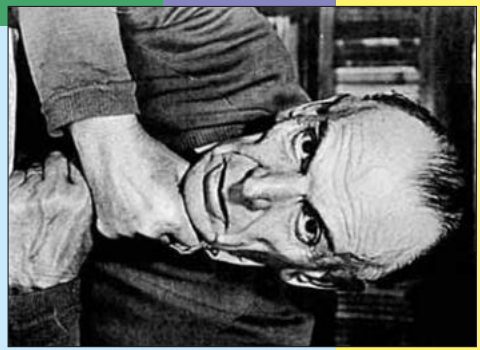
ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

ОДЕССКИЙ

40

АЛЬМАНАХ

ОДЕССА ● ПЛАСКЕ ЗАО ● 2010

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

ОДЕССКИЙ

40

АЛЬМАНАХ

ОДЕССА ● ПЛАСКЕ ЗАО ● 2010

ББК 84(4Укр-4Оде-2Од)63-47я430+63.3,014(4Укр-4Оде-2Од)63я430
Д 362
УДК 821.161.2'06=161.1(477.74-21)-92(082.1)+908(477.74-21)(09)"452.2"

Д 362 Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах (сб.) / кн. 40 Всемирн. клуб одесситов: Сост.: Ф.Д. Кохрихт, Е.М. Голубовский, О.И. Губарь, И.Л. Липтуга. — Одесса: Издательская организация "ПЛАСКЕ" ЗАО, 2010. — 320 с.

ISBN 978-966-8692-19-2

Д $\frac{4702640204}{2004}$ $\frac{0503020902}{2004}$

Редактор Феликс Кохрихт
Редколлегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора)
Олег Губарь
Иван Липтуга

Редакционный совет:
Виталий Амурский (Париж), Андрей Добролюбский, Игорь Коваль, Татьяна Липтуга, Игорь Померанцев (Прага), Аркадий Львов (Нью-Йорк), Александр Мардань, Юрий Стоянов (Санкт-Петербург), Михаил Рашковецкий, Нелли Харченко (Берлин), Кармелла Цепколенко.

Фото:
Вячеслав Теняков, Иван Череватенко, Олег Владимирский.

Editor Felix Kokhrikht
Editorial board: Yevgeniy Golubovsky (deputy editor)
Oleg Gubar
Ivan Liptuga

Editorial council:
Vitaliy Amoursky (Paris), Andrey Dobrolyubskiy, Igor Koval, Tatyana Liptuga, Igor Pomerantsev (Prague), Arkadiy Lvov (New York), Alexander Mardan, Yuriy Stoyanov (St. Petersburg), Mikhail Rashkovetsky, Nelly Kharchenko (Berlin), Karmella Tsepkolenko.

Photos by:
Viacheslav Teniakov, Ivan Cherevatenko, Oleg Vladimirskiy

ISBN 978-966-8692-19-2
© Авторство художественных текстов, 2010

От редакции

Вышел в свет очередной, 40-й номер альманаха. Вот вам, уважаемые читатели, коллективное признание членов редколлегии. В начале 2000 года, когда верстался первый номер, мы надеялись на то, что сумеем издать 5-6 выпусков, но, как видим, удалось сделать большее. Разумеется, с помощью и при участии наших земляков – просвещенных спонсоров, полиграфистов и издателей, а главное – тех, кто пишет в альманах, и тех, кто его читает. В Одессе и Москве, Киеве и Иерусалиме, Нью-Йорке и Берлине, Ванкувере и Сиднее...

Мы живем и работаем под девизом Всемирного клуба одесситов, сформулированном нашим президентом Михаилом Жванецким: "Одесситов бывших не бывает". Мы гордимся тем, что удалось установить профессиональный рекорд: по свидетельству авторитетных библиографов, до нашего альманаха ни одно подобное одесское издание не выходило в течение десяти лет и не имело столь широкого ареала читателей.

Альманах является инкарнацией журнала "Одесса" (издатель – Александр Гришин), который выходил несколько последних лет 20 столетия и, увы, не выдержал экономических потрясений и дефолтов, сотрясавших страны СНГ.

У истоков альманаха стоял лидер НПО "Микрон" Владислав Вайсман, известный своим участием в культурной жизни города. Он не только поддержал нас материально, но придумал название – строку из культовой песенки "Как на Дерибасовской, угол Ришельевской...". А затем эстафету приняли фирмы "Архо", "Капитал", "Фагот". Большой и содержательный этап нашей альманашьей жизни связан с Александром Марданем – драматургом и меценатом.

Уже несколько номеров мы выпустили в рамках совместного проекта с ЗАО "ПЛАСКЕ", тщаниями которого создан (совместно с Литературным музеем) Сад скульптур, выпускается Одесский календарь, поддерживаются талантливые и перспективные земляки, работающие в разных областях искусства и литературы.

В нынешнем юбилейном номере вы продолжите знакомство с материалами, рассказывающими об истории улицы Маразлиевской, которой будет посвящен очередной календарь, стартующий в День рождения города.

Лейтмотивом номера стала крылатая фраза Константина Паустовского – "Время больших ожиданий". Так писатель-романтик назвал свою книгу об Одессе 20-х годов минувшего века, когда он дружил с молодыми Бабелем, Багрицким, Олешей, когда деревья на Приморском бульваре еще не закрывали своими кронами моря.

Десять лет, 40 номеров.

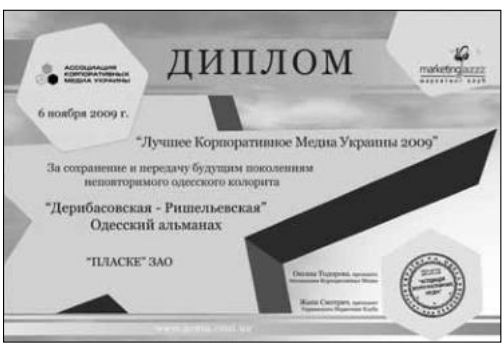
До полусотни осталось не так уж и много!

За неповторимый одесский колорит

В 2009 году Одесский альманах принял участие в авторитетном ежегодном конкурсе "Лучшее корпоративное медиа Украины" и завоевал почетную номинацию "За сохранение и передачу будущим поколениям неповторимого одесского колорита". В конкурсе приняло участие 70 корпоративных проектов, представленных признанными лидерами крупного и среднего бизнеса Украины.

По словам одесситки, президента Ассоциации корпоративных медиа Оксаны Тодоровой, члена жюри конкурса, "сделать выбор в пользу Одесского альманаха "Дерибасовская — Ришельевская" для меня лично было несложно. Проект выгодно отличается от конкурентов последовательностью развития, интеграцией культурных ценностей прошлых поколений с новыми тенденциями современности, интеллигентностью и тонким одесским юмором".

АО "ПЛАСКЕ", поддерживая данный проект, продолжает выбранную стратегию социально ответственного бизнеса, ориентированного на вечные ценности. Ведь как известно, формат книги испокон веков на генетическом уровне является синонимом истины.

Корпоративное издание наряду с корпоративным сайтом входит в стандартный пакет атрибутов, свидетельствующих об успешности компании. "Своя" корпоративная газета или журнал способны в сжатые сроки при небольших инвестициях сформировать у партнеров по бизнесу, конечных покупателей, сотрудников предприятия положительный образ компании. Фокусом на определенной целевой аудитории корпоративные газеты и журналы выгодно отличаются от традиционных газет и журналов, круг читателей которых разнороден. Этим процессом информационного воздействия управляет компания. В то же время собственная корпоративная газета или журнал — это лицо компании.

Аполлон СКАЛЬКОВСКИЙ

Русское Общество пароходства и торговли* 1857-1869 г.

Ввиду поднятого и самим правительством, и периодическою литературою весьма серьезного вопроса о русском торговом флоте, считаем необходимым сообщить нашим читателям несколько достоверных сведений о русском пароходстве на наших южных морях вообще и об успехах Русского Общества пароходства и торговли в особенности. Мы вполне уверены, что всякому, любящему свое отечество, будет приятно удостовериться в значении этого нового рычага успехов нашей внешней и внутренней торговли.

Высочайшим указом 3-го августа 1856 г. "для развития торговли южного края России и пароходных как торговых, так и почтовых сообщений этого края с русскими и иностранными портами", — учреждено Русское Общество пароходства и торговли. Общество это ввиду одного из ниспосланных провидением последствий Парижского трактата 18/31 марта 1856 года — упразднения Черноморского флота, — должно было заменить его если не боевою силою на южных морях, то нравственным влиянием русского флага на всех берегах и во всех гаванях не только Европы, но и Азии и Африки. Оно могло, в случае нужды, доставить правительству громадные перевозочные средства, нужные внутри и вне империи, если бы того потребовала честь или польза государства.

Общество открыло свои действия с пятью пароходами 21 мая 1857 года; мы видели торжественное зарождение этого предприятия и тот неподдельный восторг, который объял все сословия не только Одессы, но и всего Новороссийского края при виде основания столь великого учреждения и, признаюсь, предсказывали ему весьма блистательную будущность. С того дня прошло уже 13 полных навигаций, десятки миллионов пуд груза и целые миллионы пассажиров развезло оно по всем морям Европы; посещало священные гавани Палестины, заходило в Египет и целые миллионы рублей вносило в свою казну. Таким образом оправдало оно и главную цель своего учреждения — развитие торговли и судоходства для пользы Южной России, и доказало, что всякое мудро затеянное, честно и благоразумно веденное предприятие будет иметь успех в России, вообще так мало привыкшей к большим торговым, особенно компанейским предприятиям. Простая группировка цифр, взятых из кратких годовых отчетов об-

* Первая итоговая статья о РОПиТ, написанная "Геродотом Новороссийского края" А.А. Скальковским.

ТРУДЫ
ОДЕССКАГО
СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА.
ОДЕССА
въ Типографіи П. Францова.
1867.

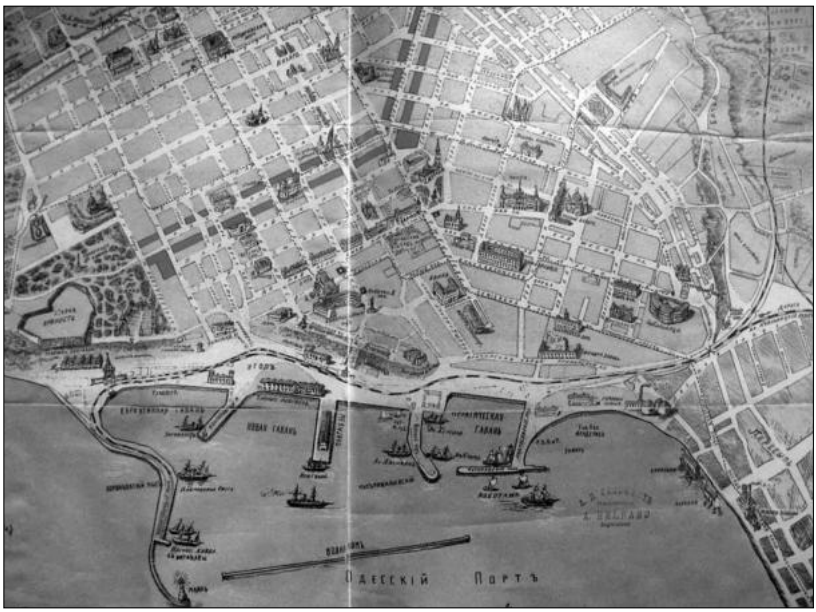
щества, будет лучшим тому доказательством и вернейшим документом его деятельности. Мы представим их со всевозможною умеренностью, и вполне убеждены, что эти цифры будут прочитаны с величайшим интересом. Но, дабы оценить их значение, мы должны сказать предварительно несколько слов о том, как основалось на наших водах отечественное пароходство и до каких результатов достигло оно в эпоху Крымского наезда. Для этого считаем необходимым повторить вкратце здесь сказанное уже нами в другом месте.*

До 1828 года на Черном и Азовском морях были только военные пароходы, слабосильные, принадлежавшие в качестве пакетботов Черноморскому адмиралтейству и служившие в этом виде в Турецкую кампанию 1828-1829 г.** В то время по ходатайству кн. Воронцова был выстроен на счет доходов г. Одессы на Николаевской верфи пакетботный и грузовой пароход в 60 сил, который, по высочайшей воле, назван был "Одессою". В июне месяце он прибыл в нашу гавань, и появление его было началом торгового и пассажирского пароходства на этих водах. Он служил несколько раз пакетботом для сношения Одессы с Варною, где командовал войсками главный начальник Новороссии. Пароход "Одесса" в течение июля и августа 1828 года совершил под командою италианского шхипера Галюфи два рейса в крымские порты; возил туда: свинец, муку и мешки, нужные для армии, привозил пассажиров и товары, особенно фрукты, но, употребляя вместо угля дрова, часто останавливался за недостатком топлива, которого по силе паров определить не успели, по неопытности, ни экипажа, ни самого капитана.*** В то же время и на той же верфи построен был другой пароход, "Наследник", назначенный для плавания по Азовскому морю. Но постройка его была столь неудачна и стоила столь дорого, что правительство отказалось от сооружения пароходов на наших водах. А потому заказан был в Петербурге на заводе Берда пароход "Нева", который прибыл в Одессу в 1834 г. и был назначен для постоянных сообщений Одессы

* Краткий очерк истории нашего пароходства помещен в наших "Записках о торговых и промышленных силах Одессы". (С. Петербург 1865 года, стр. 110-116).

** Из этих пароходов нам известны в особенности два: "Везувий", который под командою штурмана Дашкевича, и "Надежда" под командою штурмана Червякова, служили в 1827 г. транспортами адмиралтейства и заходили не раз на одесский рейд.

*** Мне случилось по приказанию фельдмаршала сделать первый рейс на этом пароходе и представить ему о нашем плавании подробный отчет. Наше путешествие было не весьма удачно: по выходе из гавани пароход в пяти верстах от Одессы загорелся и надобно было возвратиться назад для спасения судна и пассажиров. После, по выходе из евпаторийского рейда, мы вместо Ялты попали на группу скал близ Балаклавы и спаслись только благодаря присланному нам лоцману, впоследствии полковнику М. Цакни.

с Константинополем. Это было первое заграничное пакетботное учреждение, основанное на силе паров.* В 1833 г. В Одессе образовалась было небольшая компания на акциях, под названием "Черноморского пароходного общества", но с столь ничтожным капиталом и с такими судами, которые довели компанию до совершенного разорения, несмотря на отличный порядок и бережливость в его управлении и точность в движении пароходов, прибытия которых в Константинополь ожидали с большим удовольствием. Обществу этому не повезло. Пароход "Николай I-й" в 1840 году сгорел ночью в одесской Практической гавани, и в течение двух лет пароход "Императрица Александра" ходил в Константинополь один. Выстроенный же в Николаеве новый паровой пакетбот оказался слабым и неудобным к мореплаванию. Сообщениям с Константинополем угрожало совершенное прекращение, если бы правительство в этом, как и в других важнейших вопросах, не приняло с своей стороны самых деятельных мер.

С первых навигаций правительство убедилось, что постройка пароходов не только на Николаевской, но и на Петербургской верфях обходится

* Пароход "Нева" в страшную бурю, свирепствовавшую на Черном море 10 и 20 ноября 1835 года, погиб совершенно с большею частью своих пассажиров и экипажа.

дорого, а суда выходят неудачной конструкции, решилось, по ходатайств кн. Воронцова, заказать их в Англии. Первый пароход, там построенный и назначенный для Одессы, назван в честь преобразователя России "Петр Великий", прибыл в Одессу к 1835 г. Совершив два или три рейса к южным берегам Крыма, один в дунайские устья до самого Галаца, он своими достоинствами — ценою своей постройки, конструкциею, ходом и неслыханною прочностию (он служил с лишком 22 года) — указал нам путь, по которому следовало идти вперед. В 1836 году он вел на буксире в течение 18 с лишком дней 20-пушечный корвет "Ифигению", которым командовал в чине капитан-лейтенанта известный теперь моряк и дипломат гр. Путятин. Кн. Воронцов с обеими судами и 60-ю пассажирами ходил к восточным берегам Черного моря, посещал все занятые тогда гавани и бухты и присутствовал при основании генералом Вельяминовым новой крепости у форта Суджук-Кале, у которой устроил впоследствии столь любимый им город Новороссийск, сожженный в 1855 году, а теперь подымающийся из развалин.

Между тем сообщения с Константинополем не прерывались, и в течение следующих лет сделано: в 1837 году 21, в 1838 — 46, в 1839 — 21, в 1840 — 21, в 1841 — 27, в 1842 — 56 рейсов, в которых участвовал уже и выписанный из Англии пароход "Петр Великий". Пассажиров они еще возили не много; но грузы товаров бывали значительные. Так в 1837 г. вывезено 325 пассажиров и на 343.000 р. с. товаров, привезено же в Одессу 318 пассажиров и на 1.110.000 р. с. товаров, в 1839 г. привезено товару на 1.701.000 р. с. и 428 пассажиров, а отправлено товару на 280.000 р. и 217 пассажиров, в 1840 г. привезено всего на 630.070 р. с. товару и 446 пассажиров, отправлено на 290.390 р. товаров и 364 пассажира.

Но с 1843 г. началась новая эпоха Черноморского пароходства, а тем более для будущего развития Одессы. Удачный опыт, сделанный при заказе в Англии парохода "Петр Великий", подал правительству мысль или купить там, или заказать другие больших размеров и сильнейшие пароходы; причем соблюдалась и экономия в издержках, и значительные мореходные выгоды. По ходатайству кн. Воронцова, в 1842 г. были заказаны и построены под надзором особых флотских офицеров два пароходо-фрегата в 250 сил каждый, назначенные для постоянных сообщений Одессы с Константинополем. Они были приспособлены для гораздо большего числа пассажиров всех классов и значительных товарных грузов; они же могли перевозить и письма. С этою целью высочайшим указом установлена была особая Экспедиция при портовой таможне в Одессе и агентство

ее в Константинополе. 10 мая 1846 года первый из таких пароходов, "Одесса" под командою капитан-лейтенанта Альбранта, отправился с грузом и 23 пассажирами в Константинополь. Этот папроход должен был сходиться с триестскими пароходами Ллойда, с дунайскими: австрийским и французским, плавающими между Константинополем, Марселью и Александриею. Одесса делается таким образом одною из оконечностей огромной сети правильных морских сообщений, ныне раскинутой между Марселью, Генуею, Ливорно, Неаполем, Мальтою, Триестом, портами Греции и Турции и Александриею в Египте и проникающей даже одной из ветвей своих, на Дунае до Вены, в самый центр Европейского материка. Многие из нас в 1840 году считали все это покамест поэзиею; но опыт оправдал справедливые ожидания правительства. Установленные сообщения беспрерывно продолжались и год от году улучшались; вместе с "Одессою" начал рейсы другой пароход-фрегат, "Крым", и оба вместе с мая до декабря сделали 42, да старый компанейский пароход "Александра" 10 рейсов. Это уже было весьма много для столь недавнего учреждения, особенно если считать сообщения и с черноморскими, и с азовскими портами, всего сделано 84 рейса, а тогда даже в Петербурге и Кронштате заграничное и внутреннее пароходство делало всего 98 рейсов в одну навигацию.

В 1845 году в Англии были построены еще два парохода, для сношений Одессы с крымскими портами, и названы в память русских подвигов на Кавказе "Дарго" и "Андия"; они вскоре прославились своею быстротою и изяществом, но были слишком малы для Черного моря. В то же время открылась новая линия пароходства заграничного в связи с каботажным; это периодическое сообщение Одессы с дунайскими портами: Измаилом и Галацем. В 1845 году кн. Воронцов, желая расширить круг торгового пароходства и связать им как можно более пунктов в Новороссийском крае для развития в нем торговли и промышленности, предложил правительству учредить постоянные сообщения с русскими дунайскими портами: Измаилом и Рени — и распространить их до Галац. Одесское купечество по этому случаю изъявило свою надежду, тогда еще не доказанную, что Одесса посредством этого нового пути получит часть тех мануфактурных произведений Средней Германии, которые теперь сухопутно или чрез Константинополь получаются в Одессе.* Это пароходство установилось скоро, и пароход "Петр Великий" содержал эту линию в течение почти 8 лет непрерывно; война 1854-56 годов только прекратила его движение.

* Из архива Одесского отделения коммерческого совета.

Таким образом до войны 1854-56 гг. Одесса уже имела небольшую паровую торговую флотилию, состоявшую из следующих пароходов:

	Название пароходов	Сколько сил	Линии
1.	Одесса	250	Константинопольская
2.	Херсонес	250	
3.	Крым	250	
4.	Бессарабия	250	
5.	Еникале	180	Крымская и кавказская
6.	Тамань	180	
7.	Андия	100	
8.	Дарго	100	
9.	Петр Великий	100	Дунайская
10.	Бердянск	90	Азовская
11.	Таганрог	90	Херсонская
12.	Гр. Воронцов	60	На Днестровском лимане
		1900	

Эти пароходы управлялись двумя конторами: внутренние так называемою "комиссиею черноморских пароходов" при канцелярии генерал-губернатора, а заграничные "экспедициею постоянных пароходных сообщений с Константинополем", о которой мы говорили выше.

Не входя в дальнейшие подробности, скажем только, что эти 12 пароходов средним числом в 1850 годах перевозили от 17000 до 22000 пассажиров и до 1.000.000 пуд. груза в одну навигацию. Заметим мимоходом, что доходы по Константинопольской линии поступали в государственное казначейство, а потому можно указать на них за несколько лет, а именно:

В	1847	году	поступило	с пассаж.	и груза	84.357	руб.
"	1848	"	"	"	"	59.680	"
"	1849	"	"	"	"	58.652	"
"	1850	"	"	"	"	54.136	"
"	1851	"	"	"	"	58.622	"
"	1852	"	"	"	"	71.075	"
"	1853	"	"	"	"	50.019	"

Следственно, никогда доходы не покрывали расходов пароходства, чего, впрочем, и правительство не ожидало; доходы от внутренних линий и переправ простирались от 60.000 до 90.000 р. в одну навигацию.

Война прервала это пароходство; некоторые суда погибли в Азовском море. Тогда благодаря инициативе нескольких благородных частных лиц, а именно: адмирала Аркаса и д. ст. сов. Н.А. Новосельского, благодаря щедрости и мудрости правительства образовалось "Русское Общество пароходства и торговли", цель которого и круг действий ясно изложены в 1 § его устава. В первый же период своего существования (1857-1858 г.) оно приобрело 35 пароходов в 4.570 сил и открыло немедля 12 линий заграничных и внутренних сообщений, вместо 6, как было до войны. В 1857 году оно перевезло более 75.000 пассажиров и около 2.500.000 пуд. груза и получило за них до 294.000 рублей. В 1858 году провезенный груз достиг 4.000.000 пуд., число пассажиров — 123000 челов., доходы до 746.000 рублей. С этого времени, несмотря на некоторые недоразумения в самом обществе, на ошибки некоторых распорядителей, столь естественные в деле новом и столь громадном, особенно у нас в России, где все требуется вдруг и где мало уважаются постоянные кропотливые временем и обстоятельствами порождаемые улучшения, — общество идет постоянно вперед и в четыре последние года достигло самых изумительных результатов — доказательство непоколебимой уже его прочности. Благодаря усердию, распорядительности и энергии нынешнего главного директора адмирала Чихачева Русское общество приобрело уважение и даже зависть за границею и доверие в отечестве, цены акций на бирже служат тому самым лучшим доказательством. Даже поборники "всесокрушающий гласности", так сильно кричавшие и вредившие обществу в начале 1860-х годов, умолкли, — благодаря хорошим дивидендам, и убедились, что в торговых предприятиях нужны не журнальные ругательства, но доверие и терпение. Прилагаемая здесь небольшая сравнительная ведомость полученным в тринадцатилетнюю навигацию результатам, будет основным документом для всякого желающего изучить столь громадное учреждение, приурочивая его к имевшимся средствам, усердию основателей и распорядителей и пользе, принесенной им отечественной торговле и мореходству.

Сравнительная ведомость оборотов Русского Общества пароходства и торговли 1857-1869 г.

Годы	1856-7	1858	1859	1860	1861	1862	1863	1864	1865	1866	1867	1868	1869
I. Число пароходов	18	35	41	43	43	43	42	45	45	47	50	54	63
II. " рейсов	В первом году не показано	1035	1467	1444	1558	1277	1655	2000	2198	2035	2167	2410	2867
III. Провезено груза	пуд.	пуд.	пуд.	пуд.	пуд.	пуд.	пуд.	пуд.	пуд.	пуд.	пуд.	пуд.	пуд.
	920032	4069667	4831677	6878652	6990381	5261663	8015571	1616465	13770509	13891473	19043686	17093740	21227219
" экипаж	не показано	778	30291	31744	41922	25105	28297	55041	59868	37410	34681	32515	58065
" скота	не показано	6950	14740	19676	16936	18748	30254	77540	52886	51631	57219	45631	81280
" пассажир.	28887	123593	202458	218904	208332	195371	211464	283283	285748	272146	316397	351480	430229
IV. Выручено сбора	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.
с фрахта	177900	427749	1066366	1216029	1199072	1136094	1369960	2208131	2284559	2520464	2929757	2875211	2963745
с пассаж.	114122	318555	561808	697997	612996	652907	719124	892776	757852	758743	951808	997859	1155027
V. Получено помильной платы	389	1144173	1883106	1883406	1883406	1887188	1883003	1881527	1882901	1883282	1827447	1735043	1641482

Из этой краткой, но довольно существенной таблицы, можно извлечь весьма серьезные выводы о настоящем положении пароходства под русским флагом на наших морях, реках и лиманах и указать на то значение, которое может иметь Русское Общество пароходства в международной и внутренней торговле Южной России.

Мы видели, что до войны 1854-1856 гг., несмотря на все жертвы и старания правительства, оно располагало только 12-ю пароходами в 1900 паровых сил, которые содержали две заграничные (Константинопольскую и Галацкую) и четыре внутренние линии и перевозили от 16000 до 23000 пассажиров, принося от 150.000 до 190.000 руб. ежегодно. Сколько перевозилось груза, к сожалению, неизвестно, ибо он показывался в ценностях, но судя по вместимости пароходов, он не достигал и одного миллиона пуд. Русское Общество благодаря щедрости правительства и энергическим действиям своих руководителей в 13 лет своего существования достигло следующих результатов:

1). Оно обладает в настоящее время (1869 г.) 63 пароходами в 6580 паровых сил и в 58.012 тонн вместимости, 38 баржами и 7-ю шаландами. 27 пароходов имеют более 100 сил каждый: баржи, на которых пароходы буксируют свои грузы по Днепру и Бугу, равняются своею вместимостью корветам большой величины.* Кроме того, оно владеет разными недвижимыми имуществами в Одессе, Севастополе, Херсоне, Ялте, Феодосии и некоторых заграничных портах, которые оценены по описям компании в 1.700.000 с лишком рублей. Главнейшие из них: пристани, заводы в Одессе, мортонов элинг, пристани, мастерские, казармы и проч. в Севастополе.

2). Общенство содержит с самою неуклонною точностию 20 линий, из которых 6 заграничных, а именно: Александрийскую, две Константинопольских, Анатолийскую, Марсельскую, Лондонскую и Галацкую, следственно, его суда плавают уже не только в Черном и Азовском, но и Средиземном море и Атлантическом океане. Оно содержит 12 внутренних, или каботажных, линий: две из них составляют переправы, одна на Днестровском лимане между его херсонским и бессарабским берегами, а другая на Керченском проливе между Керчью и Таманью; затем из 10 остальных: 7 содержат постоянные сообщения между Одессою, Николаевом, Херсоном, крымскими, кавказскими и азовскими портами, а 3 специально заняты буксировкою грузов по Днепру, Бугу и Днестру.

В конце 1869 года Общество сделало два весьма серьезные изучения: 1) Отправило два лучшие свои пароходы в Суэцкий канал ко дню торжественного его открытия, чтобы убедиться на месте в пользе этого громадного сооружения и познакомить свои экипажи с новым путем, ведущим к Дальнему Востоку. 2) Оно отправило одного из лучших своих офицеров суэцким путем в Восточную Индию и собирается послать один из своих

* Именной список принадлежащих Обществу пароходов мы помещаем в конце нашей статьи.

пароходов для выбора рынка и товаров, могущих способствовать к развитию русской торговли на этих отдаленных морях.

3) В 1869 г. пароходы Русского Общества сделали 2867 рейсов заграничных и каботажных. Кроме того, пароходство содержит пароходы для буксировки барж и судов на одесском и других рейдах.

4) В 1869 г. Общество перевезло 430.229 пассажиров, 81.280 штук скота и 21.227.249 пуд. груза.

5) Наконец, в том же году Общество получило 3.009.673 руб. за фрахт товаров и других грузов и 1.149.061 руб. за провоз пассажиров и их пожитков, всего 4.158.705 руб., что на складочный капитал Общества составит валового дохода более 40%. Но, к сожалению, и наше Русское Общество, подобно всем другим подобным учреждениям в Европе, не могло существовать одними своими средствами и должно получать пособие правительства в виде помильной платы, которая, как мы видели, простирается до весьма крупной цифры 1.882.903 рублей. С 1867 года это пособие ежегодно уменьшается, и через 10 лет дойдет до полвины настоящей суммы. Правда, что оно доставляет правительству в качестве пакетботов и транспортов, весьма значительные услуги, а именно: возить почты, курьеров и целые отряды войск с их багажом или бесплатно, или по самому низкому тарифу.

В заключение мы должны задать себе весьма серьезный вопрос: какое влияние имело учреждение столь обширного пароходства под русским флагом на международную торговлю империи вообще и отечественное мореходство в особенности? На первый вопрос ответ самый простой:

Из таможенных ведомостей видно, что при одесском порте двинуто было грузов по приходу и отходу судов заграничного плавания (*aux longues cours*): в лучшие торговые периоды, например:

	Под всеми флагами	**Под русским флагом**
	ластов*	
В 1847 году	267.880	38.877
" 1857 "	284.983	21.133

После же развития Русским Обществом настоящего пароходства это движение грузов представляет следующие цифры:

	Под всеми флагами	**Под русским флагом**
	ластов*	
В 1863 году	237.360	78.940
" 1868 "	240.598	74.480

* Прусский ласт, или две тонны, составляют 10 русских пудов.

Что же касается до каботажного пароходства, то, к сожалению, мы не имеем для его обсуждения достаточных фактов; по новым таможенным правилам, ведется счет лишь числу кораблей внутреннего плавания без показания количества и ценности их грузов. По числу же судов, приходивших и уходивших при одесском порте, видно, что начиная с 1858 г., число каботажных судов уменьшается, особенно по Херсонской и Николаевской линиям, где двигаются буксирные пароходы Русского Общества. Естественно, что купечество или землевладельцы предпочитают отправку своих продуктов посредством пароходов, доставляющих их скоро и во всякое время, тогда как парусные суда подвержены всегда влиянию погоды и ветров, а еще более по дурному качеству этих судов и невозможности их страхования в заграничных страховых компаниях. Но это уменьшение, как кажется не повсеместно на обоих наших бассейнах: Черноморском и Азовском, как можно судить по следующей краткой таблице, касаясь для примера одного только одесского порта. Таким образом: к одесскому порту прибыло парусных каботажных судов:

В 1862 году	1035
" 1863 "	648
" 1864 "	981
" 1865 "	1201
" 1866 "	1381
" 1867 "	1520
" 1868 "	1263
" 1869 "	1284

и из одесского порта отошло таких же судов:

В 1863 году	1195
" 1863 "	716
" 1864 "	1510
" 1865 "	1236
" 1866 "	1377
" 1867 "	1528
" 1868 "	1258
" 1869 "	1287

Паровой флот
Русского Общества пароходства и торговли в 1869 г.

	Название пароходов	Число паровых сил	Число тонн водоизмещ.
1	Азов	130	3100
2	Аккерман	35	110
3	Император Александр II	160	1792
4	Аргонавт	160	615
5	Князь Барятинский	100	484
6	Князь Барятинский (Рионский)	45	35
7	Батюшка	60	212
8	Бессарабия	70	500
9	Болтун	52	215
10	Братец	60	212
11	Буг	144	1800
12	Веста	144	1800
13	Византия	70	500
14	Владимир	250	1600
15	Воробей	40	261
16	Граф Воронцов	25	72
17	Голубчик	70	465
18	Гуниб	125	1400
19	Гусь	40	261
20	Дон	70	1100
21	Дядя	80	153
22	Индюк	40	261
23	Ифигения	140	482
24	Керчь	120	315
25	Великий князь Константин	350	1480
26	Корнилов	170	3600
27	Коршун	40	250
28	Генерал Коцебу	180	850
29	Кречет	40	250
30	Крикун	60	215
31	Лазарев	160	3200
32	Лебедь	40	261
33	Матушка	60	212
34	Великий князь Михаил	185	725

35	Митридат	120	568
36	Могучий	80	1280
37	Надежда	25	15
38	Нахимов	160	3200
39	Николаев	120	300
40	Одесса	160	2400
41	Олег	250	1600
42	Великая княгиня Ольга	180	850
43	Орест	80	900
44	Первенец	40	261
45	Пилад	80	900
46	Петух	40	261
47	Рион	65	365
48	Родимый	60	216
49	Ростов	140	3000
50	Сестрица	60	215
51	Сокол	40	250
52	Таврида	160	215
53	Таганрог	90	256
54	Тамань	35	110
55	Тетка	60	250
56	Утка	40	261
57	Церера	145	1340
58	Черкаск	140	3100
59	Чихачев	160	3600
60	Эльбрус	250	1480
61	Юнона	145	1340
62	Язон	100	450
63	Ястреб	40	250

Кроме того, Обществу принадлежит: 38 барж, 7 шаланд, 1 брокшиф, 12 деревянных барж и много других мелких судов.

Олег ГУБАРЬ

Функции Одесского строительного комитета в контексте истории градостроительства Одессы*

Арнаутская слободка и Вольный рынок

В этом и нескольких следующих разделах будут лапидарно рассмотрены функции Одесского строительного комитета по регулированию городской застройки в конкретных обстоятельствах.

Уместно проиллюстрировать первые этапы городской застройки на примере одного из двух вышеупомянутых центров кристаллизации патриархальной Одессы — окрестностей Старого базара (Вольного рынка) и примыкающей к ним Арнаутской слободки, тем более что формировались они практически синхронно. Начальный этап этого процесса в документах фонда Одесского строительного комитета прослеживается, так сказать, опосредованно, с оглядкой, однако в сочетании с другими документами и материалами представляется довольно зримым, рельефным.

Как уже упоминалось со ссылками на К.Н. Смольянинова, А. Орлова и В.И. Тимофеенко, застройка района "Арнаутской площади" началась с августа 1795 г. А в конце того же года "на южном конце вновь возникавшего города построено было 16 казенных каменных "связей" (флигелей), длиною каждая в 6, а шириною в 3 сажени; каждая "связь" состояла из двух домов или помещений с лавками, выстроенных по "азиатскому обычаю", работы производились по подряду именитым гражданином Евтеем Кленовым, с платою ему за каждую "связь" по 700 руб., что за все 16 "связей" выдано из казны 11.200 рублей". По распоряжению де Рибаса эти сооружения передали греческому попечителю Кес-Оглу (Кесоглу) для размещения средиземноморских переселенцев. Последний, однако, помещал здесь не только греков, албанцев и югославян, но и лиц, прибывавших из разных регионов России и зарубежья. К концу следующего года часть "связей" пустовала, не охранялась, а потому подверглась разграблению и пришла в запустение. А поскольку насельникам остальных флигелей предоставлялось право бесплатного проживания лишь на один год (после чего они обязывались подписками вернуть затраченные на строительство суммы в течение пяти лет), то по прошествии этого года они просто-напросто оставляли их, и опять-таки без присмотра. В результате к началу 1798 г. все это "грече-

* Продолжение. Начало в кн. 35-39.

ское предместье" пришло в разорение: из 16 "связей" в эксплуатации оставалось только две, а от остальных "уцелели только стены".[1]

В одной из описей фонда Канцелярии одесского градоначальника я нашел название несохранившегося дела — "По сообщению одесского полицмейстера Кирьякова о предохранении от разорения выстроенных на гражданском форштате для переселенцев казарм", датированного 2 апреля 1798 г.[2]. Любопытно, что Греческий форштат здесь ошибочно или сознательно поименован Гражданским, как бы в противовес Военному. Вероятно, это просто оговорка, ибо в соответствии с планом де Волана 1794 г., Греческая церковь намечена как раз на одноименном форштате.

В сохранившемся деле из фонда Одесской городской Думы находим "условие" магистрата со сторожами, нанятыми для охраны "связей" от дальнейшего разорения. 20 июня 1800 г. одесский мещанин Михайло Рыбаченко и одесский житель Христофор Алексиан договорились: "для избережения казарм, выстроенных на греческом форштате для переселенцев, в соблюдении которых должны мы находиться оба (...) безотлучно, в трезвом всегда состоянии". Если же что-либо будет расхищено или иным случаем утрачено, сторожа должны ответствовать натурою или деньгами. Жалованье им определено по 60 рублей в год, то есть 120 рублей на двоих[3]. Если учесть, что сооружение дома обходилось в 350 рублей, то 120 рублей вовсе не такая малая сумма, как это может показаться.

Итак, можно констатировать: в первые годы заселения Одессы это "греческое предместье" не состоялось. По неблагоприятным обстоятельствам, в том числе из-за корректировки плана города, предполагаемая "Арнаутская площадь" оказалась на отшибе, да и разрастающийся по соседству Вольный рынок вызывал отток застройщиков и коммерсантов, а десятилетие спустя эту рыночную площадь как бы репрезентовали Бакалейные, Мелочный и Железный ряды — формирующийся Греческий базар[4]. Опять-таки, по изложенным выше негативным причинам, "связи" оказались без присмотра и превратились в руины, а заложенная в 1795 г. церковь Святой Троицы и Спиридона Тримифутского, на которую Кес-Оглу получил от казны безвозмездно 500 рублей и строительные материалы, была доведена только до окон[5]. Новая волна застройки этого района началась уже после образования ОСК, в 1803 г., хотя начальные дела по отводу здесь мест числятся еще по ведомству Одесского городового магистрата.

13 мая 1803 г. одесский купец Н.А. Попандопуло подал прошение на высочайшее имя от "купцов и мещан греческой нации". В нем говорилось, что поскольку таковые не обзавелись домами, "а ныне возымели намере-

ние поблизости греческой церкви Святой Троицы, ныне строимой, выстроить по плану на пустопорожних местах, с начала города Одессы розданных, дома", то для отвода означенных мест просят дозволения. К прошению прилагается доверенность 50 лиц, составленная в апреле. Доверенность завизирована в магистрате 4 мая 1803 г.[6]. В издании, посвященном истории Свято-Троицкой церкви, возведенной на Екатерининской улице в 1803-1808 гг., этот храм ошибочно отождествляют с тем, который так и не был достроен на Арнаутской слободке[7].

Магистрат традиционно обращается в инженерную команду за разъяснениями относительно просимых мест. 27 мая получен ответ. Инженер-полковник Ферстер прилагает план с обозначением соответствующих кварталов и номеров, по которому магистрат может каждому давать открытые листы (квитки), на основании которых инженерная команда будет отводить места. Однако она приступит к отводу тогда, когда для оного наберется надлежащее число людей, каковые и должны явиться с приемщиком. "Господин же губернатор заметил притом, — продолжает Ферстер, — чтоб иметь наблюдение, что те, которые места берут, действительно выстроили дома, и сделали к тому в нынешнее лето приуготовление..."[8].

В тот же день в журнале заседаний отмечено: "Когда просители в магистрат об отводе им мест прошение учинят, тогда и выдавать на место желаемые им взять открытые листы, причем ибо объявить, чтоб они по взятии тех листов с ними равно для скапивания (копирования. — **О. Г.**) людьми явились в команде подменой за подписом присутствующих и секретаря"[9]. К данному решению приложен подписанный Ферстером план I, II, III, IV, VI, VII кварталов, включающих места №№ 1-87[10]. Знаменательно, что кварталы эти как бы формируют площадь, показанную на составленных тем же Ферстером генеральных планах Одессы 1802-1803 гг.[11]. На этой площади, о которой еще пойдет речь в цитируемых ниже документах, обозначены недостроенная церковь и колодец. Если вынести этот чертеж на современный план города, то колодец окажется примерно на пересечении современных улиц Большой Арнаутской и Ремесленной, а храм — в районе перекрестка Малой Арнаутской и Ремесленной. На плане Фраполли 1807 г.[12] и плане, подписанном Ферстером в 1811 г.[13], эта предполагаемая площадь показана уже застроенной или, по крайней мере, предназначенной к застройке.

Церковь Святой Троицы и Спиридона Тримифутского разобрали в самом начале застройки этой площади, в 1803-м, и тогда же был заложен одноименный храм Святой Троицы близ временной деревянной греческой

церкви на пересечении будущей Троицкой и Екатерининской улиц[14]. В начале 1835 г. местная газета сообщала о том, что "теперь не осталось здесь никаких следов церкви первых поселенцев одесских; небольшой каменный памятник, воздвигнутый над могилою подполковника Кесоглу в одной из здешних улиц, за несколько лет перед сим разрушился и исчез совершенно"[15].

Название Арнаутская слободка (Арнаутка), как и, скажем, название Молдаванская слободка, входит в бытовой и документальный обиход задним числом. Изначально речь идет просто о казармах для переселенцев, "солдатских казармах", "Солдатской слободке"[16], а затем о "старых арнаутских казармах". Так, в деле за 1805 г. из фонда ОСК под 2 мая упоминается землянка "в Солдатской слободке"[17]. В том же деле есть сообщение о покупке 21 февраля 1805 г. австрийским негоциантом Джакомо Мерлахом у поручика Ладожского мушкетерского полка Григория Козменка места и дома на Военном форштате, во 2-й части, в IV квартале[18]. Это говорит о том, что в 1803 г. места здесь отводились не только грекам. Впрочем, в другом архивном деле за тот же 1805 г. фигурируют как раз греки: жена прапорщика Елена Маврокордато 9 февраля получила три места, №№ 15-17, в I квартале, а прапорщик Карияни Арфано — одно место, № 21, во II-м[19].

В одном из дел ОСК по отводу мест 25 ноября 1807 г. упоминаются строения в Солдатской слободке, причем ниже следует четкое и однозначное пояснение Е.Х. Ферстера: "означенная слободка и построенные домы состоит на Военном форштате, на площади между кварталами IV, VI и VII-м"[20]. На карте Фраполли 1807 г. площадь эта, как уже упоминалось, показана назначенной к застройке.

Застройка Солдатской слободки тормозилась из-за самого факта наличия старых казарм. В Комитет поступали многочисленные просьбы об отводе мест, занятых их руинами, однако не было возможности отвести землю на законном основании по причине неясности статуса оных руин, то есть принадлежности фактическому владельцу. Постановлений об отводе занятых старыми казармами мест было два: первое — от 14 августа 1805-го, и второе — от 13 мая 1809 г. Постановления эти, впрочем, касались не только "арнаутских руин", но, в первую очередь, еще функционирующих казарм в окрестностях нынешнего Приморского бульвара, Екатерининской площади и Военной балки.

Резюмируя эти директивы, можем прийти к следующим выводам. Означенные места должны были продаваться с публичного торга, но не прежде чем завершится сооружение новых оборонительных казарм. А по-

лучить их мог тот, кто приобретет казармы на слом. Если получивший таким образом сразу несколько мест покупатель не в силах застроить по плану все эти места, то имеет право перепродать, но с тем условием, чтобы новый владелец уже не мог продать в другие руки незастроенного места. Владелец места обязан застроить его плановым домом на общих основаниях, за один год, причем достаточно будет в этот срок довести строение хотя бы до карниза. Если же этого не будет сделано, то место отберут. Наконец, никто не может иметь в результате всех мероприятий более двух мест. А это означает, что ежели кто-либо приобрел с публичного торга несколько мест, то не имеет права продавать более двух в одни руки. Документ подписали военный комендант Кобле, карантинный инспектор Россети, таможенный инспектор Скадовский, коммерции советник Рено, градской глава Андросов[21].

В ближайшие годы отводятся и застраиваются места в III (редко), IV, V, VI, VII, XI, XII, XIV, XV кварталах[22]. Проблема старых казарм все еще не разрешена. 24 июля 1812 г. французско-подданный Павел Пенкшич просит место "на Военном форштате возле старых арнаутских казарм". Явившись для освидетельствования, городской архитектор Фраполли фиксирует, что "оное место находится под казармою"[23]. В это время отвод мест на Арнаутской слободке резко активизируется в связи с переселением из балок лиц, построившихся там в обход законным постановлениям, без соответствующих документов (об этом подробно говорилось выше).

Места переселенцам отводились здесь по жребию, как это практиковалось и в ходе раздачи "номеров" по периметру Нового базара, специализированных рядов и проч. 24 июня 1812 г. в ОСК поступают прошения на утверждение мест, доставшихся по жребию, на Арнаутской слободке: V квартал, №№ 65, 71, 69, 68, 74, 63; IV квартал, №№ 55, 52, 48, 58, 49. Три дня спустя последовали прошения об отводе следующих мест: IV квартал, №№ 32, 20, 24, 25, 29, 28, 26, 31, 27, 33, 35; V квартал, №№ 39, 46, 52, 37, 42, 44, 51, 36, 40, 48, 47, 43, 41, 53; VI квартал, №№ 58, 63, 62, 65, 64, 61; X квартал, №№ 85, 83, 82; XI квартал, №№ 91, 87, 86, 93, 90. В числе просителей, как уже отмечалось, в основном, были малоимущие: солдаты, солдатки, музыкант, отдельные мещане и лишь один купец[24]. Примечательно, что в числе лиц, подавших 1 июля 1812 г. прошения на утверждение мест, полученных по жребию, преобладают представители еврейской общины. Так, в IV квартале все три №№ 56, 53, 62 получили евреи, в V квартале из №№ 68, 70, 67 еврею достался один, в VI квартале из №№ 79, 90 — еще один, в VII квартале из №№ 103, 106, 98 — два, итого семь мест из один-

надцати[25]. 4 июля утверждаются следующие места: IV квартал, № 59 , V квартал, № 73, VI квартал, № 89; VII квартал, № 102, 97, 93, 99 и еще одно, с ошибочно указанным № 33, всего восемь, в том числе четыре отведено евреям[26]. 8 июля утверждается место № 68 в VI квартале[27]. Между 15 июля и 18 августа 1812-го, то есть перед самым наступлением чумной эпидемии, Строительный комитет утверждает в VI и VII кварталах еще не менее десяти мест за еврейскими семействами[28].

Следует уточнить, о каких именно территориях идет речь. Эпицентр Арнаутской слободки представлял собой в плане почти квадрат, ограниченный современными улицами Базарной, Канатной, Пантелеймоновской и Пушкинской. IV, VI, VII кварталы лежали вдоль Канатной, I, II, III — вдоль Пушкинской. Рассекались эти две симметричные части осью улицы Ремесленной, а в другом направлении — Большой и Малой Арнаутскими. Таким образом, угловое место IV квартала — это перекресток Канатной и Пантелеймоновской, VII-го — Канатной и Базарной, I-го — Базарной и Пушкинской, III-го — Пушкинской и Пантелеймоновской.

Старая площадь с церковью и колодцем как раз и ограничивалась этими шестью кварталами, поскольку VI и II были узкими, а IV и III имели форму клюшки. В дальнейшем пространство площади было застроено новыми кварталами VIII и IX между прежними узкими кварталами VI и II. Кварталы в виде клюшек, IV и III, выровняли, а между ними вмонтировали новый квартал. В результате этих пертурбаций появилось два новых переулка — Безымянный (Гимназическая улица, улица Иностранной коллегии) и Тюремный (Земская улица, улица Лейтенанта Шмидта), от Большой Арнаутской до Пантелеймоновской.

В 1813 г., после очищения города от чумы, отвод "мест на Арнаутке" возобновился[29]. Летом этого года, несмотря на постигшую город катастрофу, отведенные переселенцам места начинают понемногу застраиваться. Так, 5 июня 1813 г. одесский мещанин Абрам Берштейн сообщает Комитету, что соорудил плановый дом на Арнаутской слободке, в IV квартале, под № 49. ОСК сверяется с собственным архивом и убеждается в том, что названное место отведено просителю 24 июня 1812 как раз "по случаю переселения землянок из балок"[30]. Вслед за Комитетом мы тоже имеем возможность свериться с предыдущим реестром отводов и убедиться, что все совпадает: и дата, и место.

В ряде документов 1812-1813 гг., касающихся Арнаутки, упоминаются вновь прибавленные или вновь назначенные кварталы — I, II, III[31]. Что это может означать, коль скоро кварталы с такой нумерацией уже существуют?

Дело в том, что дублирующие номера располагались на нечетной стороне будущей улицы Канатной, за Карантинной балкой (собственно говоря, балка проходила как раз по улице Ремесленной). I квартал ограничен улицами Базарной, Канатной и Большой Арнаутской, разрезая на две части улицу Новую (Маразлиевскую), — по той причине, что во всю его длину по нечетной стороне Базарной тянулся канатный завод одесского купца Федота Новикова. Место ему было отведено на общих основаниях, 3 июня 1812 г., со сроком застройки в один год[32] II квартал ограничивался Канатной, Новой, Успенской и Троицкой улицами, а соседний III — Канатной, Новой, Базарной и Успенской. К осени 1813 г. эти кварталы начинают заполняться постройками параллельно с эпицентром старой Арнаутки[33].

Осенью 1813 г. дошло, наконец, до решения участи препятствующих дальнейшей застройке этого района старых арнаутских казарм. 20 октября в присутствии герцога де Ришелье ОСК "имели рассуждение, что в части города Одессы, так называемой Арнаутская слободка, состоит ... (число не указано. — **О. Г.**) старых казарм". Далее сообщается, что "в Комитете нет никакого о них сведения, неизвестно также, в чьем они состоят ведении, и того, кто их занимает. Одесский городовой магистрат на запрос Комитета, 4-го числа минувшего августа учиненный, ответствует отношением за № 1157-м, что о казармах, состоящих на Арнаутской слободке, когда они выстроены, по делам в магистрате сведения не имеется, кроме из переписки, с 1798-го года производившей, видно, что предназначены были для иностранных поселенцев, которые и имели в них пребывание по распоряжениям бывшего попечителя Кесогла, по учреждении же сего попечительства со стороны магистрата было наблюдение за оными, яко за казенным строением, и представлено было новороссийскому гражданскому губернатору Селецкому о препоручении оных в ведомство полиции; но разрешение не получено, и с того времени магистрат, не заведывая более сими казармами, в чьем ведении оные далее остались, неизвестно. Комитету известно, что сии казармы действительно так ветхи, что чрез самое короткое время они до конца развалятся, и теперь уже несколько таких казарм видеть можно по одним только развалинам. Многие жители одесские вошли в Комитет прошениями об отводе мест, под сими казармами лежащих, на которых они желают построить домы по плану. Известно, что места теперь по умножению заселения сделались весьма нужны: как сие обстоятельство, так вместе и сохранение казенного интереса, на казармы употребленного, обязывает Комитет обратиться со вниманием на оные".

ОСК определил: "Как все остающиеся казармы уже совершенно для жи-

тельства не способны, а материал, от них остающийся, от недосмотра пропадает разным образом, то по уважению оных причин все, что осталось от казарм, чрез здешнюю полицию, архитектора и присяжных оценщиков описать, оценить, и потом продать с публичного торгу, деньги вырученные хранить в Комитете впредь до настоящего определения, куда оные должны быть обращены. И как есть желающие строить на тех местах домы, то при продаже чрез публичный торг преимущественно тому предоставится место, кто больше заплатит за материал. По принятии же места желающим строить на оном дом, подвергается он равно положенному правилу о застроении города, то есть, что ежели в положенный годовой срок не будет место застроено, то отберется от него. Вследствие сего определения учинить распоряжение об оценке и продаже материалов, от казарм остающихся". Определение подписали комендант Кобле, инженер-капитан Круг, коммерции советник Рено, градской глава Андросов, член от купечества Инглези[34].

Из прошений и отводов 1814 г. видно, что при раздаче мест встречаются и такие, на которых остались лишь следы былых казарм, и что порой продавать с публичного торга просто нечего. Так, 19 октября одесский мещанин Иван Щедрин просит место № 3 в I квартале (это квартал меж Базарной, Ремесленной, Большой Арнаутской и Итальянской улицами). Осмотрев участок, Фраполли сообщает Комитету: "(...) на сем месте была арнаутская казарма, но ныне ничего нет, и место состоит впусте"[35]. Аналогичная история и в нескольких других случаях[36]. Одновременно продолжают отводить и соседние пустопорожние места[37].

В следующем, 1815 г., при раздаче мест мы параллельно встречаем название Арнаутка и Солдатская слободка[38]. Летом 1816 г. раздаются места в VI и VII кварталах Арнаутской слободки, примыкающих к Канатной улице[39]. Отводы продолжаются в 1816-1817 гг., причем в последнем фиксируются уже готовые постройки на местах, отведенных в 1813-1815 гг.[40]. В числе застройщиков — знакомые персонажи региональной истории: Пьетро Фраполли, Димитрий Диаманди, Георгий Петалы и проч. Параллельно продолжается отвод участков в кварталах за Канатной. Так, 8 марта 1818 г. "в новоприбавленном VII (квартале. — **О. Г.**), около канатных заводов" места №№ 97 и 99 отдают на один год одесским купцам Христодулу и Матвею Калафати. Следуют и другие отводы в том же квартале, меж улиц Большой Арнаутской, Новой и Малой Арнаутской[41]. Здесь мы находим упоминания о местах, все еще занятых руинами казарм.

7 марта 1818 г. в ОСК поступает прошение обер-офицерского сына Афанасия Дунды: "За Арнаутскую казарму, состоящую на Военном фор-

штате в VII квартале под № 78 (73? — **О. Г.**), прибавляя сверх состоявшейся за оную с публичного торгу цены еще 10 рублей, Комитета покорнейше прошу отдать мне оную вследствие прежде поданного от меня прошения и выдать мне документ"[42]. 9 апреля 1818 г. итальянцу Доменико Фаци отвели на полтора года места №№ 82 и 83 в VII квартале, где "состояла казарма из числа так называемых арнаутских". За материалы он уплатил на публичном торге 195 рублей[43]. В том же квартале были казармы и на местах №№ 76-77[44]. В документе от 2 декабря 1818 г. упоминается еще и место № 75, которое "было занято известными Арнаутскими казармами, проданными с публичного торга"[45]. Следовательно, в этом квартале, оконтуренном улицами Ремесленной, Большой Арнаутской, Канатной и Базарной, плотность застройки патриархальными "связями" была довольно значительной. На плане Ферстера 1802 г. отчетливо видно, что в пределах VII и I кварталов обозначено три совершенно симметричных линии строений по пять в каждой: две — в первом из них, вдоль Ремесленной и Канатной, одна — во втором, вдоль Ремесленной. Вероятно, это и есть старые казармы.

Небезынтересен сюжет, характеризующий не только обстоятельства плановой застройки этого района, но и специфику межличностных отношений. 11 декабря 1818 г. иностранец Пьетро Фраполли подает в ОСК прошение по поводу выдачи владельческих документов на дом, построенный им "во вновь прибавленном VI квартале, за балкою, № 66". Это, кстати, тот самый квартал, где ныне находится Всемирный клуб одесситов, меж Базарной, Новой (Маразлиевской) и Успенской. Пьетро Фраполли означенное место отвели 30 апреля 1817 г. сроком на один год. На документе есть пометка: "Писано архитектору Дигбию". Но фамилия Дигби зачеркнута, и вместо нее проставлено "Фраполли". Таким образом, Комитет перепоручает освидетельствовать постройку заинтересованному лицу, родному брату просителя, Джованни. 28 декабря 1818 г. тот осматривает дом и участок, и 13 января 1819 г. ОСК выносит определение о выдаче открытого листа[46].

К слову, для этих кварталов вообще характерна концентрация представителей итальянской диаспоры, в том числе из швейцарских кантонов. Среди застройщиков мы видим комиссионера 9-го класса Франческо Тозони[47], самого архитектора Джованни Фраполли[48], снова Пьетро Фраполли[49], иностранцев Карло де Вечи и Джудитто Гвизоро[50], одесского жителя Чезаре Моначо[51], одесского купца Джованни Трапано[52]. Выше упоминался еще и Доменико Фаци. Любопытен факт отвода места № 100 в VII квартале артиллерии поручику Смольянинову. Он подал прошение в ОСК

30 января 1819 г., а 6 февраля архитектор Дигби засвидетельствовал, что оное место состоит впусте и, следовательно, может быть отдано на общих основаниях[53]. К сожалению, имя просителя не указано, а потому нельзя наверняка сказать, идет ли речь о семействе известного историка Одессы. Впрочем, вполне вероятно, что так.

В это время здесь становится все меньше отводов и передач незастроенных вовремя мест в другие руки, а завершенных построек фиксируется все больше. Хотя по разным причинам встречаются отступления от утвержденных Комитетом планов, как, например, получилось в ходе сооружения солидного флигеля (оценен в 5.000 рублей) в VII квартале упоминавшимся купцом Христодулом Калафати. Суть в том, что участки тут были нарезаны не всегда удачно, и на месте Калафати просто невозможно было построить плановый дом, а потому, после освидетельствования архитектором Дигби, ему прибавили немного земли из соседних мест[54].

Атрибуция отдельных строений и домовладельцев в районе Арнаутской слободки в 1820-е годы, в частности, в VI квартале, возможна благодаря фиксации их в упоминавшихся выше "книгах на записку утвержденных Комитетом планов"[55]. Полезную информацию подобного рода можно почерпнуть, например, и в деле 1832 г. из фонда Одесской городской Думы "О доставлении в Городовой магистрат и Коммерческий суд требуемых оными сведений о домах и земле, обывателям города Одессы принадлежащим"[56]. В целом же специфические особенности первичной застройки района Арнаутской слободки проявляются лишь в конце XVIII — первые десятилетия XIX в.

Что касается истории формирования ближайшей округи Вольного рынка (Старого базара), то она стартовала практически синхронно с Арнауткой. В издании, выпущенном к 100-летию Одессы муниципалитетом, определенно сказано, что Вольный рынок функционировал уже в 1795 г.[57]. По данным, приведенным К.Н. Смольяниновым[58], впрочем, трудно определить дату застройки четырех отделений, окружающих запланированную еще де Воланом и подтвержденную редакциями планов Харламова и Ферстера рыночную площадь в конце магистрали, ведущей от Военной балки и гавани. Однако датировка первичной застройки, на мой взгляд, не вызывает серьезных затруднений.

И в самом деле, основываясь на материалах из Московского архива министерства юстиции, А. Орлов сообщает следующее: "В июле 1796 г. подано в Магистрат прошение за подписью 22 граждан о том, что на отведенном по плану месте построили они каменные лавки, по стоимости каж-

дая от 400 до 500 руб., а с пристройками и погребами доходит каждая более 1.000 руб. Между тем иногородние промышленники для временной торговли построили между их лавками шалаши, и тем не только причиняют им подрыв в торговле, но и угрожают опасностью на случай пожара. А как ныне предположено отвести им особое место для постройки шалашей, то чрез это они, как оседлые жители, невольно должны будут нести постоянный убыток, а потому и просили не дозволять им стройку шалашей, а желающие торговать пусть строят каменные лавки или нанимают таковые у них". Магистрат донес об этом де Волану, и тот 27 июля 1796 г. предписал Кейзеру приостановить отвод мест под шалаши иногородним промышленникам, уже выстроенные снести, а желающим строить каменные лавки обращаться с прошениями об отводе на общих основаниях[59].

Сюжет этот можно подкрепить названием несохранившегося дела от 26-28 июля 1796 г., найденного в одной из описей фонда Одесского городового магистрата: "По прошению одесских жителей о уважении им преимущественно противо иногородних промышленников, торгующих промежду их лавок шалашами, в рассуждении понесенных оными жителями на востроение лавок убытков"[60]. По всему видно, что каменные лавки на момент конфликта уже некоторое время функционируют. Следовательно, строили их не позднее теплого сезона 1795 г. К слову, борьба владельцев капитальных лавок с "шалашниками" то и дело возобновлялась, поскольку последние правдами и неправдами возрождались фениксами год за годом. Так, в фонде Одесской городской Думы сохранилось изобилующее подробностями дело от 23 июля 1808 г. "По прошению здешних купцов и мещан о представлении начальству относительно сноса сделанных на Вольном рынке позади базара торговых шалашей"[61].

Подобную датировку подтверждают и другие архивные материалы, в частности, связанные с дальнейшей перепродажей и вообще переходом означенных лавок в другие руки. В таких случаях нередко фиксируется предыстория означенной недвижимости. Например, в деле из фонда ОСК об отводах за 1807 г. есть информация о том, что подпоручик Кривчиков (между прочим, сотрудник Комитета) приобрел с аукционного торга половину места № 1 в I отделении на Вольном рынке с уже выстроенным домом. По смежности находилась вторая, незастроенная, половина того же места. Этот квартал заключен меж Успенской улицей, Базарным переулком, Базарной улицей и Александровским проспектом. После освидетельствования Франческо Фраполли Комитет сверился с делами и нашел, что просимая часть места отведена инженерной командой в 1795 г. купцу Ав-

тамонову, но так и осталась впусте. Теперь, "состоя внутри города, делает пустотою своею безобразие улицы, и особливо потому что в срок купцом Автамоновым не застроено, утвердить оное за просителем". При этом Кривчикова обязывают, чтобы он "в течение лета сего" "произвел к ней пристойное строение" по плану[62].

Впрочем, отвод мест здесь продолжался не только в 1795-м, но и в следующем. Как видно из другого дела ОСК об отводах, за 1806 г., дома, лавки и погреба купцов братьев Афанасия Васильевича и Козьмы Васильевича Татариновых, в том же I отделении, №№ 6 и 7, построены на местах, отведенных им инженером подпоручиком Карповым в 1796 г.[63].

О полноценном функционировании Вольного рынка, по крайней мере, летом 1796 г. свидетельствует и наличие здесь института городских мер и весов, отданных в откуп городскому старосте — греческому купцу Ивану Беломорскому, прибывшему в нарождающуюся Одессу "из Архипелага" в 1794 г., с 1797-го купца I гильдии[64].

О давности домов с лавками по периметру площади Вольного рынка говорит и то, что уже в конце XVIII века некоторые из них выставлялись на продажу. Так, в деле ОСК по отводам мест в 1808 г. есть информация о покупке одесским мещанином Демьяном Нерубайским 17 июля 1798 г. "у одесского мещанина Василия Могилевского лавки и позади оной избы, которое строение есть каменное", размером 15 на 3 сажени, в I отделении, под № 16. Поскольку купчая представлена, то Комитет определяет выдать открытый лист, то есть владельческие документы на строения и место[65].

В первое десятилетие существования Вольного рынка тут построились по разным поводам фигурирующие в источниках по региональной истории: российские купцы и мещане Андросов, Тихов, Яловиков, Бодянский, Кухаревский, Струнин, Веремеевский, Соколов, Злобин, Нерубайский, прапорщик Добровольский, дворянин Лещенко, "цесарский дворянин" Дукович, греческие коммерсанты Мораити, Конис и другие[66]. Одним из первых застройщиков был и белевский купец Суровцов: ему принадлежали два места, №№ 20-21, во II квартале[67], то есть в отделении, ограниченном улицей Успенской, одноименным переулком и Базарной.

Название Старый базар применительно к Вольному рынку появилось, разумеется, лишь после устройства Нового базара, да и то не тотчас, ибо сам Новый базар на первом этапе существования отождествлялся с Херсонской площадью, на которой находился. Название Вольный рынок оставалось в официальном обиходе, по крайней мере, в начале 1830-х годов[68]. Но это тема специального топонимического исследования. Здесь,

впрочем, уместно заметить, что все четыре отделения (квартала) Старого базара и примыкающие к ним четвертушки рыночной площади впоследствии получили имена наиболее значимых локальных домостроителей — состоятельных купцов Черепенникова, Яловикова, Посохова (Кумбари) и Шишманова. Как видно из плана Одессы, составленного архитектором Торичелли в конце 1820-х годов[69], в каждом отделении рынка насчитывалось по 28 лавок (мест).

Из этих лиц мы видим в числе старожилов, так сказать, пионеров, только Яловикова, которому впоследствии одновременно принадлежало два места в I квартале и пять мест в IV квартале[70]. Остальные приобрели места и строения позднее. Например, документы по утверждению плана и фасада на дом Черепенникова (Черепенкина, Черепенькина) датированы 11 марта 1820 г.[71], а утверждение мест за купцом Кумбари и вовсе относится к 1830 г.[72].

Как отмечено выше, одно "рыночное место" было стандартным — 3 сажени по фасаду и 15 в длину, в направлении прилежащих переулков и улиц. Первоначально многие из них застраивались торговыми помещениями в один этаж, а жилые и хозяйственные постройки находились в тылу. Затем, в особенности после перепродажи более состоятельным фигурантам, надстраивались вторым этажом. В принципе, история формирования ансамбля площади (точнее, четырех локальных площадей) Старого базара в 1830-е годы известна лучше, нежели многие другие ретроспективные градостроительные сюжеты. Она отражена в публикациях М.М. Синявера[73], В.И. Тимофеенко[74] и других исследователей[75]. Поэтому в данном случае находим возможным ограничиться лишь ссылками на самые значимые документы из фонда ОСК по данной проблематике: красноречивые названия дел подскажут интересующимся, к каким из них обращаться.

В 59-м фонде сохранилось, например, дело 1832-1836 гг. "О построении на Александровском проспекте и на старом рынке шоп"[76]. В этой же обойме — дело от 15 августа 1833 г. "Об отводе места на площади Старого базара для построения эшоп"[77] и от 10 апреля 1843-го — "О построении на площади Старого базара Обжорного ряда, весов и на оном каланчи"[78]. И как продолжение предыдущего — дело 1836-1841 гг. "О построении часов на каланче здания, занимаемого обжорным рядом и весами"[79]. Небольшое пояснение: *шопа* (*шофа*, *эшопа*), как видно из словаря В.И. Даля, — сарай, амбар, большой навес, на базаре — для торговли хлебом, мясом, овощами. На рыночных площадях городов шопы строились

из камня за счет местного самоуправления и сдавались в аренду частным лицам на конкурсной основе. В некоторых украинских городах, например, в Прилуках, стационарные рыночные корпуса до сих пор называют шопами.

Несомненный интерес представляет сюжет одного из дел фонда ОСК за 1841 г. о прибавке трех саженей земли домовладельцам из Старобазарного переулка[80], в общих чертах повторяющий историю аналогичной прибавки хозяевам домостроений в Новобазарном переулке, изложенную выше.

Как уже говорилось, Вольным рынком (Старым базаром) называли значительное пространство, а вовсе не только четыре торговых отделения по периметру рыночной площади. К нему относились мясные ("резничные"), рыбные, щепные и прочие ряды, история которых кратко изложена ниже.

Примечания

[1] Орлов А. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. — Одесса, 1885. С. 12; Коханский В. Одесса за 100 лет: Исторический очерк. — Одесса, 1894. С. 17.

[2] ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 47.

[3] Там же, ф. 4, оп. 1а, д. 2а, л. 26.

[4] Заявление А.М. де Рибаса о том, что этого базара еще не было в 1821 году, можно отнести к разряду мемуарных анахронизмов. Судя по всему, Александр Михайлович связывает основание Греческого рынка со значительным расширением его функций и приданием как бы официального статуса в 1831 году, по указанию градоначальника А.И. Лёвшина. — См.: Дерибас А. Старая Одесса: забытые страницы. Исторические очерки и воспоминания. — К., 2004. С. 72, 397.

[5] Смольянинов К.Н. История Одессы. — Одесса, 1853. С. 55-56, 92; Орлов А. Указ. соч. С. 11-12.

[6] ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 214, л. 36-38.

[7] Греческая церковь Св. Троицы в Одессе: 1808-1908. — Одесса, 1908. С. 8-10.

[8] ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 214, л. 38-39.

[9] Там же, л. 40.

[10] Там же, л. 41.

[11] ОГИКМ, инв. №№ К-600, К-609.

[12] Там же, инв. № К-602.

[13] ГАОО, ф. 895, оп. 1, д. 406.

[14] Смольянинов К.Н. Указ. соч. С. 144.

[15] Одесский вестник. — 1835. 19 января (№ 6).

[16] Солдатская слободка — традиционное в России название слободок для поселения отставных. — См.: Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. — СПб. — М., 1882. Т. 4, с. 221.

[17] ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 13, л. 67.

[18] Там же, л. 33-34.
[19] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 257, л. 43-44.
[20] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 23, л. 146.
[21] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 259, л. 298-300.
[22] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 65.
[23] Там же, л. 456, 458.
[24] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 115, 119.
[25] Там же, л. 143.
[26] Там же, л. 154.
[27] Там же, л. 168.
[28] Там же, л. 198, 239, 304, 305.
[29] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 75, л. 77, 82, 95, 109, 170, 326.
[30] Там же, ф. 2, оп 5, д. 265, л. 289.
[31] Там же, д. 266 и др.
[32] Там же, д. 264, л. 12.
[33] Там же, д. 266, л. 130, 214 и др.
[34] Там же, л. 269-270.
[35] Там же, д. 267, л. 284.
[36] Там же, л. 440, 441, 476.
[37] Там же, л. 319, 330.
[38] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 88, л. 220, 305.
[39] Там же, д. 96.
[40] Там же, д. 114, л. 123-125, 232, 282 и др.
[41] Там же, д. 127, л. 1-6 и др.
[42] Там же, л. 104.
[43] Там же, л. 375-378.
[44] Там же, л. 381-382.
[45] Там же, л. 723.
[46] Там же, д. 145, ч. 1, л. 10-13.
[47] Там же, л. 70.
[48] Там же, л. 72.
[49] Там же, л. 73.
[50] Там же, л. 207.
[51] Там же, л. 222-224.
[52] Там же, л. 265.
[53] Там же, л. 158-159.
[54] Там же, д. 153, ч. 1, л. 20-26.
[55] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 11, л. 1; ф. 2, оп. 5, д. 16, л. 2 и др.
[56] Там же, ф. 4, оп. 8, д. 84. — 342 л.
[57] Одесса, 1794-1894. С. 350.
[58] Смольянинов К.Н. Указ. соч. С. 60.

[59] Орлов А. Указ. соч. С. 20-21.

[60] ГАОО, ф. 17, оп. 1, д. 440, 5 л.

[61] Там же, ф. 4, оп. 3, д. 503.

[62] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 23, л. 27-29, 33.

[63] Там же, д. 17, л. 10-15.

[64] Там же, ф. 4, оп. 1а, д. 1 (июль 1796 г.). — 40 л.; Одесса, 1794-1894. С. 102; Орлов А. Указ. соч. С. 115.

[65] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 27, л. 15-17.

[66] Там же, л. 238-239.

[67] Там же, д. 88, л. 225-234.

[68] Там же, д. 1246, д. 1390 и др.

[69] ОГИКМ, инв. № К-605.

[70] ГАОО, ф. 4, оп. 8, д. 84, л. 329-330, 337-338.

[71] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 8, л. 1.

[72] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 1115 (1830 г.). — 31 л.

[73] Синявер М.М. Архитектура старой Одессы. — Л., 1935. С. 51-56.

[74] Тимофеенко В. Одесса: Архитектурно-исторический очерк. С. 27.

[75] См., например: Старая Одесса: Архитектура Причерноморья. Издание Одесского государственного художественного музея. — Одесса, 1927.

[76] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 1538. — 43+2 л.

[77] Там же, д. 1754. — 301 л.

[78] Там же, д. 1934. — 144 л.

[79] Там же, оп. 2, д. 477. — 77 л.

[80] Там же, д. 565, л. 78-80.

Галина ПЕДАХОВСКАЯ

В доме Вольфа

В каждой семье существует своя легенда. Была такая и в нашей семье. Она часто рассказывалась по тому или иному поводу — иногда со знаком плюс, иногда со знаком минус — в зависимости от настроения рассказчика и обстоятельств беседы. И хотя история, которую она описывала, происходила за четверть века до моего рождения, мне казалось, что я принимала участие в событиях, о которых она повествовала.

Так вот, легенда гласила, что мои будущие родители: мать — ученица последнего класса гимназии, в зеленом форменном платье и черной шляпе с зеленым бантом, и отец в мундире учащегося коммерческого училища, стояли на углу улиц Успенской и Кузнечной и рассматривали воздвигнутый года четыре тому назад на этом углу огромный доходный дом, который носил название дом Вольфа. Были в Одессе и другие примечательные дома, что носили имена своих владельцев, — дом Папудова, дом Вагнера, баня Исаковича. Теперь появился и дом Вольфа. Мои родители, конечно, видели его и раньше, но порознь, а сейчас они переживали обязательный для влюбленных период познания, открытия мира вдвоем.

Как видно, для молодой пары все в этом доме было слишком пышным и претенциозным. И они, обитатели бедных одесских кварталов, — мать жила в завокзальном районе, в одном из переулков, что отходят от Водопроводной улицы, а отец — на улице Раскидайловской, рядом со Староконным рынком, — со всем максимализмом юности единодушно решили, что если бы им пришлось выбирать себе квартиру, то они в этом доме ни в коем случае не поселились бы.

Отец в том же году поступил в Киевский политехнический институт, мать — в Одессе на высшие медицинские курсы. Роман развивался неторопливо; встречались урывками, в каникулы. А тут началась и война, которую позже назовут первой мировой. А к тому же и противодействие родителей с обеих сторон: одни не могли представить, что сын может жениться на девушке с непонятной национальностью — караимка, и иудейским вероисповеданием, хотя мать была убежденной атеисткой, другие же не допускали и мысли о том, что дочь нарушит вековые традиции и выйдет замуж не "за своего", так как караимы в те времена создавали семьи лишь в рамках своей национальности.

Но тут одна бойня сменилась другой, еще более жестокой, — гражданской бойней, и традиционные табу до некоторой степени утратили свою

силу. Мои будущие родители воспользовались моментом и вступили в брак, расписавшись в каком-то учреждении, созданном революцией. У меня до сих пор хранится их так называемое брачное свидетельство — ветхий листок из тетради в клеточку, где написано, что они создали семью — "новую ячейку нового общества". За пятьдесят два года, что мои родители прожили вместе, они не удосужились сменить ее на какой-нибудь более солидный документ — корочку с гербами. Была в этом, вероятно, и гордость людей, которые одними из первых решились на этот нестандартный шаг, и пренебрежение общепринятыми условностями.

А жить-то было негде. Новая власть принесла не только жестокость и нетерпимость, но и какие-то новые законы и правила, разумность и рациональность которых были весьма сомнительны. Исчезла веками освященная практика свободного съема квартиры — в соответствии со своими финансовыми возможностями и амбициями. Квартиры теперь "давали, выделяли, распределяли" — появился в связи с этим даже новый, раннее отсутствовавший терминологический ряд. А время примитивно-непритязательного решения этого вопроса — свалиться в квартиру своих родителей — еще не пришло. Это позднее в одной квартире скапливалось три поколения одной семьи, а если были уж очень плодовиты, то иногда и четыре. Родителей приютила родственница матери, Стефания Марковна, столь отдаленная, что степень родства им так и не удалось выяснить. Она была старой девой, которой в свое время тоже помешали выйти замуж, и таким образом с опозданием на несколько десятков лет она выражала свой протест, противопоставив свою помощь молодой паре общесемейному осуждению.

А пока мои родители ждали, когда до них дойдет квартирная очередь, дом Вольфа жил своей жизнью. Сначала опустели его огромные квартиры: кто эмигрировал — думали, на время, оказалось, навсегда, кого выселила революционная власть как недостойных жить в приличных условиях. И три этажа опустели. Лишь на первом этаже, в основном, со стороны двора, кипела новая жизнь, — он был густо заселен прислугой бывших жильцов дома. Когда эта новая жизнь шумным потоком веселья, брани, драк и праздников выплескивалась наружу, на сцену выступал дворник Викентий, живший при доме со дня его постройки, и привычно покрикивал на разгулявшуюся публику.

Но такое роскошное здание не могло долго пустовать: в нем обосновалось управление Юго-Западной железной дороги, картографическое и топографическое общество и пробирная палата. По мраморным лестницам

забегал советский чиновный люд с потертыми портфелями и папками с тесемками. Бывший владелец дома Вольф, который тоже отправил свою семью за границу — переждать, а сам не мог оставить дом без присмотра, был переселен в какую-то одну комнату на третьем этаже. Так как вода почему-то с приходом новой власти перестала поступать на верхние этажи, хотя Днестр, откуда одесский водопровод черпал воду, все так же тек в сторону Черного моря, Вольф однажды спустился вниз к дворому крану, набрал ведро воды, поднялся на третий этаж и, никого не обеспокоив, упал и умер у ведра с водой, где его вечером и нашел Викентий, который по старой памяти заходил к Вольфу поговорить о доме и обо всем в нем происходящем, в глубине души по-прежнему считая его хозяином дома, а не какое-то там домоуправление.

Наступил день, когда управление железной дороги обрело свое здание, и освободившиеся помещения решено было отдать под квартиры работникам железнодорожного ведомства, к которому мои родители в то время имели непосредственное отношение, — мать работала в ведомственной железнодорожной больнице, а отец — на заводе имени Январского восстания, который тогда считался вагоностроительным. Квартира не была собственно квартирой, а как говорили, шли они в подселение. В этой квартире уже проживал со своей семьей профессор Афанасьев, который заведовал в той же железнодорожной больнице, где работала мать, терапевтическим отделением. Но выбирать было не из чего. И только придя по указанному адресу, родители сообразили, о каком доме идет речь, и вспомнили свою юную категоричность.

Парадный вход все так же охраняли суровые кариатиды, а огромная лестница поражала — тридцать пять невысоких ступеней вели на второй этаж, делая подъем совсем не затруднительным. Входные двери в квартиры, расположенные на одной площадке, были разнесены на расстояние примерно двенадцати метров друг от друга. Стены лестничной клетки были расписаны под розовый мрамор и украшены медальонами, в которых располагались букеты лилий. Такие же букеты лилий, но только металлические, служили опорами полированным перилам. Впечатление праздничного великолепия дополняли цветные блики, скользящие по стенам, — часть крыши над лестницей, так называемый фонарь, была из цветных стекол, составленных в виде причудливого геометрического узора.

В огромном холле, куда выходило множество дверей, их встретила немолодая женщина в темно-синем шелковом платье и туфлях на высоких каблуках.

— Это вы будете нашими соседями? Какие же вы прелестные дети! — воскликнула она. — Меня зовут Елена Васильевна... А вот дверь в ваши комнаты.

Родители представились, пребывая в легком ошеломлении, так как по своему возрасту никак уже не подходили под категорию детей. Когда отец взялся за ручку теперь уже "своей" двери, Елена Васильевна неожиданно с некоторой робостью в голосе спросила:

— А вы... не большевик, — и, помедлив, добавила: — надеюсь?

Изумленный отец спросил:

— Вы интересуетесь, являюсь ли я членом партии? Нет...

— Ну и чудесно, — облегченно-радостно сказала Елена Васильевна, — а то я опасалась... — не окончила она свою мысль.

Как говорила мать, это был единственный раз за все их годы, прожитые вместе, когда их соседка заговорила о том, что лежало снаружи, по другую сторону дверей.

И началась их несколько фантасмагорическая и поначалу даже слегка непонятная жизнь. Прежде всего, они не могли понять, почему им выпала такая удача, ведь заслуг перед советской властью у них явно не было. Три огромные комнаты — половина квартиры бывшего владельца дома Вольфа — с лепными падугами и розетками под люстры, с высокими, под потолок, голландскими печами, украшенными по верху изразцами, неожиданно оказались в их распоряжении. По существовавшей тогда практике, в такую квартиру могли вселить три, а то и четыре семьи. А жили всего пять человек — родители, супруги Афанасьевы и сын Елены Васильевны от первого брака студент медицинского института Иван Попов. Но постепенно они уяснили для себя сложившуюся ситуацию — они в этой квартире появились не просто так, а как видно, по просьбе соседа, просившего подселить к нему молодую интеллигентную пару.

Александр Дмитриевич был врачом с глубокими знаниями, бесценным опытом и тончайшей безошибочной интуицией, которые восхищали мою мать, работавшую в его отделении. Еще совсем молодым человеком он обретал свой первый опыт врача в русско-японскую войну, годы практики в Киеве, а потом и первая мировая — в экстремальных условиях приобретались неординарные знания и поразительное понимание человеческой психологии. Носители новой власти и морали, проповедуя аскетизм и самоотречение, все же не забывали о себе — создали доктору Афанасьеву все условия, чтобы он мог в комфортных условиях работать, а они имели возможность в случае необходимости прибегнуть к его помощи. Были годы

нэпа, частная врачебная практика была разрешена. Но забегая вперед, хочу сказать, что так же, как и в двадцатые годы, доктор Афанасьев вел частный прием и в тридцатые, и в сороковые, вплоть до своей смерти. Никогда не велись разговоры о том, платил ли он налоги, как это все было оформлено официально, — интересоваться этими сторонами жизни в рамках нашей квартиры было не принято.

Первой прибежала посмотреть, как устроились родители, Стефания, которая так привыкла к ним за несколько лет, что уже не представляла своей жизни без них. Она оглядела большие комнаты, которые из-за царящей в них пустоты казались еще больше, и решительно сказала, что к ним переедет ее гарнитур из гостиной, люстры, и еще стала она перечислять какие-то предметы... Отец решительно воспротивился:

— Стефания Марковна, нет, это невозможно, мы не можем у вас что-либо брать, разве что купить... со временем...

Глядя на Стешино вмиг поблекшее лицо, мать обняла ее и сказала:

— Конечно, тетя Стеша, с благодарностью возьмем, — а после ухода Стефании, отметая возражения отца, сказала: — Ты ничего не понял и почти обидел ее. Неужели не видишь, что она, отдавая нам вещи, хочет продлить их жизнь, — ведь в них в какой-то мере ее прошлое, это вещи еще ее родителей, а может быть, они даже из более ранних времен в их семье. Она же хочет таким образом продлить и свою жизнь или хотя бы память о ней.

И сегодня здесь, в Германии, у меня в спальне висит Стешино зеркало, как принято было считать в нашей семье, венецианское, в пышной раме — оно пошло уже от времени кое-где темными полосами, — ведь ему уже много больше ста лет, но оно — одна из тех тонких-тонких ниточек, что связывает меня с прошлым.

Потекли годы, а с ними и жизнь. Приходилось жить отчасти и чужой жизнью, в то же время делясь и своей. Сначала многое удивляло: соседи обращались друг к другу по имени-отчеству и на "вы". У них в гостиной висела огромная, непомерно увеличенная фотография, на которой были запечатлены четыре мальчика в матросках, сидящие в грубо намалеванной на полотне лодке. Оказалось, что все они были сыновьями Елены Васильевны. Она никогда не рассказывала, где и что случилось с тремя старшими, Иван, живущий с ней и Александром Дмитриевичем, был младшим. Изредка посматривая на фотографию, она говорила легко и как будто даже радостно:

— Я уверена: все хорошо, они такие хорошие ребята, с ними ничего не могло случиться плохого.

Что это было? Наивность, доходящая до глупости, или самообман? Слепая вера в счастливую судьбу? Или спрятанная на самом дне души боль, безмерное отчаяние и маска удачливой женщины на каждый день?

С утра Елена Васильевна была одета в платье, никакие халаты и пеньюары не считались приличной одеждой, туфли на каблуках, прическа — это неизменно была завивка — в порядке, равно как и маникюр. Единственной ее заботой утром было налить своими руками Александру Дмитриевичу чай либо кофе, который из кухни приносила домработница. Затем в половине девятого к дому подъезжали дрожки, и Александр Дмитриевич отправлялся в больницу.

Елена Васильевна, полностью одетая и приведенная в порядок, оставалась в кресле. В кухню она избегала заходить: домработница приходила в комнаты и получала указания на весь день — что купить, что сварить, и вообще, что делать. Правда, Елена Васильевна была неизменно вежлива, добра, никакого высокомерия и приказного тона. Прислуга ее любила и держалась в доме годами. Выходить из дому она тоже не любила, ни магазины, ни походы в гости ее не увлекали, приятельниц у нее не было, даже парикмахер и маникюрша приходили домой. Дом она покидала только с Александром Дмитриевичем. И тогда это был "Выход" с большой буквы: в зависимости от цели его, надевалось вечернее платье или английский костюм, к ним прилагались меха, шляпка, перчатки. Летом — шелковые платья, но шляпка и перчатки присутствовали обязательно. Каждый день с утра прибегала живущая в нашем доме Анна Павловна, умная, с острыми, все замечающими глазами, вкрадчивыми манерами и несколько суетливыми движениями. Женщина, идеально подходящая на роль наперсницы и компаньонки, каковой она и была. И между Еленой Васильевной и ней начинался разговор, явно интересный им обеим: это были новости-сплетни о населяющих наш дом людях — в подавляющем своем большинстве они были людьми непростыми — врачи, инженеры, научные работники. А еще со страстью обсуждали они жизнь находившегося в соседнем квартале Успенского собора — его священников и постоянных прихожан. Анна Павловна обладала уникальной проникающей способностью все разузнать, сопоставить и сделать почти всегда правильные выводы. А затем она исполняла бездну мелких поручений — покупала газеты и журналы, оплачивала счета, забегала к машинистке, в домоуправление и на почту, то есть делала все то, от чего себя ограждала Елена Васильевна.

Но главное действо в нашей квартире начиналось в четыре часа дня, когда Александр Дмитриевич начинал прием больных. Главным распоря-

дителем этого действа был Людвиг Леопольдович, слегка сутулый старичок, не без гордости иногда напоминавший о своем французском происхождении, возводя его к некоему наполеоновскому солдату, которого настигла в России роковая любовь. Людвиг записывал больных на прием, для чего у него была большая тетрадь, на каждый день — таково было распоряжение Александра Дмитриевича — он мог записать только восемь человек: отводилось по получасу на каждого. Иногда больные ждали приема по несколько недель. Просьбы и даже попытки заплатить за возможность попасть на прием к доктору в обход очереди Людвиг с негодованием отвергал.

Какие разные персонажи проходили через холл нашей квартиры, который после четырех часов становился приемной! На стульях, обитых зеленым с золотистым отливом бархатом, сидели и те, кто ожидал со страхом и надеждой помощи знаменитого врача, и те фаталисты, что уже отчаялись найти эту помощь, лишь выполняли слово, данное близким, и те, кто готов был встретить свой диагноз с недоверием, даже агрессией, и бороться с неизбежностью. Наконец, отдельную категорию составляли капризные достаточно обеспеченные дамочки, которые не могли отказать себе в удовольствии побывать у модного врача.

У Александра Дмитриевича была чудесная располагающая к себе внешность: слегка полноватый, красивое открытое лицо с правильными чертами, проницательные и внимательные глаза, умение выслушать собеседника и в то же время уже анализировать его состояние. Прекрасный диагност, он в самом деле умел многим вовремя помочь, но самое главное, он считал, что должен всегда найти такие слова, услышав которые, любой больной уходил бы от него с чувством облегчения и надеждой на выздоровление.

Популярность Александра Дмитриевича была столь велика, что это однажды привело к необычному и несколько комичному происшествию. Дело в том, что напротив нашего дома, на противоположной стороне улицы, тоже в угловом доме, в дореволюционное время размещался трактир. Позже в смутные времена в нем, говорили, располагалась банда Мишки Япончика. Но как бы то ни было, этот дом и сквозной двор с выходами на три улицы были местом опасным: всем было известно, что некоторые его квартиры были превращены в воровские малины, картежные притоны и комнаты для свиданий на час. И вот однажды к Александру Дмитриевичу явился посланник из этого дома, явно криминального вида, но тогда это слово было еще не в ходу, говорили проще — приблатненного, и попросил его посетить больного. Александр Дмитриевич, несколько избалованный избранной публикой, посещавшей его, с возмущением воскликнул:

— И не думайте, что я пойду в ваш притон. Вызывайте врача из поликлиники.

На что посланник, нисколько не смутившись, заметил:

— Совсем не по-соседски, доктор. Когда от вас в два часа ночи после преферанса уходит профессор Кобозев, его же никто не трогает, я бы сказал, даже охраняют, а шуба на нем ой какая хорошая. А мы вам так доверяем...

Александр Дмитриевич рассмеялся и закричал:

— Людвиг Леопольдович, подайте, пожалуйста, пальто!

Но в последнюю минуту все же спросил:

— Надеюсь, он не ранен?..

Доктор Афанасьев вытянул бандита из запущенного воспаления легких, что обеспечило ему в еще большей степени уважение и неприкосновенность в бандитской среде, его забавляло, когда карманники и форточники, завидев его на улице, издалека еще снимали свои кепки и подчеркнуто вежливо раскланивались с ним.

Со временем сын Елены Васильевны из Вани, Ванюши превратился в Ивана Ивановича, врача, работающего в Лермонтовском курорте. Появившаяся, когда пришло время, в квартире его жена Лидия Васильевна была под стать другим неординарным членам этого семейства. Тяжело было представить, что Иван женится на обычной женщине, что рожает детей и печет пироги. Так и произошло: он женился на балерине, которая ради него оставила сцену. Ее неприспособленность к реальной жизни даже превышала неприспособленность Елены Васильевны, если брать ее за эталон. Однажды я увидела ее в кухне, где она беспомощно рассматривала полки и столы. "Что вы ищете, Лидия Васильевна?" — спросила я ее. "Седьмую часть..." — в растерянности ответила она. "Какую седьмую часть?" — "От мясорубки. Ты разве не знаешь, что она состоит из семи частей? Но я не знаю, как она выглядит. Помоги мне". Вся ее жизнь проходила в воспоминаниях о сцене и чтении классической английской литературы, языком которой она владела превосходно. Она была последовательницей Айседоры Дункан, любила показывать свои фотографии, которые отображали ее танцующей босиком и едва прикрытой некоей прозрачной тканью. Вообще, она была поклонницей здорового образа жизни, ходила по квартире раздетой до той степени, какую позволяли самые свободные взгляды на этот вопрос. А еще она любила посещать нудистский пляж, которого, конечно, в то время не было. Несколько раз она приглашала меня, и я с удивлением рассматривала нескольких женщин, которые собирались на диком пляже за 16-й станцией Большого Фонтана и загорали обнаженными,

опасаясь милиционеров и пограничников с собаками, которые время от времени пытались прекратить это безобразие.

В июле приема больных не было, семья Афанасьевых жила на даче, Людвиг уезжал проведать свою дочь, живущую в другом городе. А на сцене нашего несколько абсурдного театра появлялся следующий персонаж — Джульетта Федоровна Торчинелли. В ее функции входило присматривать за квартирой, поливать цветы и отвозить на дачу приходящую почту. Джульетта, по моим тогдашним понятиям, была стара, она носила рыжеватый парик, уложенный в замысловатую прическу, странные пестрые развевающиеся юбки и кофты. В квартире она пребывала не одна — с ней появлялась и большая высокая клетка с попугаем. Попугай орал мерзким требовательным голосом, его слышно было во всех уголках квартиры. Джульетту он рассматривал как свою прислугу. Она вела с ним привычные длинные разговоры, иногда соглашаясь, иногда дискутируя, чувствовалось, что он был единственным собеседником в ее одинокой жизни. Иногда, серьезно поссорившись с ним, она накидывала на клетку большой клетчатый платок, несмотря на еще дневное время, и попугай вынужден был замолкать.

У Джульетты, конечно, была своя история, которую она любила рассказывать: там фигурировал и жених, исчезнувший где-то в судорогах века, и что меня неизменно впечатляло, это ее воспоминания об отце-скульпторе, у которого была мастерская в городе Николаеве. Сказать по правде, я не очень верила в эту историю — глубоко провинциальный пыльный Николаев никак не ассоциировался в моем воображении со скульптором-итальянцем. Но прошло много лет, и однажды, сидя в Николаеве на окраинной улице, которая носила прозаическое название 12-я Слободская, я услышала от своей приятельницы, которая махнула рукой куда-то за окно в сторону поля и огородов, что там будут строить новый жилой массив и сносить остатки старого кладбища. "А там еще сохранились такие красивые скульптуры", — вздохнула она. Что-то екнуло в душе, и я упросила ее пойти на это кладбище. Среди безнадежно разбитых мраморных памятников кое-где сохранились еще ангелы, приосеняющие своими полусложенными крыльями старые могилы, и скорбящие девы, склоняющие головы в тени крестов. На двух памятниках мне удалось разглядеть едва заметную выбитую резцов строчку: "Мастерская Джакомо Торчинелли". И это было потрясением — значит, в самом деле существовали и наполеоновский солдат, и отец-скульптор, и я сейчас держу в руках ниточку времени.

Примерно раз в год появлялись в нашей квартире другие, эпизодические персонажи. Портниха, тогда еще было принято говорить "модистка", Глафира Петровна; она являлась вместе со своей всегда безмолвно-покорной придурковатой помощницей Таней, которая обметывала швы, делала петли, подшивала подол. Глафира была строга и требовательна, разговаривала только приказным голосом человека, знающего свою цену. Для нее нужно было освобождать большой стол, не шуметь, не мешать во время раскроя — она заметно для всех размышляла. Платье практически моделировала на фигуре, поэтому примерки, особенно первая, длились бесконечно долго, но платье выходило превосходное. Устав от Глафиры, Елена Васильевна уговаривала мою мать воспользоваться тем, что она уже в квартире, и сшить себе что-нибудь. Мать, как правило, соглашалась на уговоры, и Глафира шила ей одно-два платья, а тут уж перепадало и мне — не выходя из образа неприступной мастерицы, она умела соорудить мне прелестное детское платьице, разительно отличающееся от того убожества, которое продавалось во всяких "детских мирах".

Посещала нашу квартиру и белошвейка Варвара Ивановна, существо тишайшее, незаметное. У нее была своя особенность: она не была приходящей, на время работы она переселялась к нам в квартиру. Сначала неделю-другую работала у Афанасьевых, затем переходила к нам. Она что-то чинила, что-то штопала. К ее появлению покупали сколько-то метров льняного полотна, и она шила простыни, наволочки, скатерти, украшала их мережкой, вышивала монограммы, делала все то, на что у моей работающей матери не хватало времени.

Но самым колоритным был Наум Абрамович, портной, шивший верхнюю одежду, его появление было событием значительным и таинственным. Его швейную машинку, которая, как он говорил, "брала" толстые ткани — сукно, драп, ратин, — необходимо было перевезти вечером, в темноте, так как он до полной потери разума боялся финотдела, который жестоко наказывал тех, кто занимался частной деятельностью. Обычно для этого использовался доверенный извозчик, который доставлял Александра Дмитриевича на работу, позже брали такси. Из рук Наума Абрамовича выходили элегантные вещи, у него были вкус и чувство стиля. Работая, он говорил без умолку — истории времен до и после прихода советской власти, гражданской войны и его многочисленных родственников. Никто не мог долго выдерживать его рассказы, слушатели менялись, но Наум Абрамович, не обращая на это внимания, продолжал поток повествования. Иногда я была его единственным слушателем, но его нисколько не смущало мое

малолетство. Но самое интересное наступало, когда раздавался звонок в квартиру: он начинал метаться по комнате, будучи абсолютно уверенным, что финотдел его все-таки нашел, и пришли именно за ним, он давал богу клятвенные обещания, что больше никогда в жизни не возьмется за частный заказ, для оправдания своего пребывания в квартире хватал меня на руки, а когда с годами я стала уже слишком большой для такого представления, то сажал на колени и изображал из себя любящего дедушку.

Праздники, включая церковные, в квартире праздновали пышно, хотя обитатели ее религиозными не были. Во всяком случае, ни Афанасьевы, ни наша семья в церковь не ходили, но чисто внешнюю сторону истово соблюдали, готовясь к ним загодя. Каждый праздник имел для меня свой незабываемый запах. Новый год и Рождество оставались в памяти запахами хвои, мандаринов и каленых орехов. Сочельник — постной едой, кутьей и узваром. А за окнами силуэты детей, традиционно несущих в белых салфетках или полотенцах вечерю своим крестным.

Более всего волнений вызывала Пасха — удастся или не удастся тесто на куличи. Пекли на всю квартиру много — из восьми килограммов муки. Для того чтобы вымесить такое огромное количество теста, — а вымешивать требовалось не менее часа, — нужны были незаурядные силы. Для этого приглашался дворник Викентий. Он старательно мылся, ему выдавалась белая рубаха, колпак на голову, что хранились для него целый год — от Пасхи до Пасхи, — и он приступал к этому нелегкому труду. А потом куличи выпекались в плите, которая топилась дровами и углем, на что уходила целая ночь. Отваривалось несколько десятков яиц, и отец с увлечением, не меньшим, чем у нас с братом, красил их, несколько штук мы обязательно раскрашивали вручную, а вокруг запахи сдобного теста, ванили и пушистая нежность пасхальной вербы.

Троица всплывает влажным, слегка удушливым запахом аира и свежих ореховых листьев, которыми покрывали пол, и букетами белых лилий. И, наконец, праздник, что знаменовал окончание лета и скорое начало занятий в школе — Спас. Запах меда, ранних яблок, букеты — всегда из оранжевых цветов — чернобривцев и календулы, и обязательными маковыми головками в середине.

Однажды моя мать уехала в командировку на несколько дней, и мы остались с отцом. К нам несколько раз заходила Елена Васильевна и спрашивала, скоро ли она вернется. Когда же отец ушел на вокзал встречать мать, она вместе со мной несколько раз выходила в прихожую, заметно было, что она ее ждет с не меньшим нетерпением, чем я. Как только мать

вошла и глянула на Елену Васильевну, она быстро отдала мне в руки дорожную сумку и пальто и спросила:

— Что случилось?

— Зайдите к нам, сейчас же, я вас очень ждала, Александр Дмитриевич болен... Я делала, что могла...

— А где Иван?

— Он с Лидой в Сочи, отдыхают.

Мать увидела невероятно изменившееся серо-землистое лицо Александра Дмитриевича и поняла, что произошла что-то, как видно, уже непоправимое.

— Что с вами, Александр Дмитриевич?

— У меня непроходимость, заворот кишок, по-простому... Мне нужен хирург. Позовите, пожалуйста, профессора Целариуса.... Вы с ним знакомы... Я ему доверяю... — прошептал Афанасьев.

Мать, не заходя в комнату, снова надела пальто и сказала мне:

— Бери пальто, пойдем вместе, поговорим по дороге...

Было уже темно, мы быстро шли, почти бежали по улицам; мать мельком спросила, как у меня дела в школе, и замолчала — мысли ее были явно заняты другим.

Целариус собрался за несколько минут, и мы так же торопливо отправились в обратный путь. Мать и хирург быстро обменивались короткими фразами:

— Как думаете, сколько дней он болеет?

— Думаю, уже дня три...

— Поздно, слишком поздно... Обычный страх терапевта перед хирургическим вмешательством. Боюсь, что мы его теряем...

Целариус и мать, вместе осмотрев Александра Дмитриевича, тут же вызвали "скорую помощь" и отправили его в клинику. Рано утром собрался консилиум, все понимали, что время упущено, что спасти его почти невозможно, а если и был маленький шанс, то никто из коллег не решился взять на себя ответственность и рискнуть. На следующий день Александра Дмитриевича не стало.

Елена Васильевна, как обычно, с утра причесанная, в туфлях на каблуках и шелковом платье, встречала новый день. Люди, которые ее окружали, постепенно и незаметно исчезли. Сидя в кресле, она часами рассеянно обводила глазами комнату, ставшую для нее безнадежно пустой, заходила в кабинет Александра Дмитриевича, содержащийся в образцовом порядке, который теперь, в отсутствие хозяина, казался холодной гробницей, бес-

цельно переставляла на письменном столе какие-то мелочи и так же, будто не отдавая себе отчета, выходила из него, — и все это она проделывала молча. Рядом были сын и невестка, в конце концов, мы, родители и я с братом, которые прожили рядом тридцать долгих лет. Но было ясно, что без Александра Дмитриевича ничто не удерживает Елену Васильевну, — он был смыслом ее жизни, им она дышала, для него она жила. Однажды через много лет я отчетливо вспомнила ее, когда моя свекровь сказала: "Каждый ответственен за свой склероз. Когда проходит очарование молодости и умелый опыт зрелых лет, человек предстает в оголенном виде, именно таким, каким он является по своей натуре". И в эти последние годы своей жизни, когда слетела шелуха повседневности, Елена Васильевна проявилась в своей сути. Когда к ней приходила почтальон, приносящая каждый месяц ее немалую по тем временам пенсию, которую она получала как вдова профессора, она делила пачку купюр на две части и говорила:

— Не обижайтесь на меня, возьмите деньги, у вас же жалованье небольшое, а дети, наверное, хотят чего-нибудь вкусного...

В другой раз, жалея ту же почтальоншу, в холодный день она вынула из шкафа норковый палантин и накинула его на темно-синий форменный бушлат, которые носили тогда работники почты. Нужно сказать, что наша почтальон Нюра неизменно приходила вечером и возвращала Ивану Ивановичу все, что раздавала его мать. Умерла Елена Васильевна как-то незаметно, сидя в своем кресле с чашкой чая, который ей подала Анна Павловна — одна не забывшая ее и забегавшая к ней каждый день, как и прежде.

А вскоре из нашей квартиры Поповы переехали в другую — три большие комнаты для них стали обременительными, а въехали с опозданием на тридцать лет три семьи. Исчезли из холла стулья, обитые бархатом, массивная дубовая вешалка, зеркало в резной черной раме. Квартира превратилась в обычную коммуналку с кучей хлама у каждой двери. В пик ее населенности в ней проживало двадцать два человека, из них семеро детей — и все мальчишки разного возраста, три собаки, кошка и мотоцикл "Ява" в прихожей.

Однажды, зайдя с улицы в парадное, я увидела, как двое мужиков окрашивают темно-синей краской стены парадной лестницы, где еще чудом сохранились не попорченные ни временем, ни малолетними варварами — как видно, даже у них не поднимались руки — нежно-розовые медальоны с букетами лилий.

— Что вы делаете, зачем уничтожаете эту красоту? — закричала я.

И услышала хамский ответ и злорадное ржание:

— А нам по барабану, мы получаем за квадратный метр окрашенной площади...

На другой день обрушили и венчавший угловую часть фасада круг с распростертым в нем орлом, и существование оставшихся башенок было уже ничем не мотивированным — они торчали, как обломки зубов во рту старика.

Исчезли люди, а с их исчезновением умер и дом. Время медленно стерло всех и все... Время... Вначале мы мчимся сквозь него мимо сегодняшнего дня — мы еще успеем вернуться, остановиться, все исправить. Ведь впереди нас ждет осознание цели и смысла нашего бытия, нечто влекущее и загадочное. И только когда рассеивается иллюзия несуществующего будущего, и мы останавливаемся на самом краю сегодня, мы делаем робкие шаги назад, боясь упасть в раскрывшуюся перед нами бездну, только теперь понимая, что все настоящее и значительное уже произошло. И тогда мы идем осторожно назад, в прошлое, в поисках самих себя. И в этих осколках прошлого я нашла забытый, никому сегодня не ведомый мир — людей причудливых, оригинальных, позволявших себе быть самими собой вопреки так часто окружавшей их серости и ординарности. Никто из них не оставил после себя детей, они живут только в моей памяти, нет на земле ни одного человека, кроме меня, кто их помнит, еще чуть-чуть — и память о них исчезнет, как будто их никогда и не было на земле. И вспомнив отчаянный вопль Марины Цветаевой: "Я тоже была, прохожий! Прохожий, остановись!" — я попыталась подарить им вторую, призрачную бумажную жизнь.

Дюссельдорф

Иосиф РАЙХЕЛЬГАУЗ

Мы едем, едем, едем...

Из пункта А в пункт Б — помните, в школьном учебнике? С какой скоростью? На какое расстояние? За какое время? И так всю жизнь: скорость, время, расстояние. Правда, потом вопросов становится больше: куда? с кем? зачем? во имя чего?

В тех же школьных учебниках были такие схемы-рисунки: в большой открытый рот человека въезжали грузовики с продуктами и цистерны с водой и молоком. Наглядная иллюстрация, сколько человек за жизнь съест хлеба и выпьет воды. Представьте себе такую же школьную схему, разъясняющую, сколько людей в мире сейчас едет в автомобилях и поездах, на велосипедах, самолетах, пароходах, метро, трамваях, на лошадях, верблюдах и ослах... А кто-то еще едет в детской коляске. А кто-то — в гробу на кладбище, и это почему-то называется "последний путь".

Самое первое мое путешествие — с мамой в роддом. Недавно я поинтересовался, как это было. Оказалось, просто. Мама мыла пол в нашей коммунальной квартире на улице Чижикова в Одессе. Домыла и пошла меня рожать. Шла больше часа пешком (я-то при этом ехал!). Пришла и родила. Из роддома я уже ехал на трамвае, с мамой и папой. Кажется, это я уже помню! Меня завернули в ватное одеялко, потому что другого не было. Июнь. Жарко. Душно...

...метро в Нью-Йорке. Вагон, битком набитый липкими от жары неграми и китайцами. Следующая остановка Бруклин Бридж. Счастье. Еще совсем недавно и думать не приходилось, что можно свободно ехать. Ехать в нью-йоркском метро...

...и опять в детство. Я лежу в телеге между корзинами с яблоками, на сене. Раннее утро. Черноморская степь. Поют птицы. Кричат суслики. Мы с дедом везем яблоки на базар в Раздельную. По тем счастливым временам пыльная избитая дорога от дедушкиной деревни до райцентра казалась намного длиннее, чем нынешние тысячекилометровые перелеты на "Боинге" из Москвы в Сан-Франциско...

...с артистами нашего театра мы трое суток едем из Сан-Франциско в Бостон, через Лас-Вегас, Денвер, Чикаго, Филадельфию, через всю Америку, едем в стеклянном вагоне, где кресла вращаются параллельно и перпендикулярно движению, и где за окном круглосуточно — захватывающий своим разнообразием и реальностью цветной широкоформатный документальный фильм-путешествие. Я вижу проплывающую перед глаза-

ми летнюю знойную Америку и мысленно уношусь в далекую зиму пятьдесят какого-то года теперь совсем уже прошлого века.

...из деревни на воскресенье приехал папин брат дядя Гриша. Он младше папы на три года, но тоже герой войны, разведчик, много раз простреленный и награжденный. Родителей почему-то нет, я дома один, и дядя Гриша, чтобы занять время, начинает что-то мастерить из подобранного на соседней свалке деревянного ящика, в каких привозили в магазин овощные консервы. Он обстругивает дощечки кухонным ножом, потом как-то скрепляет их между собой, обивает жестяными лентами, снятыми с того же ящика, и вдруг эти деревяшки и железки превращаются в самые настоящие санки, которые я видел у одного мальчика из нашего двора и так мечтал на них покататься! Дядя Гриша одевает меня во все зимнее, так что я становлюсь похожим на шар, обмотанный маминым платком, привязывает к санкам длинную бельевую веревку, и мы отправляемся в бесконечный счастливый путь по занесенным редким для Одессы снегом брусчатым мостовым и трамвайным линиям. Маршрут почти кругосветный — мимо Привоза, вокзала, Куликового поля, дальше 1-й и 2-й станции Фонтанской дороги и наконец на Пионерскую улицу, где живет моя тетя с мужем и дочками, моими двоюродными сестрами...

...а раз зима, то это Старый Новый год в Переделкино у Окуджавы. Снега в том году навалило! Булат Шалвович ждал нас на даче, а я на своих раздолбанных "Жигулях" ждал у Белого дома тогдашнего премьера Егора Гайдара и вице-премьера Анатолия Чубайса. Десять часов, одиннадцать, пятнадцать минут двенадцатого, почти половина... Наконец они выбегают — молодые, азартные и, как я понимаю, чуть ли не впервые пользующиеся служебной мигалкой, чтобы успеть домчаться до Переделкино к двенадцати. И светофоры все зеленые, и дорога свободна, и я что есть мочи жму на свою жигулевскую железку. И без двух минут двенадцать мы разливаем шампанское и рассаживаемся за новогодним столом у Булата Шалвовича...

...а вот мы с дочкой Машей в полупустой электричке Рочестер — Нью-Йорк, и проводник, напоминающий конферансье из голливудского фильма "Кабаре", лучезарно улыбаясь, объявляет: "Next stop Buffalo". А за окном вылизанная Америка с показательными игрушечными фермами и фермерами, и лошадки, как большие игрушки...

...лошади в горах Алатау, где Чингиз Айтматов праздновал свой день рождения, и я оказался среди приглашенных. Мы скачем по самому краю

обрыва, и я, кусая губы от боли, из последних сил сжимаю ногами бока своей бесседлой лошадки, а она, наверно, понимает это как поощрение и несется, несется... Когда спрашивали, кто в седле, кто без, я легко и беззаботно согласился на "без седла".

...когда деду было уже за восемьдесят, он все равно работал в своем колхозе: то за почтой ездил в райцентр, то развозил по летним пастбищам огромные звонкие бидоны для молока. Телега всегда стояла во дворе возле дома, а за лошадью нужно было идти на конюшню, за полкилометра. Эти полкилометра можно было проскакать верхом, что я и делал в те редкие разы, когда дед был в хорошем настроении и разрешал. И вот тогда седлом становилась какая-то тряпка или старый ватник, прикрывающие спину костлявой лошадки. Трудно было заставить лошадку двигаться, но еще труднее было ее остановить. Хитрая эта лошаденка, разогнавшись и совсем не подчиняясь "лихому наезднику", норовила проскочить открытые дедовы ворота, где ее впрягли бы в приготовленную телегу, и доскакать до кукурузного поля на другом конце деревни, чтобы полакомиться сладкими восковыми початками...

...мы едем, едем, и я никак не могу остановить грузовик. Было так. Мне 15 лет. Уже год работаю сварщиком и слесарем на автобазе, больше не хочу и поступаю на режиссерске відділэння Одеського культурно-освітнёго училища. 1 сентября нас вместо занятий посылают на картошку, и вот там, пока колхозный шофер то ли уснул в посадке, то ли отлучился еще по какой-то надобности, я, увидев ключ в замке зажигания, приглашаю покататься своих "сорежиссеров", завожу этот ГАЗ-51, поддаю газу, рывками перехожу с первой передачи на третью и несусь по краю поля, по ямам, по кучам земли и ботвы. Сразу же просыпается и посылает мне вслед матерные проклятья шофер. Восторженно кричат, визжат и хохочут подпрыгивающие в кузове студенты. А я вдруг чувствую, что не могу остановиться. Помню, где газ и как переключать передачи. А где тормоз? Вроде жму именно на тормоз. Оказывается, на газ... Мои ребята почуяли неладное, затихли, судорожно вцепились в борта. Я рулю, как могу, врезаюсь в кусты и тонкие деревца посадки, в кузове кто-то падает и кричит уже не радостно... Меня отправили в город и отчислили из училища. Кажется, это было первое мое отчисление.

...мы едем, едем, то есть летим над Колымой. Колыма оказалась рекой, мощной и бесконечной. Летим низко, чтобы увидеть оленя. Мы не просто летим. Мы охотимся с вертолета. У нас открыта дверь, может быть, в вертолете это называется люк, и к этому люку нужно подойти вплотную, упе-

реться руками в специальные ограничители, чтобы не упасть, и стрелять по обезумевшему несущемуся по тундре зверю...

...летит вертолет, летит самолет... во Фрунзе, тогдашнюю столицу Киргизии. Год 1989-й. Все меняется, рушится, создается. Рядом в самолете Марина Дружинина, давняя знакомая по ГИТИСу, давний начальник из нашего культурного главка. На высоте десять тысяч метров Марина спрашивает: "Не пора ли вам возглавить какой-нибудь солидный московский театр?". А я в ответ: "Давайте откроем новый. Вы — директор, я — главный режиссер. Пригласим самых лучших артистов... Любу Полищук, Альберта Филозова, Алексея Васильевича Петренко...". Самолет заходит на посадку, все более четкими становятся очертания городских кварталов, улиц, скверов и будущего театра "Школа современной пьесы"...

...одна из самых счастливых поездок. Девятнадцатый трамвай в Одессе. Кто не знает, не знает ничего. Вдоль моря тянется Фонтан. Название такое: Малый, Средний, Большой Фонтан. И станции: Первая, Вторая, Седьмая и так до Шестнадцатой. А потом нормальные трамвайные пути заканчиваются, и от Шестнадцатой на Дачу Ковалевского идет одноколейка — маленький уютный и счастливый трамвай моего детства. В трамвае этом все всех знают. Даже если видят в первый раз. А чего здесь не знать? Если вы едете с 16-й на Дачу Ковалевского, значит, вы едете на море. А если в руках у вас авоськи с огурчиками, помидорчиками, синенькими и торчащими хвостами или головами свежайшей скумбрии, значит, вы едете на море с Привоза. Значит, нам есть о чем поговорить... А когда девятнадцатый доезжает до конечной, вагоновожатый, он же кондуктор и контролер, торжественно проходит из одной кабинки трамвайчика в точно такую же с противоположной стороны, собирая по дороге с родных пассажиров трехкопеечную дань — плату за проезд.

...я еду, нет, меня везут на "скорой помощи" из Театра Станиславского в больницу где-то в Сокольниках с сердечным приступом, как потом расскажут врачи, с микроинфарктом. Случилась эта "поездка" после того, как я пришел на работу и на доске объявлений и приказов прочитал: "Режиссера Райхельгауза И.Л. освободить от занимаемой должности в связи с отсутствием московской прописки". С тех пор эта запись украшает мою трудовую книжку. С тех пор, если нужно проехать по Тверской мимо драматического Театра Станиславского, я отворачиваюсь и смотрю на другую сторону...

...на другую сторону Черного моря, чтобы увидеть Турцию, я пытаюсь переплыть на резиновой лодке, которую мы с папой сделали из огромной

камеры от заднего колеса трактора. На дно я уложил дощечки для прочности и обломанное весло, подобранное на берегу у рыбацких куреней. Еще взял с собой еду, воду и непромокаемый старый плащ на случай ветра и шторма, хотя в плавание я отправлялся в плавках, поскольку погода была теплой, а море тихим. Путешествие начиналось прямо у нашей "дачи" в Черноморке — крохотной комнатки из ракушечника и такой же крохотной фанерной верандочки. Прежде чем выйти в открытое море, нужно проплыть мимо кораблей, стоящих на рейде в порту Ильичевск. Вот я миновал на своем судне какой-то сухогруз, прошел по жирным нефтяным пятнам мимо танкера, с какого-то иностранного корабля мне приветливо машут заграничные моряки. А вот и пограничный катер, и оттуда уже совсем неприветливо кричат славные советские пограничники, и как-то сразу я оказываюсь задержанным, и у меня требуют паспорт. А какой у меня паспорт, если, во-первых, я в плавках, а во-вторых, мне двенадцать лет?..

...я плыву на красивейшей трехпалубной яхте нашего сербского друга Миадрага Филипповича по Адриатическому морю, из Дубровника на остров Млет, внутри которого огромное озеро, внутри которого остров, внутри которого другое озеро, а потом из этого рая — в другой: город-остров Корчула. Потом Хвар, Брач, Бухта Боли. А чуть наискосок — Италия, да и Франция недалеко. И на каждом острове какой-нибудь античный городок с узенькими улицами и башнями, или крепость сохранилась со времен Османской империи. И в каждом городке ресторанчики, и в любом из них омары, лобстеры, кальмары, тунец, креветки, школки-мидии, морские ежи. Или так: черный ризотто с осьминогом и морепродуктами Адриатики, заправленный чернилами черной каракатицы...

...во Франции, в Марселе, я проводил мастер-класс в летней актерской школе, и каждое утро в 9.45 за мной присылали машину. В один из дней я, как обычно, ждал у входа, но время вышло, а машины не было. Решил было вернуться в номер, но портье сказал, что звонили из театра и просили передать, что сейчас приедут. Вернувшись на улицу, я вначале услышал, а потом увидел мощнейший мотоцикл, лихо, с разворотом, затормозивший у дверей гостиницы. Управляла этим чудом техники моя студентка, не самая сильная актриса, которой я все время делал замечания на занятиях: мало эмоций, чувств, нет нерва, скучно. Она протянула шлем, помогла его застегнуть и молча указала на место позади себя. Я сел, и мы полетели. Полетели в самом прямом значении этого слова, выделывая фигуры высшего пилотажа на скоростном шоссе, обгоняя и цепляя моим большим телом "ситроены", "пежо", "фольксвагены" и прочие "форды". Мне

казалось, что в очередную щель между рядами ползущего в утренней пробке транспорта может протиснуться разве что подросток-велосипедист, но наш BMW чудом проскальзывал и, не тормозя, перестраиваясь из ряда в ряд, мчался со сверхзвуковой скоростью. Я мысленно простился с родственниками и друзьями, закрыл глаза и сжался, выдохнув весь накопившийся в организме воздух. Так оставалась надежда никого собой не зацепить. Когда минуты через три, которые, как пишут в романах, показались вечностью, мы остановились у театра, моя байкерша сняла шлем и спросила: "Вам не скучно было ехать со мной? Хватило эмоций?"...

...мы едем, едем, едем... По Садовому кольцу на троллейбусе "Б". Незадолго до моего первого приезда в Москву в Одесском русском театре вышла премьера: "104 страницы про любовь". Спектакль меня потряс, поразил, вдохновил, я смотрел его много раз и некоторые реплики повторял, как стихи: "Ночью "букашка" по кольцу таксистов собирает...". Я не понимал, что это значит, пока мой старший и очень образованный товарищ Руслан Ковалевский не объяснил, что "букашка" — это троллейбус, а кольцо — Садовое. И вот я выхожу на площадь Киевского вокзала с чемоданом, в котором кроме аттестата и книжек по режиссуре заботливо завернутые мамой в вафельное полотенце огурчики, помидорчики, редиска, брынзочка и свеженькая, с Привоза, домашняя копченая колбаска. Мой чемодан пахнет Одессой, и я в самом начале дороги в Москву. Иду пешком через мост, за которым маячит сталинская высотка — МИД, и вдруг вижу троллейбус "Б", ту самую "букашку". Беру билет на себя и одно место багажа и до вечера нарезаю круги по Садовому, по Москве, с трепетом и восторгом вслушиваясь в новые для себя названия: Смоленская-Сенная, Зубовский бульвар, Павелецкая, Таганская, Земляной вал, Лермонтовская. Конечно же, напеваю про себя Окуджаву: "...Я в синий троллейбус сажусь на ходу...". Я еду, еду, еду... Еду поступать в ГИТИС.

...я еду на черной "Чайке" по Кутузовскому проспекту. Это было недавно, когда у меня случился юбилей. В театре в тот день играли премьеру — пьесу Людмилы Улицкой "Русское варенье", написанную вослед Чехову и его драматическим героям. Так как я поставил целых три "Чайки" — непосредственно Антона Павловича, "Чайку" нашего современника Бориса Акунина и "Чайку"-оперетту, то мимо еще одного произведения с подзаголовком AFTERCHEKHOV пройти никак не мог. Спектакль заканчивается, на сцену выходят все наши народные и заслуженные артисты, к ним присоединяются начальники по культуре, поздравляют и вручают цветы и подарки. В переполненном зале много гостей, среди них Анатолий Чу-

байс, Михаил Абызов, Борис Вайнзихер. С ними меня связывают совместные приключения, о которых еще пойдет речь в этой книге. В самый разгар поздравлений среди зрителей появляется автоинспектор с жезлом в руке и восклицает: "Кто здесь поставил "Чайку"?". Кто-то из артистов показывает на меня пальцем и произносит: "Это он". В этот момент распахиваются двери балкона в зрительном зале, и я вижу на Трубной площади сияющую "Чайку", стоящую почти поперек движения, окруженную фотографами и просто любопытствующими прохожими. Начинаю понимать, что это и есть главный подарок.

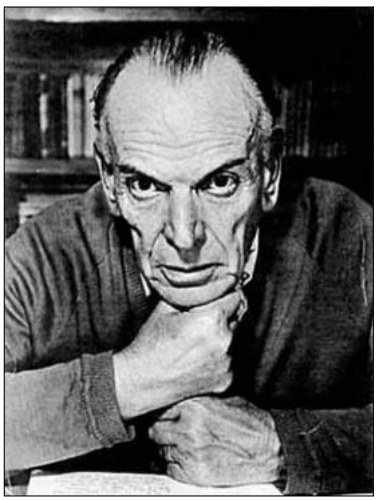
"Чайка" оказалась с биографией. В 60-е годы она принадлежала тогдашнему председателю Совета Министров РСФСР Михаилу Сергеевичу Соломенцеву. Кузов бронированный, а внутри невероятные по тому времени прибамбасы, соответствующие статусу бывшего владельца: ламповый приемник, стеклоподъемники, автоматическая коробка передач. Не было боковых зеркал, и на мой вопрос "Почему?" мне ответили: "Зачем? Эта машина всегда двигалась по ровной пустой дороге, и ее никто не обгонял".

Июньской ночью я ехал на черной "Чайке" из театра домой, на дачу. Ехал медленно, и водители справа и слева с интересом и поощрением разглядывали эту карету прошлого. "Чайка" торжественно плыла по Новому Арбату, Кутузовскому проспекту и Можайскому шоссе. Мое благостное состояние вдруг прервала картина очередной московской аварии: кровь на асфальте, "скорая", милиция, зеваки. Я подумал о непредсказуемости жизни, о том, что движение из пункта А в пункт Б проходит не только по прямым проспектам и регулируемым перекресткам, но и по опасному бездорожью, где лед, снег, песок, болота, камни и водные преграды, где жизнь видна не через тонированные автомобильные стекла и иллюминаторы личных самолетов, а в непосредственной и пугающей близости, вплотную и без прикрас, и эту прекрасную, непредсказуемую и удивительную жизнь я выбираю. За ней ухожу с друзьями в ежегодные экспедиции, о которых попробую рассказать. Я выбираю бездорожье.

Москва

Виктор ГЛУШАКОВ

К. Паустовский: "Время больших ожиданий"

В музее на Черноморской улице вас символически встречает Паустовский с поистине крылатыми фразами: "Человеку никак нельзя жить без Родины, как нельзя жить без сердца...". Или вот еще: "Я понимал, что неотделим от времени, от судьбы страны и ее страданий". Это ответ Паустовского на предложение покинуть Родину в те "окаянные дни", когда многие брали пароходы приступом и отплывали к чужим берегам...

...Быть нищим, бродягой, но ни в коем случае – обывателем и напыщенным индюком... Это по Паустовскому.

Хочется поделиться большой радостью с читателями. Есть дневниковые записи, которые раньше не были доступны широкому кругу. Им просто тогда нельзя было появиться. Надо отдать должное Московскому музею-центру: благодаря его директору Илье Ильичу Комарову (к сожалению, ушедшему недавно в мир иной) мы имеем возможность перечитать неизвестные страницы Паустовского (в том числе одесского периода жизни).

Первая встреча с Одессой произошла, когда он направлялся в Крым. Вот как он сам писал об этом:

"...Десятилетним мальчиком я впервые увидел море в Одессе. Оно показалось прохладной синей тучей. Живая синева шумела у берегов из красной раскаленной глины, качала паруса и ржавые пароходы..." (повесть "Далекие годы").

Пройдет время, и юноша Паустовский пошлет на отзыв И. Бунину свои одесские стихи:

У Ланжерона прибои пели,
Соленый ветер ласкал глаза,
И облака плели кудели,
И небо в море, как бирюза.
Весенний, юный, я волновался.
Ты, Хатидже, ждала меня.
Я помню – месяц в волнах купался,
Горя в тумане венком огня.
И в смутном зове горячей ночи
Капризно, нежно смеялась ты.

О как хотелось, чтоб дни короче
Плели под солнцем свои мечты.
Вино и песни, и сумрак влажный,
И дождь шумливый во тьме террас.
Твой лепет звонкий, твой стон протяжный...
Дожди и ветры скрывали нас.
И светозарный и пьяный морем
Был каждый вечер. Я уходил.
А ты молилась сапфирным зорям.
И голос моря тебя будил.

Первая мировая война. Одесса стала ближе к Паустовскому. Он санитар фронтовых поездов, которые прибывали на железнодорожный вокзал и в паровозоремонтные мастерские на Ближних Мельницах. Паустовский познавал Одессу, от улицы Черноморской до Дачи Ковалевского, Черноморки и Сухого лимана, Лузановки, Куяльника.

Следующий приезд Паустовского в Одессу состоялся между 7 и 10 октября 1919 года. Он начал сотрудничать в газете "Современное слово". В дневниковых записях Константин Георгиевич использует краткий телеграфный стиль.

Одесские воспоминания отца, хранившиеся у сына писателя Вадима Константиновича Паустовского, были опубликованы в 90-е годы лишь в журнале "Мир Паустовского" (1993 г.). Наша задача состоит в том, чтобы познакомить читателя с малоизвестными дневниковыми "одесскими страницами". Но и это не все. Интересной находкой стала обнаруженная феодосийским издателем А. Лосевым в Москве еще ряда страниц дневника. Почему-то Паустовский при жизни публиковать одесские записи не хотел. Возможно, они разрушали своей жесткостью романтику "Времени больших ожиданий".

Итак – Константин Паустовский. Одесские страницы (дневники). Октябрь – декабрь 1920 года.

...Приехал Гюль. Его мытарства. У нас. Вечеринка у Любовича. Хейфиц и Соломон. У Робина. Ланжерон. Прозрачное море. Камни обросли льдами. Тишина. Черноморская улица. Порт. "Cleopatra". Итальянцы. Английский крейсер "Concord" и контр-миноносец "Tabaco". No, hip! Чистота и уют в теплых стальных каютах. Английские матросы в широких брюках, с трубками. Мильруд. С Катей и Гюлем — на Ланжерон. Крол нездоров. Радуется как маленький. Камешек. Порт. "Dumont Durville" после взрыва. На шлюпке. Пищат и дерутся чайки. Гирлянды снега. Вечером — в городской театр. Красивый, итальянский. Гражданская жена Любовича. Хейфец — шалый. Смех. Убогие кооператоры. Юбилей "Рочдэльских" пионеров. Домой. Кекс Кролу. Уже выздоровела.

Написал об Обручеве. Приехал Лившиц с женой. Обрадовались. К себе. Кофе. Обедать — в "Отдых". "Южное слово". Клеопатьевский. Хорошая редакция, но редактор — мальчишка. Дурацкий телефон. К Поляковскому — Гюль и каштаны. Стрельба. Брели, хромая. По темным улицам. Спальня. "Шляпа" Лившица. Сонечка. Плач. Пришли. Уютная квартирка у Федора Давыдовича. Тепло. Уснул. Утром — бежали. Солнце и влага. На следующий день ночевать к Гюлю. Тьма, окраина, весеннее и свежо пахнет морем. Белая, чистая, одинокая комната. Холодно. "На северной форелевой реке". Шумит море. "Вилла ветров".

Тоска о Москве. Английский кофе. Дикая ночь, не раздеваясь. Гюль сердится. Утро — море. Дымно-розовое у берегов, дальше синеватый свинец. Ветер. Крол на "Commandat Barry".

21/X. Серый день сквозь ржавчину листьев. Сизый туман холодного моря и алые просветы над его северным берегом. Василий Иванович у нас. Художник. Иконописец. "Последние новости" в Париже. Ярцев в Константинополе. Он снимает перед морем шляпу. Северянин в Ревеле.

22/X. На службе гнусно. Едва досиживаю до трех часов. Мясо. Тоскливо. Батарейный переулок — словно в Севастополе. Читаю "Боги и люди" Поля Сен-Виктора. Декаданс, рассыпанный массой ценных и точно вычеканенных вещей. Бессилье мысли. Хорошо о Марке Аврелии. Бензиновая свечка.

24/X. Музей Толстого. Анфилады комнат в золотистом осеннем солнечном свете. Штофные стены. Дворец. Итальянский рояль. Ампир и барокко. Чудесные японские вазы. Хороши миниатюрные портреты. "Ветер. Версаль" Бенуа. В окнах версальского дворца отсвечивает дождливый, тускло-желтый закат. Ветер рвет плащи. Красота ровных газонов, статуй, стен из зелени. Людовик XIV. Рассказы Крола о версальских фонтанах.

В университете. Белый восьмигранный зал. Годовщина литературного кружка. Шенгели — истомленный. Набриев. Читал "Поэтам". "Друзья, мы римляне". "Золоторжавая, холодная заря" над форумом. Приход нового Ронсара. Кованые стихи. Тоска. Я создан для этого. Андрей Соболь читал "Тихо было". Вспомнил "Цыганского барона". Вера Инбер — маленькая одесситка в красной вязаной кофточке. Шамкал Де Рибас. Красивый вечер. Фосфористая луна. Думы.

25/X. Холодно. Я в летнем пальто. Раздевают страну. Вечером — полный месяц над зимним морем в сизом, углубленном небе. Серебряный диск сквозь ржавую листву.

У нас больной Антонин с Фонтана. Был на принудительных работах — нажил флегмону. Прожорлив. Старая казенная крыса. Она. Дикая пара. Наше время доводит до идиотизма. Холода. В комнате ниже нуля. Именины у Головчинеров. Опухли руки. Тоска. Статья Рысса в "Общем деле".

У Василия Ивановича. Немочка — жена. Столовая. Поэтесса. Данилова. О Шенгели. Серо-желтый парк.

Читаю Розанова. Чудесный русский язык. Рим, жить в нем. Вторая родина. Смерть Гартенштейна — от тоски. Несколько дней ничего не ел. Похороны. Полянский и Лоран. Ковальский. Обмывание на кладбище. Драка канторов. Торг, как на базаре. Омерзительно. Ой Лейбе-Ицко. Встретили арестованных — около двух тысяч. Врангель разбит. Радиостанция приняла радио с "Адмирала Корнилова" об оставлении Феодосии и Севастополя. Удерживаются в Ялте. Последний акт трагедии. "Громадный народ умирает в тоске, как больной, заброшенный зверь". Сергей Петрович у нас. Сидел в тюрьме. Крики женщин, которых ведут "на размен". По вечерам — тьма, холод. Уходит жизнь. Ждут "Волю", которая якобы пришла сдаваться. Таскаю обед. Серые сумерки.

20/XI. На море сильный шторм. Заходил на бульвар. Волна перекатывает через молы. Зеленое море. Ветер. Брусилов говорил о Петрограде, — за 6 дней он не слыхал смеха, не видел ни одной улыбки. Говорят шепотом. Импотенция мужчин. Прекратилось деторождение.

22/XI. Мутные, свинцовые дни. Был Сергей Петрович. Спал несколько дней в бараках — обовшивел. Около 6 часов вечера неожиданный и сильный орудийный огонь. Никто не знает, что это. Тяжелый гром и оправленный в яркую ржавчину парк. У батюшки умер ребенок. Имени-

ны Крола. Хризантемы. В холодных комнатах. У Ковальских. Восточная музыка. Черные ночи. Медведев. Его рассказы. Много читаю об искусстве. Хейфец. Замерзло море, — особый запах снега. Рождество. В монастыре. Красавица послушница. Лицо Нестерова. Диакон. Великая Ектенья. Сочельник. Елочка. Лившицы. 1-й день у моря. Молочный туман. Бледная зелень, вода шумит у дамбы.

Ледяные торосы. Плач чаек. Свежесть. Отдых — покой. У Ивановых. Свиньи в гостиной. "Моряк". Скука этой жизни. В кабинете изящных искусств университета с Ковальским — Серов, Борисов-Мусатов. Изможденный хранитель — Василенко.

29/XII. 14 тепла. Совсем весна, — все в синем отблеске. Тихое море. А в Москве — костры в морозном тумане. Готовимся к Новому году. Новый год — у нас. Ковальские. Коньяк. Тепло. Тамбура. "Просим младшего корнета выпить рюмочку вина". Утром к морю. Я в летнем пальто. "Моряк". Купчиха Благова. Темно. Ермил Иванович.

Конечно, эти странички из дневника должны быть прокомментированы. Значительную работу в этом направлении уже провели одесситы – Н. Брыгин, Г. Зленко, А. Александров. Нельзя забывать, что творчество Паустовского – это наследие, которое не оставляет спокойным многих читателей и в наше неспокойное время.

Как-то Илья Ильич Комаров сказал мне, что одесситы, исследователи Паустовского, сидят на бочке с драгоценностями, разбирать которые и разбирать, хватит на много лет и десятилетий. Телеграфный стиль Паустовского – это ключ к открытию многих тайн его жизни – и времени.

Послесловие

Как я уже написал, в последнее время музейщики стали свидетелями новой находки дневниковых записей, но написанных несколько в другом ракурсе, расширяющем наше представление о взгляде писателя на одесское время. Интересно? Но это тема следующей публикации. Ждите.

Мы благодарим издателя А. Лосева и редакцию журнала "Мир Паустовского" за предоставленную возможность познакомить читателей с интересными материалами литературного наследия К.Г. Паустовского.

Елена ГОЛЕНИЩЕВА

Отравленный славой

От редакции. Эта публикация стала последней в жизни Елены Голенищевой, литератора, педагога, настоящей одесситки...

Именно так, емко и точно, поистине в двух словах, определил человеческую суть Ореста Кипренского Константин Георгиевич Паустовский.

Замечательный художник слова оставил нам достоверный портрет известного живописца, которому А.С. Пушкин посвятил строки:

Любимец моды легкокрылой,
Хоть не британец, не француз,
Ты вновь создал, волшебник милый,
Меня, питомца чистых муз, —
И я смеюся над могилой,
Ушед навек от смертных уз.
Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит...

В 1827 году Пушкин позировал Кипренскому для "парадного" портрета. Художник намеревался представить портрет на европейской выставке. Но... не только самому поэту, а и его портрету не довелось побывать в Европе.

К.Г. Паустовский написал повесть "Орест Кипренский" в 1936 году. В 1937 году она была опубликована на страницах журнала "Красная новь" (1937, № 6), а в 1938 году "Детиздат" выпустил повесть отдельным изданием в серии ЖЗЛ.

В разгул репрессий, когда над самим К.Г. Паустовским сгущаются тучи, неожиданно обращение к творчеству художника, имя которого только потому и на слуху, что он написал портрет А.С. Пушкина.

После волшебника слова "Доктора Пауста" (так называли К.Г. Паустовского) невозможно лучше, правдивее, проникновеннее написать о блистательном Кипренском. Поэтому мы будем часто обращаться к тексту К.Г. Паустовского.

Как много сказано в одном абзаце!

"Кипренский прожил короткую жизнь. Она началась блестяще, но окончилась глупо и печально. Россия сжала его за шею и медленно гнула к земле, пока не поставила на колени перед знатью, перед царем и Бен-

кендорфом. И Кипренский-художник сбился с пути и умер гораздо раньше, чем спился и умер Кипренский-человек".

Кипренский заявил о себе рано как талантливый портретист. Порывистый, пылкий, он чуть было не изменил своему призванию. Влюбившись в кокетку, любительницу вахтпарадов, заявившую, что "могла бы отдать свое сердце только военному", Кипренский прорвался сквозь строй солдат и обратился к императору Павлу с просьбой принять его в армию. Павел приказал убрать молодого человека, а Кипренский получил жестокий выговор от начальства, прочитанный в присутствии всех учеников Академии художеств.

В 1803 году начинается блистательная карьера Кипренского. Заказы на портреты следуют один за другим. Он становится модным живописцем.

В канун войны 1812 года Кипренского послали в Москву в помощники скульптору Мартосу, работавшему в то время над памятником Минину и Пожарскому (1804-1818). И вот тут в достоверное биографическое повествование вкрадывается неточность. В повести читаем: "Кипренский... усердно помогал Мартосу — умному скульптору, уже прославленному памятником герцогу Ришелье в Одессе". Иван Петрович Мартос (1754-1835) работал над памятником герцогу Ришелье в последнее двадцатилетие своей жизни. "Дюк" стоит на Приморском бульваре в Одессе лишь с 1828 года.

Войну 1812 года Кипренский встретил в Твери, где жила в то время дочь Павла I великая княжна Екатерина Павловна. Современники единодушно признавали неотразимое обаяние Екатерины, высокую образованность и несколько высокомерный нрав. Свой дворец Екатерина превратила в своеобразный литературный салон, где запросто бывали все выдающиеся люди того времени. После скоропостижной смерти супруга, принца Ольденбургского, в 1812 году Екатерина сопровождает своего брата Александра I в заграничных походах. Окончание войны встречает в Вене. Вторично выходит замуж за короля Вюртембергского и в Россию не возвращается.

А что же Кипренский? В это время его приютила семья Бакуниных. Орест Адамович пишет портрет лицейского товарища Пушкина — Александра Бакунина. В доме есть девушка четырьмя годами старше двух Александров — Катенька Бакунина. Это она приедет однажды с матерью навестить брата в Царскосельский лицей, да и похитит сердца трех друзей: Пушкина, Пущина и Малиновского. С 1815 по 1817 год Катерина была музой Пушкина. Ей он посвятил более двадцати стихотворений и элегий. В 1817 году их пути разошлись: Бакунина была "пожалована фрейлиной", а Пушкин окунулся в "большой свет".

У К.Г. Паустовского читаем:

"В Твери стало тихо. Кипренскому было некого рисовать. Тогда он начал писать портреты крестьян и пейзажи на окраинах Твери и берегах Волги. Карандаш сменил кисть. Кипренский только подсвечивал свои рисунки с удивительной тонкостью".

Катя Бакунина сама была одаренной художницей. Серьезно училась живописи у А. Брюллова, брата "Великого Карла". Она сохранила альбом с рисунками Кипренского, который берегли ее дети, внуки и правнуки. И лишь в 1963 г. в журнале "Огонек" № 6 впервые был репродуцирован рисунок Кипренского из этого альбома: карандашный набросок, запечатлевший восемнадцатилетнюю Катеньку. Простенькое платье, безыскусственная поза, но художник сумел передать погруженность в себя, одухотворенность облика Бакуниной. Такая девушка могла стать предметом возвышенной платонической любви Пушкина. И она ею стала.

Сохранился до наших дней автопортрет Бакуниной, выполненный итальянским карандашом (1816 г.). Строгое платье, никаких украшений, и дивное лицо, умное и значительное.

Легкий набросок Кипренского. Художник запечатлел скромную молодую девушку. Не скажешь, что это богатая и знатная невеста. Отец — дипломат и камергер. Мать — дочь сенатора. И уж тем более трудно поверить, что долгие годы Бакунина была фрейлиной супруги Александра I Елизаветы Алексеевны. Светская жизнь не вскружила голову Екатерины. Она не только танцует на балах, но и неустанно трудится. Как и Кипренский, она пишет портреты знатных вельмож. По протекции В.А. Жуковского выполняет частные заказы. Внешне прозрачная жизнь ее окутана тайной. Нам уже никогда не узнать, встречалась ли она с Кипренским в последующие годы, показывала ли ему свои работы.

Перевожу взгляд на ее автопортрет 1816 года. Красивое умное лицо с вопрошающим взглядом внимательных глаз. Бакунина умела хранить свои тайны. А мы сегодня терзаемся догадками. Почему она отвергала блестящие партии и вышла замуж лишь в 39 лет? Почему ее избранником оказался опальный, неугодный правительству А.А. Полторацкий, двоюродный брат Анны Керн и А. Олениной?

Точную дату ее свадьбы мы знаем благодаря Пушкину. 30 апреля 1834 года Александр Сергеевич пишет жене из Петербурга в Москву: "...подружился опять с Sophie Karamzine. Она сегодня на свадьбе у Бакуниной". Почему на свадьбе не было Пушкина, отлично знавшего еще с лицейских времен жениха и невесту? Принято считать, что Бакунина

оставалась равнодушной к чувствам поэта. А что на самом деле таилось на дне ее души?

С.А. Венгеров как-то заметил: "Конечно, никому не возбраняется высказать, по крайней мере, догадку, но надо для этого иметь хоть какое-нибудь основание". Рискнем и мы на догадку.

Принято считать, что брак Екатерины с Александром оказался счастливым. Из Прекрасной дамы Бакунина превратилась в обожаемую супругу. Современники недоумевали. Почему своя в высшем свете Бакунина внезапно покидает вместе с мужем Петербург и живет безвыездно в глухой деревушке Рассказово Тверской губернии? Там у них рождаются дети: сын Александр и дочь Екатерина. Мать семейства занимается хозяйством, живописью и уверяет себя и окружающих, что счастлива.

Счастлива или благополучна? С Полторацким она, по выражению графа М.А. Корфа, "похоронила себя где-то в деревне". И никто не обратил внимания ни тогда, ни в последующие годы на дату отъезда четы Полторацких — 1837 год. Возможно, это простое совпадение. А если нет? Имеем же мы право на догадку. Смею предположить, что отъезд был пощечиной светскому обществу, погубившему поэта. Екатерине опостылел сановный Петербург. Она свято чтила память Пушкина и завещала то же своим детям и внукам. Лишь в 60-е годы XX столетия правнучка Бакуниной рассталась с дорогими семейными реликвиями. Вот тогда-то получили возможность читатели "Огонька" познакомиться с рисунком Кипренского (по другой версии — копией, выполненной Бакуниной с рисунка Кипренского).

Нет, не похоронила себя Катерина Бакунина в глухой деревушке, а спаслась, сохранила душу свою. Пушкин и Кипренский слишком приблизились к сильным мира сего и погибли.

На страницах небольшой повести К. Паустовский деликатно касается не только светлых, но и темных сторон жизни Кипренского. Писатель не только поведал нам факты биографии Кипренского, но и вскрыл причины его трагедии.

Пылкий, нежный романтик не устоял перед соблазнами мира сего: "Романтика умирала, и вместе с ней медленно умирал художник Кипренский". Но это все впереди, а пока Орест молод, удачлив, фортуна к нему благосклонна.

Незаконнорожденный сын бригадира Дьяконова, получивший отчество и фамилию своего крестного отца, Орест Адамович Швальбе был сначала записан как Копорский (по месту рождения в городе Копорье под Ораниенбаумом). Звучную фамилию Кипренский ему присвоили в Ака-

демии художеств. О таких высотах, каких он достиг, Орест и не мечтал в своем заброшенном детстве.

К сожалению, не все выдерживают испытание славой. У Кипренского не было мудрого друга, наставника, кто бы предостерег художника. Ах, как прав был Константин Георгиевич, когда писал: "Он не знал, что талант, не отлитый в строгие формы культуры, после мгновенного света оставляет пороховой чад. Он забыл, что живопись существует не для славы. Он пренебрег словами Пушкина о том, что "служенье муз не терпит суеты, прекрасное должно быть величаво"!

Кипренский стремился в Италию, эту Мекку всех художников, певцов, музыкантов. Непопулярный нынче Н.А. Некрасов в одном из своих писем И.С. Тургеневу признавался: "Я думаю так, что Рим есть единственная школа, куда бы должно посылать людей в первой молодости, — в ком есть что-нибудь непошлое, в том оно разовьется здесь самым благодатным образом, и он навсегда унесет отсюда душевное изящество, а это человеку понужней цинизма и растления, которыми дарит нас щедро родная наша обстановка... Все дико устроилось в русской жизни, даже манера уезжать за границу, износивши душу и тело...".

Кипренский давно перешагнул первую молодость. "В Риме для Кипренского пришло время последнего выбора между суровой жизнью подлинного художника и позолоченным существованием модного живописца. Кипренский выбрал последнее", — с горечью заключает К. Паустовский.

Наступал творческий кризис. Здесь нужно замолчать, и пусть говорит только Константин Георгиевич Паустовский. Откройте, дорогой читатель, томик К. Паустовского на нужной странице и прикоснитесь к благоуханной прозе Мастера. Ведь я взялась за перо с одной-единственной целью — напомнить о замечательной повести и ее герое.

Ночь опустила тьму на старые сады.
Холодный ветр свистит и бьется на полянах.
И сердце нежное, все в пламени и ранах,
Трепещет с полночи до утренней звезды.
Увы, любимцы муз, свершился жребий мой!
Поет военный рог той полночью стоокой,
Бушуют облака. И точно! Дланью рока
Замахнут тяжкий меч над юною главой.

Эти пронзительные строчки "неведомого поэта" тоже долгое время тревожили читателя. Знатоки поэзии терялись в догадках, кто же автор? Каюсь, и я перелистала немало страниц поэтических сборников разных авто-

ров, в том числе и К. Р. (Константина Романова) как наиболее вероятного. Было у меня смутное подозрение, что сам К.Г. Паустовский написал этот маленький стихотворный шедевр. Отгадка пришла уже в наши дни.

Около тридцати лет молчал Доктор Пауст, пока в письме директору музея А.П. Чехова в Ялте С.Г. Брагину признался в ответ на заданный в упор вопрос, что неведомый поэт — он сам.

Браво, прекрасный и удивительный Мастер!

"Что касается стихов из Кипренского, то я сознаюсь одному только Вам, я написал их сам, но скрываю это от литературоведов, чтобы они не обвинили меня в самозванстве. Вообще, некоторые стихи для своей прозы я пишу сам" (см. Паустовский К. Собр. соч. Т. 9, с. 428). Лишь после смерти Мастера в комментариях, да и то не во всех, появились ссылки на авторство Паустовского некоторых поэтических строчек в его прозе.

Маленькой повести (так определен ее жанр писателем) Паустовского не повезло с комментариями. Читателю не понять, что на полюбившемся Константину Георгиевичу портрете изображена не княгиня Мария Алексеевна Щербатова (урожд. Штерич), сердечная привязанность М.Ю. Лермонтова, а С.С. Щербатова. Писал Кипренский и А.В. Щербатову. Высоко ценил Паустовский портреты А.М. Голицына (1819) и С.А. Голенищевой-Кутузовой (1829). И если об Андрее Михайловиче Голицыне мы знаем, что он был "мистик и аристократ, личный друг императора Александра", то неизвестно, к какой ветви большого рода Голенищевых-Кутузовых относится таинственная С. А. Долгие годы я считала, что на известном портрете Е.П. Ростопчиной изображена талантливая поэтесса Евдокия Петровна (Додо) Ростопчина, пока не обнаружила, что Додо родилась двумя годами позже после написанного Кипренским портрета. Итак, "маленькая повесть" ждет большого комментария.

Феликс КОХРИХТ

Мама мыла Раму

Эта фраза из довоенного букваря стала первым словосочетанием, самостоятельно прочитанным мною, — сначала в уме, а затем и вслух. Случилось это в начале декабря 1944 года — мне только стукнуло пять. День рождения отмечали в коммуналке на Садовой, 6, где наша семья поселилась после возвращения из эвакуации. Мы потеряли квартиру на Софиевской, 13, где я родился, и откуда ушли на войну отец и старший брат. Мы, потомственные одесситы, стали жертвой того, что сегодня именуется рейдерской атакой, а во все времена — насильственным лишением жилья — сначала со стороны фашистских оккупантов, а затем, как это ни дико звучит, соотечественником, да еще в полковничьих погонах, принадлежавшим к клану большевиков-ленинцев, который до недавнего времени был представлен в городской топонимике...

"Мама мыла раму", — прочитал я вслух, но, следует признаться, что смысл этого нехитрого предложения оставался для меня не вполне ясным. Дело в том, что оба окна нашей единственной комнаты над подъездом в ту зиму ни разу не предстали пред моим детским взором. Они были завешены импровизированными шторами, наглухо заколочены фанерой (стекла вылетели при бомбежках), а в форточке торчала жестяная труба чугунной печурки, стоявшей на листе кровельного железа. Такая же "буржуйка" согревала и семью Королевых, — об этом Валентина (уже давно — Голубовская) вспоминает в своей новой книге "Мама купила книгу" (Одесса. Зодиак. 2009. Дизайн Анны Голубовской). Многое в нашем детстве совпадает — и нехитрая послевоенная снедь, и многотрудное служение наших родителей, и реалии приморского города, только-только избавившегося от засилья захватчиков, и первые книги...

Разница была лишь в одном, но весьма существенном. Королевы даже в самые трудные времена, несмотря на все потрясения (войны, революции и т. д.), сумели сохранить и уклад дружной семьи, и фамильные реликвии,

и привычную посуду, и духовные ценности... Мы же потеряли все. Достаточно сказать, что семья лишилась и утвари, и документов, и книг... Даже букварь, в котором были речевки: "Мы — не рабы, рабы — не мы!", "Мама мыла раму", — достался мне от прежних жильцов комнаты на Садовой.

Валентина назвала свою книгу "Мама купила книгу" — она вспоминает, как та принесла с Привоза не провизию, а, как нынче говорят, "печатную продукцию", и сестры Королевы встретили это с полным пониманием. Вот только вспомнить ее название сегодня не могут... Я же сохранил первую книгу, купленную мне мамой в магазинчике, приютившимся у лестницы, ведущей в мясной корпус Нового базара. "Сказки Андерсена" с рисунками Конашевича — подарок ко дню рождения в ноябре 1945 — уже после Победы. Приехал из Берлина на побывку брат Аба — двадцатидвухлетний капитан-артиллерист. Он опирался на палку — сказалось ранение в ногу, — и этим напоминал мне Стойкого оловянного солдатика...

Перечитал эти несколько абзацев и убедился, что вновь написал не рецензию на книгу Валентины Голубовской, а предался воспоминаниям. Вновь, потому что такое случилось со мной и тогда, когда я откликнулся на ее предыдущий сборник "На краю родной Гипербореи". Такова уж природа дарования Вали, что она вовлекает в круг своих чувств и размышлений, ассоциаций и меморий всех нас — родившихся в провинции у моря в сороковые роковые и даже несколько раньше или позже. Полагаю, что цитаты из знаковых литературных источников здесь вполне уместны — ведь нас волновали (да и волнуют!) одинаковые страсти...

Книги, люди. Люди и книги. Не стану перечислять все заветные томики, всех, с кем Валю и Женю Голубовского, Таню Вербицкую и меня сводила жизнь. Мы не только вместе работали, не только ходили в одни библиотеки, собирали работы одних художников, но и жили по соседству.

Кстати — о знаковых, типично одесских совпадениях. В новелле "Мраморы Каррары" автор вспоминает встречу с уже известным тогда художником Люсиком Межбергом и будущим писателем Аликом Суконником. Они случайно сошлись на углу Успенской и Преображенской у остановки четвертого трамвая — ребята спешат на матч "Черноморца", а Валя вышла из дома Голубовских на Кузнечной и собирается к Ксане Добролюбской, жившей на Успенской (почти угол Белинского). Хотя Валентина и не называет дату встречи, я могу свидетельствовать, что она случилась до января 1969 года. Именно тогда мы поменялись с Люсиком жилплощадями — вселились в дом 119 по Успенской (за углом от трамвайной остановки), где он и еще один художник занимали двухкомнатную квартиру. а Межберг

перебрался на Торговую, откуда впоследствии и уехал в Америку... В нашу квартиру на пятом этаже практически всю одесскую жизнь приходил с женой Галей наш общий с Голубовскими друг — замечательный живописец Осик Островский: сначала к гроссмейстеру Ефиму Геллеру (он жил здесь до Люсика и Аси), затем к Межбергам, и наконец — к нам с Таней...

В своей книге Валентина Голубовская упоминает друзей, с которыми связана вся ее жизнь. Многих, увы, уже нет с нами. Но и чета Лущиков, и супруги Шенкер, и Лина Шац, и Люсики-Беккерманы, и Шура Ануфриев, и Алик Суконник, и Юлик Златкис, и Олег Губарь, и Сёма Лившин, и Валерий Хаит, и Витя Корченов, и Миша Черешня, и Витя Маринюк, и Валера Басанец, и Леня Рукман с Наташей, и, разумеется, однокашник и сосед Королевой по детству Саша Розенбойм... Простите, если кого по рассеянности не назвал, но все мы благодарны Вале за возвращение в годы и город.

...Перед тем как отправить эти заметки в печать, увидел, что компьютер самовольно набрал в заголовке слово "Рама" с большой буквы. Рука потянулась к клавиатуре, но тут я подумал: пусть так и остается.

Мне представилась молодая счастливая мама, которая ранним солнечным утром умывает кристально чистой водой из волшебного источника карапуза по имени Рама — будущего бога. Со временем индусы сложат о нем эпос "Рамаяна", за которым мы с Голубовским охотились в юности (серия "Литературные памятники"), и который сегодня стоит на полках наших библиотек...

Сергей ЛУЩИК

"Семиэтажный" дом
Из реального комментария к повести В. Катаева "Уже написан Вертер"*

Одесса. Маразлиевская улица. Фото 1918 г. Вдали — здание, где в 1920 г. расположилась Одесская ЧК

<...> невообразимый мир, который прятался где-то по правую руку от массивных Сабанских казарм. Там возле проходной будки стоял часовой-китаец.

В. Катаев

Площадка седьмого этажа <...> над Маразлиевской улицей, над Александровским парком с каменными арками старинной турецкой крепости.

В. Катаев

Море, еле заметное за деревьями парка за семиэтажным домом.

В. Катаев

<...> на улицу, наполовину покрытую еще ночной тенью Александровского парка, до сих пор еще не переименованного.

В. Катаев

Все эти разрозненные штрихи ведут к району парка имени Т. Шевченко, ранее Александровского, улиц Канатной (Свердлова) и Маразлиевской (Энгельса). Так называемые "Сабанские казармы" — на углу Канатной и Сабанского (Суворова) переулка; "арки старинной турецкой крепости" — сохранившиеся остатки стены и башни бывшего карантина; "до сих пор еще не переименованного", — сообщение о переименовании Александровского парка в "парк Шевченко" было опубликовано в одной из одесских газет 30 апреля 1920 года.[1]

* Полностью реальный комментарий С.З. Лущика опубликован книгой вместе с повестью В. Катаева. Одесса. Optimum. 1999.

В этом районе с весны 1920 по осень 1941 года находилось печально знаменитое учреждение, периодически менявшее название: ЧК — ОГПУ — НКВД. Не путать с таким же зловещим адресом на Екатерининской площади! Напомним: в период пребывания большевистских властей в Одессе с апреля о август 1919 года карательные органы расположились в нескольких зданиях на Екатерининской площади. Сюда же они вернулись и в феврале 1920-го, а в конце апреля — начале мая перешли на новое место, рядом о парком Шевченко.[2]

Первый же из послереволюционных справочников "Вся Одесса" за 1923 год указывает точный адрес: "Одесский губернский отдел Государственного Политического Управления (ОГПУ) — ул. Энгельса, 40".[3] Важное уточнение находим в книге "1920 г." известного публициста и общественного деятеля В. Шульгина, оказавшегося в тот период в Одессе и скрывавшегося от большевиков: "<...> одно из мест заключения, которых было несколько. Главное было на Маразлиевской, огромный дом, который одной стороной выходил на Канатную, 29".[4]

В справочнике "Вся Одесса" на 1914 год оба участка, и № 10 по Маразлиевской, и № 29 по Канатной, значатся собственностью одной владелицы, некоей Луизы Гойнинген-Гюне, жены барона. А. Розенбойм установил, что здание было построено в 1909 году "со всеми новейшими техническими усовершенствованиями, а путеводители причислили дом к самым красивым как снаружи, так и внутри".[5]

Страница изданных недавно воспоминаний профессора-историка С. Борового, который в 1920 году был семнадцатилетним юношей, также посвящена этому учреждению: "<...> зданиям, занятым ЧК (несколько домов по Канатной <...>, по Маразлиевской <...>, Сабанскому переулку). Эти дома, образовавшие квадрат, были связаны внутренними переходами и двориками".[6] Экскурсия на местности показала: в наши дни участок по Маразлиевской, № 40, где в середине 1950-х было построено Мореходное училище Технического флота, примыкает в глубине к участку по Канатной, № 29, где лет двадцать тому назад вырос двенадцатиэтажный жилой дом с магазином "Дары природы".

<...> семиэтажный дом

В. Катаев

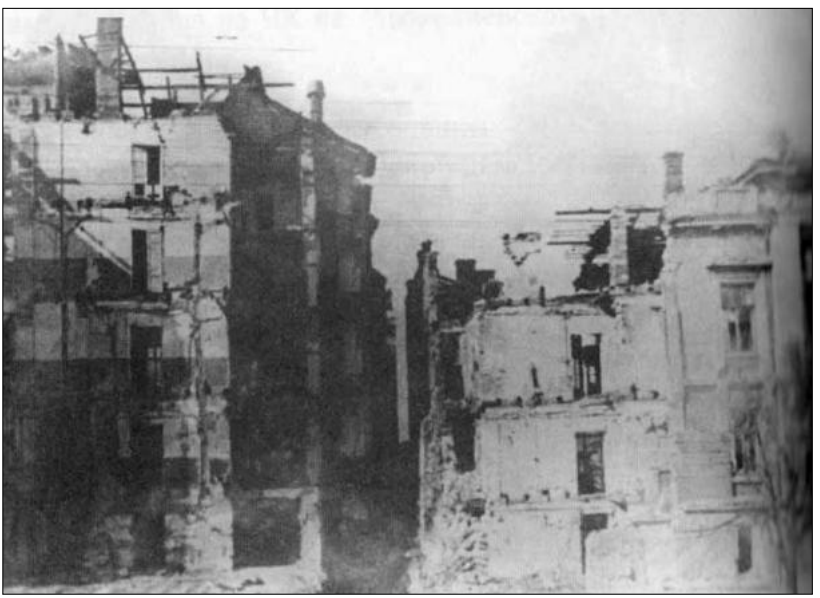
Площадка седьмого этажа. Седьмое небо. На один миг он как бы повис в пустоте неба.

В. Катаев

В собрании А. Дроздовского хранится уникальный стеклянный негатив 1918 года, на котором запечатлен отрезок Маразлиевской улицы с интересующим нас домом. Фотолюбитель-виртуоз С. Калмыков сумел получить с негатива качественный отпечаток, который был опубликован А. Розенбоймом.[7] На снимке это здание — выше всех, доминирует над окружающими трехэтажными строениями. Но четко просчитывается: в нем пять этажей, только пять, но не семь! "Семиэтажный" — явно гипербола, с использованием символического числа "семь" и противопоставлением "седьмому небу".

* * *

Описанный В. Катаевым дом перестал существовать в октябре 1941 года, через несколько дней после ухода из Одессы (16 октября) частей Красной Армии и вступления в город румынских войск. Один из участников обороны Одессы, генерал А. Хренов, в ряде статей, а затем и в книге "Мосты к победе", рассказал "<...> о блестяще подготовленном и проведенном 22 октября 1941 года взрыве здания НКВД на улице Энгельса (бывшей Маразлиевской), во время которого погибли десятки фашистских генералов и офицеров".[8] Оказывается, в начале октября дом был за-

Одесса. Развалины здания ЧК после взрыва. Фасад. Фото 1941 г.

благовременно заминирован. Румынское командование расположило здесь свой штаб, в момент какого-то большого совещания прогремел взрыв. По версии А. Хренова, одесские партизаны сообщили по радио дату и время этого совещания, взрыв был осуществлен по радиосигналу из Симферополя. По другой версии, обыгранной В. Катаевым в романе "За власть Советов" (1949), взрыв произвели сами партизаны.

О результатах можно судить по числу жертв. Ю. Сметанин, тогда юноша, который через месяц после взрыва поселился на улице Базарной неподалеку от парка Шевченко, вспоминает: "В парке видел около ста могил румынских офицеров, погибших при взрыве <...> на том месте, где сегодня "Аллея Славы" <...> Погибшие рядовые румынской армии, по сообщениям газет, были похоронены на кладбище <...> у с. Дальник. А высший комсостав в цинковых гробах отправлен на родину <...> Комиссары всех полиций города были на совещании и погибли".[9]

На следующее утро после взрыва на Одессу обрушилась волна массового террора, продолжавшегося дня три. Случайных прохожих, преимущественно мужчин, хватали и убивали без разбора. На улицах, площадях, базарах расстреливали и вешали, трупы казненных были разбросаны всюду, висели на деревьях и трамвайных проводах... Местная газета напечатала

Одесса. Развалины здания ЧК после взрыва. Внутренний корпус. Фото 1941 г.

ЦЕНА 10 КОП.

ОДЕССКАЯ ГАЗЕТА

(ВЫХОДИТ 3 РАЗА В НЕДЕЛЮ)

№ 1 ВОСКРЕСЕНЬЕ 26 ОКТЯБРЯ 1941 г. № 1

ОБ'ЯВЛЕНИЕ

Военное Командование гор. Одессы доводит до сведения населения Одессы и ея окрестностей, что после террористического акта, совершенного против Военного Командования в день 23 Октября 1941 г. были расстреляны: за каждого офицера или штатского чиновника германца или румына по 200 большевиков, а за каждого солдата германца или румына по 100 большевиков.

Взяты заложники, которые, в случае повторения подобных актов, будут расстреляны совместно с ними сегодня.

Командующий войсками гор. Одессы генерал ГЕНЕРАРУ.

Начальник военной полиции гор. Одессы подполковник М. ШИКУЛЕСКУ.

Г-н Комендант гор. Одессы разъясняет:

Имея в виду положение № ... Одесса Военной Комиссии, принимая во внимание обеспечение безопасности румынских и германских солдат, офицеров и чиновников, а также для обеспечения порядка и мирного жительства населения города и его окрестностей, должно быть доведено до сведения нижеследующее:

В случае аналогичных террористических актов, как произошедший, которые будут направлены против румынских и германских солдат, офицеров и чиновников, наказаны будут значительно строже и будут применены без всякой пощады.

Лица, которые знают о подготовке террористических актов, которые скрывают террористов-коммунистов и злоумышленников, а также знают где они скрыты или же те помещения, которые были минированы, должны немедленно явиться в военные или гражданские власти и ближайшие участки полиции или комендатуры и сообщить свои показания.

Лица, которые не помогут наловить и уничтожить террористо-коммунистические элементы, будут наказаны согласно распоряжению № 11 от 16 октября 1941 г., которое предусмотрено Командованием N. U. Vrancea и будет беспощадно применено к массе, согласно вышеуказанным пунктов.

Газетное сообщение о терроре после взрыва здания ЧК

в своем первом номере от 26 октября такое "Объявление": "Военное Командование гор. Одессы доводит до сведения населения Одессы и ея окрестностей, что после террористического акта, совершенного против Военного Командования в день 23 октября 1941 г. были расстреляны: за каждого офицера или штатского чиновника германца или румына по 200 большевиков, а за каждого солдата германца или румына по 100 большевиков".[10]

Как видим, "блестяще подготовленная", по выражению генерала Хренова, акция обернулась трагической гибелью многих тысяч мирных жителей Одессы. Агония "этого ужасного здания" оказалась такой же страшной, как и вся его 20-летняя история.

По свидетельству Ю. Сметанина, руины поначалу охранялись солдатами, а со временем стали бесхозными. "Меня влекла туда кроме любопытства нужда в топливе, которое добывалось в развалинах домов <...> блок пятиэтажных корпусов в виде каре, в котором лишь частично был разрушен уличный корпус. Взрыв развалил части двух смежных зданий (№ 42 и 40) <...> обрушил правую часть здания на всю высоту <...> Три дворовых корпуса не пострадали. Даже все стекла остались целы". Окрестные жители, и автор воспоминаний в их числе, извлекали из брошенных помещений мебель, стекла, затем паркет, стропила и все прочее, способное гореть, — ведь зима 1941-1942 годов оказалась для Одессы необычно суровой, а топлива в городе не было. К весне "комплекс зданий был постепенно раздет до каменного остова".[11]

Сохранились две фотографии, выполненные неизвестно кем вскоре после взрыва (видны еще сохранившиеся стекла): на одной — разрушенный фасадный корпус, выходящий на Маразлиевскую, на другой — внутренний тюремный флигель со щитами на окнах камер нижнего этажа. В. Катаев писал о них:

<...> возле полуподвальных, окон, на три четверти забитых косыми деревянными щитами...

Фотографии, публикуемые впервые[12], позволили удостовериться, что цокольная часть этого внутреннего корпуса сохранилась до наших дней на высоту порядка двух метров — со стороны двора нового здания по Канатной, 29. Прекрасное место для мемориальной доски!

* * *

<...> тот самый гараж, о котором в городе говорили с ужасом <...> темные кирпичи

Они были необъяснимо покорны, как все входившие в гараж
За полуоткрытыми воротами гаража проводилась странная работа

<...> полуоткрытые двери гаража, где уже заводили мотор грузовика. И туда по очереди вводили <...>

"Гараж" проходит лейтмотивом всей книги. Автор раздумывал, не взять ли это слово в качестве названия произведения: так был озаглавлен один из первых вариантов рукописи.

Из уст в уста, из поколения в поколение передавались в Одессе жуткие подробности массовых расстрелов в ЧК под шум работающего автомобильного мотора, заглушавшего звуки выстрелов. Это изобретение чекистов лета 1919 года применялось еще на Екатерининской площади, затем было использовано и в новом помещении на Маразлиевской.

Журналист В. Гридин запомнил рассказы своего крестного отца, автомобилиста С. Рагулина: устроился в "какой-то гараж" по рекомендации соседа-чекиста, затем узнал о своих обязанностях — поддерживать работу мотора, чтобы тот "громко шумел" во время расстрелов. Через два месяца не выдержал и уволился, несмотря на безработицу.

<...> разденутся и сбросят свои одежды на цветник сизых петуний <...> Четверо голых один за другим входили в гараж

Говорят, что при этом не отделяют мужчин от женщин. По списку. Но перед этим они все должны раздеться донага

Два первых уже исчезли. Их вещи кучей лежали на газоне. Стукнуло два выстрела

Прежде чем ему следовало войти туда, наступила еще не имеющая протяженности пауза, необходимая для того, чтобы он успел раздеться, как будто бы это был не гараж, а купальня...

Большинство читателей с недоверием восприняли эти натуралистические сцены раздевания обреченных — как некое авторское сгущение красок. Но историк И. Шкляев в недавно опубликованной статье об Одесской губчека приводит рассказ одного из бывших комендантов здания ЧК: "<...> приговоренные раздевались донага, причем одежду сортировали на мужскую и женскую, верхнюю и нижнюю".[13]

Гараж был выстроен из красных кирпичей, достаточно распространенных в Одессе, и зловещие напоминания об этих потемневших кирпичах то и дело повторяются на протяжении повести, становятся своего рода символом происходящего:

<...> он проходил мимо как будто знакомого недостроенного православного собора <...> Кирпичи почернели <...> почти черные кирпичики казались мучительно знакомыми. Кажется, из них было сложено когда-то другое строение <...> возможно, тот самый, гараж

<...> кабина испорченного лифта падала в шахту, сложенную все из того же кирпича

<...> погашенного маяка <...> с облупившейся штукатуркой и обнаженными кирпичами все того же венозного цвета

<...> мимо водопроводной станции, сложенной все из тех же проклятых кирпичей

<...> из стены на них посыпалась кирпичная пыль

Стукнуло два выстрела, тупо поглощенных кирпичной стеной

* * *

Там возле проходной будки стоял часовой-китаец

Дверь на блоке, завизжав, открылась, точно была не входом в ад, а дверью сарая. Мимо желтой статуэтки китайца все трое вошли в комендатуру

<...> проехал грузовик <...> это везут за город мертвые тела, покрытые брезентом, из-под которого торчит белое колено

Как свидетельствовали очевидцы, трупы везли на рассвете, чаще на телегах, в сторону Водопроводной улицы и кладбищ. Мостовая по Канатной была в кровавых следах, прохожие обходили улицу стороной. Из воспоминаний инженера И. Володина, который в тот год восьми-девятилетним мальчиком жил в нынешнем Ватманском переулке, у начала Водопроводной: "Видел <...> как везли на Чумку на биндюгах трупы расстрелянных офицеров из ЧК на Маразлиевской".[14]

Примечания

1. Переименование улиц // Известия Одесского <...>— 1920. — 30 апр. — С. 1.

2. В местной газете "Известия Одесского <...>" время от времени появлялась информация "От О.Г.Ч.К.", в которой иногда указывались адреса этой организации:
7 апр. 1920: "Прием оружия будет производиться в помещении комендатуры о.г.ч.к. по Екатерининской площади № 7"; 30 апр. 1920: "В виду переезда одесской губернской чрезвычайной комиссии в другое помещение всякий прием до 3 мая прекращен";
9 мая 1920: "<...> явиться в комендатуру О.Г.Ч.К. (по Канатной ул. № 29)".
Аналогичная информация, но без конкретных адресов, обнаружена и в стенной газете "ЮГРОСТА: Издание Южного областного отделения Всеукраинского бюро РОСТА" [Одесса, 1920]: 20 апр.: "Сегодня Ч.К. перешло в новое помещение. В 4 часа арестованные были переведены туда под усиленным конвоем"; 29 апр.: "Вчера во время перевода партии арестованных из Ч.К. сейчас же по выводе их из ворот дома, где помещается Ч.К., двое из арестованных бросились бежать по военному спуску". Очевидно, арестованных было так много, что перевод их продолжался несколько дней.

3. Вся Одесса: Адресная и справочная книга на 1923 год. — Одесса, 1923. — С. 57. — Справочники типа "Вся Одесса" регулярно издавались в городе до начала мировой войны, последний из них — "на 1914 год". Затем последовал перерыв до 1923 г.

4. Шульгин В. 1920 г.: Очерки. — Л., 1927. — С. 150.

5. Александров Р. [Розенбойм А.]. Губчека // Вечерняя Одесса. — 1984. — 10 нояб. — С. 4, ил.

6. Боровой С. Воспоминания. — М.; Иерусалим, 1993. — С. 77.

7. Александров Р. — Указ. соч.

8. Хренов А.Ф. Тайна взрыва на ул. Энгельса // Черноморская коммуна. — Одесса, 1963. — 10 апр.; См. также: Хренов А.Ф. Мосты к победе. — М., 1982. — С. 142-144, 146, 151-152.

9. Сметании Ю. Взрыв здания НКВД 22.10.41: [Рукопись]. — Одесса, 1997. — 6 л. — л. 5. — Не опубликована, хранится у автора.

10. Объявление // Одесская газета. — 1941. — 26 окт. № 1 — С. 2.

11. Сметании Ю. — Указ. соч. — л. 2, об.; л. 4.

12. Собрание А.Ю.Розенбойма, Одесса.

13. Шкляев И.Н. Одесская Губчека как орган внесудебной репрессии // Записки исторического факультета Одесского госуниверситета. — Вып. 5. — Одесса, 1997. — С. 280.

14. Володин И.И. Эпрон: [Рукопись]. — С. 3. — Не опубликована, хранится у автора.

Сергей РЕШЕТОВ, Лариса ИЖИК

Мария Фердинандовна Кич-Маразли и ее родственное окружение (Наркевичи, Кичи, Андреевские и Никитины)*

К 150-летию со дня рождения М.Ф. Кич-Маразли
и 200-летию со дня рождения Э.К. Андреевского

Кичи

Семья Кич (Кичъ в дореволюционном написании), из которой происходил супруг Марии Фердинандовны Павел Николаевич, так же, как и Наркевичи, была польского происхождения (хотя высказывается версия и о немецких корнях). Иоганн Адольф Шмидт в книге "Slownik polsko-rossyisko-niemiecki" (1834 г.) трактует слово "*Kicz, Kiczka*" как "*головка камышевая, голова у орешины*"[1], а П.П. Дубровский в "Полном словаре польского и русского языка" (1877 г.) как "*пук*, *пучок*, *вязанка*, *связка*; *шишка* (*на тростнике, на ореховом дереве*)"[2]. В современном польском языке слово "*кич*" пишется как "*kicz*", и имеет тот же смысл, что и в русском[3]. С.И. Ожегов в "Словаре русского языка" дает определение слова "*кичливый*" как *выражающий самомнение, заносчивый, высокомерный*[4]. Эта же интерпретация фамилии приведена А.М. Де-Рибасом в воспоминаниях о Маразли, присланных ему неким "любезным старожилом": "Участие М.Ф. Кич в любительском спектакле в доме Маразли заставило говорить, что "Маразли кичится!"[5].

Павел Николаевич Кич родился в семье отставного подполковника Николая Юрьевича Кича (1796-1867) и его супруги Павлины Максимовны, урожд. Мрочковской (ум. после 1870) и был четвертым из пяти известных нам детей. Н.Ю. Кич происходил из дворян Каменец-Подольской губернии, вступил в службу юнкером в 3-й Украинский казачий (впоследствии Бугский уланский) полк (18 октября 1816 г.), из которого был переведен во 2-й Бугский (впоследствии Одесский уланский) полк (в январе 1818 г.), был произведен в корнеты (15 июня 1818 г.), затем получил чин поручика (29 февраля 1820 г.) и штабс-ротмистра (16 апреля 1826 г.), за отличие в сражении против турок произведен в ротмистры (4 июля 1829 г.), назначен командующим 2-м резервным эскадроном полка (26 де-

* Продолжение. Начало в кн. 36.

кабря 1831 г.). Высочайшим приказом переведен в 10-й округ Новороссийского военного поселения с назначением состоять по кавалерии (31 марта 1833 г.), утвержден командиром 1-го поселенного эскадрона (25 апреля 1833 г.), за отличие по службе произведен в майоры (12 марта 1836 г.), по распоряжению начальства прикомандирован к 5-му округу военного поселения Киевской и Подольской губерний с назначением волостным начальником (27 марта 1838 г.)[6]. На 1839 г. он в чине майора исполнял должность начальника 3-й волости V округа военных поселений Киевской и Подольской губерний[7].

П.Н. Кич

В 1841 г. был уволен от службы с награждением чином подполковника, мундиром и пенсией. Николай Юрьевич принимал участие в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. и в походе против Польши в 1831 г., был награжден орденами: Св. Анны 4 ст. с надписью "За храбрость" за проявленное усердие против турок (29 июня 1829 г.); Св. Владимира 4 ст. с бантом за усердную службу (3 октября 1837 г.); Св. Станислава 3 ст. за выслугу 20 лет в офицерских чинах (22 августа 1836 г.)[8].

Его дети Александр (1840) и Павел (1846) были крещены в Иоанно-Богословской церкви села Ивановки Ананьевского уезда (сейчас это село Мариновка Доманевского района Николаевской области, название которого, вероятно, происходит от имени первого владельца — штабс-ротмистра Ивана Мариновского, который в 1795 г. построил здесь церковь)[9]. Впоследствии Павел Николаевич был землевладельцем села Царедаровка, которое располагалось недалеко от села Ивановка.

Определением Подольского дворянского депутатского собрания от 26 июля 1856 г. Н.Ю. Кич по военным заслугам был внесен во 2-ю часть Дворянской родословной книги Подольской губернии, помещиком которой он являлся (определением Правительствующего Сената от 24 октября того же года это решение было утверждено)[10].

Скончался он 12 июня, а 15 июня 1867 г. был отпет в Свято-Николаевской церкви и погребен на приходском кладбище при селе Французском Балтского уезда Подольской губ.[11] (ныне это село Лысогорка Кодымского

района Одесской области). В послужном списке Николая Юрьевича 1841 г. указано, что "имения за ним никакого не состоит", но позднее он купил часть земли при селе Французском у помещика Хоментовского[12]. Его старший сын Александр Николаевич (1840-1892), умерший в Одессе, был похоронен в собственном имении при том же селе Французском Балтского узда Подольской губ.[13] (хотя в его послужном списке, составленном в 1882 г., указано, что за ним и родителями имений не числится)[14]. В дальнейшем землями при с. Французском владел Владимир Арсеньевич Колобов*, сын старшей дочери Н.Ю. Кича Софии. Возможно, имение при селе Французское принадлежало Павлине Максимовне, урожд. Мрочковской, супруге Н.Ю. Кича, которая в его послужном списке 1841 г. указана дочерью помещика.

Долгое время биография П.Н. Кича была мало изучена. В фонде Одесского коммерческого суда, председателем которого Кич состоял долгое время, хранящемся в Государственном архиве Одесской области, практически отсутствуют формулярные списки. Однако формулярный список П.Н. Кича хранится в деле о дворянстве рода Кичей и других фондах Российского государственного исторического архива (РГИА, г. Санкт-Петербург). Также было выявлено личное дело студента Императорского Московского университета П.Н. Кича в Центральном государственном историческом архиве г. Москвы.

Павел Николаевич Кич родился 7 апреля 1846 г. и крещен 31 октября того же года в Иоанно-Богословской церкви села Ивановки Ананьевского уезда. Восприемником при крещении был подполковник гусарского полка Михаил Петрович Зверев[15]. П.Н. Кич 12 августа 1858 г. поступил в Одесскую 1-ю гимназию, после окончания которой обучался один курс в Ришельевском лицее (согласно свидетельству лицея от 14 августа 1862 г.). 10 июля 1863 г., находясь в Одессе, он написал прошение о принятии его на юридический факультет Императорского Московского университета[16], который он окончил в 1867 г. со степенью кандидата прав (до получения им в январе 1883 г. чина коллежского советника, в справочниках и метрических книгах он фигурирует именно как "кандидат прав"). В 1864 г. в Новороссийском крае были введены новые судебные уставы, и в 1869 г. П.Н. Кич был избран участковым мировым судьей Ананьевского уезда, а два года спустя (3 августа 1871 г.) — председателем Ананьевского съезда

* Колобов Владимир Арсеньевич (1869-1928). Екатеринославский и Акмолинский губернатор, в декабре 1919 — начале февраля 1920 гг. был последним городским головой Одессы.

Фото М.Ф. Кич в одесской газете (1900 г.)

мировых судей. В апреле 1873 г. П.Н. Кич был освобожден от обязанности председателя Ананьевского мирового съезда, и его судебная деятельность началась в Одессе, где он был избран участковым мировым судьей. Участковым мировым судьей П.Н. Кич избирался в течение длительного времени, с 1873 по 1887 г. (пять трехлетий подряд).

2 февраля 1879 г. в портовой Всех Святых и Святого Николая церкви Павел Николаевич Кич сочетался браком с Марией Фердинандовной Наркевич, которая была младше жениха на 12 лет[17]:

[*Номер записи о браке и дата*] №10, 2 февраля.

[*Жених*] Мировой судья 5-го участка города Одессы кандидат прав Павел Николаевич Кич, православного исповедания, первым браком, 32 [года]

[*Невеста*] Девица Мария Фердинандовна Наркевич — дочь полковника 10-го Ингерманландского гусарского полка Фердинанда Францова Наркевич, православного исповедания, первым браком, 20 [лет]

[*Венчание совершил*] священник Петр Кириллов Троцинский

[*Поручители*] по женихе; капитан артиллерии Анисим Феодосиевич Цикалиоти и капитан артиллерии Александр Николаев Кич, по невесте, Давид Николаевич князь Туманов, и дворянин Николай Александрович Вилинский.

Спустя 24 года после бракосочетания, в феврале 1903 г., рядом с записью о браке была сделана запись о разводе супругов: "Означенный в сем акте брак Кича определением Херсонского епархиального начальства от 24 ноября / 4 декабря 1902 утвержден Св. Синодом (Указ Синоду от 21 января 1903 г. за № 609) расторгнут по прелюбодеянию Павла Кича и осуждением его на всегдашнее безбрачие и дозволяет Марии Кич вступить в новый брак. Отмечено по указу Консистории от 28 февраля 1903 г. за № 2919".

В 1881 г. П.Н. Кич был избран председателем одесского городского съезда мировых судей и оставался в этой должности два срока — до 1887 г. (вместе с ним почетным мировым судьей являлся и Г.Г. Маразли). Кроме основной деятельности на этом поприще Павлу Николаевичу ставят в за-

слугу возникновение (в декабре 1882 г.) и деятельность консультационного бюро помощников присяжных поверенных при одесском городском съезде мировых судей[18]. В октябре 1884 г. собранием купеческого сословия П.Н. Кич был избран в кандидаты на должность председателя Одесского коммерческого суда, а месяц спустя утвержден в должности председателя. Забегая вперед, необходимо отметить, что в этой должности он оставался до 1904 г., то есть в течение двадцати лет!

С Г.Г. Маразли Кича связывала не только многолетняя деятельность в качестве мирового судьи, но также и то, что в бытность Маразли городским головой Павел Николаевич неоднократно (в 1885, 1888-1891 гг.) исправлял должность (выражаясь современным языком, был исполняющим обязанности) одесского градоначальника. В отличие от избираемого городского головы, градоначальник был назначаемым чиновником от министерства внутренних дел.

П.Н. Кич был депутатом Херсонского дворянского собрания от Ананьевского уезда (1883), почетным мировым судьей Одессы и Ананьевского уезда (1884), членом учетного комитета Одесской конторы Государственного банка от землевладельцев (1884), членом комитета Когановских учреждений (1885, 1888, 1900 гг. и др.). Кандидатом в директора (1873 г.), членом наблюдательного комитета (1883 г.) Земского банка Херсонской губернии[19]. В 1890-е годы П.Н. Кич был депутатом от дворянства Ананьевского уезда в Херсонском дворянском депутатском собрании[20]. 1 января 1891 г. Павел Николаевич получил чин действительного статского советника[21]. Он был награжден орденами: Св. Владимира 4 ст. (1887), Св. Станислава 2 ст. (1894), Св. Анны 2 ст. (1896), а также медалью в память царствования императора Александра III[22].

Жалованье председателя Одесского коммерческого суда коллежского советника Павла Николаевича Кича на 1885 г. составляло 1120 руб. 80 коп., к нему добавлялись столовые деньги (1143 руб. 68 коп.), квартирные (1143 р. 60 коп.) и, таким образом, общая сумма составляла 3408 р. 08 к.[23] Видимо, финансовое положение семьи в этот период было устойчивым, что позволяло их сыну Филиппу обучаться в престижном императорском Александровском лицее в Петербурге.

В графе о семейном положение в послужном списке П.Н. Кич указал: "Женат на дочери полковника Марии Фердинандовне Наркевич, имеет детей: сына Филиппа, родившегося 16 ноября 1879 г., и дочь Екатерину, родившуюся 31 декабря 1882 г. Дети находятся при родителях, вероисповедания православного".

Определением Херсонского дворянского депутатского собрания от 25 сентября 1874 г. П.Н. Кич по военным заслугам отца был внесен во 2-ю часть Дворянской родословной книги Херсонской губернии (определением Правительствующего Сената от 22 марта 1876 г. это решение было утверждено). Определением Херсонского дворянского депутатского собрания от 28 июня 1885 г. к роду Кич с внесением во 2-ю часть Дворянской родословной книги были причислены супруга Павла Николаевича Мария Фердинандовна, и их дети Филипп и Екатерина были внесены во 2-ю часть Дворянской родословной книги Херсонской губернии (утверждено определением Правительствующего Сената от 18 ноября того же года)[24]. Герб, пожалованный действительному статскому советнику Павлу Кичу, был внесен в XVII часть Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи под № 40[25].

Согласно формулярному списку Павла Николаевича[26], в 1885 г. за ним числилось благоприобретенное имение в Херсонской губернии, Ананьевского уезда "при деревне Большое Заблоцкое Малой Врадиевки" (4275 десятин земли). Таким образом, П.Н. Кич, уже будучи дворянином Подольской губернии, был внесен в Дворянскую родословную книгу Херсонской губернии благодаря приобретенным в этой губернии земельным владениям. Некоторые сведения об имениях семьи Кич нам могут дать Сенатские объявления о запрещениях. Так, в июне 1870 г. было наложено запрещение на имение (667 десятин земли) при деревне Царедаровке (она же Федоровка) Ананьевского уезда Херсонской губернии, которое принадлежало жене подполковника Павлине Максимовне Кич и ее детям — кандидату прав Павлу Николаевичу Кичу и жене инженера Анне Николаевне Обломиевской[27] (впоследствии Павел Николаевич приобрел у сестры ее часть). В августе 1884 г. П.Н. Кич приобрел 137 десятин земли при дер. Малой Врадиевке Ананьевского уезда. В "Списках гражданским чинам..." 1890-х годов о принадлежащих П.Н. Кичу земельных владениях сказано: "имение его приобретенное 4275 дес. земли в Херсонской губ., 710 дес. земли в Волынской губ. и дом в г. Одессе"[28]. Справочник землевладельцев Ананьевского уезда (1899) уточняет: в Херсонской губернии, Ананьевского уезда Головлевской волости Павлу Николаевичу Кичу принадлежало: при деревне Федоровке — 3127 десятин, при деревне Царедаровке — 981 десятина, при деревне Малой Врадиевке — 137 десятин[29]. В мае 1888 г. Павел Николаевич приобрел за 64000 руб. у вдовы известного юриста Варвары Александровны Лохвицкой 703 десятин земли при селе Шмырки Староконстантиновского уезда Волынской губ.[30] (ныне село

Шмы(и)рки Волочиского района Хмельницкой области). На 1898 г. П.Н. Кич значится владельцем имения в 708 десятин в селе Шмырки, при котором находились две мельницы и осуществлялась рыбная ловля[31]. После его смерти эти земли унаследовал сын Филипп Павлович[32]. Аналогичный источник на 1901 г.[33] приводит сведения о следующих земельных владениях Павла Николаевича: 3682 десятин при с. Царедаровка (Ананьевского уезда Херсонской губ.); 710 дес. при сельце Шмырках Староконстантиновского уезда Волынской губ.; 689 дес. при с. Воеводчинцы, при нем 2 каменные водяные мельницы, 1120 дес. при местечке Озаринцы Могилевского уезда Подольськой губ. (ныне село Озаринцы Могилев-Подольського района Винницкой области), при нем 2 каменные водяные мельницы, 667 дес. при селе Сказинцы Ушицкого уезда Подольськой губ. (ныне одноименное село Могилев-Подольского района Винницкой области), при нем фруктовый сад и 3 водяные мельницы (Могилевского уезда Подольской губ.); и 358 дес. при с. Рожок Микулинецкий (Микулинцы) Литинского уезда Подольской губ. (ныне село Микулинцы Литинского района Винницкой обл.). Усадьба Павла Николаевича в Шмырках сохранилась до настоящего времени, его имя не забыто местными краеведами.

Его супруге Марии Фердинандовне в том же Литинском уезде Подольской губ. на 1901-1905 гг. принадлежало 576 десятин при деревнях Микулинцы и Рожок Микулинский (Рожок Микулинецкий)[34]. Позже наследники, видимо, продали значительную часть имения: в 1913 г. Филиппу Павловичу Кичу уже не принадлежали земли в Подольской губернии, а от 576 десятин, принадлежавших Марии Фердинандовне, осталось только 126[35].

В 1870-е годы Павел Николаевич проживал в доме Федорова на Дворянской улице, 14 (ранее этот дом принадлежал Кобле). В марте 1886 г. за 146 рублей П.Н. Кич приобрел по отводу городской Думы полосу земли, прирезанную к даче, находящейся на Внешнем бульваре, против Успенской улицы[36]. Участок Кича находился на Внешнем, впоследствии Лидерсовском бульваре (бывшая часть Старопортофранковской улицы), между участками С.О. Фабрицкого и К.Э. Андреевского (современный адрес: пересечение улицы Успенской и Лидерсовского бульвара). В адрес-календарях с 1887 г. П.Н. Кич с семьей значится проживающим в собственном доме (иногда указывалось, что это дача) на Старопортофранковской улице, 17. По другим сведениям, дом был построен в 1890 г. по проекту архитектора Ф. Гонсиоровского. Этот небольшой красивый особняк сохранился до нашего времени. В разное время дом менял нумерацию: в 1888 и 1893 гг. он значится под № 13 по ул. Старопортофранковской[37], в 1899 г. — под

№ 25[38], в 1900 г. — под № 17[39], с 1901 (после упорядочения номеров) и до революции — № 15 (в настоящее время — Лидерсовский бульвар, 13).

С 1903 г. и до 1914 г. (а вероятно, и позднее) владелицей особняка значится Мария Фердинандовна Кич[40]. После смерти Г.Г. Маразли она уезжает из Одессы в свое имение, и в 1910-х гг. дом арендует предприниматель Александр Федорович Бирнбаум. Сейчас здесь расположено Отделение реабилитации и оздоровления беременных женщин (корпус № 1 II-го отделения санатория "Лермонтовский"). Справа от него, в глубине — бывший особняк Константина Эрастовича Андреевского. Глядя на современное состояние этой местности, можно предположить, что четких границ между участками не было. Оно и не удивительно, если учесть, что Кич и Андреевский были женаты на родных сестрах, и отношения землевладельцев были родственными. Это подтверждает и сохранившаяся до сих пор старинная каменная ограда, опоясывающая все три участка (Фабрицкого, Кича и Андреевского) как единое целое.

Павел Николаевич Кич после развода в 1903 г. одно время проживал на ул. Маразлиевской, 8[41], потом — на Торговой, 2, в доме К. Де-Азарта[42] (любопытно, что преемники П.Н. Кича на посту председателя коммерческого суда — К.Ф. Виршпа и М.Ф. Лузанов — также проживали на Маразлиевской). В апреле 1904 г. исполнилось 35-летие его судебной деятельности[43], и он решил выйти в отставку. П.Н. Кич в 1904 г. был снова избран в почетные мировые судьи по Ананьевскому уезду[44].

25 февраля 1905 г. в возрасте 57 лет он скоропостижно скончался от разрыва сердца в Одессе в своей квартире на Торговой улице[45]. "Одесский листок" так описывал случившееся: "Он умер в своей квартире, находясь почти в одиночестве. Еще третьего дня он гулял на улице и... ничто не предвещало близкого конца. Вечером того же дня он с одним из служащих Коммерческого суда посетил театр Сибирякова. Передают, что Павел Николаевич страдал грудной жабой. Вчера утром, когда он встал, в квартире был только лакей. Около 10 часов он сел за стол, где ему было приготовлено кофе. За столом он вдруг почувствовал себя дурно, упал и тут же скончался"[46]. "Одесские новости" сообщали: "Смерть П. Н. явилась неожиданностью не только для знакомых, но и для близких, окружавших его до последнего момента. В 10 часов утра П. Н. сидел в своем кабинете и читал газету. Неожиданно газета выпала из его рук, и П. Н., покачнувшись, выпал из кресла. Находившиеся возле П. Н. лица бросились за врачом, который констатировал смерть от разрыва сердца. Покойному было 57 лет. Он страдал грудной жабой, которая, однако, не предвещала такой скорой развязки"[47].

За неделю до смерти он присутствовал на венчании своего сына Филиппа с Ольгой Вячеславовной Позняковой, после которого молодые уехали в имение Шмирки, а дочь Екатерина с мужем Михаилом Петровичем Дмитриевым — в имение Рожок Микулинецкий. 27 февраля состоялось отпевание и похороны[48], которые "отличались редким многолюдством". На погребение прибыли сын с молодой женой и дочь с мужем, представители городского управления: исполнявший обязанность городского головы К.Э. Андреевский, гласные Думы, члены управы, члены коммерческого суда во главе с председателем К.Ф. Вирпшой, губернский предводитель дворянства Н.Ф. Сухомлинов, старшина купеческого сословия А.А. Анатра, профессора Новороссийского университета, представители многих кредитных и торговых учреждений. После отпевания в Сретенской церкви, недалеко от которой проживал Павел Николаевич (в газетах ошибочно сообщалось, что он был отпет в Соборе), траурный кортеж направился на Старое кладбище, где тело временно было погребено в часовне Завадского, а 10 октября того же года останки П.Н. Кича были отправлены для захоронения в Шмырки[49].

"Одесские новости" от 26 февраля приводили следующее: "В 1884 году собранием выборного купеческого сословия П. Н. был избран в председатели коммерческого суда. В этой должности заслуги П. Н. прямо громадны. Он поставил все производство коммерческого суда на недосягаемую высоту. Каждое решение являлось продуктом обдуманности и безусловной справедливости. Это обстоятельство тем более становилось в заслугу Кича, что коммерческий суд — учреждение дореформенное, где при желании возможны всякие злоупотребления. Пример в этом отношении показал ныне закрытый Кишиневский коммерческий суд.

Во время своей службы в съезде мировых судей П. Н. основал бюро помощников присяжных поверенных, главной целью которого поставил оказывать безвозмездную помощь обвиняемым беднякам. Состоя в должности председателя коммерческого суда, П. Н. вместе с тем разновременно в период с 1888 по 1891 годов исполнял обязанности одесского градоначальника. Среди сослуживцев и адвокатуры П. Н. успел снискать себе всеобщую любовь и уважение.

Сыну покойного, недавно женившемуся и уехавшему в свадебное путешествие, и дочери, проживающей в имении, о смерти П. Н. послали телеграмму. Оставшееся состояние после покойного оценивается в 1200.000 рублей" (так в оригинале, вероятно, 12000 руб. — **Авт.**).

С погребением П.Н. Кича связан ряд противоречивых сведений. Так,

газеты сообщали, что он был отпет в Соборе, а согласно метрике об отпевании — в Сретенской церкви. Газеты сообщали о его погребении на Старом кладбище, согласно же метрике, он был захоронен на Димитриевском кладбище (так иногда называли новое городское кладбище по названию церкви — Св. Димитрия)[50]. При этом часовня Завадского действительно находилась на Старом кладбище, и случаи временного захоронения различных лиц в этой часовне в описываемый период были нередки. Так, в октябре то же 1905 г. скончался помощник одесского окружного интенданта генерал-майор Константин Михайлович Наркевич*, и его "тело временно поставлено в часовне Завадского на старом кладбище"[51], а в 1906 г. там же был временно захоронен таврический помещик М.Г. Козинцев.

Мария Фердинандовна принимала заметное участие в жизни местного светского общества — балы, вечера, спектакли, благотворительность.

Так, она была одной из распорядительниц музыкально-литературного вечера, состоявшегося 12 декабря 1887 г., на котором проходил сбор средств на сооружение памятника-фонтана А.С. Пушкину[52]. С 1892 по 1895 гг. Мария Фердинандовна состояла в дирекции Одесского отделения императорского Русского музыкального общества[53], с февраля 1899 по 1905 гг. состояла председательницей правления Одесского общества содействия физическому воспитанию детей (почетным председателем которого был Г.Г. Маразли)[54] и одно время заместительницей председательницы Одесского отдела Российского общества защиты женщин[55], а также попечительницей школы для глухонемых (которая располагалась на даче Г.Г. Маразли)[56].

3 октября 1903 г. состоялось бракосочетание Марии Фердинандовны и Григория Григорьевича Маразли[57]. Поручителями выступили: по жениху — отставной надворный советник потомственный дворянин Филипп Егорович Скриванов и греческоподданый Герасим Николаевич Вальсамаки, по невесте — надворный советник Дмитрий Васильевич Стамеров и статский советник Август Альфонсович Шапеллон. Брак этот необходимо рассматривать не только с современных позиций, но и с точки зрения реалий того времени (дворянское самосознание для многих представителей этого класса определяло смысл и ценности жизни). Мария Фердинандовна была потомственной дворянкой, в то время как дворянство Григория Григорьевича на момент брака было пожаловано всего 27 лет на-

* Наркевич Константин (Казимир-Франц) Михайлович (1854-1905). Сын майора Михаила Федоровича Наркевича. Офицер лейб-гвардии Кирасирского его величества полка. С 1901 — генерал-майор. С 1904 — помощник интенданта Одесского военного округа.

зад. В тот период такая маловажная сейчас деталь имела большое значение, ведь в глазах высшего общества (по крайней мере, его части) Маразли все еще оставался нуворишем, несмотря на всю его огромную общественную и благотворительную деятельность (вспомним, к примеру, мемуары Э.С. Андреевского). Многие мужчины завидовали его успеху и богатству, а многие женщины завидовали браку Марии Фердинандовны с Маразли, и наверное, втайне мечтали оказаться на ее месте. Но вслух все порицали брак, как жениха, так и невесту, и, как известно, сочувствовали П.Н. Кичу. Кроме этого, посредством этого брака Маразли породнился со многими дворянскими родами Херсонской губернии (Андреевские, Никитины, князья Абамелик и другие), владевшими значительными земельными наделами и оказывавшими заметное влияние на жизнь города и региона в целом. Фактически брак этот отчасти напоминает брак Аристотеля Онассиса и Жаклин Кеннеди. Ко всему вышесказанному, супруги, надо полагать, были искренне привязаны друг к другу. Одесское общество и родственники, по меньшей мере, были не слишком рады этому браку (отношение детей Марии Фердинандовны к этому событию неизвестно). Неизвестно также, преследовала ли меркантильные интересы М.Ф. Кич, вступая в брак, однако в весьма длинном и детальном завещании ее супруга ей полагалось "всего лишь" 18 тысяч рублей ежегодно, в то время как главные наследники получали сразу целые состояния, недвижимость и землевладения. Женитьба одинокого и богатого дяди, к тому же немолодого, и сейчас вряд ли кого-то обрадует. Надо полагать, не вызвало это восторга и у наследников Маразли.

Через месяц с небольшим после кончины Г.Г. Маразли, в начале июня 1907 г., в газете "Одесский листок" появились следующие сообщения: "Поверенный Русского для внешней торговли банка прис. пов. Г. Блюменфельд обратился в одес. дворянскую опеку с просьбою назначить опекуна к имуществу покойного Г.Г. Маразли для ответа по иску, предъявленному банком к имуществу Маразли и к гг. М.П. и Е.П. Дмитриевым в 50.400 руб. Поверенный предъявил определение одес. окружн. суда о необходимости назначить опекуна. По распоряжению опеки опекуном назначен прис. пов. М.А Кизлов"[58]; и "В камере мир. судьи 1 уч. находится в производстве дело о вызове наследников к имуществу Г.Г. Маразли"[59].

Зная родственное окружение М.Ф. Кич, можно легко установить, что вышеуказанными должниками была падчерица Маразли, дочь Марии Фердинандовны Екатерина Петровна Кич, в замужестве Дмитриева, и ее первый супруг Михаил Петрович Дмитриев.

В начале августа 1907 г. стали известны подробности этого дела:

М.П. Дмитриев, 1890-е годы

"Иск к имуществу Г.Г. Маразли. В гражданском отделении окружного суда вчера слушалось интересное дело по иску Русского для внешней торговли банка к Е.П. Дмитриевой (урожденной Кич) и к имуществу покойного Г.Г. Маразли в сумме 50.000 руб. Иск этот возник по следующему поводу: г-жа Дмитриева, рожденная Кич, нуждаясь в деньгах, получила в Русском для внешней торговли банке 50.000 руб. по векселям за ее подписью и подписью ее мужа М.П. Дмитриева. Такая крупная сумма была выдана банком благодаря письменному поручительству покойного Г.Г. Маразли, который под свою ответственность просил разрешить г-же Дмитриевой кредит в сумме 50.000 руб. Между тем, когда наступил срок уплаты, г-жа Дмитриева, проживающая вне Одессы, не внесла причитающейся по векселям суммы, и поверенный банка присяжный поверенный Г.Ф. Блюменфельд предъявил иск, прося взыскать с г-жи Дмитриевой 50.000 руб., а в случае ее несостоятельности взыскать эту сумму с имущества покойного Г.Г. Маразли, явившегося поручителем в деле.<...> По существу поверенный ответчика находил требования истца чрезмерными: по мнению г. Литвицкого, Русский для внешней торговли банк прежде всего должен был предъявить иск непосредственно к своей должнице, и только если бы последняя оказалась несостоятельной, тогда иск мог быть предъявлен и к поручителю. <...> Окружной суд <...> удовлетворил требования банка, постановив взыскать 50.000 руб. с г-жи Дмитриевой, а в случае ее несостоятельности — с имущества умершего Маразли <...>"[60].

Пока неизвестно, как складывались у Марии Фердинандовны отношения с первым главным наследником ее второго мужа — А.С. Сафоновым, который ненадолго пережил своего дядю и скончался уже в октябре 1908 г. (все же надо полагать, что особой любви он к ней не испытывал). Уже через три года после смерти Григория Григорьевича, в 1910 г., состоялся су-

дебный процесс между Марией Фердинандовной и внучатым племянником Маразли Петром Сергеевичем Толстым (1876-1918), к которому перешла основная часть наследства Маразли после смерти бездетного Сафонова. Согласно завещанию Г.Г. Маразли, о котором говорилось выше, его наследники должны выплачивать пожизненную пенсию его вдове в размере 18000 рублей в год из процентов капитала, специально положенного Г.Г. Маразли в Государственный банк[61]. Однако П.С. Толстой, наследник А.С. Сафонова, отказался от выплаты, мотивируя тем, что эта обязанность касалась только первого наследника Маразли, то есть А.С. Сафонова. Одесский окружной суд этот иск удовлетворил полностью. На это решение суда поверенным Толстого была подана в Судебную палату апелляционная жалоба, однако 28 апреля 1910 г. Судебная палата решение суда подтвердила[62]. Отметим, что сумма в 18 тысяч рублей, оставленная Маразли своей вдове, равнялась содержанию генерала, заседавшего в Государственном совете, и столько же получал начальник Генерального штаба[63].

В 1907 г. М.Ф. Маразли указана проживающей на Дерибасовской, 8, в доме своего супруга Г.Г. Маразли. После этого года она в одесских справочниках не встречается, при этом указано, что ее дом на Лидерсовском бульваре в 1910-х годах находился в аренде. Все это указывает на то, что вскоре после кончины второго мужа она уехала из Одессы и поселилась в своем имении в селе Рожок Микулинецкий Подольской губ., проживая также в Литине.

В январе 2008 г. проживающий в Швейцарии барон Николай Владимирович Штейгер прислал автору копию рукописи воспоминаний своего двоюродного деда барона Сергея Эдуардовича Штейгера. Среди этих объемных воспоминаний, воссоздающих эпоху, один эпизод относится к 1898-1899 годам, когда автор продает имение своей супруги и решает купить новое имение. Ему предлагают много вариантов, он попадает в разные курьезные истории, одна из которых относится к поискам для покупки имения в Подольской губернии: "Еду как-то осматривать два имения, оба на главной ж. д. линии Одесса-Киев. Первое в 7 в. от станции "Браилов", красивое по месту положения, но бездоходное, земля песок, описанный лес, давно срублен. Словом, все неправда. В досаде я не удержался и упрекнул милую владелицу старушку; она очень была сконфужена и в оправдание свое указывала на крайнюю необходимость продать имение и рассчитывала, что при осмотре покупатель увлечется красивым местоположением. Это имение я рекомендовал купить Марии Фердинандовне Кич (впоследствии вышедшей замуж за известного богача Гр.Гр. Маразли); она одновре-

менно искала для покупки имение, но требования наши были разные, и это имение казалось мне для нее подходящим; вскоре она его и приобрела, затратила для его устройства много денег, построила по плану известного архитектора Ю.М. Дмитренко новый прекрасный дом и была очень довольна"[64].

Супруги Кич расширяли владения при селении Микулинцы Литинского уезда. Так, 16 декабря 1900 г. П.Н. Кич приобрел у профессора К.Г. Тришителя за 63.356 руб. 351 десятину 2358 саженей земли "Урочище Корчевка"[65] а М.Ф. Маразли 29 ноября 1905 г. приобрела за 100.000 руб. у сына статского советника Б.А. Рикке и коллежского асессора В.А. Рикке 840 десятин 632 кв. сажени земли с мельницей[66], а 10 августа 1912 г. за 1100 руб. у коллежского советника Н.В. Оводова 114 десятин 2100 кв. саженей земли[67].

В январе 1908 г. достоянием общественности стала тяжба, связанная с постройкой усадьбы в имении, когда "Одесский листок" опубликовал статью "Иск к г-же М.Ф. Маразли": "В гражд. отд. окр. суда вчера слушалось любопытное в бытовом отношении дело по иску подрядчика Харитонова к вдове тайн. сов. М.Ф. Кич-Маразли в сумме 7 тыс. руб. Иск возник по след. поводу: несколько времени назад г-жа Маразли поручила Харитонову построить в ее имении в Подольской губ. каменный дом, условившись с ним в цене за 18500 руб. Из этой суммы Харитонову было уплочено только 15000 руб. и когда дом был готов, г-жа Маразли отказалась от уплаты остальной суммы. Между тем г. Харитонов, как он утверждает, произвел еще целый ряд дополнительных работ, не вошедших в первоначальную смету, и эти работы обошлись ему уже в 7 т. р. С своей стороны г-жа Маразли предъявила к Харитонову встречный иск в 7000 (нечетко видно. — **Авт.**) руб. указывая на то, что все работы Харитонова, в общем не удовлетворившие ее, были к тому же сделаны не вовремя. На это г. Харитонов возражал, что г-же Маразли, как особе избалованной и с причудливой фантазией, действительно трудно было угодить. Напр., в то время, когда полы были уже готовы, г-жа Маразли требовала сорвать их и заменить новыми паркетными; то вдруг ей не понравилось, что печь стояла в левом углу, и по ее распоряжению приходилось устанавливать печь в противоположный угол, а то вдруг ей казалось, что в такой-то комнате слишком много окон, которые нужно было переделывать в двери. Конечно, такие прихоти отнимали массу времени, и если принять еще во внимание то, что имение, где производилась постройка, отстояло в 15 верстах от города, откуда привозились строительные материалы, станет ясно, почему работы по постройке запоздали. Что касается самой постройки, то для

определения ее пригодности суд допросил несколько экспертов, которые удостоверили, что хотя дом и изобилует дефектами, но все же они оценили постройку в 28 т. р. Суд отложил объявление резолюции на 24 января"[68]. Вскоре было объявлено решение суда: "По делу М.Ф. Маразли с И.Я. Харитоновым суд вчера вынес резолюцию, коей постановлено взыскать с Марии Маразли в пользу истца 6054 руб. с издержками. Дело тянется пять лет"[69]. Таким образом, поскольку в мемуарах барона Штейгера речь идет о покупке имения в 1898-1899 годах, а в деле о судебном разбирательстве Марии Фердинандовны с подрядчиком указано, что дело тянется пять лет, можно сделать вывод, что имение было приобретено в период 1899-1902 годов.

Вскоре после кончины Маразли Мария Фердинандовна уезжает в свое имение в селе Рожок Микулинецкий Литинского уезда Подольской губ. Так, в одесских справочниках после 1907 г. она упоминается лишь как владелица особняка на Лидерсовском бульваре, сданного в аренду, а в переписке городской управы с родственниками Григория Григорьевича об установлении ему бюста хранятся два письма Марии Фердинандовны и приложенный к ним конверт от декабря 1907 г., отправленный из г. Литина[70] (в самом селе почты не было, и переписка шла через Литин).

Летом 2007 г. на сайте Института иудаики Украины (г. Киев) были размещены воспоминания "Литин после 1917 г.", подготовленные к публикации Е.Ю. Дыниной (имение Марии Фердинандовны находилось близ Литина):

"Провинциальные истории. Литин после 1917 г.

В селе Рожок Микулинецкий Литинского района в своем имении жила вдова миллионера грека Маразли, фрейлина Николая II (в Одессе была Маразлиевская улица, построенная ее мужем). Это была очень красивая женщина — высокого роста, стройная, черноглазая. Она носила траур по своему мужу — широкие черные одежды, черный креповый шарф до земли, поверх этих одеяний на цепи висел большой серебряный крест. В Литине у нее был небольшой особняк, в котором она жила большую часть времени до революции. В своем имении до 1917 г она почти не бывала, но после революции поселилась в Рожке.

Вдова иногда приезжала в Литин на автомобиле (автомобиль в то время в нашем городе был только у Маразли). В апреле 1919 г. представители советской власти Муня Лайнер и Бараш приехали из Литина в ее имение, конфисковали у нее очень большую библиотеку для организации городской библиотеки к Первому мая.

Оскорбленная Маразли сказала: "Я вам устрою праздник 1 мая". В ночь на 13 мая (по старому стилю — 1 мая) банда Шепеля, вооруженная на ее деньги, вошла в Литин, а за ней тянулась вереница телег — это крестьяне еще накануне приехали за обещанным атаманом еврейским добром. И начался погром. Во время погрома Маразли с высоким посохом в руке шествовала по главной улице, крича: "Убивать, убивать!". У нее были списки евреев по категориям — кого убить и ограбить, а кого только ограбить. Ее окружала свита — Шепель и несколько рядовых бандитов"[71].

В польском альманахе, издаваемом во Франции, "Zeszyty Hystoryczne" в 1973 г. были опубликованы воспоминания Станислава Стемповского (1870-1952), который с 1917 г. являлся официальным представителем польского меньшинства на Украине, а во время гражданской войны эмигрировал. Члены семьи помещиков Стемповских были землевладельцами того же уезда, что и Мария Фердинандовна. В главе "Винница (1917-1918)"[72] автор пишет, что предвидя погром имения, переехала в Литин богатая владелица Микулинцов госпожа Маразли, вдова греческого консула в Одессе. Он называет ее "спиритисткой" (то есть увлекающейся спиритизмом) и сообщает, что она была приговорена местными евреями к смерти. В книге К.Г. Котельникова "Крестьянское движение в 1917 году" (1927 г.) сообщается: "Телеграммой 9 мая сообщается о произведенном 4 мая в имении П. (так! — **Авт.**) Маразли Микулинецкой волости Литинского у. грабеже вооруженной шайкой из 20 человек в солдатской форме с повязками...". Как сообщил в письме краевед, школьный учитель из села Микулинцы, где находилось имение М.Ф. Маразли, Ю.А. Яницкий, в советское время усадьба была полностью уничтожена, лишь частично сохранился парк при ней. Кроме того, он сообщает: "Є окремі свідчення про те, що вона була надзвичайно доброю жінкою, турбувалась про сиріт, допомогала бідним, опікувалась школою та церквою"[73].

В 1989 г. греческим профессором Константином Папулидисом в Фессалониках была издана книга о Г.Г. Маразли "Γρηγοριοζ Γ. Μαρασληζ (1831-1907). Η Ζωη και το Εργο το: Συμβολη στη δραστηριοτητα του ελλ–ηνισμου τηζ Ρωσιαζ" ("Григориос Г. Маразлис (1831-1907). Его жизнь и дела..."), в которой он уделил несколько страниц родственникам и наследникам Г.Г. Маразли, в том числе М.Ф. Маразли и ее дочери, упоминающейся в тексте как "Луцевина":

"По неизвестным для нас причинам русская супруга Г.Г. Маразли находилась в Афинах и просила защиту и кров. Директор Маразлиевской школы предложил ей комнату в подвале здания. Там ее встретил в 1928

году преподаватель Высшей школы экономики и торговли — Георгий Харитакис, который упомянул об этом факте министру Е. Венизело. Последний, в свою очередь, издал специальный указ, на основании которого вдове Г.Г. Маразли предоставлялась "пожизненная почетная пенсия". Так могла противостоять элементарным жизненным потребностям вдова национального благодетеля (1935 г.).

Из остальных членов семьи знаем только о госпоже Loutzevine, которая жила в 1958 году в Ницце во Франции в возрасте 75 лет и была очень бедной. Согласно документам, россиянка эмигрировала во Францию и упоминалась как "невестка незабвенного Г.Г. Маразли". В то время Loutzevine занималась административным органом Высшей школы экономики и торговли: "После обсуждения решается, что школа будет участвовать посильными суммами в расходах по предоставленной помощи невестке незабвенного Г.Г. Маразли, насколько будут позволять правомерные условия". По всей вероятности, госпожа Loutzevine была супругой племянника Г.Г. Маразли, Александра С. Сафонова-Маразли"[74].

В 1995 г. этот же исследователь поместил в редактируемом им греческом журнале "Βαλκανικα Συμμεικτα" статью "Νεα ανεκδοτα αρχειακα στοιχεια για τον εθνικο ευεργετη Γρηγοριο Γ. Μαρασλη (1831-1907)"[75], которая дополнила уже известные факты о судьбе вдовы Маразли и ее детей некоторыми новыми сведениями из документов, хранящихся в историческом архиве министерства иностранных дел Греции в Афинах. Копию этих материалов профессор Папулидис любезно прислал авторам настоящей статьи. В этой публикации приведены письма Марии Фердинандовны Маразли на французском языке, которые она написала в Одессе в 1923-1924 гг. (!). Согласно им, в этот период она проживала в Одессе на Черноморской ул., 8* (совсем недалеко от дома, где она проживала длительное время вместе с П.Н. Кичем и их детьми на Лидерсовском бульваре), и, испытывая крайнюю нужду, обратилась через уполномоченного Комитета Красного Креста в Одессе в Греческое отделение Красного Креста с просьбой о помощи. Она пишет, что хочет уехать из Одессы с сыном Филиппом, который страдает неврозом и заболеванием почек, "работы в Одессе он найти не может и живет в страшной нищете". Она не может уехать без сына, принимая во внимание его болезнь. Ее дочь, проживающая в Ницце, также в тяжелом материальном положении, она нуждается в операции, а денег нет, муж ее работает шофером и получает мало. В ка-

* Дом не сохранился.

честве помощи больной дочери она просит передать ей 7.000 франков, отложенных в Женевском отделении Красного Креста. Она хочет уехать к дочери и просит ей в этом помочь. Греческий Красный Крест откликнулся на просьбу Марии Фердинандовны и выслал ей сначала 10.000 франков, а позже еще 3.000. Министерство иностранных дел откликнулось на заявление о помощи вдове Г.Г. Маразли и позаботилось об обеспечении, вслед за утверждением Совета Министров, в сумме 10.000 французских франков. Присланные деньги пошли на оплату операции, сделанной дочери, Екатерине Павловне. Операция прошла удачно, но оставила Марию Фердинандовну опять без средств. В следующем, 1924 г., она снова обратилась с заявлением и попросила дополнительную помощь в сумме 5.000, которая и была субсидирована. Видимо, помощь в очередной раз была ей оказана, так как в 1928 г. она уже проживала в Афинах. На основании специального указа министра внутренних дел Греции ей была назначена "пожизненная почетная пенсия". Согласно этим же документам, скончалась она после 1935 г.

Скончалась Мария Фердинандовна в возрасте 85 лет 25 марта 1945 г. и была похоронена на кладбище Кокад в Ницце. Надпись на надгробной плите гласит: "МАРІЯ ФЕРДИНАНДОВНА МАРАЗЛИ 20-08-1859 — 25-5-1945". Где она скончалась — в Греции или во Франции, — пока неизвестно (в мэрии г. Ниццы хранится только свидетельство о кончине в этом городе ее сына, документы же о Марии Фердинандовне и Ивановых-Луцевиных отсутствуют)[76].

Продолжим повествование рассказом о детях семьи Кич. Упоминание в формулярном списке П.Н. Кича двух детей было полной неожиданностью. Сведения о них ранее никогда не встречались! На момент составления формуляра отца (1885 г.) они были малолетними, и дальнейшая их судьба некоторое время была неизвестной.

Сын, Филипп Павлович Кич, родился 16 ноября и крещен 9 декабря 1879 г. в той же церкви, где в феврале того же года венчались его родители — портовой Всех Святых и Св. Николая в Одессе[77]. Восприемниками при крещении выступили его дядя по отцу, старший адъютант Одесского окружного артиллерийского управления подполковник Александр Николаевич Кич, и бабушка по матери — вдова полковника Екатерина Петровна Наркевич. В 1901 г. он окончил престижный Александровский (бывший Царскосельский) лицей[78] в Санкт-Петербурге и 2 октября того же года вступил в государственную службу.

В 24-летнем возрасте Ф.П. Кич впервые становится уездным предво-

дителем дворянства: сначала ковельским (8 июля 1904 — 1905), затем житомирским (17 сентября 1905 — 1909), Волынской губернии, а 12 февраля 1912 г. он избирается могилевским (Подольской губ.) уездным предводителем дворянства. В разное время (1909-1914) он состоял почетным мировым судьей Житомирского, Староконстантиновского, Волынского, Ананьевского, Могилевского судебных округов, членом учетно-ссудного комитета при Житомирском отделении Государственного банка, попечителем житомирской первой мужской гимназии и почетным членом Могилевского уездного попечительства детских приютов[79]. С 1909 г. был почетным попечителем дач Киевского благотворительного общества в Житомире, пос. Екатериновке и Пуще-Водице. На 1914 г. Ф.П. Кич — могилевский уездный предводитель дворянства и председатель Могилев-Подольского отделения Российского общества Красного Креста[80]. В 1915 г. он служил по Ведомству учреждений императрицы Марии — числился при Сулимовском пансионе Киевского благотворительного общества[81]. Дальнейшая его карьера пока не известна: в "Адрес-календаре на 1916 год" Ф.П. Кич не упоминается, а в 1917 г. это издание не вышло[82]. Последнее упоминание о нем до эмиграции относится к 1923-1924 гг., когда он проживал вместе с матерью в Одессе.

Коллежский асессор (с 9 октября 1904 и на 1909), коллежский советник (2 октября 1912), надворный советник (на 1913, 1915), статский советник (согласно документам кладбища Кокад). Имел ордена Св. Анны 3 ст. (15 июля 1906) и Св. Анны 2 ст. (1 января 1909), а также медали в память 25-летия восстановления церковноприходских школ и в память 300-летия царствования Дома Романовых.

После смерти отца Ф.П. Кич унаследовал имение Шмырки в Волынской губернии (в 1910-х годах ему принадлежало там 6929 десятин земли), и вскоре определением дворянского собрания от 17 августа 1905 г. Филипп Кич, сын Павла Николаева (из дворян Херсонской губернии) был внесен во 2-ю часть дворянской родословной книги Волынской губернии[83]. В 1915 г. он выставил на продажу имение отца при дер. Царедаровке (Федоровке) и Малой Врадиевке 640 дес., оцененное в 18.800 руб.[84]

В Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (г. Киев) хранятся пять его писем 1913 г. подольскому губернатору графу Алексею Николаевичу Игнатьеву (1874-1948)[85].

Как уже говорилось выше, за неделю до смерти отца, в феврале 1905 г., Ф.П. Кич венчался с Ольгой Вячеславовной, согласно газетной заметке, "внучкой графа Мусина-Пушкина". На самом деле Ольга Вячеславовна бы-

ла дочерью Вячеслава Акинфиевича Познякова (ум. до 1893), предводителя дворянства Дорогобужского уезда Смоленской губ. (1883-1890), владельца имения в селе Рыбки того же уезда, и Елизаветы Павловны Краснопольской (1863-1943)[86]. После кончины супруга Е.П. Познякова в 1893 г. вышла замуж за графа Александра Александровича Мусин-Пушкина (1856-1907), смоленского вице-губернатора, затем вологодского и минского губернатора, впоследствии камергера и действительного статского советника[87]. Последний приходился родным сыном командующему войсками Одесского военного округа графу Александру Ивановичу Мусин-Пушкину (1827-1903), с чем, вероятно, и связана ошибка журналистов, назвавших невесту Ф.П. Кича "внучкой графа Мусин-Пушкина". Не позднее 1910-1911 гг. Филипп Павлович развелся с супругой, которая в 1913-1914 гг. проживала в Киеве на ул. Банковой, 5. По сообщению графа А.А. Мусин-Пушкина, О.В. Кич умерла от тифа во время первой мировой войны[88].

Второй супругой Ф.П. Кича (брак был заключен в конце 1910 или в 1911 г.) стала его троюродная сестра по линии матери, Елизавета Николаевна Иванова-Луцевина[89] (28.11.1882 — 13.06.1963)[90], до этого бывшая с 1906 по 1911 гг. фрейлиной высочайшего двора[91]. Она была дочерью генерала от кавалерии (1908), генерала-адъютанта (1914) Николая Федоровича Иванова-Луцевина (1839-1929)[92] и Елизаветы Павловны, урожд. княжны Абамелик (1853-1925). Николай Федорович первоначально носил фамилию Иванов, но желая выделиться (одновременно с ним даже среди генералов было несколько носителей этой фамилии), между 1897 и 1903 гг. принял двойную фамилию Иванов-Луцевин в честь своего предка, генерал-майора Ф.А. Луцевина. Он был командиром: 6-го Глуховского драгунского полка (1876-1882), затем лейб-гвардии Драгунского полка (1882-1885), 3-й бригады 2-й гвардейской кавалерийской дивизии (1885-1889), начальником гвардейской бригады кавалерийского запаса (1889-1894), состоял для особых поручений при командующем войсками Московского военного округа (1894-1906). С 1906 г. — почетный опекун Санкт-Петербургского присутствия Опекунского совета учреждений императрицы Марии. В 1918 г. через семью Толстых (наследников Маразли) в Одессе состоял в переписке с императорской семьей в Екатеринбурге. Умер в эмиграции во Франции и похоронен с семьей на кладбище Кокад в Ницце. Н.Ф. Иванов-Луцевин был помещиком сельца Рашино Бежецкого уезда Тверской губернии, а его супруга — сел Буйволовцы Проскуровского и Негин Каменецкого уездов Подольской губ., и Петроверовки Херсонской губ.[93]

В ноябре 1919 г. Филипп Павлович и Елизавета Николаевна Кичи по паспортам, выданным 16 сентября того же года Каменец-Подольским губернским комиссаром, прибыли в Румынское королевство[94]. При этом в том же источнике, "Паспортной книге Российского консульства в Бухаресте", одна, без мужа, Елизавета Николаевна Кич фигурирует еще дважды: в декабре 1920 г. с паспортом, выданным 21 ноября 1919 г. Российским консульством в Бухаресте[95], и в ноябре 1922 г. с паспортом, выданным тем же консульством 21 ноября 1921 г.[96] Как уже сообщалось выше, М.Ф. Маразли в 1923 г. писала из Одессы, что проживает здесь с больным сыном Филиппом и хочет выехать с ним за границу. Получается, что Ф.П. Кич, уже находясь в эмиграции в Румынии, оставил там супругу и вернулся в период 1919-1920 г. в Одессу за матерью, но эмигрировать они не успели (в начале февраля 1920 г. Одесса была окончательно занята красными).

После 1924 г. М.Ф. Маразли и ее сын все же эмигрировали, и последний с супругой поселились во Франции. Скончался Филипп Павлович 10 июня 1943 г. в Ницце и был похоронен на русском кладбище Кокад. В свидетельстве о его смерти указано (перевод с французского): "Кич Филипп (Kitch Philippe), 10-го июня 1943 г. в 11 часов умер у себя дома, 34 рю де Шатонеф, рожден в Одессе (Россия) 15-го ноября 1879, без профессии, сын умершего Павла Кич и его вдовы Марии Наркевич, без профессии. Разведен с Ольгой Позняковой и женат вторым браком на Елизавете Иванов-Луцевин"[97]. Супруга пережила его на двадцать лет.

Екатерина Павловна Кич родилась 31 декабря 1882 г. и крещена 9 апреля 1883 г. в портовой церкви Всех Святых и Св. Николая в Одессе[98]. Восприемниками при крещении выступили супруг ее тетки, состоящий в распоряжении генерал-губернатора коллежский секретарь Константин Эрастович Андреевский, и тетка, вдова майора Софья Николаевна Колобова (сестра П.Н. Кича). В первом браке Е.П. Кич была замужем за Михаилом Петровичем Дмитриевым (25.02.1876, Одесса — до 3.02.1935, Кишинев, Бессарабия)[99], сыном капитана корпуса горных инженеров Петра Николаевича и его супруги Наталии Петровны, представителем большого влиятельного в Одессе и губернии клана Дмитриевых (им принадлежали дома в центре Одессы и несколько имений), состояние которых исчислялось миллионами. Его дед — надворный советник Николай Дмитриевич Дмитриев — был предводителем дворянства Одесского уезда (1851-1856) и гласным Одесского уездного земского собрания от землевладельцев, отец Петр Николаевич и дядя Иван Николаевич (оба скончались в Одессе в феврале 1908 г.) — предводителями дворянства Тираспольского и Ананьевского уездов, брат Нико-

лай был членом Одесской городской управы. Михаил Петрович был сопричислен к роду отца и деда определением Херсонского дворянского депутатского собрания от 28 декабря 1884 г. и внесен в 3-ю часть Дворянской родословной книги, род утвержден в потомственном дворянстве указом Правительствующего Сената по Департаменту герольдии № 10996 от 23 декабря 1852 г.[100]. Прослушав 4 семестра в имп. Московском университете и не окончив его, он избрал военную службу, и 13 августа 1901 г. был выпущен корнетом в 37-й драгунский Военного Ордена генерал-фельдмаршала графа Миниха полк, 20 февраля 1906 г. зачислен в запас, а 3 июня 1913 уволен в отставку в чине поручика[101].

Надгробие М.Ф. Маразли на кладбище Кокад в Ницце Фото Nadine Venouil

В Тираспольском уезде ему принадлежало 2100 десятин земли. Уже после развода с Е.П. Кич Дмитриев в декабре 1912 г. был избран в 4-ю Государственную Думу, входил во фракцию центра. Во втором браке Екатерина Павловна была замужем за предводителем дворянства проскуровского уезда Волынской губ. (19 февраля 1908 — 1917) Павлом Николаевичем Ивановым-Луцевиным[102] (23.09/06.10.1880 — 12.01.1956)[103], братом Е.Н. Ивановой-Луцевиной, супруги Ф.П. Кича (Ф. Кич и П. Иванов-Луцевин оба были предводителями дворянства уездов Волынской губ.). Павел Николаевич окончил сельскохозяйственный институт (впоследствии занимался опытами по сельскому хозяйству), 12 июля 1907 г. вступил в службу по ведомству МВД. Титулярный советник (2 сентября 1908). Почетный мировой судья Проскуровского округа, кавалер ордена Св. Анны 3 ст. (6 декабря 1910)[104].

В 1912 г. в Могилев-Подольском уезде при местечке Озаринцы (имении отца) Екатерине Павловне принадлежало 866 десятин земли[105]. Также можно отметить, что она была поэтессой-любительницей. Скончалась она 23 июля 1963 г. и была похоронена на кладбище Кокад в Ницце.[106]

Павел Николаевич и Екатерина Павловна Ивановы-Луцевины прибыли в Румынию с паспортами Одесского градоначальства от 20 декабря 1919 г., направляясь во Францию, и в октябре 1920 г. получили свидетельст-

ва в Российском консульстве в Бухаресте[107]. Как следует из письма ее матери, в 1923 г. Екатерина Павловна проживала в г. Ницце по адресу: Park Imperiale, Villa des Terrasses.

Как стало известно благодаря сведениям, любезно сообщенным И.И. Грезиным (Швейцария), Филипп Павлович Кич вместе с супругой, ее родителями, сестрой и ее мужем были похоронены на православном кладбище Кокад в Ницце[108]. Елизавета Николаевна Кич (урожд. Иванова-Луцевина) и Екатерина Павловна Иванова-Луцевина (урожд. Кич) умерли в преклонном возрасте почти одновременно, соответственно в июне и июле 1963 года. Были ли у обеих потомки, пока неизвестно. Захоронения М.Ф. Маразли, Кичей и Ивановых-Луцевиных на кладбище Кокад в Ницце находятся рядом (участки №№ 781-783). За общим надгробием М.Ф. Маразли, Кичей и Ивановых-Луцевиных давно никто не ухаживал[109], что может свидетельствовать о том, что потомков этой семьи не осталось.

Примечания

[1] Slownik polsko-rossyisko-niemiecki przez I.A.E. Szmidta.— Wroclawiu, 1834. — С. 168.

[2] Полный словарь польского и русского языка, составленный П.П. Дубровским. Т. 1. Варшава, 1877. С. 173.

[3] Статья "Кич" в польской "Википедии", свободной интернет-энциклопедии http://pl.wikipedia.org/wiki/Kicz

[4] Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М, 1987. С. 223.

[5] Де-Рибас А. Старая Одесса. — М., 2005. С. 261.

[6] Послужной список Н.Ю. Кича // Российский государственный военно-исторический архив, г. Москва (далее — РГВИА), ф. 400, оп. 12, д. 709, л. 34-36. Сообщено А.В. Лебединской.

[7] Новороссийский календарь на 1840 год. — Одесса, 1839. С. 82.

[8] Послужной список Н.Ю. Кича.

[9] Ведомость Тираспольской единоверческой Покровской церкви, причтах ея и прихожанах за 1838 г. // Государственный архив Одесской области, г. Одесса (далее — ГАОО), ф. 37 (Херсонская духовная консистория), оп. 1а, д. 292, л. 484. Сообщено А.В. Пивоваром.

[10] О дворянстве рода Кич (1873-1892 гг.) // Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург (далее — РГИА), ф. 1343, оп. 23, д. 3496, л. 63-63 об. Сообщено М.Ю. Линниченко.

[11] Послужной список Н.Ю. Кича. Л. 36.

[12] Slownik geograficzny Krolestwa Polskiego i innych krajow slowianskich / Pod red. F. Sulimierskiego, B. Chlebowskiego, W. Walewskiego. T. II. — Warszawa, 1881. P. 402. Сообщено П. Бец.

[13] Извещение о смерти А.Н.Кича // Одесский вестник. 1892, 23 сентября.

[14] Послужной список А.Н.Кича //РГВИА, ф. 400, оп. 12, д. 11824, л. 12-16. Сообщено А.В. Лебединской.

[15] О дворянстве рода Кич. Л. 13.

[16] Дело студента Императорского Московского университета П.Н. Кича // Центральный Исторический архив Москвы (далее — ЦГИА г. Москвы), ф. 418, оп. 32, д. 282. Сообщено М.Ю. Катин-Ярцевым.

[17] Метрическая запись о бракосочетании П.Н. Кича и М.Ф. Наркевич в метрической книге портовой церкви Всех Святых и Св. Николая в Одессе на 1879 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 12, д. 6, л. 313 об. — 314.

[18] Журнал гражданского и уголовного права. 1893. Май. — СПб., 1893. С. 11-22.

[19] Свод постановлений общих собраний членов-заемщиков земского банка Херсонской губернии с 1864 по 1903 г. — Одесса, 1904.

[20] Новороссийский календарь на 1891 год. — Одесса, 1890. С. 208.

[21] Список гражданским чинам первых четырех классов. Часть вторая. Чины четвертого класса. — СПб., 1894. С. 1147; Список гражданским чинам четвертого класса на 1899 г. С. 733.

[22] Там же.

[23] Формулярный список о службе председателя Одесского коммерческого суда коллежского советника Павла Николаевича Кича (составлен 8 июня 1885 года) в деле о дворянстве рода Кич // РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 3496, л. 31 об., сообщено М.Ю. Линниченко; Список гражданским чинам первых четырех классов. Часть вторая. Чины четвертого класса. — СПб., 1894. С. 1147; Список гражданским чинам четвертого класса на 1899 г. С. 733.

[24] Дело о дворянстве рода Кич. Л. 16-21, 47-50.

[25] Лукомский В.К., Тройницкий С.Н. Перечень родам и лицам, гербы которых утверждены или пожалованы российскими монархами, а также утверждены Правительствующим Сенатом Временного правительства России / Подготовка и ред. Е.А. Агафоновой, А.А. Шумкова и С.О. Экземплярова. — СПб., 2004. С. 86.

[26] Формулярный список о службе председателя Одесского коммерческого суда коллежского советника Павла Николаевича Кича. Л. 31-38 об.

[27] Сенатские объявления о запрещениях. СПб., 1870. — №№ 20493, 20494, 20495. Ст. 621. Здесь и далее сведения из этого источника сообщены А.В. Лебединской.

[28] Список гражданским чинам первых четырех классов. Часть вторая. Чины четвертого класса.— СПб., 1894. С. 1147; Список гражданским чинам четвертого класса на 1899 г. С. 733.

[29] Список земельных владений, принадлежащих частным землевладельцам, товариществам, крестьянским обществам, разным учреждениям и церквям в Ананьевском уезде. — Ананьев, 1899. С. 32.

[30] Сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам. — СПб., 1888. — № 31378. — Разряд XIV. — Ст. 664.

[31] Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Адрес-календарь Российской империи. Ч. 2. (раздел Алфавит землевладельцев). — СПб., 1899. С. 67. Сообщено И.Г. Лильп.

[32] Весь Юго-Западный край: Справ. и адрес. книга по Киевской, Подольской и Волынской губерниям / Под ред. А. Ярошевича. — К., 1913. С.890.

[33] Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Адрес-календарь Российской империи. Ч. 2. (раздел Алфавит землевладельцев). — СПб., 1902. С. 67. Сообщено И.Г. Лильп.

[34] Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Адрес-календарь Российской империи. Ч. 2. (раздел Алфавит землевладельцев). — СПб., 1902. С. 67. Сообщено И.Г. Лильп; Весь Юго-Западный край на 1906 год: Справ. книга торгово-промышленных и фабрично-заводских предприятий, администрации и крупного землевладения в губерниях Киевской, Волынской и Подольской / Под ред. Н. Струца. — К., 1906. Стб. 55: Список землевладельцев Юго-Западного края.

[35] Весь Юго-Западный край... — К., 1913. С. 1010.

[36] Сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам. — СПб., 1886. — № 33821. — Разряд XIV — Ст. 633.

[37] Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1889 год. — Одесса, 1888. С. 127. То же на 1893 г., с. 124.

[38] Список недвижимых имуществ города Одессы по улицам, кварталам и нумерам в черте бывшей Старопортофранковской улицы. — Одесса, 1899. С. 59.

[39] Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1901 год. — Одесса, 1900. С. 226.

[40] Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1903 год. — Одесса, 1903. С. 611.; Вся Одесса: Адресная и справочная книга на 1904/5-й год / Изд. и ред. Л.А. Лисянского. — Одесса, 1904. С. 103. Здесь Мария Фердинандовна значится еще под фамилией первого мужа, хотя, как известно, с октября 1903 г. она уже была в браке с Г.Г. Маразли. Видимо, сведения для справочника собирались до 1903 г.

[41] Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1903 год. — Одесса, 1903. С. 353.

[42] Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1904 год. — Одесса, 1904. С. 239.

[43] Одесский листок. — 1904, 3 апреля. Илл. прил. — с. 7.

[44] Постановления Ананьевского уездного очередного земского собрания сессии 1904 года. — Ананьев, 1904. С. 54. (Утреннее заседание 9-го июня 1904 года.) Сообщено А.И. Пешим.

[45] Запись об отпевании П.Н. Кича в метрической книге Сретенской церкви г. Одессы на 1905 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 13, д. 674, л. 120 об. — 121. Сообщено А.И. Пешим.

[46] Одесский листок. — 1905, 26 февраля, 3 марта.

[47] Одесские новости. — 1905, 26 февраля. Сообщено А.В. Лебединской.

[48] Одесские новости. — 1905, 27 февраля. Сообщено А.В. Лебединской.

[49] Одесский листок. — 1905, 9 октября. С. 1; Одесские новости.-1905, 11 октября. С. 4.

[50] Запись об отпевании П.Н. Кича в метрической книге Сретенской церкви г. Одессы на 1905 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 13, д. 674, л. 120 об. — 121. Сообщено А.И. Пешим.

[51] Метрическая книга Кафедрального Преображенского Собора г. Одессы на 1905 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 13, д. 636, л. 164 об. — 165.

[52] Отчет комиссии по сооружению памятника-фонтана А.С. Пушкину в г. Одессе. — Одесса, 1889. С. 23.

[53] Краткий исторический очерк Одесского отделения императорского Русского музыкального общества и состоящего при нем музыкального училища за двадцать пять лет (1886-1911). Составленное В.И. Малишевским. — Одесса, 1911. С. 8.

[54] Адрес-календари Одесского градоначальства на 1900-1905 гг.

[55] Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1905 г.

[56] Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1907 г. — Одесса, 1907. С. 207; то же на 1908 г.

[57] Запись о бракосочетании Г.Г. Маразли и М.Ф. Кич в метрической книге Греческой Свято-Троицкой церкви в Одессе на 1903 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 13, д. 584, л. 43 об. — 44.

[58] Одесский листок. — 1907, 10 июня. № 133.

[59] Там же.

[60] Одесский листок. — 1907, 3 августа. № 177. Л. 3.

[61] Завещание Г.Г. Маразли в Собрании семейных документов баронов Фредериксов // РГИА, ф. 1101, оп. 2, д. 303. Сообщено В.П. Кириллиной.

[62] Одесский листок. — 1910, 11, 29 апреля; Одесские новости. — 1910, 29 апреля, № 8102.

[63] Жильцов К.В. Социальный статус генерала в России в начале XX в. // Вопросы истории. — 2007. — № 4. С. 156.

[64] Воспоминания барона С.Э. Штейгера. Рукопись. Часть 7. Л. 718-720. Архив С.Г. Решетова.

[65] Сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам. — СПб., 1903. — № 74011. Разряд XVI. Ст. 719.

[66] Сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам. — СПб., 1906. — № 3717. Разряд XVI. Ст. 35.

[67] Сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам. — СПб., 1913. — № 163857. Разряд XVI. Ст. 1406.

[68] Одесский листок. — 1908, 4 января. № 3. С. 3. [Судебная хроника.] Сообщено Т.Н. Ивановой.

[69] Одесский листок. — 1908, 27 января. № 23. С. 3. [Судебная хроника.] Сообщено Т.Н. Ивановой.

[70] Письмо М.Ф. Маразли без даты городскому голове Одессы В.Я. Протопопову от декабря 1907 г. // ГАОО, ф. 16, оп. 83, д. 141, л. 22-23.

[71] Провинциальные истории. Литин после 1917 г. / Публ. Е.Ю. Дыниной // Веб-сайт Института иудаики, г. Киев. http://judaica.kiev.ua/mnemosina/mnemo-hyst1.htm

[72] Stempowski S. Wspomnienia. Zeszyty Hystoryczne. Paryz, 1973. T. 230. N° 24. P. 86, 87, 130. Сообщено В.И. Векслером.

[73] Письмо Ю.А. Яницкого, декабрь 2007 г. Архив С.Г. Решетова.

[74] Παπουλιδηζ, К.К. Γρηγοριοζ Γ. Μαρασληζ (1831–1907). Η Ζωη και το Εργο το: Συμβολη στη δραστηριοτητα του ελληνισμου τηζ Ρωσιαζ. — Θεσσαλονικη, 1989. Σ. 106.

[75] Παπουλιδηζ, Κωνσταντινοζ К. Νεα ανεκδοτα αρχειακα στοιχεια για τον εθνικο ευερ–γετη Γρηγοριο Γ. Μαρασλη (1831-1907) // Balkanika Symmeikta. — Т. 7. — Θεσσαλονικη, 1995. Σ. 160-169.

[76] Письмо П.Д. Лукина (Франция), март 2009 г. Архив С.Г. Решетова.

[77] Метрическая запись о крещении Ф.П. Кича в метрической книге портовой церкви Всех Святых и Св. Николая в Одессе на 1879 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 12, д. 6, л. 303 об. — 304.

[78] Памятная книжка лицеистов, 1811-1911 / Изд. ... Императорского Александровского лицея. — СПб., 1911. С. 157.

[79] Список лиц, служащих по ведомству министерства внутренних дел, 1906 года: (Исправлен по 15 января). — СПб., 1906. Ч. II: Губернии, области и градоначальства. С. 106; Список лиц, служащих по ведомству министерства внутренних дел, 1907 года: (Исправлен по 6 декабря 1906 г.). — СПб., 1907. Ч. II. С. 105; Список лиц, служащих по министерству внутренних дел, 1908 года. — СПб., 1908. Ч. II. С. 105; Список лиц, служащих по министерству внутренних дел 1909 года. Ч. II. — СПб., 1909. С. 105; Список служащих по министерству внутренних дел 1914 года: (Исправлено по 1 января. — СПб., 1914. Ч. II. С. 502.

[80] Адрес-календарь, общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1914 г. Часть 1. Стлб. 1870; Часть 2. Стлб. 257.

[81] Адрес-календарь, общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц ... на 1915 г. Ч. 1 Стлб. 1494. Сообщено А.В. Красько.

[82] Сообщено А.В. Красько.

[83] Список дворян Волынской губернии. — Житомир, 1906. С. 183.

[84] Записки Императорского общества сельского хозяйства Южной России. — Одесса, 1915. № 3-4-5. Сообщено А.И. Пешим.

[85] Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского, г. Киев, ф. 87 (личный фонд графа Игнатьева), д. 311, 315; ф. 3 (фонд переписки разных лиц, собранный А.Ю. Крымским и др.), д. 65222, 65224. Сообщено И.Б. Усенко.

[86] Almanach de St-Petersbourg. Cour, monde et ville. 1912. — P. 367; Незабытые могилы: Российское зарубежье: Некрологи 1917-1997 / Рос. гос. б-ка; Сост. В.Н. Чуваков. Т. 4. — М., 2004. С. 678.

[87] Almanach de St-Petersbourg. Cour, monde et ville. 1912. — P. 367; Ferrand J. Histoire et Genealogie des nobles et comtes Moussine-Pouchkine. — Paris, 1994. P. 105-179; Ferrand J. Les familles comtales de l'ancien Empire de Russie. Vol. 1. — Paris, 1997. P. 110-120.

[88] Письмо графа Андрея Андреевича Мусин-Пушкина (Франция) от мая 2009 г. со ссылкой на сообщение Маргариты Константиновны Винятской. Архив С.Г. Решетова.

[89] Almanach de St-Petersbourg. Cour, monde et ville. 1912. P. 262.

[90] Материалы для некрополя Русского кладбища Кокад в Ницце, собранные И.И. Грезиным, 1996-2001.

[91] Придворный календарь на 1906-1911 гг.

[92] Список генералам по старшинству. Составлен по 15-е апреля 1914 г. — СПб., 1914. С. 75; Незабытые могилы. Т. 3. — М., 2001. С. 34.

[93] Almanach de St-Petersbourg. Cour, monde et ville. 1912. P. 262; 1913/14. P. 261; Весь Юго-Западный край: Справ. и адрес. книга по Киевской, Подольской и Волынской губерниям / Под ред. А. Ярошевича. — К., 1913.

[94] Государственный архив Российской Федерации, г. Москва (далее — ГАРФ), ф. Р-7788 (Представитель международной службы Нансена по делам эмигрантов при Лиге наций в Румынии), оп. 1, д. 1 "Паспортная книга Российского императорского консульства в Букаресте за 1913-1920 гг.". Л. 124 об. — 125. Сообщено А.В. Богинским.

[95] То же. Д. 2 "Паспортная книга Российского консульства в Букаресте. Июль 1920 г. — май 1921 г.". Л. 12 об. — 13. Сообщено А.В. Богинским.

[96] То же. Д. 6 "Паспортная книга Российского консульства в Букаресте. 1922 г.". Л. 40 об. — 41. Сообщено А.В. Богинским.

[97] Копия свидетельства о смерти Филиппа Кича, выданная мэрией г. Ниццы 25 февраля 2009 г. — Письмо П.Д. Лукина (Франция), март 2009 г. Архив С.Г. Решетова.

[98] Метрическая запись о крещении Е.П. Кич в метрической книге портовой церкви Всех Святых и Св. Николая в Одессе на 1883 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 12, д. 65, л. 252 об. — 253.

[99] Незабытые могилы. Т. 2. С. 350.

[100] Дело студента имп. Московского университета М.П. Дмитриева // ЦГИА г. Москвы, ф. 418, оп. 310, д. 275. Сообщено М.Ю. Катин-Ярцевым.

[101] Послужной список М.П. Дмитриева // РГВИА, ф. 409, оп. 2, послужной список № 265-797, лл. 6-10. Сообщено М.Ю. Катин-Ярцевым.

[102] Almanach de St-Petersbourg. Cour, monde et ville. 1912. P. 262; Весь Юго-Западный край: Справ. и адрес. книга по Киевской, Подольской и Волынской губерниям / Под ред. А. Ярошевича. — К., 1913. С. 1042, 1043. Список лиц, служащих по ведомству министерства внутренних дел 1914 года (исправлено по 1 января). Часть II. (Генерал-губернаторства, губернии, области и градоначальства). — СПб., 1914. С. 501.

[103] Материалы для некрополя Русского кладбища Кокад в Ницце, собранные И.И. Грезиным, 1996-2001 гг.

[104] Список лиц, служащих по ведомству министерства внутренних дел 1914 года (исправлено по 1 января). Часть II. (Генерал-губернаторства, губернии, области и градоначальства). — СПб., 1914. С. 501.

[105] Весь Юго-Западный край: Справ. и адрес. книга по Киевской, Подольской и Волынской губерниям / Под ред. А. Ярошевича. — К., 1913. С. 1029.

[106] Материалы для некрополя Русского кладбища Кокад в Ницце, собранные И.И. Грезиным, 1996-2001 гг.

[107] ГАРФ, ф. Р-7788 (Представитель международной службы Нансена по делам эмигрантов при Лиге наций в Румынии), оп. 1, д. 2 "Паспортная книга Российского консульства в Букаресте. Июль 1920 г. — май 1921 г.". Л. 1. Сообщено А.В. Богинским.

[108] Материалы для некрополя Русского кладбища Кокад в Ницце, собранные И.И. Грезиным, 1996-2001 гг.

[109] Письмо N. Venouil (Франция), сентябрь 2008 г. Архив С.Г. Решетова.

Владимир КАТКЕВИЧ

Пароль Артура Анатра
Главы из романа

Интерпол ловит щипача

Подкомиссар Лурье, являясь штатным сотрудником Морпола в Израиле, подразделения, ориентированного на борьбу с международными морскими преступлениями, лукавил. Поездка на неисторическую Родину, инициированная в пожарном порядке по слезной просьбе его племянницы Фиры, бывшей жены Фармана, все-таки носила частный характер. Именно потому Пол Лурье (коллеги его обозначали Интерполом), не обрекая Фиру на дополнительные расходы, решил для экономии добираться в Хайфу на рейсовом пароходе "Жасмин" частной судоходной компании. Он заплатил щадящую сумму, получил похожий на пригласительный глянцевый билет в конверте с замысловатой аббревиатурой и страховку.

— Пароход небольшой? — спросил.

Билетная менеджерша трубно засмеялась.

— А вам надо "Титаник"? — дымя зажатой в зубах сигаретой, она выпрямила пухлую ножку и подтянула голенище мушкетерского сапога до паха.

У менеджерши был вызывающий бюст, он не помещался в зеркале на стене.

"Менеджер широкого профиля", — сострил про себя Интерпол. "Титаник" его действительно не устраивал, тем более титаники тонут. Пароход наверняка из бывших. Как сам Интерпол. Он представил, как этот тихоход обанкротившегося пароходства в Стамбуле арестуют за долги, и тогда никакая страховка не поможет.

— Каюта четырехместная, — она обезопасила себя от претензий. — А зачем суперлюкс?

— А зачем эти глаза напротив?

— Всего трое суток ехать. На борту работает бар...

— Мучиться в таких условиях можно только в один конец, чтобы не приезжать больше никогда.

— Можно и назад. Разве Одесса плохой город?

— Неплохой, просто он прекратился. Он живет воспоминаниями и киносъемками. Еще революциями.

— Где вы видели в Одессе революцию? Одесса же не Майдан.

— Но евреи в этом реалити-шоу напяливают поверх ливрей вышиванки.

— Вам не одинаково?

— Московский раввин Мозе сказал: "Революцию делают Троцкие, а расплачиваются за все Бронштейны".

— Вы слишком энергетический человек!

Интерпол вспомнил, как еще студентом добирался целые сутки в Измаил на пароходе "Белинский". По пуританским советским нормам, бара на борту не полагалась. Выручали колхозники, которые везли в бочонках-анкерках винопродукцию. "Пыты можно, а ходыты ни!" — нахваливали они товар. За Аккерманом "Белинский" раскачало, и Интерпола стошнило.

В баре "Депонент" у отдела кадров пароходства безработные моряки пили пиво на запись. Из баночек зеленоватого бутылочного стекла, бокалы во всех барах разом как волной смыло. Интерпол подошел к будке по соседству с "Депонентом".

— Вам холодной водички? — спросила будочница.

— Неплохо бы.

— А как у вас с верхними дыхательными путями? Я вам дам снизу холодильника. Не будем рисковать.

— Вы внимательны, как врач.

— А я и есть врач.

Мостовую запрудила толпа моряков-бичкомберов, шла перекличка очередников на зарплату.

— Колбаса! — оглашали очередную фамилию. — Номер три тысячи двести одиннадцатый. Колбаса есть? Вычеркиваю!

"Надо бы успеть колбасы купить в дорогу", — думает Интерпол.

— Денег не будет! — объявляют с балкона.

"Все по Боре Березовскому, — размышляет Интерпол. — Деньги были, деньги будут, но сейчас денег нет"

В трамвае искусственная толчея, девушка уступила ему место, и у Интерпола испортилось настроение. Сквозь колючую крону акации мелькнул дом, где когда-то жила знакомая девушка Флора из акушерского училища. Флора боялась темноты, и они спали при свете люстры. Точнее, она спала, а он мучился. Трое рабочих в одинаковых фирменных костюмах с логотипом телефонной компании тянут из люка кабель, как бурлаки.

"И это называется тянуть связь", — думает Интерпол.

Трамвай останавливается напротив экипажа мореходки и оглушительно трезвонит. На путях лежит громадный, на полтонны, кованый якорь. Кадеты традиционно в честь защиты дипломов переволокли якорь от проходной и положили на рельсы. Ватманша берет железную клюку и идет поддевать якорь. Интерпол, будучи человеком деятельным, забирает у нее клюку. Дежурный офицер с бело-голубой повязкой на рукаве приводит салаг-первокурсников и командует:

— Двое на шток и двое на лапы. Якорь — вира!

Фарватер свободен, и трамвай трогается дальше.

— Не вижу на билеты! — говорит кондукторша.

Интерпол лезет в сумку за деньгами и не находит портмоне. В портмоне был билет на "Жасмин". Карманник с курткой, наброшенной на руку, пробирается к выходу, по пути еще тянется к дамской сумочке, сообщник создает давку. Интерпол перехватывает кисть щипача, заламывает привычным приемом, а когда тот оседает, пристегивает наручниками к стойке. На полу лежит конверт с билетом на пароход.

Хотя "Жасмин" был приземистым пароходом, но корпус его в миделе еще больше прогнулся к воде, как круп старой перетрудившейся лошади. "Рысачок" был куда миниатюрнее, чем изображенный на обложке билета.

— Как он раньше назывался? — спросил Интерпол у матроса.

— АМ-46, — ответил тот, — он переделан с тральщика-амика.

— Корпус с кардона? — подвыпивший пассажир постучал кулаком по фальшборту.

— С бакелизированной финеры, — матрос оскорбился.

— Вилли, — представился сосед по каюте, это был тот самый подвыпивший.

— Надоело реалити-шоу, Вилли Фарман?

— Как вы догадались?

— На столике лежал ваш именной билет из артели "Золотой ключик". Я случайно его перепутал и положил в карман. Извините. Вы совсем не похожи на своего брата.

— Вы знали Марата?

— Я его спасал. Кто я, как вы думаете?

— Вы явно не принадлежите к совковому истеблишменту, а скорее, наоборот.

— То есть как наоборот? И почему?

— Они не носят клубные тапочки, как у вас, и ходят в душ в туфлях,

заправляя костюмные брюки в носки. Вы больше похожи на обеспеченного пенсионера с легким криминальным прошлым.

— Вы почти угадали. Я работаю в полиции.

В каюте забористо пахло баклажанами, чесноком и пивом. Интерпол понял, что спать не придется.

Бар, как и обещала менеджерша, работал бесперебойно, несмотря на свежую погоду. Экс-тральщик шел "свиньей", зарываясь носом в свинцовые волны. Соседи колобродничали, что-то искали, шатались от выпитого и качки, икали, хлопали дверями. Интерпол не выдержал и пошел на корму "глотануть свежачка", как говорят кочегары.

— Ночевать людям мешаешь, Семик, — выговаривал ему Вилли Фарман.

Интерпол пытался выудить из-под койки свои клубные тапочки, но вместо них нашарил шлепанцы Семика, видимо, сосед напялил его обувь.

"Кто первый стал, того и тапки!" — подумал Интерпол.

Вилли как накаркал. Из следующего углубленного крена "Жасмин" не вышел. С кормы Интерпол слышал, как зашипел воздух автоматического надува плотов. Интерпол, не раздумывая, прыгнул за борт, чтобы не засосало в воронку.

Фосфин спасает Пилимончика

Закутанный в одеяла Интерпол лежит в амбулатории "Капитана Кадетского". Качает. Накал в лампочке увеличивается.

— Кажется, второй механик Лукойл запустил движок, — говорит доктор Фосфин. — Как самочувствие?

— Терпимо, доктор, — отвечает Интерпол.

— У вас лицо слишком покраснело. Я положу вам вторую подушку, чтоб был отток крови от головы.

— Спасибо, док! В Одессе это называется более слаже.

Фосфин нашаривает на полке пузырек с химической формулой, наливает в разовый стаканчик.

— Рекомендую принять для согрева.

— А вы, доктор? Не могу в одиночку.

— Я не употребляю.

— А по просьбе присоединяющегося к большинству, как говорят американцы?

— Вы не умирающий.

— А если у меня откажут почки? Тем более что они уже отказывали без переохлаждения.

Фосфин щупает живот Пилимончика.

— Ой-ц!

— Здесь болит?

— Доктор, в моем возрасте всегда где-то болит. Давайте лучше освежимся из фунфырика.

— Вы не дружили с зеленым змием?

— Я дружу с зеленым чаем. Зеленый змий заискивал со мной, но это было давно, в молодости. Я тогда пил алиготе, не касаясь верхней губой горлышка. Правда, в этой стране змий снова начал за мной охотиться. Неделю назад я вдохновлялся фальсифицированной водкой в вип-кунге с прапорщиком по фамилии Добридень.

Фосфин допивает из своей персональной кружки остатки биокефира и наливает спирта.

— Вы агрессивный экстраверт, — говорит больному.

— За то, чтоб мы не дождали умереть! Зий гизунд!

Закусывают польским огурцом из баночки.

— А сколько вам лет? — интересуется Фосфин. — Да вы совсем салага, вы моложе меня на три года!

— А выгляжу на десять лет старше. Вы это хотели сказать? Пора в моем возрасте обзавестись редкой болезнью Альцгеймера, как Рейган, а я все моржую.

Заглядывает старпом Мунтян.

— Чиф, на процедуры зайдете после развода, — говорит Фосфин.

— После развода Босфор.

— Тогда после Босфора. У меня ургентный больной.

Старпом, хромая, уходит.

— Вот он ваш ровесник, — говорит Фосфин. — Средний возраст по судну пятьдесят четыре года.

— У вас тут геморройленд. А среднее артериальное давление? Когда я в молодости выпивал, то мне снились просто кошмары, а теперь смотрю вещие кошмары.

Интерпол погружается в рыхлый сон. Ему снятся арбузы, запертые на ночь в деревянной клетке на углу Болгарской-Буденного. Интерпол, тогда еще пятиклассник Пиня Лурье, продевает в щель сияющую саблю, рубит арбуз внутри клетки. С рукоятки клинка ему одобрительно подмигивает зеленым глазом львиная голова. Пиня нанизывает скибку на острие,

но вытащить через щель не успевает. К клетке бежит в галифе и тряпочных тапочках квартирант подполковник Колотухин, владелец трофейного оружия.

Фосфин слышит, как больной вскрикивает во сне. На переборке размытая фотография "Самбора". Зыбкая видимость, мелкий противный снег сеет. И матросы, согнувшись, как бурлаки, тащат шланги линии для перекачки с судна топлива.

В летнюю навигацию возили по Севморпути топливо всех наименований, в том числе и авиационный керосин для воинских подразделений на Земле Франца-Иосифа.

Матросам по приходу приходилось монтировать линию перекачки от 3 до 5 километров. Температура топлива была положительной, лед под шлангами подтаивал, и линию перекладывали по несколько раз. Секции шлангов тащили, передвигаясь по глубокому снегу мелкими шажками. Разъемы "папа-мама" стыковали на колене, потом жаловались, что колени болят. Фосфин снова не умещался в рамки задач, обозначенных в санитарном институте транспорта, и потому придумал войлочные наколенники и ледоступы. Машинная команда смастерила из листовой стали ледоступы с шипами. Их разрешалось надевать только вне судна, чтоб не высечь искру. Матросы в ледоступах бегали и даже прыгали.

"На Севере присутствует риск психологического ожидания опасности, — писал в отчете Фосфин, — скажем, угнетает боязнь провалиться в полынью и погибнуть. Возможно нападение тюленей, белых медведей".

Медведей подманивали к борту судна сгущенкой, заранее прокалывая банки, чтоб звери не мучились и не пугали матросов. Медведицы приводили лакомиться детенышей. Убегая от белого медведя, моторист Разувайло угодил в полынью. Фосфин вытащил парня из объятий костлявой. Правда, медблок "научника" "Самбор" был оснащен по предпоследнему слову, а здесь у него анальгин и самодельный парафин для старпома Мунтяна. И сам он по судовой роли низвергнут до должности матроса. За лекарство добавили сто зеленых — гримаса рынка.

— Чем-то пахнет, доктор, — Интерпол ворочается.

— Мы везем минудобрения, а уплотнения трюмов изжеваны. В трюма попала забортная вода.

Эта самая забортная вода вращается в иллюминаторе, пейзаж, как в стиральной машине. Амбулатория на нижней палубе.

При увлажнении удобрений выделяется газ, именем которого экс-доктора прозвала команда — фосфин.

"И иллюминатор не отдраишь, штормит по-взрослому, — прикидывает Интерпол. — Не хватало еще отравиться".

В стамбульской больнице

Вилли Фармана деликатно будит пожилой больной на костылях, о чем-то просит по-турецки. Рядом в узком проходе между койками на расстеленном коврике сосед бьет поклоны, совершает намаз. На спецковрике туристский компас, позволяющий определить восточное направление, стрелка компаса нацелена как раз в зад Вилли, получается нехорошо, вроде бы человек молится на его пятую точку. Перевернуться же на другой бок не позволяет капельница. Вилли освобождается от трубки-пуповины, которой он теперь привязан к чужой земле, и переворачивается.

В палате больницы для бедных и очень бедных пахнет старыми квартирами, все шестнадцать узких сиротских коек заняты. Тесно. Так было тесно в колхозном общежитии, куда Вилли посылали на помидоры от пуско-наладочного управления.

Лет семь назад Вилли Фарман, возвращаясь в хорошем настроении с футбола, пристроился побрызгать у столба и увидел объявление: "ПНУ требуются для разъездных работ инж.-механики... Прогрессивная форма оплаты... 40% оклада...". Вилли застегнул ширинку, сорвал на всякий случай объявление и о нем забыл. Наладок все равно много, в каждом подвале, считай. На Западе линия приходит на раме, нажал кнопку, и она пошла, а у нас приводят в действие кувалдометрами и ломографами.

Нашарил клочок случайно через две недели, когда истерично искал потерянный на футбольных трибунах паспорт. Или украденный возле пивного ларька. Пошел без интереса и надежды по указанному адресу, спустился в подвал.

— Характер работ у нас разъездной, география объектов от Салехарда до Чарджоу, — предупредил начальник участка. Из приямка пахло кошками. — Какое у вас семейное положение?

— Разведен, — соврал Вилли, хотя положение было тупиково-неопределенным. — Я еще паспорт потерял.

— Не вы первый, — успокоил прораб. — У нас трое орлов ездят в командировку по справке об утере, а один слесарь по справке об освобождении.

Снисхождение и участие запали в душу. Когда дней через десять Вилли снова навестил подвал, прораб не удивился.

— Надумали? — спросил.

Вилли еще не надумал.

— Вы уже десять дней у нас работаете.

Авансированное доверие подтолкнуло к решению. Семья его уже не стреноживала, третья жена подалась в Израиль. Вилли получил командировочные и с легкой душой уехал по справке в Белоруссию. Он понимал, что трудоустройство в шараги размытого профиля, где мантулят не заякоренные семьей, находится в рамках эволюционных перемещений по нисходящей. Для покидающего этот бренный мир или для отъезжающих. Сначала выгоняют из партии, потом увольняют из серьезного "почтового ящика", потом лишенец устраивается принимать бутылки. Если возьмут еще, потому что таких, потерявших жизненные ориентиры, хватает. Так что пэнэушный проходняк был в формате списка отлучений и даже выглядел не так уж позорно. Он еще не решил для себя, едет ли в Израиль догонять третью жену, где исключительно для детей будет отравлять ей жизнь.

Через открытую настежь дверь видны подагрические в буграх ноги. Коридор тоже загромождают койки. При этом лечебное учреждение, как ни странно, расположено в престижном районе Каракоя, из замызганных, будто оцинкованных окон третьего этажа Босфор как на ладони, по проливу чередой беззвучно идут суда. Им наперерез снуют паромы, связывающие Золотой Рог с Ускюдаром. Пассажиры в проемах паромов стоят чуть ли не на уровне воды. После оверкиля "Жасмина" Вилли глядеть на пароходы неприятно, убогий казенный быт тоже гнетет. Он тянется к пиджаку Семы Глускера. Пиджак ему чуть выше колен.

— Мы с Семой Глускером поменялись лепнями, — говорит Вилли соседу, завершившему намаз. — Мы с Сеней еще сочтемся — свои ребята.

Сосед угощает его пахлавой. В кармане обнаруживается трехъярусный бумажник, в одном доллары, в другом шекели, в третьем паспорт на имя Глускера. Лишенный предрассудков Вилли надевает просторный чужой пиджак, который едва ему не до колен. В крайнем случае, истраченную валюту можно будет восполнить из страхового полиса, агент уже приходил в больницу и выписал квитанцию.

— Я освободил паруса от слезней, чтобы в открытом море принять свежий норд-ост, но получил поджопник, — говорит Вилли медсестре из крымских татар. — Вашей маме проблемный зять не нужен? Пойду, погляжу на бывшую столицу Византии. Как-никак Стамбул — город-побратим Одессы.

День мглистый, с моросью, и от этого дома в Каракое выглядят еще тяжеловеснее, над минаретами курятся дымки, пахнет печками. Переулки

воспринимаются декорацией, кажется, мегаполис за ними будет постепенно наращивать тон, но этого не происходит, паузу вносит гористый рельеф или сам пролив. На этот раз пауза строительная, рабочие на Кемералти продолжают линию единственного трамвая. Трамвай, похожий на бронепоезд, отдыхает на конечной остановке.

На морвокзале охранник вежливо показывает дулом автомата, где поменять деньги. Из-за перебранки ворон Вилли так и не услышал название банка. Лиры в банке выдают рваными банкнотами.

— В Турции все деньги такие, — успокаивает по-русски служащий. Для убедительности разворошил пачку свободно конвертируемого рванья.

Перед аркой на Козлукахан картонка: "Старший представитель по пиченьям", "пиченья" писано через "и", вероятно, русскоязычная подруга жизни представителя была в школе лентяйкой.

На мосту Галат инвалид с культей, обмотанной окровавленным бинтом, играет на аккордеоне вальс "На голубом Дунае". Вилли бросил ему в бейсболку металлический юбилейный рубль, специально припасенный для презента.

— Ленин, — говорит безногий.

Набережная серебрится чешуей. Клюет, плотные шеренги рыболовов, локоть к локтю, запрудили мост и дебаркадеры, зазывая туристов на рыбный праздник. В тазах розовеют разрезанные и вывернутые наизнанку камбалы, упругие, как свежие цветы. Ставрида кувыркается в тазах и на глазах теряет свой электрический с прозеленью оттенок.

— Мадам, купите себе проблему на вечер, самую свежую проблему, — предлагает по-русски бывший соотечественник барышне, приехавшей в Стамбул делать шопинг.

На низочке-гирлянде трепыхаются бычки.

— Молодой человек, если вам на Капалы-Чарши, то налево, — подсказывает немолодая женщина, заметившая его нерешительность, и скрывается в обшарпанной подворотне.

Кажется, из-за угла появится генерал Чарнота в кальсонах и попросит закурить.

Иностранцы фотографируют усатых чистильщиков и затейливые ящичные сооружения с башенками для хранения крема всех оттенков, инкрустированные крышечки напоминают купола. "Клубные" матерчатые тапочки Интерпола в чистке не нуждались.

Цыган ведет на узловатой веревке медведя, к заднице мишки налипла солома. Виля побрел за медведем и вышел к Голубой мечети. Ритуал разу-

вания в предбаннике мечети обставлен с восточным колоритом: замызганная рогожа заслоняет ячейки, где пожилые туристы со всего мира корячатся и чокаются задами, скамеек не предусмотрено. Давая отдых ногам, Вилли фланирует босиком по потертому ковру, находит место, где пророк Мухаммед, сидя на лошади, коснулся большим пальцем правой руки мраморной колонны.

"Ни хера себе культуры, — думает Вилли, — заезжать в храм на лошади". Заметив, что толпа в прихожей рассосалась, поспешил к выходу. В ячейках отыскал подходящие по размеру штиблеты, кожаные ручной работы штиблеты, примерил, не спеша зашнуровал и вышел. На месте косточки бугрилась выпуклость. Вилли подмигнул нищему и сказал:

— Взял шкары на вырост подагры.

На пыльном пустыре родные до боли в пояснице львовские автобусы с табличкой "Экскурсионный" и фургон-"летучка" с надписью "Люди" на будке. У "летучки" еще прицеп. Вилли думал, что передвижной генератор прибуксировали на продажу, оказалось, полевую кухню снарядил какой-то завод для торгующих трудящихся. Кухня пыхтела, пахло кашей. Выходцы из некогда индустриальной державы бойко торговали топорами, электродами, лопатами, крысоловками, мухобойками, дисками для культиваторов. Из легированных дисков местные вакулы мастырят отменные кетмени. Из щелей ящика непокорно торчат, как тараканьи усы, гвозди в солидоле, кочерги в Стамбуле не пустая забава. Промасленная бумага налипла к свече кипариса. Кто-то привез голубей-дутышей в дырчатом ящике из-под бутылок. Возле ящика толпа, турки любят голубей.

На ракладушке угощает раскладушницу турецкими сладостями стамбульский Ромео.

— Гламур-ханум! — комплиментарно реагируют турки.

— Убиться веником! — реагируют соседки. — Ахмед хочет Каринку с мамой познакомить.

По рядам ходит человек с бубликами на голове и монотонно бубнит. Продают и изделия кустарного промысла, точеные сгоны из латуни в ассортименте, контргайки. Турецкий гражданин объясняет мастеровому коробейнику, какой ему размер нужен. Коробейник чертит схемку на пачке из-под сигарет и говорит:

— Выточу и привезу. Через неделю в этом же месте.

В соседнем ряду слесарь Белогорячкин с тестем Пьяных продает в третий раз многострадальный следящий элемент с одесского авиационного завода. Вилли налаживал точный прибор в Смиловичах.

— И сколько будет цацка, если брать? — забрасывает удочку Вилли.

— Как для тебя, то двести тысяч лир, — говорит Белогорячкин. — Она может дачу сторожить, собаку кормить не надо — сплошная выгода.

Вилли разворачивает аптечный бланк для Ханы с рецептом размером в половину газетного листа на турецком и объявляет:

— Уголовная полиция Каракоя.

— А не пошел бы ты!.. — взрывается Белогорячкин.

— Вы арестованы.

— За что?

— Хотя бы за то, что с представителем власти перешли на меццо-сопрано.

Пока тесть Пьяных устраивает на пористом носу очки с поломанной дужкой, зять Белогорячкин гордо заявляет:

— Мы — иностранные граждане!

— Вот потому и будешь сидеть в бетонированной яме, — сурово объясняет Вилли. — Вашими орлами Байрам-Паши под поясок забита.

— Мы реализуем продукцию, выданную вместо зарплаты.

— Я сейчас вызову автозак, и "прощай, моя Одесса, мой славный карантин".

— Я — участник войны, — говорит Пьяных.

— Турция — нейтральное государство, во второй мировой войне не участвовала, поэтому амнистий не предусмотрено. Вы же в войне с курдами не участвовали, надеюсь? Тогда звыняйте! — Вилли достает мобильный телефон, нажимает на кнопку и говорит: — Инде гулен асансер йер алдиги зиндан Байрам-Паши.

Белогорячкин цепенеет. Вилли взвешивает на руке следящий элемент и говорит:

— Воронок застрял в пробке, поэтому на выход с вещами. Брать самое необходимое, запасных кальсон в зиндане не предусмотрено. Вещдок я понесу сам.

Пьяных морщит нос, сейчас расквасится. Вилли достает из бумажника немного рванья и протягивает лиры старику.

— Только без сцен! Полиция у вас рампу покупает для личной охраны. Но с одним непременным условием.

Белогорячкин пересчитывает лиры и прячет за пазуху.

— Каким?

— Вы следящий электронный элемент отвезете заводским автобусом назад на завод аэропланов и гидропланов господина Анатра.

— Зачем?

— Для изучения путей контрабанды. К нему мной прикреплен миничип, ваш путь будет прослеживаться с помощью спутника.

— Слушаюсь! — говорит Пьяных.

— Стоять вольно, но не разбегаться, — говорит напоследок Вилли. — На оправку выходить по одному, чтоб рампу не умакнули.

Вилли направляется к проливу. На пути — похожий на голубятню двухэтажный сарай-павильон "У Клавы".

— В честь любимых женщин называют не только пароходы, но и магазины, — говорит Вилли, она не реагирует.

Сарай — симбиоз сельпо и художественного салона: часть полок пустовала, торговали неликвидами, залежавшимися после пережитого челночного нашествия. Хозяйка, крашеная блондинка, вероятно, Клава, не жалует, глядит мимо, так игнорируют покупателя на оптовых рынках в отечестве. Он уже вспомнил, откуда ее знает, хотя имя не вспомнил бы. Если б не вывеска заведения. Пожилой живописец тщательно вырисовывает по памяти санаторный пейзаж с ротондой в стиле соцреализма. На пиджаке у художника три ряда орденских планок.

— На полотне санаторий Двадцатого партсъезда? — Вилли отступает на два шага, чтобы оценить работу. И едва не опрокидывает кадку с пальмой.

— Нет, Мисхор, — ответил художник, — с парком Чаир.

— Искусство без границ? А почему бы и нет?

— Тем более что виды Чаира пользуется спросом у иностранцев. Настоящие миротворцы не военные, а художники. Мы творим мир на холсте и в душах.

— Браво!

— Этот восточный базар! — из глубины голубятни выплыла еще одна. — Клава, я буквально тащила себя за волосы! — в пухлых пальчиках стопка водки, волосы свалялись, возможно, кто-то тащил.

Клава, не реагирует.

— Где здесь зелентрест? — спрашивает Вилли у Клавы.

— Зачем?

— Бубочка, я нарву вам букэт. Ты меня не помнишь?

— Уже нарвал. У нас была двойня. Пошел вон!

Он познакомился с ней на танцах под радиолу в парке Ильича. Когда провожал, перемахнул через ракушечную стену зелентреста и нарвал букет чахлых роз. Овчарка, подпрыгнув, куснула его за ляжку. Вилли так лягнулся, что собака взвизгнула.

— Если нужна обувь, могу проводить, — предлагает без надежды на крыльце голубятни уставший человек, он изучил уже дорогие Виллины туфли. — Зимняя обувь со скидкой.

— Уже не нужна, — отвечает Виля.

Из Клавиного сарая открывается слепящая гладь Мраморного моря.

— Одесский пароход "Кадецкий"? — спрашивает Виля.

— Как вы назвали его?

— Капитан Лука Фомич Кадецкий, этапировал на "Ильиче" Троцкого в Мексику. Каламбурчик. Бронштейн, кстати, мой дальний родственник. "Кадецкий" везет на продажу аэропланы.

— Какие аэропланы? — художник даже отстраняется от парка Чаир.

— Копиями реплицированной постройки "Анатра-Анасаль".

— Это интересно. Я думал, Антоны Вторые на продажу. Тут недалеко один "Анатра-Анасаль" стоит в частном музее, — развивает авиатему художник.

— Копия?

— Оригинал. Казачий авиаотряд в девятнадцатом продал две машины кронпринцу шейха из Саудовской Аравии. Наследник проигрался в карты и перепродал самолеты местному негоцианту. Он на них так ни разу и не поднялся в воздух. Вы, наверное, авиатор?

— Вот вы точно пайлот. Вы военный летчик. Я угадал?

— Угадали. Хотите посмотреть?

— Очень даже хочу, но боюсь проворонить пароход, на нем мой сводный брат Фарман.

— Анри Фарман?

— Нет, Марат Соломонович, конструктор раритета. Где в проливе самое узкое место?

— У крепости Румели Хисары.

— Предлагаю прокатиться с буфетом.

Между братьями — Босфор

— А где квартируете? — Вилли наливает из графинчика. Они сидят с отставным майором-авиатором в летнем кафе у крепости Румели Хисары. — Жилье в Стамбуле ведь недорого.

— Как где? У жены. Правда, мы пока с Клавдией не расписаны. Да куда спешить. А вдруг помру? — он смеется. — Я ведь еще со Сталиным служил.

— Как со Сталиным?

— Вася Сталин был у нас в Дальгофе комдивом. Я и в футбол за сборную дивизии играл. Еще сержантом. А потом, когда Героя Советского Союза снес, играющий герой посадил на губу. Вася Сталин и направил меня на офицерские курсы. Вася Сталин, кстати, наезжал в Одессу, когда разбился возле Селекционного института его товарищ еще по Каче и Сталинграду.

— Мой брат Маратик Фарман разыскивает чертежи французского летчика Луи Линьяка, которые попали сначала к Василию Сталину, а после его ареста на Лубянку.

— После смерти Иосифа Виссарионовича у нас многих таскали в особый отдел. Всяко бывало. Клава тоже лиха хлебнула сверх меры. Родила близнецов от одного подонка. Нашел бы — задушил. Один сын на игле сидит, второй — из тюрьмы не вылезает. А чего ждать? Без отца выросли.

Вилли представляет, как художник от авиации душил бы его.

— Я тоже без отца вырос, — говорит Вилли.

— А я круглый сирота, — развивает тему летчик.

— Но в тюрьму не попали.

— Я суворовец, СВУ — та же тюрьма.

— Под каток хрущевского сокращения "миллион двести" угодили?

— Нет, уволили, за то, что техник-лейтенант угнал МИГ-17 в Турцию.

Художник выпивает, не морщась, и вспоминает. Раскаленная дырчатая полоса настеленного стальными плитами аэродрома под Саратой. Лейтенант в комбинезоне и выгоревшей фуражке ковыряется возле истребителя.

— Надо б, Ашот, турбинку крутануть! — бросает солдатику.

— Высе нормально, тыщ лэтэнант! — докладывает тот. — Уже пырывыряли.

Последние слова солдата съедает вой турбины. Вой становится неистовым, фокусируется до свиста, свист острится и поглощается деловым гулом холостых оборотов.

— Все в порядке! — офицер доволен работой. — А ну-ка, Ашотик, сними струбцины со стабилизаторов и закрылок. Надо б рули проверить, — Лейтенант подмигивает.

— Рули пырывыряли, — обжигая пальцы о накалившийся на солнце дюраль, солдат снимает зажимы и не придает значения тому, что из-под колес убраны колодки.

Техник-лейтенант пошевелил закрылками, тронул машину с места в нарушение всех правил и инструкций и остановился. Потом снял защел-

ку форсажа и пошел на взлет, останавливаться больше не захотел. Привычные к рабочим беспорядкам офицеры БАО, батальона авиационного обслуживания, схватились за выгоревшие фуражки и отреагировали неуставно:

— Вот мудак! Разобъется, мать его! В воздухе техник!

— Кто в воздухе? — с опозданием зверея, зарычал командир полка. — Сбить его!

— Сбили? — спрашивает Виля.

— Полк подняли по тревоге. А что толку? Увидели только инверсионный след над Змеиным.

— А ракетой?

— Тогда ракетные комплексы еще только поступали на вооружение.

— Но он же — техник. А как посадил?

— Оказалось, что он два курса учился на летном факультете в Гурьеве, потом забраковали по здоровью.

— И где посадил?

— В Ирджилике в Турции. Его уже ждали, чтоб похлопать по плечу. МИГ-17 тогда был секретной машиной. Это был первый истребитель, оснащенный бортовым локатором.

— Это еще было до побега Беленко?

Из-за вантового моста чрез Босфор показывается "Кадецкий". На крышках трюма стоят зачехленные прототипы "Анатра-Анасаль". На шлюпочной палубе стоит в робе сводный брат Вилли Марат Фарман, рядом подкомиссар Интерпол, его сосед по каюте на "Жасмине".

— Марат, я живой! — Вилли кричит. Крика, конечно, не слышно. Вилли вскакивает на тумбу ограждений, снимает пиджак Глускера, машет. Марат оборачивается и машет ему вслед, тоже что-то в ответ, но не слышно.

— Марат, я нашел оригинал "Анасаля" в Стамбуле-е-е! — кричит Вилли. — Я позвоню.

Марат Фарман заметил Вилли в бинокль.

"Кадецкий", пароход-видение, удаляется в следующем колене пролива.

На палубе "Кадецкого" к Марату Фарману подходит Работягова в белом фартуке.

— Это был Вилли, — говорит Марат. — Именно в этом месте Артур Анатра наблюдал пароход с казачьим авиаотрядом на борту.

На фронт

Элпидофор движется Босфором, морща зеркальную поверхность пролива расходящимися от носа усами. Венчающий нос бушприт опережает усы и отражается в воде без искажений. "Деканы" и "Анасали" на палубе привлекают внимание посетителей на верандах прибрежных ресторанов. Дамы разглядывают пароход в монокли. Офицеры на элпидофоре, стоя на влажных досках "скатанной" палубы, нацелили на дам шестикратные полевые бинокли. Казаки драят палубу после штивки кардифа.

— Три, три, три холеры, три чумы! — командует в такт боцман.

— Команда "полборта вправо" соответствует 15-ти градусам, — объясняет штабс-капитан Натан Фарман казаку за штурвалом. Повтори, Тит.

— А капитан наш, он же штабс-капитан Фарман, на высоте, — говорит полковник Цезарь Трояныч. — Как будто родился на мостике и был с морем обручен с младенчества.

— Обручен, но не обвенчан, — поправляет поручик Вариус. — Он закончил керченские мореходные классы Крестьянинова.

По дебаркадеру у крепости Румели Хисары пробирается кот с бакенбардами, в пасти — мышь. У кромки набережной "Белано-Бельвиль". На нее смотрит в упор Фира, первая жена Натана Фармана, рядом Артур Антонович Анатра, выкупивший Фиру. С берега они видят выпуклый похожий на ежика пароход-элпидофор, перегруженный аэропланами. На фюзеляже "Анасаля" написано: "На фронт!". Анатра снимает шляпу. Фира крестит уходящее видение. Свою бывшую жену заметил с мостика и Фарман.

— Истеричный пафос и дутый патриотизм, — говорит офицер в казачьей бурке, рука его на черной перевязи.

— Не смейте, они — герои! — взрывается Фира. — Артур, зачем они туда возвращаются? — говорит. — Это же безумие!

— В морской практике это называется демонстрация флага. Правда, уже несуществующего государства, поэтому она выглядит вызовом пустоте. Комиссары в Одессе на пятой станции Люстдорфской дороги уже оприходовали "Анасали", я получил письмо от управляющего. Мне не хватало рекламаций от красных в Париже. Луиджи, наверное, вези к "Petrograd Patisseri", — приказывает шоферу. — Надоела баклажанщина. В "Патишери", говорят, срывает аплодисменты московский негр-джазист Федор Федорович Томас. Исполняются чарльстон и фокстрот.

— Какой Чарльстон? — Фира вытирает слезы. — Поимейте совесть!

— Кстати, в этом же отеле "Petrograd Patisseri" уже забронированы два этажа для штаба генерала Петра Николаевича Врангеля.

— Нет, номера авансированы в отеле "Бюк Лондра", — вмешивается Луиджи.

— Как авансированы? — ахает Фира. — Куда же тогда они плывут? Они погибнут?

— У господина Фармана есть шанс, — рассуждает Анатра. — Если он попадет в плен, то родственник, надеюсь, его помилует и предложит должность, скажем, командира авиадивизиона.

— Какой родственник?

— Наркомвоенмор Лев Давидович Троцкий-Бронштейн. Кстати, Троцкий вчера выступал на Куликовом поле, мне телеграфировали. Успех оглушительный. Особенно у рефлексующих дам.

Ротмистр Змучилло провожает с борта элпидофора в полевой бинокль "Делано-Бельвиль".

— А рядом с Анатрой, между прочим, Фира, первая жена штабс-капитана Фармана, которую Артур Антонович якобы выкупил, — замечает Змучилло.

— Как Ларису Федоровну Уточкину? — с сомнением реагирует поручик Вариус. — Зачем?

— Думаю, это жест для публики, чтобы выглядеть человеком одной идеи. Анатра тоже убежал от красной чумы, а болтали, что оказывал финансовую поддержку большевикам...

— Он помогал красным, когда поставлял нам бракованные аппараты.

— Теперь на бракованных машинах полетит шейх, который их приобрел...

— Мы с тем "лаптем" не столкнемся? — Фарман опустил бинокль и решительно шагнул в рубку. Склонился к переговорной трубе. — Машина, нас течением реверснуло! — кричит в котельное Фарман. — Вестфаль, судно катится вправо! Прямо по курсу миноносец Антанты. Право руля!

— Нет руля, заклинило! — докладывают.

— Отдать оба якоря! Машина, полный назад!

Елена НЕКРАСОВА

Домовой

Алексей Фомич везет домового в Московский университет. Наверняка есть и другие научные организации, принимающие домовых, только где их искать? Поэтому как присоветовали, так и решено — в университет. Даже немного боязно, в Москве Алексей Фомич не бывал с самой своей юности, да... лет пятьдесят уже не был, какая она теперь? По телевизору-то не разберешь. Грузовик сильно подбрасывает, а в промежутках мелко трясет, никогда не будет в России нормальных дорог, ни хрена здесь не будет хорошего... Он держит на коленях картонную коробку из-под утюга и радуется, что догадался накрошить туда сена, а само тельце обернуть паклей, — а если б поленился и ограничился тряпочкой, одну пыль бы и довез до ученых. С машиной, конечно, повезло, шутка ли — триста пятьдесят километров... а Николай обещал выгрузить картошку и подвезти к самому университету, а потом по ситуации, — если сразу заплатят, то можно затовариться — и домой, а если захотят какой-нибудь научный совет созывать, пусть дают денежный залог и расписку, что приняли неизвестное существо от Егорова, такого-то числа... а если начнут выкобениваться, мало ли... он заберет домового, забесплатно не оставит его на исследование, лучше уж похоронит по-человечески.

— Ты потише ехай-то, все кишки уже растрясло! Куды так гнать посеред ночи?

— Не боись, дядь Фомич... надо поднажать, авось проскочим... На въезде в Москву знаешь, какая пробка скапливается?! На полдня можем встрять...

У всех вроде водятся домовые, вот Колька тоже всегда говорил, что у их живет домовой, похожий на кота, — жена пару раз его видела в погребе. Ивановна опять же... все жаловалась, что ей кто-то по ночам путает волосы, она их даже подрезала, а все равно... пока не стала оставлять на столе угощение, не прекратилось. Но чтобы вот так — обнаружить мертвое тельце, такого в деревне еще не бывало, да что в деревне, ясное дело, что случай этот исключительный, просто-таки волшебный. И ничего тут не скажешь сомнительного, не отмахнешься от факта — волосатик размером с мышь, зато ручки-ножки человеческие, все пальчики на местах. И лицо человеческое, только коричневое, сморщенное... а может, он и есть старый, может, триста лет ему, кто ж это знает? Вот полового органа нет никакого, видать, они бесполые, или где-то внутри спрятано... Ковриха, старая дура, хватанула тру-

пик и давай вертеть-разглядывать, а ручка хрясть — и отломилась в плече, он же сухонький весь, хрупкий... как не свое, можно хватать и портить. Ну ничего, ручка только отломилась, остальное все целое. Интересно, из чего они состоят, эти домовые... в ручке кости не видать, и пахнет таким замшелым, как трухлявое дерево. Помер-то он точно вчера, от тоски, это ясно... и вот ведь не испортился, не стух, а сразу высох. Как-то Алексей Фомич обнаружил у себя за печкой сухую мышь, это понятно — от жару высохла, а домовой из другого матерьялу, вот пусть и разбираются...

Алексей Фомич слывет в деревне оригиналом, одинокие бабы потеряли надежду привлечь его внимание и стали распускать слухи, что он живет со своей кобылой. Им обидно, понятно. Мужики-то его уважают. А на хрен Фомичу эти бабы? Вот именно, что и на хрен уже не нужны, так зачем тогда жить с ними? Чтоб пилила тебя с утра до вечера какая-то страшилища? То надо, се надо, то не так, это не эдак... Ха! Знали бы эти дуры, что в деревню Каменку он сбежал от жены. Жена хорошая, но учительница, и ему тоже доставалось — голос поставлен, нотки приказные. А своих детей нет, так и чего на старости куковать вдвоем? Да еще в бетоне, без кислороду? Рязанскую квартиру разделили, и на свою долю Фомич приобрел домишко в Каменке и лошадь породы русский рысак... Венеру. Кобылу красоты необычайной... во всяком случае, с точки зрения Фомича. Алексей Фомич любит красоту, сам не понимает даже, откуда в нем это, но уж случилось. Эх... белая, стройная, кареглазая, с пепельной шелковистой гривой, а умная какая, а нежная! Раньше-то Фомич и не знал, какое благородное животное лошадь, смотришь, не налюбуешься — как ходит, переступая... как помахивает хвостом и поводит бедрами... А какое умиление, когда она тычется в ладони мягкими влажными губами, деликатно берет угощенье. Сесть на Венеру верхом или впрячь ее, не дай Бог, в телегу? А ведь попади она в чужие руки... даже подумать страшно. Алексей Фомич выстроил для Венеры конюшню и просторный вольер, а в самые лютые холода брал ее в дом, чтоб погрелась у печки. А уж она за ним, как собачка, куда он, туда и она... все понимала, только что не говорила. Конечно, бабы стали насмехаться, ну, например, — идет с базара пеший Фомич, тащит тяжелый груз, а рядом шествует налегке кобыла, как королева вышагивает. И в огороде Фомич начудил — придумал устроить фонтан... и каменных скамеек наделал себе Фомич, и даже грот с электрической лампочкой, все только руками разводят — что за блажь? А вот для красоты... И еще проложил широкие дорожки, чтобы Венера могла свободно ступать между грядок.

— Слышь, Ляксей Фомич... а может, это, американцам его... ну, в смысле продать? Как думаешь? Они уж точно больше дадут, чем наши-то... у нас наука вообще того, загибается, я по радио слышал, а, Фомич?

— Ты чё, Николай, совсем уже? Каким американцам я пойду продавать?! Где эти твои американцы?

— Так я это... я ж знаю, где ихнее посольство находится, могу показать.

— Нет уж, спасибочки... а наши менты подумают, что я ихний шпион, потом не отмоешься... знаю я, только сунься в то посольство...

Покуда еще не рассвело, но дорога явно улучшилась, по ощущению... наверное, чем ближе к Москве, тем лучше. Алексей Фомич осторожно приоткрывает коробочку — вот он, бедолага, лежит, ручка отдельно... такой трогательный и беззащитный, на паклевой перинке. Эх, чего только не бывает на белом свете... не сломался, слава Богу.

— Ляксей Фомич, покажи-ка чудика...

— Не налюбовался еще? Это я проверял, все ли у него цело. Ну, на, смотри...

Домовой завелся у Фомича не сразу, не как он въехал в дом, а гораздо позже, года через три... И не в доме он завелся, а в конюшне. То вещи вдруг переставлены с места на место, скамеечка там, коврик, ведро... То у Венеры хвост заплетен косицами, а то вообще — откуда ни возьмись букет полевых цветов оказался в пустой банке, да еще вода была налита. Сначала Алексей Фомич не знал, что и думать, — ребятишек в деревне нет, разве что соседка Зинка Корнеева так неумно с ним заигрывает... Зинке шестьдесят, формы у нее необъятные, как так она незаметно перемахивает забор — загадка... Но как-то утром Фомич зашел в конюшню и обнаружил, что на спине у спящей Венеры посапывает мохнатое существо размером с крысу — лежит, свернувшись калачиком, и тоненько так посвистывает во сне. Он подошел поближе, чтобы разглядеть зверька, но тот учуял человека, встрепенулся и ка-ак прыгнет, и даже как будто и не приземлился, как будто в воздухе исчез. Вот это да... Сначала Фомич подумал было, что это летучая мышь — кровосос, но никакой раны на Венере не было, да и раньше ведь тоже не было. Пришлось признать — у него завелся домовой, вернее, не у него, а у Венеры конюшенный... понравилась ему кобыла, ну и понятно, Фомич это как раз понимал. Ставил ему на ночь блюдце с молоком и крошил хлебушек, а перед тем как войти в конюшню, всегда стучался в дверь. А то, что у этого домового такое человеческое лицо, Фомич не знал, он же не рассмотрел его толком... а знал бы, так, наверное, побаивался. Ивановна говорит, что это научное открытие, все равно как иноплане-

тянин, и лучше увезти его назад, чем взять меньше тысячи долларов, или евро... как там теперь эта валюта называется, а это примерно... тридцать тысяч рублей... хм, для Каменки, конечно, огромные деньги, но Колька прав — на Западе бы за него ухватились, и миллион бы могли отвалить, а тут могут вообще ни хера... тут же все любят на халяву, скажут — ах, как интересно, назовем его вашим именем, Домовой Егорова, нравится? Какого ж еще вам рожна? Войдете в историю. А денег нет, деньги нам самим нужны, знаете, на науку, на все такое... Ну и в жопу, нашли дурака...

У Алексея Фомича вдруг испортилось настроение, или растрясло его, что ли... к тому же захотелось писать, надо бы остановить. Такой туманище наполз на дорогу, едешь, как в молоке, да уж, октябрь... скоро зима, деньги бы как раз пригодились — крышу обновить, утеплить веранду. Да нет, настроение у него и было хреновое, какое тут может быть настроение, когда умерла его Венера... и ведь не болела толком, за три дня вдруг тихо так угасла, как же она дышала, как смотрела... жаркие слезы наполнили глаза Алексея Фомича. Ветеринар так и не приехал, козел, то ему некогда, то машина сломалась... всю прошлую ночь Фомич просидел над кобылой, а ей все хуже и хуже... то похрипит, то затихнет, впадет в забытье, и голову уже совсем не держала, и от воды отказывалась. А кто знает, что у ней внутри за болячка? Ничем он ей не помог, только смотрел и плакал... а под утро задремал от нервов и от усталости, а как проснулся — все, отошла Венера... А рядом с ее мертвым брюхом лежал этот домовой, только уже не калачиком, а вытянувшись на спине. Он тоже был мертвый и совершенно сухой. Его запрокинутое лицо, ну да, не морда же, лицо — иначе не назовешь, так поразило Алексея Фомича, что он долго сидел как завороженный, рассматривая миниатюрные губки, точеный носик, остекленевшие голубые глаза без радужной и зрачков, тоненькие сросшиеся бровки... а после позвал соседей. Нет, не обман зрения, он не сошел с ума, все видели домового. А сучья Ковриха даже попортила это чудо природы, да... если бы все наперебой не уговаривали везти домовенка в Москву, он бы точно похоронил его вместе с Венерой, или не похоронил? Оставил бы себе на память... ясно, что бедняга не перенес разлуку с лошадью, надо же, какая преданность... и наверняка у него нет родственников. Да, интересно, бывают ли у домовых родственники?

Фомич тяжело вздохнул, заерзал на сиденьи, пожалуй, пора... Вон как туман клубится над рекой, воды не видать, а тут наверху уже почти рассосалось.

— Ты Коль, останови где-нибудь, мне поссать надо.

— Погоди, Фомич, ща мост переедем, там дальше будет железнодорожный переезд, если его перекроют, потеряем кучу времени... потерпишь пять минут? А то у меня перед носом как-то закрыли, и пошел товарняк на полчаса... ща, проскочим, я тоже ссать хочу...

— Слушай, чота я уже не могу, давай останови лучше, я быстро...

Такое вдруг непреодолимое желание выйти из кабины пробудилось в Фомиче, что он сам удивился, вроде и потерпеть может, а вот нет же, надо срочно, срочно остановиться! Обязательно на этом берегу, ну чего он тянет?!

— Да блин, Фомич... а это что за херня?!

Почему вдруг грузовик потерял управление и поехал вбок? Дорога хорошая, вот он, мост, впереди... но как ни матерился водитель, как ни выкручивал руль, большая машина свернула с главной дороги, понеслась вниз по грунтовке и врезалась в опору моста. "Держись, Фомич!" — только и успел крикнуть Николай перед лобовым ударом, а после вылетел из кабины вперед. Брызнуло стекло, Алексей Фомич зажмурился и вцепился в сиденье, а он бы и не вылетел никуда — его зажало. В момент удара острая боль пронзила позвоночник, изо рта посыпались то ли зубы, то ли осколки стекла, а шея была свернута набок... Но боль куда-то уходила, превращаясь в тупую, далекую... зато и сознание постепенно покидало его... Последние искры уплывающего сознания отметили странное — из открытой коробки, которую он все еще сжимал коленями, выкарабкался живехонький домовой, и ручка на месте... он взобрался наверх по рулю и был таков — выпрыгнул из грузовика... "Вот стервец... так это мы его подвозили... он на ту сторону не хотел..." — и Алексей Фомич двинулся в темноту...

Но все выжили, слава Богу, только долго лечились. Николай сильно изрезал лицо, а Алексей Фомич потерял почти все свои зубы. Зато оба знают теперь, что домовые — бессовестные и недружелюбные твари, чуждые людям формы жизни, как ты их ни подкармливай.

Москва

Рада ПОЛИЩУК

Лапсердак из лоскутов
Фрагмент новой книги

Лоскут из файдешина,

решительно не пригодного для лапсердака,
разве что платочком в наружный карман вложить,
а лучше — во внутренний: и к сердцу поближе, и от глаза стороннего сокрыто,
от насмешек и въедливых вопросов, только для себя, для души,
потому что — от маминого нарядного платья отрезал уголком
и сам неумело, как смог, обшил краешек с обтрепанными нитками, чтобы не сыпались;
при этом поглаживал ткань шершавыми пальцами,
нежно, как мамину руку,
и каждое прикосновение сопровождалось
гулким ударом сердца, подпрыгивающего вверх, к кадыку,
трепещущего в гортани, отчего ему казалось,
что он сейчас умрет, уже почти умер,
но для чего-то пересчитывал рубчики на поверхности
плотного китайского шелка,
он это твердо запомнил с детства — китайского,
хотя что такое Китай, тогда по малограмотности своей еще не знал и улыбался,
и смахивал слезы, непривычные, круто соленые,
вспоминая, как молодая мама прихорашивалась
перед старым овальным зеркалом с попорченной амальгамой
и треснутой рамой красного дерева,
косо висевшем на массивном железном костыле,
кем-то когда-то, в незапамятные времена,
вбитым в глухую стену большой прихожей —
в чьем доме это было? в каком времени? было ли?..

Эля кружилась на одной ножке, как маленькая девочка, приподнимала широкую юбку, тяжелыми складками спадающую от талии к подолу, снова опускала ее и снова кружилась, и беззвучно смеялась ямочками на

щеках, сморщенными к переносице морщинками, длинными ресницами, уголками губ, даже плечи и руки смеялись, каждый палец.

Эля кружилась в большой прихожей перед старым овальным зеркалом с попорченной амальгамой и треснутой рамой красного дерева, висевшем на массивном железном костыле, кем-то когда-то, в незапамятные времена, вбитым в эту стену. Сколько она себя помнит, а помнит она себя с раннего-раннего детства, зеркало всегда висело косо, но его никто не поправлял, не перевешивал, будто был в этом какой-то скрытый смысл.

Впрочем, раньше она этого не замечала — висит себе зеркало и висит. Это сейчас любая мелкая деталь казалась каким-то знаком, требующим расшифровки. Никаких шифров она не знала, и потому пока только в уме все регистрировала, у нее не было привычки ничего записывать — слава богу, память пока ни разу не подвела ее.

Эля родилась, а зеркало уже висело, и первое свое отражение увидела она в зеркале, и лицо бабушки Фаи, которая держала ее на руках. Тыча пальцем то в зеркало, то в бабушку, она тогда засмеялась, бабушка потом всем рассказывала, но ей кажется, что и она это помнит. Правда, ей тогда все было смешно.

Справа от зеркала на стене всегда висел большой зонт-трость с рукоятью из карельской березы, которым никто никогда на ее памяти не пользовался по назначению, только для развлечения. Зонт выстреливал почти так же громко, как духовое ружье, висевшее с другой стороны, и раскрывался большим куполом цвета молочного предутреннего тумана. Под ним можно было спрятаться вместе с бабушкой, дедушкой, мамой, папой, няней Маней, рыжей кошарой Басей, зеленоглазой с зеленым атласным бантом на шее, большой, мягкой, пушистой, как бабушкина пуховая подушка, на которую она укладывала свои распухшие ноги, и бабушкиной любимицей белоснежной болонкой Марой, старой, сварливой, подслеповатой, оглушительно тявкающей на всех домочадцев.

— У нее склероз, — винилась за Мару бабушка, — никого не узнает, даже меня.

В подтверждение этих слов Мара принималась облаивать бабушку, бегая вокруг нее кругами, подпрыгивая то на задних, то на передних лапах.

— Так-то она еще не в плохой форме, — одобрительно покачивала головой бабушка Фая. — Вот только склероз.

Склероз старой болонки Мары — это, согласитесь, очень смешно.

Из дальнего угла прихожей наблюдала за всем происходящим виолончель темного матового дерева, почти черная, издали виолончель была по-

хожа на бабушку — тонкой талией и широкими округлыми бедрами. На виолончели никто никогда не играл, только, по давним преданиям, — какой-то дальний друг дома со стороны бабушки, что-то вроде несостоявшегося жениха ее двоюродной сестры Брони, кажется.

Звали его Зигфрид, за что виолончель навсегда получила неблагозвучное имя Зига, что тоже было поводом похохотать. Смычка не было, но влажное обтирание мягкой фланелевой тряпкой Зига имела ежедневно. Няня Маня выполняла этот ритуал с особым тщанием, выдавая тем самым и свое преклонение, и восхищение, и какое-то затаенное чувство к Зиге, ведь только под ее рукой Зига оживала — то протяжно, то коротко вздыхала, будто очнувшись от сна, то заходилась вибрирующим низким плачем, вызывающим ответные беспричинные слезы, то с пронзительной радостью устремлялась ввысь, и душа рвалась следом, неслась без страха и надежды на спасение...

Потом всегда, заворожено слушая виолончель, Эля вспоминала няню Маню, с затаенным дыханием обтирающую пыль с инструмента, и те неземные звуки, рожденные неловкой рукой няни.

Соло с тряпкой на виолончели, не станете же вы возражать, — тоже неплохой анекдот.

А Зигфрид играл виртуозно, это признавали все, кто слышал его игру, — наверное, он был гений и мог бы стать первой виолончелью земного шара, так высокопарно говорила о Зигфриде бабушка Фая, что, в общем-то, было не в ее манере. Больше о Зигфриде никто не говорил, потому что из всех, кого Эля знала, никто его никогда не видел, и тем более — не слышал, как он играет на виолончели. В том числе и бабушка Фая, между прочим.

Но Зига-то стояла в прихожей — это факт. И вздыхала, и плакала, и пела. Значит, Зигфрид был, и мог таки стать первой виолончелью земного шара, бабушка Фая врать не будет.

Но человек предполагает, а бог располагает, говорит народная мудрость. То есть хочет человек, мечтает, стремится к чему-то, все силы кладет и жизнь готов отдать за воплощение мечты, а все же богово расположение главнее. Выходит так?

Иначе говоря, Зигфрид предполагал стать именитым виолончелистом, жениться на Броне, двоюродной по матери сестре бабушки Фаи, девице не столько красивой, сколько с хорошими манерами, окончившей женскую гимназию, владеющей двумя иностранными языками, из семьи доб-

ропорядочной и с неплохим достатком, дед Моисей, отец Брониного отца Эли, а в домашнем обиходе — Ильи, владел в далекие дореволюционные времена мукомольным производством. Потом все его богатство мукой же и развеялось яростными ветрами революции, унеслось поземкой, заметающей все следы былой жизни.

Зигфрид тоже был хорошей партией для Брони: семья по всем показателям была под стать Брониной, плюс виолончель, внешность имел непримечательную, но приятную, — добрая улыбка, открытый взгляд темно-карих, почти черных матовых, в тон виолончели, глаз, длинные, тонкие, ломкие пальцы с припухлыми мягкими подушечками, уши великоваты и мочки длинные, но для мужчины это сущий пустяк, на который никто не обращает внимания. Кто-то, правда, обрисовал все эти подробности, иначе откуда бы они дошли до сегодняшнего дня, ведь фотографий Зигфрида ни у кого не было. И быть не могло.

Броня же замуж за него не вышла.

Возвращаясь к мелким деталям, которые стали для Эли знаками.

Зеркало в прихожей всегда висело косо. Но это даже не деталь — это непреложный факт, возможно, не требующий никакой трактовки.

А вот то, что Зига замолчала после смерти няни Мани — перестала и плакать, и петь, — заставляет как-то задуматься. Причем замолчала не сразу, первые несколько дней, что примечательно, — не семь и не девять, а восемь, по ночам по дому разносились ее стоны и всхлипы, протяжные, горестные. Это слышали все, не осмеливаясь произнести вслух, чтобы не давать повода для насмешек, при этом избегали смотреть друг на друга, что лишь подчеркивало уверенность в том, что Зига по ночам играла свою прощальную музыку.

В ночь на восьмой день Зига издала последний протяжный истошный всхлип. То есть струны иногда вздрагивали от неосторожного прикосновения, когда время от времени кому-то приходило в голову смахнуть пыль и паутину, расползшуюся в том углу, к которому одиноко прижималась Зига. Но это было скорее похоже на скрип колес несмазанной телеги. Музыка умерла.

Умерла следом за бабушкой Фаей и страдающая склерозом болонка Мара, причем она-то как раз соблюла закон — семь дней, свернувшись клубочком, выла, лежа на пуховой бабушкиной подушке для ног, еду не принимала, воду не пила, выла все тише, тише и на седьмой день замолкла. Шиву отсидела одна, больше некому было соблюдать обычай предков.

Невольно напрашивается вопрос — может быть, не было у Мары никакого склероза?

Все же жизнь полна веселых неожиданностей, надо только уметь их распознать.

Вспоминается еще одна смешная история.

Эля одна дома — ни бабушки Фаи, ни склеротички Мары, ни няни Мани, ни даже рыжей зеленоглазой кошары Баси, которую няня повезла к доктору лечить от тяжелого воспаления легких. Эля не знала, что такое "легкие", тем более — отчего они могут тяжело воспалиться. Но не это занимало ее воображение.

Оставшись одна, она решила, наконец, осуществить свою мечту — померить бабушкино файдешиновое платье. Может быть, у бабушки Фаи были платья и получше, все говорили, что она большая модница, и у нее была своя модистка, глухонемая подруга детства бабушка Сара. Может быть, были платья и получше, но это — влекло и манило, потому что файдешиновое. Казалось, наденет она это платье, и все переменится, как по волшебству. Каких перемен Эля ждала в пять лет, когда все было прекрасно, и все были рядом — бабушка, няня, кошара, Мара, Зига? Каких?

О нет, не спрашивайте, она так хохотала, что слова не смогла бы произнести.

Хохотала, стоя перед зеркалом, бабушкино файдешиновое, изумрудное с золотыми крапинками платье сползало с плеч и распласталось по полу, она с трудом удерживала его двумя руками, приподнималась на цыпочки, чтобы полюбоваться своим отражением в зеркале, но едва могла увидеть кончик вздернутого кверху носа с застывшими на нем капельками пота. И все же она решила покружиться, чтобы файдешин, вспорхнув с пола, волнами прокатился вокруг ног, как у бабушки во время медленного тура вальса, теперь уже только раз в году, в день рождения.

Кончилось все тем, что она окончательно запуталась в файдешине, упала, ударилась головой о кованый сундук, в котором бабушка хранила шляпки — свои, своей мамы, своей бабушки и даже двоюродной сестры Брони, несостоявшейся жены несостоявшегося гения Зигфрида. Упала и потеряла сознание. В общем, ничего смешного.

Хотя нет, это ведь не конец истории — это ее продолжение. Очнулась Эля в своей постели, в ногах молча лежала Мара, на подушке рядом косила на нее зеленым глазом кошара Бася, и непонятно было — жалеет она Элю или осуждает, почти вплотную к кровати была придвинута зингеров-

ская швейная машинка, бабушка Сара крутила ее ножной педалью, медленно протаскивая руками под иголкой кусок изумрудного файдешина. И на столе аккуратной стопкой лежали фрагменты распоротого по швам бабушкиного файдешинового платья.

— Что ты делаешь, Сара? — Эля подскочила, со лба на пол упал пузырь со льдом, от волнения она даже начала заикаться: — Чт-то т-ты д-делаешь, С-Сара?!

Глухонемая Сара бровью не повела, продолжала шить, а бабушка Фая, сидевшая рядом, спокойно и тихо сказала:

— Шьет тебе платье из файдешина. Наденешь на Новый год.

— На еврейский?! — не удержалась Эля, потому что знала, что он всегда наступает раньше нееврейского, осталось всего чуть больше недели.

— Конечно, на еврейский, зачем ждать лишние три месяца...

— А ты, бабуся?

— Я его уже относила.

Бабушка Фая медленно провела рукой по ткани, как бы пересчитывая кончиками пальцев рубчики, словно точно знала их счет, словно с каждым из них связывала мимолетное, давно канувшее в небытие мгновение своей жизни. "Все проходит", — подумала, и непрошеная печаль прихлынула к повлажневшим глазам.

Глядя на бабушку, Эля всплеснула руками — какая нежданная радость, подумала, и уже готова была расхохотаться, но почему-то не смогла, вместо этого из глаз брызнули слезы. Наверное, от сотрясения мозга. Иначе — отчего?

Так-то ведь смешно все получилось: тайком без спроса померила бабушкино платье, покружилась в нем, упала, а очнулась — и в новом файдешиновом платье прямо на еврейский Новый год угодила.

В трудные голодные военные годы держали в доме чужую виолончель в плотном коконе паутины, как в футляре, виолончель, на которой никто не играл и не собирался. Даже шляпки и капоры с атласными лентами и цветочными виньетками, с вуальками и перьями, с большими изогнутыми полями и совсем без полей бабушка Фая носила на толкучку и худо-бедно продавала, находились покупатели. Точнее сказать — менялы, готовые за мешочек муки, пшена или гороха, за несколько картофелин, луковиц или яиц, а то и настоящих яблок сорта белый налив приобрести головной убор, давным-давно вышедший из употребления, и уж во всяком случае, ни для чего не пригодный в конкретный текущий момент сурового военного времени.

А вот находились все-таки ценители прекрасной старины. Бабушка меняла не только головные уборы, но и разные безделушки, жившие в доме со стародавних времен, которые и она помнила от самого рождения. И зонт, кстати, ушел из дома тем же путем, и старинное духовое дедово ружье, бабушкиного деда. Его она долго готовила в путь — сняла со стены, сдула пыль, тщательно протерла тряпкой все деревянные части, пополировала металлические, проверила — не заряжено ли, произнесла, ни к кому не обращаясь:

— Оно, конечно, выстрелит в конце пьесы, но уже не для нас.

Затем завернула ружье в старое детское одеяльце, из разноцветных пестрых клинышков когда-то собранное Сарой для будущих внуков, которых не дождалась, и положила на сундук. Через несколько дней присела на краешек сундука, положила на колени запеленатое ружье, повздыхала о чем-то про себя, поднялась и сказала:

— Ну, доброго тебе пути, амен.

Вроде как к ружью и обращалась, больше не к кому.

Так постепенно и опустела прихожая — без зонта, без ружья, без сундука, его тоже забрали какие-то дядьки, только оставшиеся шляпки бабушка переложила в комод. А Зига затаилась в дальнем углу, ни звука не издавала, даже когда начались бомбежки, и все вокруг вздрагивало и ходило ходуном. Она как будто чего-то ждала.

Странно было бы так говорить о неодушевленном предмете, но Зига вряд ли строго подходила под такое определение — все же она отзывалась благозвучием на заботу и ласку няни Мани и, осиротев без нее, еще восемь дней играла свою прощальную музыку.

Смешно сказать, но Зига дождалась своего часа.

Это очень странная история. Бабушка Фая однажды увидела на толкучке мужчину неопределенного возраста, от сорока пяти до семидесяти, предлагавшего в обмен на какую-нибудь еду шляпку точь-в-точь Бронииного фасона. Бабушка примерно месяц назад выменяла эту шляпку как раз на яблоки белый налив, из которых умудрилась сварить тянучку, похожую то ли на мед, то ли на засахаренное повидло, только не сладкую, и выдавала по ложечке к вечернему кипятку, заменяющему традиционный чай. Бабушка точно помнит, что не этот мужчина взял у нее Бронину шляпку, это ведь у Сары склероз, не у нее.

Она принялась пристально разглядывать его и вскоре поняла, что он навязчиво напоминает ей кого-то: внешность ничем не примечательная,

но приятная — добрая, смущенная, будто виноватая улыбка, открытый взгляд темно-карих, почти черных матовых глаз, уши, пожалуй, немного великоваты для несоразмерно с туловищем маленькой головы и мочки, тонкие и длинные, дрожат и колышутся, как осиновые листья на ветру. Он сидел на деревянной колоде, Бронину шляпку примостил на коленях, а руки как-то неестественно висели вдоль туловища.

Бабушка Фая имеет здесь, в этом "зоосаде", свое место — на завалинке сторожки при входе на толкучку, очень удачное место, она его давно облюбовала и заняла, воспользовавшись всеобщей суматохой, когда кто-то у кого-то что-то украл, и все побежали — то ли ловить вора, то ли что-то прибрать к рукам под шумок. Что там как у кого получилось, бабушка не знает, а ей под шумок досталось как раз это самое лучшее место. Теперь она гордо, по-королевски восседает на завалинке, будто абонемент купила в оперу в ложу-бенуар на весь сезон, и никто не осмеливается посягнуть на ее право.

Она решительно поднялась и подошла почти вплотную к мужчине, на коленях которого лежала Бронина шляпка.

— Откуда у вас эта шляпка, сударь? — высокомерно и строго спросила она, демонстрируя свое чистейшее московское произношение.

— Азохен вэй, мадам, какое ваше дело? — устало и беззлобно ответил он. — Я вам чем-то обязан? Или, боже мой, у вас ко мне какие-то претензии?

Какой странный у него выговор, подумала бабушка Фая, абракадабра какая-то, смесь французского с нижегородским. И почему он заговорил с ней по-еврейски? Она уверена, что ничем не выдает своей принадлежности к евреям, тут, на толкучке, принимая во внимание ее товар, это было бы никак не кстати. Что-то еще мелькнуло у нее в голове, но тут она увидела его руки. Обрубки рук. На обеих не было кистей, на одной полностью, а на другой неловко болтались мизинец и безымянный, длинные, тонкие, ломкие два пальца.

— Зигфрид? — прошептала ошеломленная догадкой бабушка Фая и, не дожидаясь ответа, закивала головой: — Ну да, ну да, конечно, Зигфрид. Ах, боже мой, ой, вэй из мир, — она вдруг тоже невпопад заговорила по-еврейски. — Откуда ты? Почему не женился на Броне? Где твои руки, ой, вэй из мир! А Зига, ты не поверишь, Зига жива и ждет тебя. Собирайся, пошли.

Мужчина затравленно смотрел на бабушку Фаю и не произнес ни слова.

— Ну, что ты сидишь, что ты молчишь? Бери Бронину шляпку и иди за

мной. Сама судьба повелела мне вынести ее на толкучку. Иначе бы ты никогда не встретился с Зигой. Какое счастье! Нахес, просто нахес.

Мужчина молчал и не двигался с места.

Бабушка протянула руку за шляпкой, но он ловко перехватил ее двумя пальцами левой руки и спрятал за спину.

— Зачем тебе Бронина шляпка? Ты скоро увидишь свою Зигу. Пошли.

Он продолжал стоять, бабушка теряла терпение, но все-таки она оказалась сильнее. Ей удалось привести его в дом.

Это был, наверное, самый смешной эпизод из тех, что Эля запомнила с детства. Хотя бабушка Фая не разделяла ее веселья ни до, ни после.

В детстве притворно строго говорила:

— Смех без причины — признак сама знаешь, чего...

Это она в силу своей благовоспитанности не могла при ребенке произнести слово с ярко выраженной негативной окраской, почти неприличное, по ее разумению. А позже, уже не будучи столь щепетильной в выражениях, сокрушенно констатировала:

— Эля, ты так часто смеешься без всякого повода, что могут подумать нормальные люди? Что ты — дурочка?

Это был убийственный для бабушки Фаи аргумент, она чуть не плакала, покусывая губы. Эля тоже кусала губы, — чтобы не расхохотаться в ответ. Она не хотела обижать бабушку Фаю, потому что очень любила ее, со всеми ее смешными причудами и старомодными понятиями.

Зигфрид застыл на пороге прихожей, затравленно озираясь, попятился назад, прислонился спиной к двери и смотрел, смотрел во все глаза, ощупывая взглядом сантиметр за сантиметром стены, пол, потолок. Казалось, он силится что-то вспомнить.

Наконец он уткнулся в тот угол, где притаилась Зига, и надолго замер, прищурившись и сильно наморщив лоб. Все лицо стянулось к переносице и слегка перекосилось, как резиновая маска, надетая на руку. Эля хохотнула и зажала себе рот обеими ладошками — не поняла, а почувствовала, что ее смех в эту минуту будет совершенно неуместным.

Зигфрид вдруг сделал несколько шагов, медленных, неуверенных, как сомнамбула, снова остановился, потом рывком, шаркая ногами по выщербленному паркету, засеменил к Зиге. Бронину шляпку при этом двумя пальцами прижимал к груди.

Эля не отнимала ладоней ото рта, потому что смех душил ее, — так

неестественно комичен был Зигфрид, как клоун, которого она видела один раз до войны в цирке. Даже еще смешнее. А у бабушки Фаи по лицу текли слезы. Эля видела это второй раз в жизни, и что особо удивительно — склеротичка Мара, распластавшись у ног бабушки Фаи, лежала, как неживая, — не только не лаяла, но и не двигалась.

Эля опустила руки, прижала их к бокам — почему-то это называлось "по швам", няня Маня научила. Смех тоненькой струйкой вылетел изо рта, как теплый воздух на морозе, когда пол-лица закутывают теплым шарфом, чтобы не застудить горло.

Какое-то оцепенение овладело всеми домочадцами, будто этот Зигфрид — гипнотизер, колдун, волшебник.

Их, правда, всего-то было четверо: кошара Бася, старая болонка Мара, бабушка Фая и Эля. Няня Маня уже умерла, дедушка тоже умер, еще до войны. До войны исчезли мама и папа, за ними приехали какие-то военные, забрали из дома книги, папины тетради, какие-то вещи. Эля плохо видела, потому что бабушка Фая, держа на руках заходящуюся в лае Мару, одновременно прикрывала собой Элину кроватку. Сначала увезли папу, потом маму, и больше она их не видела. Все происходило ночью, и какое-то время Эля думала, что ей приснился страшный сон, он потом много-много раз повторялся и повторялся. Она слышала приглушенные голоса, оглушительный лай Мары, бабушкино отчаянное:

— Замолчи, Мара, замолчи!

И чье-то злобное:

— Заткни собаке глотку, старуха, или я ей шею сверну, нет сил терпеть.

Бабушка сунула Мару к Эле под одеяло, и та замолчала, словно почувствовала нешуточную угрозу. Эле тоже вдруг сделалось не по себе, хотя только что все выглядело очень смешно — и то, что бабушка Фая засунула Мару с головой к ней под одеяло, а сама стояла, прижавшись попой к Элиной кроватке, и юбку с двух сторон руками раздвинула, как будто собиралась сделать манерное приседание, и то, что ночью в дом пришли гости в фуражках и красивых формах с погонами. Но мама не ставила на стол чашки, а папа не готовил самовар к чаепитию. Она их вообще не видела из-за бабушкиной юбки, только слышала, как два раза с небольшим перерывом громко хлопнула входная дверь, и бабушкина спина содрогнулась, как от удара.

Эля не поняла, что произошло, но смеяться расхотелось.

Эля долго ждала маму и папу и бабушку ни о чем не спрашивала, только на день рождения не выдержала:

— Мамочка и папочка придут сегодня ко мне?

Бабушка Фая прямо у нее на глазах превратилась в старую старуху, и по лицу ее потекли слезы. Эля испугалась и умоляюще прошептала:

— Нет, бабусечка, дорогая, родненькая, не надо, не говори ничего.

Бабушка Фая мотала головой из стороны в сторону:

— Они уехали далеко и надолго, очень далеко и очень надолго.

Она прижала к себе Элю, продолжала мотать головой, и слезы капали с подбородка на грудь и на Элину макушку. Она не выдержала, вырвалась, забилась в дальний угол прихожей, чтобы там поплакать наедине, но глаза были сухие и горячие, в горле пересохло, и она начала громко икать, содрогаясь всем телом. Бабушка Фая с трудом отпоила ее теплым чаем, качала на руках, как маленькую, и только когда она уснула, уложила в постель.

Обычно она так икала от смеха.

Когда Зигфрид впервые появился в их доме, Эля, сама не понимает, почему, вспомнила ту страшную ночь, свои кошмары и видения, и Марино учащенное жаркое дыхание под одеялом, и ее шершавый язык, облизывающий ее ноги. Было щекотно и почему-то жалко бедную Мару.

Сейчас Мара тоже молчала, хотя ее никто не трогал.

Вечером Зигфрид в дедушкиных брюках и рубашке с опущенными манжетами сидел в столовой на диване, прижимал к себе коленями начищенную до ослепительной чистоты Зигу и все смотрел по сторонам, все вертел головой, будто искал что-то или силился вспомнить.

— Ничего не помню, нет, простите, мадам, — смущенно и тихо повторял, натыкаясь на бабушкин вопрошающий взгляд. — Не помню. Контузия у меня сильная. Память не восстанавливается. Я и дом свой не нашел, из эшелона на какой-то станции вышел, когда в тыл везли, и потерялся. Зачем выходил — не помню. И имя-фамилию свои не помню.

Бабушка Фая долго горестно молчала, потом спросила тихо:

— А Зигу вспомнил?

По лицу Зигфрида скользнула короткая улыбка, он засмущался еще сильнее, осторожно, едва касаясь, погладил Зигу по талии и бедрам, прислонился лбом к деке. Что-то привычное угадывалось в этих движениях — Зига явно была не чужая ему. Только до струн не дотрагивался, избегал, провел мякишем верхней фаланги мизинца сверху до низу, едва не прикасаясь, не больше миллиметра зазор, но струны не задел.

А Эле показалось, что Зига тихонечко запела, отзываясь на его движе-

ния, давно никто не прикасался к ней, не обихаживал, слов ласковых не говорил, как няня Маня:

— Раскрасавица ты моя, — мурлыкала нежно и почтительно, — краше тебя никого не знаю, а музыку твою бог тебе посылает на крылах херувимов, ангельская музыка, небесная, Зига моя благолепная.

Няня Маня любила такие словечки. И Зигу любила, как живое существо, сильнее, чем кошару Басю и старую Мару, а иногда Эле казалось, что даже сильнее, чем ее, Элю. Во всяком случае, на Зигу няня Маня никогда не сердилась, не выговаривала ей и никогда не ставила в наказание в угол. Зига просто стояла в углу, это было ее местожительство.

В общем, смешно это или не смешно, решайте сами, но Зигфрид и Зига, без сомнения, узнали друг друга.

Это было видно по всему. Бабушка Фая, разумеется, тоже это поняла. Поэтому уже настойчивее повторила свой вопрос:

— Узнал свою Зигу? Вижу, что узнал. Сыграй.

Тут она смущенно запнулась, посмотрела исподволь на обрубки его рук, и чтобы как-то исправить неловкость, поспешно сказала:

— Ой, что это я, право, смычка-то у нас нет. И никогда не было. Может, ты с собой увез, когда поехал к родителям договариваться о свадьбе с Броней, — тут она строго посмотрела на него в упор: — И куда ты подевался после этого?

Зигфрид ничего не ответил, приладил половчее Зигу, прошелся по струнам длинным ногтем левой двупалой руки — и полилась музыка несказанной красоты и силы. Со лба Зигфрида на лицо капали крупные капли пота, подбородок дрожал, мочки ушей вздрагивали, глаза были закрыты, а губы шевелились, будто молитву говорили. Смотреть на него было неприятно. Но Зига пела под его искромсанными руками музыку ангельскую, благолепную, — права была няня Маня, которая ни разу в жизни не слышала игру настоящего мастера на виолончели.

Зигфрид остался у них навсегда. Как иначе могла поступить бабушка Фая? Она его нашла на толкучке, буквально силком притащила в дом, толкнула Зигу в его объятья, а в изголовье диванчика, на котором он пристроился в прикухонной комнате покойной няни Мани, повесила на гвоздик Бронину шляпку, которую он не хотел выпустить из рук. Хотя никакой достоверной связи между Зигфридом, Броней и ее шляпкой бабушке установить так и не удалось. Терпеливо изо дня в день она показывала

Зигфриду семейные альбомы с фотографиями всей семьи и отдельно Брони в юности и в те годы, когда произошел сговор о ее свадьбе с Зигфридом, причем на одной фотографии, правда, не очень хорошего качества, Броня была как раз в этой шляпке.

— Узнаешь? — въедливо спрашивала бабушка Фая, тыча пальцем прямо в Бронину переносицу. — Узнаешь?

Зигфрид любил смотреть альбомы, подолгу разглядывал каждую фотокарточку и спрашивал — это кто? а это кто? Вскоре он всех запомнил и сам, без бабушкиного вмешательства, открывая ту или иную страницу альбома, безошибочно называл: Соня, Изя, Фаня, Броня, Моисей Залманович, Бронин дедушка, Эль Моисеевич, Бронин папа. При этом он радостно улыбался, и бабушка Фая думала, что в его памяти, наконец, наступило просветление.

— Ну, наконец-то! — восклицала она со вздохом облегчения.

А Зигфрид воздевал кверху свой единственный мизинец и с легким придыханием говорил благоговейно:

— Эль — значит бог.

Нет, бабушке Фае так и не удалось ничего добиться от Зигфрида. И главной загадкой осталась Бронина шляпка, — почему он вцепился в нее мертвой хваткой, зачем выменял на толкучке, а примерно через месяц снова принес туда же, чтобы поменять в обратном направлении, что, может быть, ему и удалось бы, не появись там в тот же день бабушка Фая. Ах, как бы все сложилось иначе, страшно подумать. Что было бы с бедным Зигфридом? Что было бы с ними со всеми, если бы он не вернул в их дом музыку?

Неоспоримо было одно — в прежней, довоенной жизни Зигфрид был первоклассным виолончелистом, если бы не война, кто знает, может, он и стал бы первой виолончелью земного шара, как говаривала бабушка Фая. Но это уже из области несбыточных сослагательных форм, — что об одном Зигфриде, что о другом, если предположить, что их было двое. Бывают в жизни совпадения, даже такие странные.

В жизни всякое бывает.

Если бы жива была Броня, легко можно было бы предъявить ей Зигфрида для опознания. Но она погибла в Бабьем Яре вместе со своими старыми родителями, к которым приехала погостить летом на недельку-другую, такую недальновидность проявили умудренные жизнью старики, немало повидавшие на своем веку, — зазвали дочку в гости прямо в самое

пекло. По предварительным-то планам Броня собиралась в Ташкент к дочке своей Лийке, которая замуж вышла в такую даль за бухарского еврея Яшку Мушеева. С виду — узбек и узбек, а по документам — не подкопаешься: чистый еврей по всем линиям. Собиралась, да не собралась — уж больно далеко ехать, а ее в поезде укачивало до рвоты. Подумали-подумали и все перерешили: Броня съездит ненадолго к своим родителям, Лийка с сыном — в Шепетовку к родителям мужа, который погиб на взрывных работах в карьере как раз в начале сорок первого года, погорюют вместе, мальчонка козье молочко попьет, а на обратном пути в Ташкент через Москву проездом к Броне заедут. Все хорошо сходилось, на том и порешили — разъехались в разные стороны. Не проявили дальновидности, роковое решение приняли. И чем все закончилось — известно.

А без Брони и ее родителей у Зигфрида было абсолютное алиби, не подкопаешься. На том расследование и закончили. Нет аргументов за, нет аргументов против, значит, можно считать, что их нет вообще. Аргументов нет, а Зигфрид есть, и Зига поет свою волшебную музыку, и Фрид, сынок Эли, родившийся, когда ей едва исполнилось восемнадцать, с ранних лет стал проявлять к Зиге повышенное любопытство, в чем потворствовали ему все. Значит, выбор сделан правильный, и может, еще появится в семье лучший виолончелист всего земного шара.

Что ж, надежда умирает последней.

Бабушка Фая говорила, что Фрид родился от непорочного зачатия.

Это, пожалуй, последняя смешная история в жизни Эли. Ей вообще все реже и реже хотелось смеяться, а почему — не могла объяснить.

Фрид родился внезапно, то есть она его выносила девять месяцев, как природой положено, но ничего подобного не ждала и не понимала, откуда зародилась в ней новая жизнь, как попал туда этот мальчик, похожий, хотя это может показаться бредом чистой воды, на Зигфрида: внешности малоприметной, но приятной, с черными матовыми глазами. Она была домашняя девочка, бабушкина внучка, и один лишь раз всего сходила на вечеринку к соседке Лорке, на день рождения. А там незнакомые парни и девушки, все веселятся как-то нарочито громко, натужно, развязно. Эле сразу захотелось уйти, но ее почти силой усадили за стол и напоили Советским шампанским, которое она раньше никогда не пробовала, и оттого, наверное, опьянела до полного беспамятства: ни что там делала так долго, потому что домой явилась за полночь, ни кто довел ее до дома, потому что она не стояла на ногах, буквально на коленках вползла в квартиру, — не

помнила. И хохотала так, что бабушка Фая несколько раз ударила ее по щекам, чтобы прекратить истерику. А это была истерика, констатировала бабушка, уж кто-кто, а она сразу поняла, что этот безумный хохот не имеет ничего общего с обычным Элиным дурашливым детским смехом. И кроме того, Эля не икала, симптом — стопроцентный.

Отца Фрида они даже не пытались найти.

Жили, стараясь не нарушать прежний уклад: бабушка Фая и Эля, Зигфрид и Фрид, кошара Бася, болонка Мара и Зига. Фрид был отличником в школе, к всеобщему удовольствию брал уроки игры на виолончели, при этом Зигфрид неотлучно был рядом, а бабушка Фая и Эля ставили стулья поближе, сидели, как в первом ряду партера, слушали, затаив дыхание. И мечтали — известно, о чем. Ничто не сулило глубоких перемен.

Смерть бабушки Фаи стала ударом для всех.

Перед смертью бабушка, сознание которой уже спуталось настолько, что она никого и ничего не узнавала, кроме своей любимицы старой склеротички Мары, вдруг совершенно отчетливо сказала:

— Ружье все-таки выстрелило, я в этом была уверена.

Что она имела в виду?

Пока бабушка Фая не умерла, даже когда у нее началась агония, и она уже, скорей всего, ничего не слышала, старый Зигфрид днем и ночью, сидя возле ее постели, непрерывно играл на виолончели, после чего у него омертвел мизинец.

После смерти бабушки Фаи Зигу поставили в угол прихожей, Зигфрид почти не выходил из бывшей комнаты няни Мани, только по нужде и чаю попить. Фрид неожиданно уехал в Израиль, на Землю Обетованную, очень звал Элю, чуть не на коленях перед ней стоял. Но она проявила несвойственную ей твердость.

— Дом нельзя бросить на произвол судьбы, — сказала тихо. — Зигфрид, Зига, кошара и я, мы останемся здесь. А ты езжай, сынок, живи по своему усмотрению.

Простились нежно, навсегда.

Кошара Бася не находила себе места, бегала по всей квартире, во все углы тыкалась мордой и смотрела на Элю пронзительными зелеными глазами, будто спросить хотела — где они? Не дождавшись ответа, запрыгивала на бабушкину подушку для ног и затихала ненадолго.

Эля первое время, когда не стало бабушки Фаи, по вечерам, сама не знает, для чего, надевала файдешиновую блузу, перешитую из знаменитого платья, и сидя на диване, поглаживала рукой ткань, как бы пересчитывая кончиками пальцев рубчики, словно точно знала их счет, словно с каждым из них связывала мимолетное, давно канувшее в небытие мгновение своей жизни.

"Все проходит", — подумала когда-то бабушка Фая, перебирая пальцами рубчики ткани, и непрошеная печаль прихлынула к повлажневшим глазам.

"Все проходит", — думала Эля. Она бродила по опустевшей квартире, шаркая ногами по выщербленному паркету, — ни зонта-трости, ни духового ружья, ни кованого сундука, набитого шляпками, ни, кстати, Брониной шляпки на стене бывшей няни Маниной комнатки при кухне, ни Зигфрида, ни кошары Баси — никого.

Только косо висело в прихожей зеркало с попорченной амальгамой, да в дальнем углу, едва заметная в темноте, стояла старая виолончель.

В чьем доме это все было? в каком времени? было ли?

Есть одно лишь материальное свидетельство — кусочек от маминой файдешиновой блузы, перешитой из бабушкиного платья. Вполне сохранный кусочек. Хорошую мануфактуру производили китайцы.

Прочнее памяти.

Москва

Ольга ИЛЬНИЦКАЯ

День города, или Шизографомания по-московски
(На разлив с подтанцовочкой)

У кого под перчаткой не хватит тепла,
Чтоб объехать всю курву-москву.
Осип Мандельштам

А ведь это то, во что я верю! Вот в то, что я ношу на шее! Все эти цацки, эти пецки! Вот в это сердце, якорь, крестик. Звезды Давида, картавость веток — все это золото, и эта скрепка вместо застежки...

Дробно постукивали слова, не складываясь стихом, но претендуя нести в себе готовность к рифмовке... Отсутствие внешнего слуха услышать рифму — сплошная мука. Внутренний слух для этого не годится. Внутренний слух для другого предназначен. Он не разделяет слова на смыслы. Он смысл словами организует и выпускает через выдох в мир ушей. А уши не слышат:

— Мама, зачем ты рифмуешь то, что можно сказать просто?

— Значит, плохо рифмую, Ромка. Когда хорошо — вопросов не возникает.

Восьмилетний Федька заступился:

— В стихах все бывает, в стихах даже муравьи летают. А в разговоре — нет...

— А в разговоре — нет, — повторяю следом.

В разговоре крыл не вырастает. Хочешь об этом поговорить? Речью не разговорной, подразумевающей собеседника. Литературной речью, в собеседнике не нуждающейся. К чему нам внешний диалог? Читатель пусть читает молча. Хавает. Хомячит. Переваривает. Да пусть хоть в белых тапочках!

Главное — суметь сказать. И не успеть отречься. И не главное то, на что читатель хочет ответить. Отвечают на то, чего услышать не хотят.

Вот и определена задача на сегодня: сказать не читательское. А пошел бы на фиг он. Если такой умный, пусть сам сработает гембель на всю свою читательскую голову.

Утро на редкость выдалось непутевое. Лежу, глаза чешутся от пережитого вчера: день слился с полночью, свернул зрение, сплющил глаза, вот

и чешутся. Сейчас душ приму, вспомню о будущем — это я о Ромке с Федькой, — надо позвонить, узнать, как они в дне нынешнем поживают. Особенно Ромка, птица вольная, бестолковая. И особенно Федька, птица с любовью и долгом, птица, на крыле несущая...

А почему жизнь и литература — явления перпендикулярные? И почему говорят: в этом тексте кончается литература и наступает жизнь? Дети — фоном, город выпукливается, как серпом по Моуди, и жизнь после жизни — загадкой для критика! Не вопрос! Потому что критика — продажная девка литературы. А писатель — нет. Литературоведы забыли, что литература не хреном сделана, а именно пальцем. Социальным средним, так ЗК объясняли, когда — отсидев, домой возвращались, а за спинами их, как кулечки, — байстрюки в лунных люльках качались... Ручками, ручками, но — с душою сделаны совковые дети... А жизнь и творчество едины. Сакрал и жизнь неразделимы. И если кто ушел на хрен, то результатом будут дети, что может чище быть на свете? Ах, извините, жизнь и творчество, как жизнь и смерть, неразделимы, но и большие две разницы. Кто б сказал, что первично, что даром... Небывалым по замыслу Даром.

Ничему не удивлюсь — все публично. Что говенно, то проктологично. И конечно, и несомненно, что для многих симптоматично... Незабвенно и очень лично! А вот в лучшее не поверю, потому что суеверю. Доживем — увидим День города. Ну, а критику отожмем. Потому что не первый год замужем и в стране пролетарски живем.

Кто о чем...

Погулять мы решили. Никого с утра не пришили в этот день... А вот к вечеру — было. Не одна набухала могила ожиданием...

Случайно позвонил конь. Кто-кто? Как ни банально, конь в пальто. А у меня Подруга гостила. И вот вышли мы на улицу, в День города попав.

В начале разбега — конкретно — троллейбуса нет, и машинам путь перекрыт. А по Садовому кольцу милиционеры по трое бегут, а может, на троих — эстафетники! И судьи стоят на перекрестках, фиксируют.

Мы идем среди там, но по адресу, как в песне: "Где мои семнадцать лет? На Большом Каретном".

Строение номер раз — дверь подвала, нужного нам, распахнута. В проеме — конь и Она. Пальто коня на ней.

Пили мы, разумеется. Торбу пива и бочонок еще приволокли. Ну и как тут без скандала? Не обошлось. Она сказала:

— Козел!

Он поправил:

— Конь!

Она сказала:

— Сволочь!

Он поправил:

— Бывшая.

Она сказала:

— Не бывает бывших.

Он перебил:

— Это у порядочных. А я — бывший.

А Она завизжала:

— Это я непорядочна?!

Он сказал примирительно:

— Пусть я.

Она громкнула:

— Выйдем!

Они пошли. А мы — следом.

На крылечке сидели сапожник, портной, царь, царица... Черепица съехала с крыши соседнего гаража. Грохот разбудил бомжа. За бомжом пришла собака. А над нами — облака... Высоко они, однако. К ним протянута рука...

Это Она ее протянула.

Вдруг Подруга говорит:

— У меня душа болит. Здесь облом, вокруг облом, надоело в небо лбом.

...Пес завыл, а бомжик вслух:

— Ты мне друг? А кто мне друг?

А Она и говорит:

— Песа хорошая. Псина бомжовая... Надо дать в морду.

Пошла буром на бомжа. Я пошла в обратном направлении.

В подвале пахло пивом и толчком. Толчок устроен так: три ступеньки вверх ведут, к унитазу. Никакой тебе дверцы, потому сидишь, дергаешься, вдруг кто мимо царского этого стульчака пройдет и оглянется на зад дебелый, вот и ссышь мимо, вот и пахнет пивом... А точней, могилой: тянет прелью по углам. Чай зеленый пахнет. Чашки чайные хранят недомытый запах.

Конь оглянулся, подошел... Сразу с толчка столкнуло...

Сидела Подруга в кресле, на чай остывающий дула. Подруга сказала:

— Пора.

И мы подорвали. Ура! Двора мы не видели вовсе. Спешили. Собака растерянно выла; и бомжа вбирала могила, и "скорая помощь" примчалась; и пахло сортиром. А доктор смотрела болтливо. Хотела, чтоб мы испугались. И мимо мочилы промчались.

Мы были светлы изнутри и снаружи. И мы каравеллами плыли по лужам, а с неба все лило и лило. Мочило.

Мочило сбежало куда-то. Мы следом слились... нас влачило по парку ЦПКиО. Нас сдуру сюда забрело...

Звонил конь, сообщал:

— Она в магазине, а я снаружи. Она звезданулась, бьет пивные бутылки, хай стоит, милиция, людья понабежало! А меня не пускает охрана. Витрина вдребезги. Молдаване, кричит Она во все стороны, у вас одна извилина, и та от фуражки. Вы — сила, что менты, что продавцы — все вы потребляете, сколько за душу мою? Всех вы покупаете. И вдруг — по фейсу продавцу. Что делать, что? Ее увозят, по пальцам дверью поелозив, — рыдает конь. — И — звон витрин... и мат летит, как из перин.

Что было делать? Мы сбежали. Я говорю:

— Не наши обезьяны. Не станем на себя их вешать.

А Подруга отвечает:

— Детку жалко. Она отвела девочку в гости. Ребенок не дождется маму. Конь сказал, она ему дочку родила. И ответственны они, но они теперь больны бестолковой жизнью... До тюрьмы и до сумы с каждым днем все ближе...

Сегодня день не задался. Она с ума сошед... Когда съехала черепица с гаража, а Она пошла буром на бомжа, крыша набекренилась, звякнула, сообщив:

"Уже опять к границам сизым
Составы тайные идут,
И коммунизм опять так близок,
Как в девятнадцатом году".

Пора в дорогу, на облако. Или к астрологу. Тут-то Она и оглянулась, добавила:

— Я мастер спорта международного класса, полуармянка из Тбилиси, как киллер, стреляю параллельно земле, в каблук попадаю. И бомжа я ща приложила уже.

А Подруга, когда чай студила, сказала:

— Упал бомжик плохо, когда Она толкнула его "скорой помощью". Так собаку жалко... Бегала, растерявшись.

Тут в дверь долбанули два раза:

— Это, — сказала я, — всего-навсего "скорая помощь". Не бойтесь, в этом дурдоме сумасшедшая только Она — комсомолка международного класса, попадающая в каблук лучница из Тбилиси, полукровка, презирающая бомжей.

— Нас, — говорила, — травили грузины. Застольями. Блудливые, как "скорая помощь", увозящая бомжа органы. В органы! Я настаиваю на этом, — сказала Она. — Не достать им меня из подвала. Не увезти в дурдом, обезьянник. Не навесить люлей-кебабов мне, умеющей много больше — обминающей баобабов широту и провинций у моря запах помнящей... Болью мне больно!

Да. Увезли в ментуру эту армянскую дуру с чисто русской фамилией.

— Аааай! — орала Она. — Лимита поганая! А я Ануш Петрова! — и кусала капитана из Хамовников за руку.

А рука мента, ее кисти хрупкие прихватив сначала наручниками, дверью бобика позже пристукнула.

Крови пролилось — до Петровки долилось. Это вам не реальность тридцатых века прошлого — это день века нового, двадцать первого, где всяк будет без дела — победово в нашем дурдоме сумасшедшим! Да хоть этот вот — в сером и хрупкий, с двуглавым вихром на макушке, в кобуре что хранит прибаутки... "Где мой черный пистолет?" — побрякушкой.

— Ушки прочисть, глухарь, ушки! — кричала Ануш не по-русски.

Она была почти холодна от горячей кавказской крови...

— Клюнул, клюнул его жареный петух в маковку! — орала нацменски с ума сошедшая. — Пива перелил! Жизнь мне перепилил...

Красивая, как весь Кавказ сразу. А стреляет как! Вдоль и в каблук, вдоль и в каблук. Лук в ее руках. Горца лук. Мастер спорта она. Мастер класса. Что там Армения-Грузия-женщина с гор Кавказа... в черном, трагичная, как выжившая героиня Советского Союза...

Так, провинция древних гор... Там, там сплошной разор... Воробьевых гор, разумеется.

...мы ж по... Хамовникам проносились, въехав с Ленинского проспекта в глухую такую халтуру, что некуда стало деться. У нас оборвалось сердце испугом за эту диву, попавшую сдуру в ментуру... Вот и пришлось спасать нелегалку эту, понаехавшую из Тбилиси к семи холмам и застрявшую в обезьяннике в Хамовниках. Нет, не вытащить ее из нагулянных из пятнадцати суток нам...

Ее пришили к месту суровой ниткой закона, мобильную трубу оставив, чтобы не задохнулась отработанными газами, ведь пучило ее, мучило, пиво было, зараза, паленое, жигулевское было пиво. А толчок-то остался там, на Большом Каретном, на три ступеньки выше, чем нары в милиции Хамовнического райотдела столицы.

Такие вот дела полуночные, темные. Кровь у нас брали суки в ГИБДД ЦАО, белые мяли руки... Что это было?

Было. Праздновал город рождение. День города остывал... Всех по местам отсылал.

Дома очнулись с приветом. Утро красило нежным цветом. Ночь была и прошла. Просыпалась Москва. Кремлядь чистила перышки, ела, в промежутках играла с компьютерной мышкой, напевая сквозь зубки: О, эти розовые ушки, они как розовые мышки, совсем малышки... Ах! Не целуйте ей подмышки...

До свиданья, День города! И — и спасибо тебе за это: первый выходной сентября. Пиво выпито, смыслы слиты... ЗаЛИТОван текст, и не зря! Критики щупальца тянутся ливнями скучными, это закончилось лето. Литературное, мля...

Москва

Олег ГУБАРЬ

Терешкова
Рассказик из советского времени

Ее зовут Терешкова. Не называют, а зовут. Потому что она Валя и потому что Терешкова. Вот она машет мне рукой, взгромоздившись на какой-то шамотной кочке, — среди обширного болота, открывающего живописный вид на индустриальный пейзаж, тотчас за проходной. Машет кокетливо и вместе развязно, будто напомаженная шутиха, подобрав полы складчатого байкового халата, усыпанного бледными анемичными цветами, выпрастывая пунцовые ладони к распушившемуся на ветру платку-тюрбану.

Ковыляю навстречу по всхлипывающему под башмаками набухшему известковому хрящу. Колеи, протоптанные в этой — зимой и летом одним цветом — топи напоминают кофейные подонки, десятилетиями скапливающуюся на донышке красномедной джезвы тырсу.

Валюха пританцовывает на своем подкаблучном островочке:

"Валентине Терешковой
за полет космический —
эх! —
Фидель Кастро подарил —
эх! —
член автоматический..."

В цеху пыльно и жарко. Полыхают в полутьме длиннющие туннельные печи. Облицовочная плитка артикула "кабанчик" смалится наподобие своего зоологического оригинала, но гораздо дольше — по 36 часов кряду, в каком-то немыслимом температурном режиме. Твердеет, словно усохшая кабанья шкура, чтобы в дальнейшем декорировать собой срамные фасады новостроек.

Плетенная из металлической проволоки рифленая конвейерная лента течет незамерзающим ручейком навстречу Терешковой и ее товаркам, фигуры каковых здорово напоминают усеченные пирамиды, — в тех же колоколообразных надутых халатах. Вопреки помянутой безразмерности, формы все же рельефно хороши, аппетитны. "У Вальки жопа, как орех, — ухмыляется бригадирша, — так и просится на грех".

На конвейерной ленте опрокинутыми карточными колодами в восемь нескончаемых шеренг выстроилась слегка просушенная шамотная плитка, только что отчеканенная прессами. Задача (незадача?) "садчиц" заключается в том, чтобы безостановочно собирать эту хрупкую субстан-

цию и "садить" ее в вагонетки, то и дело заталкиваемые в туннельную печь на обжиг. Все искусство состоит в том, чтобы плитку собирать стремительно и вместе нежно, иначе она крошится прямо в руках. Затем собранные стопы (колоды?) аккуратно заклиниваются меж противоположными бортами вагонетки — так, чтобы не было перекосов, и каждая плиточка выходила бы из печи ровнехонькой.

Процесс технологически непрерывный, однообразный, круговой. Ручей подвяленной плитки никогда не иссякает. "Садчицы" стоят у последней черты обороны, как панфиловцы. Мужики здесь не выдерживают и смены: ни отлить, ни покурить. На позиции — сплошь лимитчицы, лихие насельницы длинного и пыльного, как туннельная печь, барака времен очаковских. Слева — кладбище, справа и впереди — тюремный замок, славный тем, что тамошний ключник Троцкий на свою голову презентовал одному из арестантов свою фамилию.

"О! — иронически восклицает Терешкова. — Пианист притопал! Пойдем, хоть отольем..."

Пианистом она меня прозвала за — без хвастовства! — исключительное умение собирать хрупкую рассыпчатую плитку и стремительно, и нежно. Я в одиночку виртуозно очищал половину ширины конвейера — четыре ряда из восьми. А когда нахлынет вдохновение, так и все пять! Получалось так, что я будто бы и в самом деле скользил по клавишам рояля. Только клавиши были побольше и пошероховатее.

Когда мы печалились глухою ночью — запыленные, изможденные, забытые и брошенные верховным командованием на третьестепенном участке фронта, — Терешкова вдруг оживляла непреклонные бдения какой-нибудь непредсказуемой арией варяжского гостя. Россиянка, прошедшая огонь, воду и канализационные трубы, она поражала меня широтой репертуара. Монотонные романсы и песни русского Севера, раздольные заснеженные баллады перемежались подвывающей цыганщиной, оперными ариями и приблатненной лирикой.

"В каком-нибудь вагоне-ресторане, — пронзительно ввинчивала она в мартеновский купол цеха, — тебя ласкает кто-нибудь друго-ой. А я везде ищу тебя, Аленка, и я хочу, чтоб ты была со мной". "Колеса стучат, бегут поезда, — истово подхватывал наш нестройный и нестроевой самодеятельный коллектив, — и ты уезжаешь надолго..."

Нравы у нас были еще те, не говоря уже о манерах. Но Терешкова в руки не давалась, хотя снисходительно кокетничала напропалую. Забавляла нас все новыми и новыми редакциями сюжета о том, как лишилась невин-

ности. Сегодня это был, допустим, одноклассник, трепетнее лани, каковому все не удавалось освоить ее "мышиный глаз", а потому, дескать, он — по Валькиной же рекомендации! — подкладывал под "орех" весь наличный запас подушек-думочек. Впрочем, безрезультатно. Назавтра это был физрук или массовик-затейник крымского пансионата, где она проходила практику в столовке. Послезавтра мы радостно выслушивали трогательную версию про выпускной вечер, предрассветные колючие заросли и заключительное: "Отчего ты плачешь? Я мужик! Я женюсь!".

"Ну и как, женился?" — заливается бригадирша.

"А то как же", — ответствует Терешкова, хохоча и выразительно укладывая ребро левой ладони на локтевой сгиб правой руки.

Сближению предшествовал незатейливый, в общем, эпизод. Был у нас редкостно обаятельный обжигальщик Женька, тоже из российской глубинки, мой напарник по обслуживанию этих самых туннельных печей. Так вот этот Женька, весельчак и балагур, просто-таки правый башмак к Валькиному левому, как-то раз озвучил в лицах телерепортаж с какого-то правительственного официоза. Где-то там Генсек что-то такое стоял на открытом воздухе, а потом вдруг подозрительно покосился на небосвод.

"Тут, — лыбится рассказчик, — один солидняк из "конторы" тоже устремил подозрительный взор в поднебесье, подмигнул кому-то, и этот невидимый благодетель выпорхнул, будто джинн из бутылки, и накинул на плечи Самого ПЛАЩЫЧЭК". Женька выговорил именно так, на каком-то региональном наречии — смоленском, должно быть.

Была как раз новогодняя ночь. И то ли под впечатлением Женькиной болтовни, то ли от чего другого, но мы решили совершить производственную диверсию — вырубить на часок прессы и затолкать в печь пустую вагонетку. В конце концов, работаем сдельно. Кому какое дело, просто чуть меньше бабок срубим.

Мы тогда отменно в каптерке слесарей оторвались. Околичные девахи доставили качественного самогону. Как водится, проводили, встретили... Спели в очередь "Цвіте терен" и "В лунном сиянии ночь серебрится" — согласно этническому составу наличных лимитчиц. Терешкова ерничала по поводу топографии барака: "Меж тюрьмой и сумой". Женька забавлял смоленскими присказками. Хорошо было...

Нашлись добрые люди — как же без них? — донесли. А начальник наш, с уморительной фамилией Шерамин, был мужик, как принято говорить, суровый, но справедливый. С другой стороны, план есть план. Это святое. Настучали в трест, и надо было принимать какие-то видимые меры.

Мне-то что, я был городской, прописанный, при маме с папой. Пришел за длинным рублем — это да. Здоровье было. И его было не жалко. Что мне сделают? Из барака, поди, не выселят. Взял инициативу на себя, пошел к начальнику. Повинился, мол, день рождения у меня, вот и соблазнил рабочий коллектив и т. д. и прочее. Шерамин, понятно, видел, что я несу полную околесицу, да на людях смолчал, прищурился. Короче, временно перевел меня в разнорабочие (а это была серьезная потеря в заработке), о чем и доложил по инстанциям.

..."О! — Выдохнула Терешкова с сарказмом. — Наш пианист явился". Подошел ухмыляющийся Женька: "Что, мужик, не понос, так золотуха?". "Нет, — парирую, — то рубаха длинная, то хрен короткий".

Явился я в ночную смену при параде и модном тогда галстуке кремпленовом. Работал после разжалования исключительно в дневную смену и, откровенно говоря, отдыхал курортником. Но руки... Руки привычно потянулись к шамотным клавишам. Ступил к чертову конвейеру и взял несколько мощных беззвучных аккордов.

Валька вдруг колыхнулась навстречу, оставив настоянное эпохой место — у валика свивающейся в клубок сетчатой металлической ленты. Плитка потекла в образовавшуюся брешь прорванной обороны. Шмякнулась о бетонный пол и рассыпалась шершавым хрящом. Сверху свалилось еще несколько сухих "кабанчиков", формуя маленькую кочку, кучку, надгробный холмик производственной дисциплине. Мы глядели завороженно, ничего не предпринимая, в каком-то пронзительном ступоре.

Терешкова ухватила меня за руку чуть выше кисти: "Пойдем. Женька, поиграешь за нас?". Женька деловито засуетился.

Мы поднялись во второй этаж, в заиндевевшую от пыли бытовку, и когда занимались друг другом прямо на полу, в проеме между "раздевальными" шкафчиками, за моей спиной задышали. Я повернул голову. Это был один занятный кадр из Средней Азии — пропившийся, отставший от поезда, зарабатывавший в нашем содоме на обратный билет и обычно ночевавший здесь же, в бытовке, на столе.

"Чего ж это вы, на полу, — заметил он участливо, — а стол зачем?"

"Не хотели бельем твоим постельным пользоваться", — угрюмо отозвалась Валька с нижнего этажа.

...Мою отвальную в университет справляли в том самом туннельном бараке времен покоренья Крыма. Мы сидели с Терешковой, как жених и невеста, как заслуженные артисты, как именинники. Похохатывали. Вспоминали еще историю о том, как нас застукал на задах заводской сто-

ловки один водила, Валькин воздыхатель. Как он выхватил длиннющий и узкий, как тот же барак, кухонный нож и пошел на меня. Как Валька закрыла меня своим телом, точно амбразуру. Как мы гнали его потом на улицу: Терешкова — шваброй, я — рогатым навершием металлической вешалки на сколько-то персон. Как большая рыхлая добродушно-язвительная снабженка Белла Наумовна при виде этакой картинки затрепыхалась, зашлась в хохоте и поперхнулась им.

"Вспоминайте иногда вашего студента..." Я наведывался в барак, и мы сколько-то раз бесшабашно буянили и резвились. А дальше моя Терешкова пропала. Поговаривали, что ее сманил один хмырь, поездной проводник или буфетчик. Это было вполне правдоподобно и совершенно в ее духе. Вечная лимитчица...

Стоит мне оказаться на вокзале, услышать рельсы или отдаленное паровозное ржание, вместе с ними различается заунывное, нарочито носовое Валькино подвыванье: "В каком-нибудь вагоне-ресторане тебя ласкает кто-нибудь другой...". Рефреном продымленных, изгаженных полустанков, захлебнувшихся шамотной жижей брошенных у последнего рубежа заводов.

Я продолжаю встречать это лукавое заплаканно-изолгавшееся существо на барахолках и развалках, на подступах к околичным винаркам, на паперти лесов, полей и рек, где человек проходит как хозяин. Я люблю этот багровый неискренний лик, кривобокую посадку головы, лисьи повадки, просыпающиеся, будто сухой шамот, непристойные каламбуры.

Мой бывший шеф, редактор, которого я люблю не меньше, неизменно подает "синеглазкам". Как-то упрекнул его: "Зачем? Они же тотчас пропьют". "Конечно, — отвечал он, нимало не смутившись, — но кто ж им подаст, если не я?"

В самом деле, кто же...

Первые числа февраля 1998-го

Петр МЕЖУРИЦКИЙ

Дневник человека

По всей видимости, только я никоим образом не причастен к разрушению Советского Союза. Так, во всяком случае, мне хочется думать. Можете со мной спорить, но не из пустой прихоти или тайного тщеславия появился на свет именно этот, воистину всемирно-исторический дневник. Нет, завел я его с единственной целью — обеспечить себе духовное алиби. Ведь как ни притворяйся настоящим советским человеком, а однажды тебя непременно разоблачат. И вовсе неспроста мысленному моему взору слишком часто представлялась следующая малоутешительная картина: под занавес допроса матерый следователь победоносно достает из ящика стола раздобытый ушлыми оперативниками дневник, коему я поверял свои самые сокровенные мысли и чаяния. Разве не обидно в подобной ситуации сознавать, что этакая духовная шалость, иллюзия, мираж, безусловно, перевесит в качестве доказательства годы безупречного притворства и реального верноподданичества? Думаю, не иначе как от досады меня и осенило. А что если в обычной жизни быть самим собой, а вот дневник вести так, словно я настоящий советский человек?

Сказано — сделано. Когда я убеждался, что дома все уснули, и даже последний сверчок сам себя утомил, я на цыпочках подкрадывался к заветному тайнику, извлекал драгоценную рукопись, и устроившись на кухне под столом, при свете лучины вносил очередную запись. Например: "Число. Месяц. Сегодня исполнилось шестьдесят три года со дня рождения Кунаева Динмухамеда Ахмедовича, видного советского государственного и партийного деятеля, первого секретаря ЦК КП Казахстана. Чувство глубокого удовлетворения не покидает меня с самого раннего утра. Да и кого может оставить равнодушным даже краткий перечень заслуг и свершений товарища Кунаева, видного советского государственного и партийного деятеля, первого секретаря ЦК КП Казахстана? И т. д.". День ото дня, вернее, ночь за ночью, в кратких своих записях я клеймил, выражал братскую солидарность, благодарил за неустанную заботу, давал гневную отповедь — и вот однажды оказался задержанным органами государственной безопасности.

Напрасно я пытался изобразить политическую невинность. Как правило, в конце очередного многочасового допроса один из следователей выкладывал на стол неопровержимые СВИДЕТЕЛЬСТВА того, как полгода назад я скептически усмехнулся на комсомольском собрании,

или как три месяца назад глаза мои не загорелись неподдельным возмущением при упоминании имени Голды Меир. Конечно, я исписывал килограммы бумаги, объясняя, что вовсе не усмехался, но лишь особое расположение света и тени на моем лице ввели в заблуждение славного тайного помощника органов, бдительно наблюдавшего за моим поведением. Я чертил схемы специфики освещения в том именно месте, где я сидел на злополучном собрании, но экспертиза всякий раз ставила под сомнение мою искренность.

Силы постепенно оставляли меня, но делу не видно было конца. Уже не менее пяти научно-исследовательских институтов полными составами переключились исключительно на тематику, связанную с раскрытием моего подлинного лица, уже были чувствительно сокращены годовые бюджеты нескольких сельскохозяйственных и даже тяжелопромышленных областей с целью максимально повысить эффективность оперативно-розыскной работы по моему делу, но все-таки решающего успеха, такого, чтобы у самого злостного очернителя советской действительности не возникло малейшего повода усомниться в правомерности репрессий властей по отношению ко мне, добиться не удавалось.

И вдруг допросы, очные ставки и следственные эксперименты внезапно прекратились. Несколько суток меня не вызывали, а еще через какое-то время из моей камеры отселили провокатора, который месяца три тщетно уговаривал меня прорыть подкоп в кабинет следователя, выкрасть оттуда радиоприемник и, хоть разок вдоволь наслушавшись БиБиСи, вернуть приемник на место и засыпать подкоп. Я понял, что дневник мой обнаружен. Однажды в камеру вошли пятеро с лицами головорезов и повадками дипломатов. Туманно представившись, они, не переставая изысканно извиняться, натянули мне на голову светонепроницаемый пакет и, осведомившись о самочувствии, вывели, как я понял, из здания тюрьмы.

Путь предстоял неблизкий. Сначала мы ехали на автомобиле, потом пересели в самолет. Посреди полета с меня сняли светонепроницаемый пакет, побрили, подстригли, опрыскали дезодорантом, накормили и снова вернули пакет на голову. "Неужели меня решили обменять на Луиса Корвалана, о котором я несколько раз так тепло отзывался в своем дневнике?" — терялся в догадках я. Наконец, после долгого спуска в лифте меня провели по довольно извилистым коридорам, завели в некую комнату и предложили сесть. Удивительно, до чего быстро человек привыкает обходиться без помощи зрения. Конечно же, чисто умозрительно жаль утраченной

способности к светоощущению, но с другой стороны, начинаешь как-то неизмеримо глубже, а главное, пронзительней ощущать окружающее тебя пространство. Я почему-то сразу понял, что слева от меня находится стеллаж с полным собранием сочинений классиков марксизма-ленинизма, справа бар с выпивкой, которую мне вряд ли предложат, а передо мной стол, за которым восседает член Политбюро ЦК КПСС, председатель КГБ СССР Юрий Владимирович Андропов, и в руках у него мой дневник.

— Итак, — начал Андропов, когда мы остались одни, — вы тут пишете, — он не торопясь полистал дневник и, наконец, принялся монотонно меня цитировать: "Число. Месяц. Сегодня электронные средства массовой информации разнесли по стране и миру радостную весть о том, что Юрию Владимировичу Андропову присвоено воинское звание генерала армии. Волна счастья сразу же нахлынула на меня. Наконец-то! Душа так и пела: сегодня Юрию Владимировичу Андропову присвоено воинское звание генерала армии! Я раскрыл утреннюю почту. На первых полосах всех без исключения газет сообщалось, что сегодня Юрию Владимировичу Андропову присвоено воинское звание генерала армии. Я ущипнул себя за ухо: а вдруг это только дивный сон..." — Андропов прервал чтение, прошелся по кабинету и совершенно неожиданно признался:

— Вот и я сочиняю стихи, и представьте себе, не написал пока ни одного о роли партии в построении развитого социализма или хотя бы о роли комсомола в воспитании молодежи — все больше о любви, знаете ли, семье, природе. В сущности, вы лучше меня.

— Господь с вами, Юрий Владимирович!

— Нет, нет, не спорьте. В сущности, вы лучше всего советского народа, этого крайне лицемерного строителя коммунизма. Знаете что? Напишите-ка мне донос на весь советский народ, а я возьму и долбану по нему всем своим ракетно-ядерным потенциалом.

— Но Юрий Владимирович, — несмотря на охвативший меня ужас, осмелился возразить я, — ведь двадцать миллионов лучших представителей этого народа являются членами и кандидатами в члены КПСС.

— Двадцать миллионов? Да вы смеетесь надо мной! Впрочем, ради двадцати миллионов настоящих коммунистов я, конечно, не долбану.

— А ради двух миллионов?

— И ради двух не долбану.

— А ради одного?

— Вы правы, ради одного, пожалуй, и мараться не стоит. Но с другой стороны, как вы полагаете, на сколько времени можно еще растянуть

строительство коммунизма, имея в наличии лишь один миллион настоящих коммунистов?

— Ну, лет на семьсот-восемьсот, — осторожно, стараясь все-таки не оскорблять здравого смысла и не слишком далеко выходить из границ реальности, предположил я.

— То есть в исторической перспективе — совсем ничего, — почти радостно подхватил Андропов. Он встал, задумчиво прошелся по кабинету, остановился у стеллажа с томами печатных трудов собственных предтеч, вздохнул и, вернувшись на свое рабочее место, продолжил: — Поэтому и нужна вечная идея. Понимаете? Вечная! Жить, например, чтобы покорять пространство и время. Как вы это находите?

— По-моему, хорошо.

— А вот Дмитрий Федорович Устинов так не считает. На редкость прагматичный человек. Спит и видит, как я умру, а он станет Генеральным секретарем. Как будто плох тот коммунист, который не мечтает стать Генеральным секретарем. Где это написано? И снимите вы, наконец, этот идиотский светонепроницаемый колпак. Мне трудно разговаривать с вами, не видя вашего лица.

Пришлось подчиниться.

— Так вот вы какой, — удивился Андропов. — А я думал, вы совсем другой.

— А я вас сразу узнал. Да и сейчас меня не покидает чувство, будто не с вами, а с вашим портретом беседую.

— Ай, бросьте вы, в самом деле! Хотя, признаться, и меня не оставляет ощущение, словно разговариваю не с вами, а с вашим личным делом. Однако все мы время от времени и до поры до времени только люди. Вы лучше подскажите, чем можно занять народ, который уже осуществил свою национальную идею? Вот в чем вопрос текущего момента, как говорил Гамлет. Идея свыше нам дана, а коль не дадена, — хана! Извините за рифму, совершенно эстетически неуместную в контексте нашего диалога. Вероятно, нечаянный выплеск подсознания. С вами не бывает? Увы, мой друг, ни люди, ни даже их высшие руководители совершенно не в состоянии производить никаких идей, включая и ложные. Это говорю вам я, верный ленинец, беззаветный борец за мир и социальную справедливость. Как было сказано: "Бог дал, Бог взял". Особенно это касается идей. Так что, давайте помолимся о даровании нам национальной идеи. Кстати, мне лично очень понравился ваш дневник. Непременно дам его почитать своим соратникам по Политбюро. А теперь — ступайте. Вам принесут извинения

и наградят орденом, пожалуй, даже двумя. Вы их вполне заслужили. И смотрите, чтобы вас не пристрелили при попытке к бегству. Мне было бы очень жаль. Ну, ступайте, ступайте же! — он снял очки, прикрыл лицо ладонями и разрыдался.

Разрыдался и я, правда, уже через много лет и, кажется, по другому поводу. Где теперь мой дневник? Где Советский Союз? Где Андропов? Вряд ли кто-либо из живущих, в том числе и я, способен вразумительно ответить на эти вопросы. Однако и повествование мое подошло к концу, и читателю, разумеется, не терпится узнать, что стало хотя бы со мной. Ну что ж, после того как меня действительно чуть было морально не пристрелили при попытке получить статус беженца в США, я переселился в Израиль, маленькую страну в Восточном Средиземноморье, где и дожил до глубокой старости, выращивая фрукты и овощи, названия которых не в состоянии запомнить. Вот, собственно, и все. Здешняя жизнь совершенно не располагает к ведению дневника.

Иерусалим

Евгений ДЕМЕНОК

Казус Бени Крика*

Эту почти детективную историю невозможно было бы выдумать — так много сплелось в ней имен, знаковых не только для Одессы, но и, не побоюсь высокопарных слов, для всей мировой культуры. Я услышал ее начало от двух известных в нашем городе людей — лучшего краеведа и лучшего искусствоведа. Почему сразу от двух — все очень просто. На одном из вечерних застолий они, как обычно, разговаривали о знаменитых одесситах и всяких одесских делах, я подсел к ним и, услышав несколько интригующих фраз, слово за словом вытянул из них эту историю. Она звучала настолько фантастично, что сначала я даже не поверил в ее правдивость. И только спустя несколько недель подробных расспросов, на которые мне очень скупо и нехотя отвечали, а потом и после самостоятельного изучения множества архивных и исторических материалов я убедился, что мои собеседники ни на йоту не отступили от правды. Как я выяснил позже, они являлись практически единственными носителями этой информации, никогда раньше она не была опубликована и даже записана. И так как возраст обоих рассказчиков уже можно назвать почтенным, я решил записать ее поскорее, чтобы она сохранилась для наших с вами потомков и не канула в Лету, как многие из славных историй прошлого, которые некому было записать...

Итак, дело было в Одессе в конце XIX века... Великий русский художник Илья Ефимович Репин прибыл в наш славный город вместе с молодым Валентином Серовым, который тогда еще только формировался как художник и совсем недавно начал обучение у Репина. Но конечным пунктом назначения этого любопытного дуэта был отнюдь не наш пропахший морем и провяленный бычками черноморский город. Берите выше — они следовали в Палестину. Одесса как крупнейший портовый город Российской империи на Черном море была главной перевалочной базой на пути следования к Земле обетованной. Как пишут многочисленные биографы Ильи Ефимовича, основной целью поездки было посещение святых для каждого христианина мест и работа над натурными этюдами к новой большой картине. Что же еще писать биографам, которым не посчастливилось проникнуть вглубь событий и докопаться до самой сути происшедшего?

На самом деле все было совершенно иначе. В это время в мире шири-

* Фантасмагория.

лось и крепло движение, которое немного позже назовут сионистским, — движение евреев за возвращение на историческую родину. Преследования среди российских евреев усиливались, что вызвало подъем их национального чувства. В 1881 г. в России стали создаваться кружки "Ховевей Цион" (палестинофилов); к концу года их было уже около 30. Первые поселенцы начали перебираться в Палестину, осваивая пустыни и болота — те небольшие участки, которые удалось купить на деньги богатых еврейских семей, в первую очередь, Ротшильдов. Это была так называемая "первая алия", начало которой положили члены еще одного палестинофильского общества, "Билу". Первые кружки "Ховевей Цион" появились в Харькове, и именно из Харьковской губернии был родом Илья Ефимович Репин.

Еврейские общины по всей Европе собирали деньги, чтобы покупать новые земли для первопроходцев и помогать им обустраиваться на них. Российские общины не стали исключением. За несколько лет стараниями активистов была собрана довольно внушительная сумма наличными и золотом. Но это была только часть задачи. Теперь нужно было переправить собранные сокровища в Палестину. Для этого требовался надежный человек, известный и уважаемый в обществе, наличие большой суммы денег у которого не вызовет ни у кого вопросов, а цель поездки в Священную землю — подозрений. В результате совпадения множества обстоятельств, именуемых невежественными людьми судьбой, таковым оказался Илья Ефимович Репин. Он как раз начал работу над малоизвестной картиной "Иди за мною, сатано, или Искушение Христа", о которой я расскажу немного позже. Всем хорошо была известна привычка Ильи Ефимовича делать натурные этюды к тематическим картинам. Это не современные художники, натуру которым заменяет фотоснимок. В общем, причина поездки была более чем убедительной. Деньги были аккуратно сложены в портмоне, золото — в саквояж. Но одного мэтра с такой суммой старейшины отпустить не могли. Путь неблизкий, места неспокойные, саквояж тяжелый — в общем, нужен был молодой помощник. Им стал Валентин Серов.

Мы с вами знаем Валентина Александровича Серова как великого живописца, работы его хранятся в Третьяковской галерее и множестве других знаменитых музеев. А в описываемые времена он только начинал свой путь в живописи. Мать Валентина, известная пианистка Валентина Семеновна Серова, после смерти мужа жила в Европе, отдавая все силы музыке, и на сына времени у нее не оставалось. Валентин рос стеснительным и замкнутым ребенком. Когда ему было девять, мать привела Валентина к Репину, жившему тогда в Париже. Илья Ефимович заметил талант

мальчика, привязался к нему, и позже Валентин приехал к Репину в Москву продолжать обучение. Серов жил у Репина почти на правах члена семьи, сопровождая его во всевозможных поездках на этюды, а в остальное время рисуя с гипсов, с натуры и копируя репинские холсты. Поэтому решение Репина взять с собой в Палестину Серова было естественным. Еврейская община одобрила выбор, ведь отец Серова Александр Николаевич был внуком крещеного еврея, сенатора и естествоиспытателя К.Л. Габлица, а девичья фамилия матери — Бергман, родом она была из немецко-еврейской семьи. Знала бы Валентина Семеновна, с какой целью ее сын отправляется в такое далекое путешествие!

Вы спросите — а почему Репин согласился участвовать в таком серьезном и даже небезопасном деле? История об этом умалчивает, но, поразмыслив немного, можно найти причину. Илья Ефимович был богатым человеком. Много вы знаете богатых художников? Единицы. А он был. Значит, был практичным, экономным, знал деньгам цену и счет. Не подлежит сомнению, что такое сложное задание хорошо оплачивалось. Вот и причина. Что касается юного спутника, он взялся за дело с удовольствием — еще бы, такое приключение! Для пущей убедительности решено было взять мольберты, холсты, побольше красок. Валентин выступал учеником мэтра, юным подмастерьем, подающим надежды будущим художником. На пароходе он должен был ходить с кистями и палитрой и переставлять с места на место мольберт, изображая муки творчества. Помните художников Бендера и Воробьянинова на пароходе?

Итак, наши герои сели на поезд в Санкт-Петербурге и вышли из него на одесском вокзале. Багажа у них было предостаточно — громоздкие мольберты, коробки с красками, чемоданы с вещами. К вагону подъехали грузчики, грохоча тележками и зазывая пассажиров воспользоваться их услугами, погода стояла расчудеснейшая, а по перрону прогуливались прекрасные дамы в белых кружевных платьях, укрываясь от палящего солнца под изящными зонтами. Илья Ефимович отправил юного Валентина на перрон смотреть за вещами, вышел из купе, а когда вернулся, саквояжа с портмоне уже не было... На перроне стоял Серов, мечтательно глядящий вдаль, мольберты и краски были погружены на тележку, грузчик услужливо ждал, а самого главного не было. Воображение дорисует нам последовавшую за этим суету, свистки жандармов, показания в участке и все такое прочее. Как писал "Одесский листок" от 14 июня 1898 года, "...у Репина в купе украли большую сумму денег и саквояж".

Оставим ненадолго пострадавших художников в полицейском участке

и совершим короткий экскурс в историю Одессы. Одним из самых ярких городских персонажей той поры был широко (я бы даже сказал — всемирно) известный сейчас Бенцион Менделевич Крик. Тот самый Беня, который был "налетчиком и королем налетчиков". Любопытные факты его биографии нашел и описал Исаак Эммануилович Бабель. А я цитирую их уже в пересказе того самого краеведа, речь о котором велась в начале: "Когда Беня кнутом и пряником уговорил старика Эйхбаума выдать за него дочь, то, как было сказано у Бабеля, "свадьбу Бени сыграли вдали от Одессы. Первые три месяца новобрачные прожили в тучной Бессарабии, среди винограда и любовного пота. Потом Беня вернулся в Одессу и сделался честным человеком, за ним осталось только верховное наблюдение над нравами и обычаями корпорации". Автор, то есть Бабель, не объясняет, почему эта свадьба не отгремела по первому разряду в Одессе, но можно предположить, что богач Эйхбаум не хотел афишировать брак своей дочери с налетчиком, пусть даже он был Королем. Потом Беня вернулся в Одессу, для того чтобы выдать замуж свою сестру Двойру, страдающую базедовой болезнью".

Бабель не объяснил, почему влюбленные молодожены укатили в Бессарабию, видимо, потому, что слишком свежи еще были воспоминания о деле Репина. Не кто иной, как Беня Крик и его банда, "держали" тогда вокзал, и саквояж с "еврейскими" деньгами приплыл прямехонько ему в руки на "хазу", что находилась в доме номер 23 по улице Госпитальной, ныне Богдана Хмельницкого. Наши художники, провалив задание и оставшись в южной столице практически без средств к существованию, вынуждены были поселиться в усадьбе замечательного художника Николая Дмитриевича Кузнецова. Репин, который был уже знаком с Кузнецовым, представил ему своего юного ученика. Радушный хозяин предложил вместе поработать на этюдах и выказал живейший интерес к творчеству начинающего художника. Искушенные искусствоведы смогут даже перечислить названия серовских этюдов той поры. Можем и мы — именно в имении Кузнецова написал он одну из своих первых известных маленьких картин "Волы". Южное солнце и природа вдохновляли молодого автора. Кто знает, может быть, именно благодаря им появилась яркая, во многом импрессионистическая манера его живописи.

Говорят, что случайность — это непознанная закономерность. Причинно-следственные связи пронизывают наше прошлое, настоящее и будущее. И какое же наслаждение — ухватившись за небольшую и не совсем понятную на первый взгляд деталь, шаг за шагом приоткрывать завесу тайны, и в конце концов, восстановить подлинную картину. Ведь реальность — это не то, что мы видим, а то, что нам показывают и хотят, чтобы мы увидели.

Валентин Серов неоднократно бывал потом в Одессе, сдружился с Кузнецовым, и привлекали его в наши края дела не только художественные, но и личные, — он приезжал к своей невесте Ольге Федоровне Трубниковой, которая поправляла свое здоровье у моря. Они создадут крепкую семью, Ольга Федоровна родит Серову шестерых детей.

Илья Ефимович очень переживал ситуацию с кражей денег. Он понимал, что вернуться в столицу просто так он не сможет, что с него спросят за пропажу. Нужно было что-то предпринимать. Но что именно, и как вести поиски, он не понимал. Оставалось одно — пересидеть, переждать, в надежде на то, что решение найдется. И он с головой уходит в работу. Именно в кузнецовском имении начинает он своих знаменитых "Казаков, пишущих письмо турецкому султану". Делает наброски, эскизы, подбирает моделей. В результате в образе высокого казака с повязкой на голове изображен не кто иной, как сам Кузнецов. Художники очень сдружились за это время. "Одесские новости" от 25.V.1900 года в заметке о Кузнецове писали: "...Н. Д. на своем веку видел, конечно, много художников, но лучшими своими друзьями он считает Репина, Васнецова и Поленова. Репин написал несколько портретов Кузнецова и пользовался им для своей картины "Запорожцы". Васнецов же писал с него для своих картин из каменного века богатырей".

Сам Николай Дмитриевич Кузнецов после завершения преподавательской деятельности в петербургской Академии художеств строит картинную галерею и мастерскую. В 1900 году галерея открыта. В ее собрании, разумеется, были картины Ильи Репина и Валентина Серова, а еще Ивана Крамского, Василия Васнецова, известных французских художников. Эта галерея сыграла значительную роль в определении творческих взглядов одесских живописцев. В том же 1900 году, по представлению Репина, Кузнецов был избран действительным членом Академии художеств. Его мастерская была своеобразным центром, где бывали не только местные художники, но и те же Репин с Серовым, В.Д. Поленов, М.А. Врубель, Ф.И. Шаляпин, П.К. Саксаганский и многие другие выдающиеся деятели культуры.

Прав был гениальный Бабель, когда писал, что все дело в налете! Каким катализатором для развития искусства послужил украденный саквояж!

Но вернемся к истории. Пока наши художники бродили с мольбертами по полям и лугам Одесщины, события развивались стремительно. Разумеется, полиция не нашла следов украденных денег. Беня же Крик, сразу смекнув, какое сокровище приплыло ему в руки, тут же понял и то, что очень скоро его начнут искать, причем очень серьезные люди. Надо было быстро "де-

лать ноги" из города и куда-то пристраивать украденное. Поэтому свадьбу сыграли "вдали от Одессы... в тучной Бессарабии, среди винограда...". А совсем скоро появилось знаменитое Криковское вино, и бессарабский городок Вадул-Петрей превращается в Криково... Недурное вложение капитала, не правда ли? Конечно, теперь можно возвратиться в Одессу "честным человеком" и "наблюдать над нравами и обычаями корпорации". Можно, не опасаясь полиции, играть пышную свадьбу сестры Двойры и невозмутимо прогуливаться возле горящего полицейского участка.

Почти все одесситы пробовали продукцию "Крикова". А вот догадался ли кто-то о лежащем на поверхности происхождении его названия? На комбинате хорошо помнят и чтят человека, благодаря которому имя их основателя вошло в историю. И не просто помнят — свидетельство № 812 выдано Всемирным клубом одесситов коллективу Винкомбината "Крикова" в подтверждение того, что он оказал материальную поддержку благородному делу сооружения в Одессе памятника писателю Исааку Эммануиловичу Бабелю. А реестр граждан и организаций, пожертвовавших средства на создание памятника, Государственный архив Одесской области примет на вечное государственное хранение. Так будет увековечена эта странная история...

На этом можно было бы закончить исследования. На этом заканчивался рассказ моих опытнейших собеседников. Но я не был удовлетворен, чувствуя, что клубок размотан не до конца, и продолжал свои поиски. Сидел в архивах и библиотеках. Мне не давала покоя мысль о палестинских поселенцах, оставшихся без денег. Ну, не мог я поверить в то, что Илья Ефимович и Валентин Александрович отделались простыми объяснениями и полицейскими протоколами. Зная, что еврейская община очень сильна, настойчива и имеет широчайшие связи и влияние, я понимал, что рано или поздно они должны были получить от художников свои деньги. Нужно было только понять, как это могло произойти, а потом найти доказательства.

Я рассматривал и отбрасывал версию за версией. Одни при ближайшем рассмотрении выявлялись нереальными, другие чересчур сложными. И однажды, просидев целый вечер в мастерской знакомого художника и обсудив с ним множество интересующих нас обоих тем — от политики до цен на современную живопись, — меня осенило.

Невероятная скупость художников известна всем, кто имеет опыт общения с ними. Они гораздо охотнее расстаются со своими произведениями, нежели с деньгами. Я предположил, что эта профессиональная черта

была присуща художникам и сто лет назад. В этом направлении и сосредоточил свои усилия. Наиболее реальной представлялась версия, что оба мастера, в конце концов, отдадут для закрытия долга свои работы, которые весьма высоко ценились, и которые можно было выгодно продать, полностью компенсировав украденную сумму. Наименьшие подозрения вызовут чьи-то портреты, особенно портреты хороших знакомых. Но передать работы они должны были не напрямую, а через посредников. Самое главное — в конце концов, картины или деньги, вырученные от их продажи, должны были оказаться в Израиле. Забегая вперед, скажу, что мои догадки подтвердились. Какое наслаждение я испытал, когда разбросанные среди огромного массива информации факты начали складываться в логическую цепочку! Но расскажу обо всем по порядку.

Безусловно, Илья Ефимович нес ответственность в гораздо большей степени, нежели юный Валентин Александрович. С него я и начал поиски. С него и его знакомых, которые могли иметь связь с молодым еврейским государством и его основателями. Как известно, последние тридцать лет своей жизни Репин прожил в Финляндии, в курортном городке Куоккала, и поселился он там вскоре после происшествия в Одессе. В Куоккале он написал множество работ, в том числе портретов. Я стал искать тех, кто был, с одной стороны, близко знаком с Репиным, а с другой стороны, мог иметь связи с лидерами зарождающегося еврейского государства. Подходящая кандидатура нашлась довольно быстро. Всем известно, что одним из самых близких друзей и соседом Репина по Куоккале был Корней Иванович Чуковский. Казалось бы, ну и что? А вот что.

В последнее время стали широко известны те детали биографии Корнея Ивановича, которые долго и тщательно замалчивались всю советскую эпоху. Да и сам Чуковский был мастером мистификаций. Став петербургским журналистом, он постарался скорее забыть свое одесское прошлое (20 лет жизни!) и стать в сознании своих многочисленных читателей чистым и беспримесным "петербуржцем". Об отце, бросившем мать с двумя детьми и от брака с нею уклонившемся, предпочитал не упоминать, вычеркнул его из своей жизни. В юности он сам смастерил себе имя и фамилию: из Николая Корнейчукова стал Корнеем Чуковским. Его родная сестра Маруся звалась по документам Марией Эммануиловной, Чуковский же выбрал себе нейтральное русское отчество — Иванович. А что уж совсем непонятно — так это его волшебное превращение из никому не известного доморощенного философа, босяка, недоросля, вышибленного из гимназии, в талантливого критика, чьих статей и выступлений с нетерпением

ждали и читатели "Одесских новостей", и члены одесского Литературно-артистического клуба...

Сейчас мы уже знаем имя отца Чуковского — Эммануил Соломонович Левенсон, иудейского вероисповедания, сын врача, получившего в Одессе звание потомственного почетного гражданина. Но гораздо интереснее имя того, кто ввел юного Нику Корнейчукова в мир журналистики.

В статье "Как я стал писателем" Чуковский без указания имени своего доброго гения рассказывает об этом так: "...моей философией заинтересовался один из моих школьных товарищей, он был так добр, что пришел ко мне на чердак, и я ему первому прочитал несколько глав из этой своей сумасшедшей книги... Он слушал, слушал и, когда я окончил, сказал: "А знаешь ли ты, что вот эту главу можно было бы напечатать в газете?". Это там, где я говорил об искусстве. Он взял ее и отнес в редакцию газеты "Одесские новости" и, к моему восхищению, к моей величайшей радости и гордости, эта статья появилась там...".

Имя этого школьного товарища, которое по цензурным соображениям не мог тогда назвать Чуковский, сейчас расшифровано — Владимир Евгеньевич Жаботинский. Жаботинский не только ввел Чуковского в литературу, он еще устроил ему поездку в Лондон в качестве спецкора "Одесских новостей" и даже выступил поручителем на его свадьбе.

Владимир Жаботинский — личность легендарная. Прекрасный журналист, писатель, он становится после кишиневского еврейского погрома активным деятелем мирового сионистского движения, а попросту — одним из его отцов-основателей. В 1908 году он впервые побывал в Палестине, а уже в 1917 возглавил там первый Еврейский легион. Трудно в Израиле найти город, в котором не было бы улицы Жаботинского.

Вы, как и я, уже догадались — в Израиле оказался портрет Чуковского кисти Репина. Как же это произошло?

Итак, в 1899 году Илья Ефимович поселился в усадьбе "Пенаты" (тогдашний поселок Куоккала называется сейчас Репино). Когда-то это была финская территория, сейчас Ленинградская область. В 1906 году в Куоккалу приезжает Чуковский. "Случайно" в это же время в столице Финляндии Гельсингфорсе (ныне Хельсинки), совсем рядом с Куоккалой, проходила 3-я Всероссийская конференция сионистов (21-27 ноября 1906 г.). В ее работе принимал самое активное участие Владимир Евгеньевич Жаботинский, участие в составлении принятой там Гельсингфорсской программы он считал вершиной своей сионистской деятельности в молодости.

Чуковский задержался в Куоккале надолго — прожил там более десяти лет. Как и Репин, он жил там с семьей круглый год, сначала на съемных дачах, но через некоторое время Репин купил на его имя дачу по соседству с "Пенатами" и даже руководил ее перестройкой. Их знакомство довольно быстро переросло в искреннюю симпатию, а потом в крепкую дружбу, несмотря на то, что Илья Ефимович был старше почти на сорок лет. И хотя в Куоккале перебывало множество знаменитейших людей, портреты которых писал Илья Ефимович, именно портрет Корнея Чуковского представлялся идеальным вариантом возврата долга. И этот портрет не замедлил появиться.

Перенесемся теперь во времени и пространстве и окажемся в Москве, по адресу Тверская, дом 6, где с конца тридцатых годов обитала семья Корнея Чуковского, а сейчас живет его внучка, Елена Цезаревна. В одном из недавних интервью она рассказала о судьбе и приключениях репинского шедевра. Репин написал портрет Чуковского в 1910-м году и, как утверждал Корней Иванович, подарил ему. Но потом художник попросил этот портрет на свою выставку в Италию, и там он был продан — якобы по ошибке — по цене страховки, то есть очень дешево. Дальше, когда Корней Иванович приезжал в 1916-м году в Англию и Францию с делегацией русских журналистов, то этим портретом владели известные коллекционеры Цетлины, жившие тогда в Париже. Они якобы хотели отдать Корнею Ивановичу этот портрет как владельцу, но он его не повез в воюющую Россию. И портрет остался у Цетлиных. Дальше — еще интересней. Через некоторое время Чуковский увидел портрет в окне Торгсина в России. А потом он снова был продан — за 2,5 тысячи долларов, очень серьезные на то время деньги, которые если не полностью, то наверняка в значительной степени уже компенсировали стоимость похищенного в Одессе.

Но на этом приключения портрета отнюдь не заканчиваются. В России он пробыл очень недолго и через некоторое время отыскался — где бы вы думали? — в Израиле. Так как потрет уже выполнил свою "миссию", Корней Иванович захотел вернуть его себе и разыскал его владельца. Владелец приехал к Чуковскому и сказал, что завещает Корнею Ивановичу эту картину. Но ничего из этого не вышло — владелец портрета умер, и портрет поступил на "Сотбис". И там его купил Ростропович за 90 тысяч долларов. Ростропович собирал свою коллекцию как бы для России, но удивительным образом сразу после его смерти было объявлено, что вся коллекция по его же решению распродается на аукционе. "Наш" портрет был оценен уже в 300-500 тысяч фунтов.

Аукцион "Сотбис" не состоялся — всю коллекцию Ростроповича-Вишневской за день до начала аукциона купил известный предприниматель Алишер Усманов. При совершении сделки он заявил, что собрание будет передано государству целиком и полностью. Приобретенные ценности, в конце концов, попали в Константиновский дворец под Петербургом, не так давно восстановленный.

Вдумчивому читателю не нужно даже особо концентрироваться, чтобы заметить очевидные несуразности: вроде бы портрет предназначался Чуковскому, но случайно попал на выставку и там случайно продан очень дешево. Слишком много случайностей — ведь Репин был к тому времени художником с мировой славой, и не знать цену его работ устроители выставки не могли. Портрет отработал свое сполна — как минимум дважды вырученные за него деньги попали по назначению. А история его перемещений достойна пера лучших мастеров детективного жанра.

Работы Валентина Серова тоже, в конце концов, оказались в Израиле. И тоже портреты. Всего два портрета, но одного человека — красавицы Марии Самойловны Цетлиной. Да-да, опять Цетлины. Всю жизнь они коллекционировали живопись, а в 1959 году Мария Самойловна привезла в Израиль и подарила молодому еврейскому государству всю коллекцию, более 90 картин, в том числе свой знаменитый серовский портрет. В тот момент в Израиле почти не было художественных музеев. На основе коллекции Цетлиных создан Музей русского искусства в Рамат-Гане.

Я узнал много интересного об этой знаменитой семье и хочу с вами поделиться. Михаил Осипович Цетлин был внуком Зева Высоцкого — основателя известной фирмы "Чай Высоцкого". Высоцкий был филантропом и сторонником движения "Ховевей Цион" — того самого.

Михаил Осипович писал стихи, но широко известен он как редактор и издатель. В Москве он организует издательство "Зерна", в Нью-Йорке основывает "Новый журнал". Кстати, Цетлины и Жаботинский жили в Париже в одно время. Владимир Евгеньевич с 1924 по 1934 год издавал еженедельник "Рассвет", Михаил Осипович был основателем и первым редактором литературного журнала "Окно" (1923-1924) и редактором отдела поэзии в журнале "Современные записки" (1920-1940). Мария Самойловна всю жизнь занималась активной общественной и благотворительной деятельностью. В Нью-Йорке и Париже она занималась журнальными делами, была членом правления Литературного фонда, субсидировала издание всевозможных сборников поэтов.

В коллекции Цетлиных было восемь портретов Марии Самойловны кисти шести знаменитых художников. В первую очередь, конечно, это два портрета кисти Валентина Серова. Писали ее Бакст, Малявин и даже Диего Ривера.

О "главном" портрете Марии Самойловны Цетлиной есть упоминания в разных источниках, но даже многие писавшие о нем, как правило, его не видели, ибо в России он никогда не был, да и на Западе выставлялся редко. Как мы теперь понимаем, — неудивительно. Он изначально предназначался совсем для других целей.

Вот такие вот дела. Никаких других работ Ильи Ефимовича Репина и Валентина Александровича Серова в израильских музеях нет. Да и вообще, первый художественный музей в Тель-Авиве, например, открылся только в 1971 году. А эти работы попали в тогда еще совсем молодое государство. Обе работы написаны за рубежом — репинский в Финляндии, серовский в Биаррице, в одном году — 1910-м, в России практически не были известны. Теперь стало понятно, почему. Изображенные на портретах были тесно связаны с лидерами сионистского движения. Задача состояла только в том, чтобы безопасно доставить портреты в Израиль или продать их как можно дороже, и она была успешно выполнена.

На этом историю можно заканчивать. К счастью, все ее участники в результате остались довольны — еврейская община получила обратно свои ценности, художники написали прекрасные портреты, мы с вами можем наслаждаться винами "Крикова", а я в ходе исследования узнал очень много новой и интересной информации, которой спешу поделиться. Я понял, что за рядовыми, на первый взгляд, событиями часто стоят чьи-то совершенно не рядовые интересы и замыслы.

Я буду очень рад, если позднейшие исследователи прольют дополнительный свет на эту историю и откроют еще не изученные факты.

Краткая историческая справка

Из газеты "Одесский листок" от 14 июня 1898 года: "Известный русский художник, творец "Бурлаков" профессор И.Е. Репин прибыл из С-Петербурга в Одессу и на пароходе "Рапид" отправляется в Константинополь, и оттуда в Палестину, где будет писать этюды для большой картины "Искушение Христа". ...У Репина в купе украли большую сумму денег и саквояж".

Также об этом писал "Новороссийский Телеграф".

Картина И.Е. Репина "Иди за мною, сатано", — произведение долго стояло в мастерской Репина. Закончена в 1903 году. В письме к Т.Л. Толстой от 27.10.1891 года Репин писал: "Я в последнее время работал над Христом в пустыне, во время поста, — давно уже начатая вещь". Для изображения пейзажа с его широкими дальними планами Репин в 1898 году ездил в Палестину. Об этой поездке он всегда говорил очень кратко, и о ней сохранилось мало сведений (Из книги О. Лясковской "Илья Ефимович Репин", М., 1962 г.).

Первая алия — первая большая волна современной иммиграции в Палестину, известная как Первая алия, началась в 1882 году, когда евреи были вынуждены спасаться бегством от еврейских погромов в Восточной Европе. С 1882 года по 1903 год в Палестину, тогда провинцию Османской империи, переселилось около 35 тысяч евреев. Большинство из них принадлежало к палестинофильским движениям "Ховевей Цион" ("Любящие Сион") и "Билу" и прибыло из Восточной Европы (главным образом, Российской империи); небольшое число прибыло также из Йемена. По большей части это были ортодоксальные евреи.

Поселенцы испытывали множество затруднений: нехватка средств, тяжелые природные условия, недостаток соответствующего сельскохозяйственного опыта, болезни и т. п. В разрешении этих затруднений большую роль сыграл барон Эдмон де Ротшильд, взявший несколько основанных городов под свою опеку и помогавший поселенцам финансами и специалистами.

Большая часть репатриантов осела в городах, главным образом, в Иерусалиме и Яффо, и лишь около четвертой части из них занялись сельским хозяйством. Несмотря на многочисленные трудности, именно эти первопроходцы заложили основы поселенчества в стране и основали сельскохозяйственные населенные пункты. Среди городов, основанных в это период, — Петах-Тиква, Ришон-ле-Цион, Реховот, Рош-Пина и Зихрон-Яаков.

"Ховевей Цион" — Леон Пинскер (врач, писатель, общественный деятель) вместе с Мозесом Лилиенблюмом основали движение "Ховевей Цион", которое сменило движение "билуйцев" ("Билу") — первых энтузиастов заселения евреями Эрец-Исраэль. Начавшись в Харькове, оно сместилось в 1882-м в Одессу, откуда несколько десятков молодых идеалистов отправились в Палестину.

Первый опыт, неудачный из-за тяжелых условий Палестины, однако, вдохновил и стимулировал деятельность "Ховевей Цион", которое после

долгих и тяжелых хлопот было легализовано петербургскими властями под названием "Общество вспомоществования евреям-земледельцам и ремесленникам Сирии и Палестины". Первая и единственная в России официальная палестинофильская организация, она открылась в апреле 1890 г. в доме своего первого председателя Л. Пинскера.

Палестинофильское общество собирало деньги на покупку земли в Палестине, отправляло эмигрантов, обучало их. В обществе работали известные сионисты М. Усышкин, И. Клаузнер, Ахад ха-Ам, Д. Пасманик. Миша Дизенгоф, в 1885-м арестованный за участие в русской революционной организации "Народная воля", после одесской тюрьмы стал активистом "Ховевей Цион"; позднее, в Палестине, он уже не Михаил, а Меир — с 1921-го первый мэр Тель-Авива.

Крикова — Впервые город Крикова был письменно упомянут 31.07.1431 года под названием Вадул-Петрей. Город получил известность благодаря комбинату игристых и марочных вин "Крикова" — единственному в Молдавии и одному из немногих на территории бывшего СССР предприятию, вырабатывающему игристые вина методом классической шампанизации. Помимо игристых вин предприятие выпускает большой ассортимент качественных ординарных и марочных виноградных вин, вызревающих в подвалах общей протяженностью 60 км. Коллекция вин "Крикова" насчитывает более миллиона бутылок — не только молдавских, но и уникальных испанских, итальянских, французских вин, а также образцы виноделия многих других стран. Утверждается, что в криковских подвалах хранится вино из коллекции Германа Геринга, поступившее туда после окончания Великой Отечественной войны. Самый первый образец вина датируется 1902 годом.

Борис ФИНКЕЛЬШТЕЙН

Нам не дано предугадать...*

Была ранняя осень, хотя по погоде похоже было на лето. Ранняя осень 1974 года, Армения, Ереван. Я уже почти месяц в этой командировке. Что-то она затянулась. Когда меня назначали главным инженером проекта по радиорелейной линии связи газопровода Казах — Ереван, я не думал, что в этом проекте будет такое море проблем. Трасса проходила по территории Армении и Азербайджана через города Севан и Иджеван, но весь прикол состоял в том, что это была горная трасса. Для ускорения процесса я приехал вместе с изыскателями, и мне необходимо было срочно выдать им задание на месте — люди простаивали. А тут, оказалось, заказчик еще не согласовал направление трассы с землепользователями. Я понял, что деваться некуда, и стал заниматься этим сам вместе с заказчиком, в лице которого выступало местное газотранспортное управление.

Дали мне представителя, машину с водителем, и мы поехали. Сначала я думал все вопросы решить максимум за два-три дня, но все оказалось не так просто. Мало того, что вокруг были высокие горы, так еще и жили в них люди разных национальностей, говорящие на разных языках. Армяне, курды, азербайджанцы, езиды, ассирийцы и другие. Все они отличались широким гостеприимством, и приезд представителей из центра рассматривали, прежде всего, как повод выпить и закусить.

Кроме того, нам еще нужно было суметь объяснить, чего мы от них хотим. К счастью, наш водитель говорил на всех местных языках. Он-то все и объяснял. Как я понял, ни в одном из этих языков не было понятия "радиорелейная линия". Поэтому я обычно внимательно прислушивался к длинной, цветистой и непонятной речи, и как только слышал громко и с пафосом произнесенное слово "радиорелейка", сразу же раскладывал на столе карту. На карте была нанесена наша трасса, а рядом нужно было поставить подпись и печать. Местный начальник, обычно ничего не спрашивая, доставал из кармана завинчивающуюся печать, ставил оттиск и рисовал от руки нечто вроде маленького пейзажа (это означало подпись). По всей видимости, величина и художественность ее были предме-

* Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...
Ф.И. Тютчев, 27 февраля 1869 г.

том особой гордости местной администрации, поэтому скоро на карте свободного места не осталось, и мы стали ставить все это на обороте, что имело уже вообще чисто символический характер.

Но зато потом... Потом наступало самое интересное. Начальник широким жестом приглашал нас перекусить, вносился коньяк (обычно ведрами), чача (обычно бутылками) и мясо с зеленью (обычно на больших подносах).

Мы были не сильно избалованы скудным пайком советского инженера, когда за курицей нужно было стоять в очереди, а тут такая жизнь.

В общем, больше одной поездки в день не получалось.

В конце концов, я стал посылать вместо себя более закаленных в питие изыскателей, а сам начал искать для себя более интеллектуальные проблемы. И нашел. Оказалось, что нам еще и радиочастоты не выделили. Я занялся этим — и вот: стою на ереванском вокзале, и мне нужно ехать ночным поездом в Тбилиси, чтобы согласовать выделенные частоты с руководством военного округа.

Как давно, все-таки, это было! Сейчас ведь на этой территории давно уже разные страны, и сколько между ними проблем, в том числе и военных...

Ну да ладно, стою я перед кассой и думаю, на какой поезд брать билеты. Через полчаса уходит скорый поезд; он приходит в Тбилиси в шесть утра, но в нем нет спальных вагонов. Через два часа уходит пассажирский поезд; он приходит в девять утра, и в нем спальный вагон есть.

Думаю: "Нужно ехать скорым, а то ведь можно за день не успеть. Так уже к восьми утра буду у военных. Есть шанс вечером вернуться назад. Да, но ведь спать придется сидя в кресле, а я сидя не сплю, а тут поспать можно. Что тебе до этого сна? Главное — быстрее назад". Протягиваю в кассу деньги и говорю: "На скорый до Тбилиси, один билет, пожалуйста". Но в этот момент все во мне возмутилось. "Мало того, что ты уже месяц здесь торчишь, — накричал на меня внутренний голос, — так еще и не спать! Да гори огнем все это! Пусть будет два дня. В конце концов, "солдат спит, служба идет". Бери на пассажирский".

"Извините, на пассажирский", — поправился я, решив не спорить с агрессивным внутренним голосом. Кассирша что-то недовольно проворчала, но, тем не менее, исправно выдала мне билет в спальный вагон пассажирского поезда до столицы Грузинской ССР г. Тбилиси. Времени до отхода еще оставалось много, я плотно перекусил в привокзальной столовой и зашел в вагон. Было уже темно, стучали колеса, и хотелось спать. Я расстелил постель и погрузился в спокойный сон, не обращая внимания на выпивавших попутчиков.

Проснулся я от ощущения странной тишины. Глянул на часы — полдесятого утра (эх, хорошо я тогда спал!). Первая мысль: "Проспал". Вторая: "Странно, а почему проводник не разбудил?". В купе никого не было. Я осторожно выглянул в окно. Поезд стоял в совершенно незнакомой местности. Вокруг горы, покрытые лесом. Что такое? Быстро одевшись, я пошел разбираться. Весь народ толпился у насыпи. Никто ничего не знает, но стоим уже давно, еще с ночи. Простояли мы еще часа три, а потом тронулись. И метров через пятьсот мы увидели тот самый скорый поезд. Он лежал далеко внизу на дне глубокого ущелья, раскатанный в плоский лист. "Оползень, — тихо сказал побледневший до синевы проводник. — Очень много жертв". И тихо добавил: "Почти все, может быть, совсем все".

Мы ехали вдоль реки Аракс, по которой проходила граница. С другой стороны была турецкая территория. На горизонте отчетливо проступал гигантский конус библейской горы Арарат.

С той стороны границы, менее чем в километре от нее, показались руины большого города. "Ани*, — прошептал старик армянин, стоящий рядом со мной. — Ани — древняя столица Армении". И добавил: "Поезд всегда идет ночью вдоль границы. Никто не хочет, чтобы мы видели это: наш древний край, разрушенный пожаром и насилием". Он говорил как бы сам с собой, губы его не шевелились, но слова были слышны совершенно отчетливо: "Пятилетним ребенком я шел по этому скорбному пути. Родителей уже не было. Отца убили на месте ножом, когда он пытался защитить свой дом. Мать убили разбойники курды, когда мы бежали через горы. Я дошел вместе со стариками, дальними родственниками, которые остались живы, потому что брать у них было нечего. И вот я опять вижу этот скорбный путь, и я еще жив".

Он присел в проходе на откидной стульчик и замолчал. "А что было после этого?" — спросил я его минут через пять. "После чего?" — он испуганно посмотрел на меня. "Ну, вот вы говорили о скорбном пути". — "Я говорил? Молодой человек, я ничего не говорил. Правда, я думал, не знаю, может быть, вслух". И он опять замолчал.

Молчали и мы. А что было говорить, мы только что проехали мимо своей и чужой судьбы.

Судьба и случайность, их соотношение в жизни человека, возможность изменить судьбу своим поведением — эти вопросы всегда волновали меня. От ответов как бы зависела практическая линия поведения: вос-

* Ани — столица государства Багратидов с 961 года н. э.; в 1064 захвачен и разрушен турками-сельджуками.

принимать ли стоически испытания и удары судьбы, считая их неизбежными, или активно переустраивать мир, свое окружение, самому определять свой путь в жизни. Возможно, было и сочетание того и другого. Как быть?

В конечном итоге эти вопросы несли в своей основе понятие свободы воли.

Как следует из священных книг, Создатель дал человеку свободу воли, но обязал при этом исполнять определенные правила.

Вот вам и соотношение свободы и предопределенности. Остальное решать каждому для себя. Сам для себя решил, сам за себя и ответил. Люди очень давно задумывались над этими основополагающими вопросами. По свидетельству Иосифа Флавия* еще в 150 г. до н. э., в эпоху расцвета династии Маккавеев возникли три основные древнееврейские религиозно-философские школы: саддукеи, фарисеи и ессеи, которые по-разному трактовали понятие свободы воли. Саддукеи признавали абсолютную свободу воли и считали, что судьба человека полностью определяется его поступками; ессеи все приписывали предопределению; фарисеи же считали, что между свободой действия и предопределением существует некоторое соотношение, которое и формирует судьбу.

Практика — критерий истины. С тех пор прошло много времени, но и сейчас все основные философские направления придерживаются именно этого толкования свободы воли. Как видите, истина всегда посредине. Вот только насколько посредине?

В той ситуации, которую я изложил, от моей жизненной позиции не зависело ровным счетом ничего. Разве что "внутренний голос"? Возможно, это и была неосознанная позиция. Известно ведь, что на рейсы с плохой судьбой всегда больше передумавших и опоздавших, чем на те, что проходят без приключений. А так, внешне: заснул, проснулся, и все уже произошло без тебя.

Казалось бы — положись на судьбу, и все неприятности пройдут сами собой. Однако сколько других примеров я видел в жизни! Мы все подспудно чувствуем наличие судьбы. Но также подсознательно мы ощущаем возможность ее корректировки нашими действиями, в определенных пределах, разумеется.

У евреев говорят, что "Бог не забывает о тех, кто помнит о себе сам". Есть и аналогичная русская пословица: "На Бога надейся, а сам не пло-

* Иосиф Флавий. "Иудейские древности".

шай". Наверное, эта тема существует и в языках других народов. Специально не изучал, но как-то уверен в этом. В жизни же случаи и того, и другого встречаются довольно часто.

Как-то в 80-х годах был я в альплагере Баксан. Лагерь находится в долине реки Юсеньга (правый приток реки Баксан). Собирались мы пройти через перевал Бечо в Сванетию, а пока акклиматизировались, тренировались. В основном, отрабатывали страховку: охранение через крюк и через ледоруб. Вкратце: через крюк — это на стенках и очень крутых склонах, а через ледоруб — на снежных и фирновых склонах. Так вот, всегда я стремился лишний крюк забить и веревку потолще взять. Казалось мне, что "запас карман не тянет". Сколько критики возникало при этом в мой адрес! Однако два раза в жизни были у меня случаи, когда основной крюк со свистом вылетал из гнезда, и оба раза я был довольно высоко над землей. Так что, не разговаривать бы нам сейчас...

Случилось мне однажды в другое время видеть, как камнепад перебил веревку альпинисту, висевшему на высоте метров сто над землей. Их двое на стене было. Верхний так и замер на месте, получил камнем по каске, но остался жив и даже сам спустился. А вот нижний — качнулся вправо под выступ, голову прикрыл, но веревка натянулась на краю выступа, и камень перерезал ее, как бритвой. Судьба...

Перед выходом в Сванетию двух альпинистов-новичков и одного поопытнее послали на маленьком грузовичке за продуктами. Они ехали в кузове по узкой обледенелой дороге над горной речкой. Косогор был метров пять, не более. На повороте грузовичок занесло, и он стал падать набок в сторону реки. Двух новичков выбросило из кузова прямо в ледяную воду, они даже не успели среагировать. Один ушибся, другой сломал ключицу. А вот тот, кто поопытнее, — среагировать успел. Он схватился за борт и спрыгнул на откос. Грузовик упал на него... Поход пришлось отменить — нужно было обеспечить доставку пострадавших. Но одному из них помощь уже была не нужна.

Жизнь уникальна. По крайней мере, мы так думаем. Если бы, как у кошки, девять жизней, то можно было бы попробовать разные варианты. А так, всегда играешь ва-банк.

Утешением для храбрых была вера древних скандинавов в Валгаллу. Воин, павший в бою, попадал в небесный чертог, где каждый день облачался в доспехи и рубился насмерть, затем воскресал и пировал с другими воинами, а ночью веселился с прекрасными девами. И так каждый день до последней битвы Рагнарек, когда падут все боги и герои и не воскреснут

больше никогда. Как видите, даже здесь все было не навсегда, да и ничего не говорилось о женщинах и павших не в бою. Впрочем, если считать, что наш путь — это постоянный бой, и главным врагом ты себе являешься сам, тогда все понятней.

Жизнь неоднократно ставила передо мной проблемы судьбоносного выбора. Я принимал решения как мог, на основе приобретенных знаний, веря в счастливую судьбу и в соответствии со своим миропониманием. Хорошо ли, плохо ли получилось в результате, — судить не мне. По крайней мере, процесс еще идет, и это утешает.

1973 год, я в командировке в Калмыкии и Астраханской области. Большая машина — ГАЗ-66 с будкой, два изыскателя и я. Да, еще представитель местного подразделения газодобывающего управления присутствовал. С ним-то все неприятности и произошли. Район неблагополучен по холере. Это мне местный врач санитарно-эпидемиологической службы сообщил. Он у нас в комиссию входил по выбору площадки под строительство технологического объекта. По работе отъехали мы километров на двести от крупных населенных пунктов. Лето, жара. Памятуя о заразе, взял я с собой ящик минеральной воды, ее пил, ею же и умывался. Но местный представитель относился к этому с презрением. "Ничего не будет, — говорит, — всю жизнь здесь живу". И надо же, именно с ним и произошло. Источник встретился по дороге, оборудованный, для того чтобы скот поить. Так он из него то ли напился, то ли умылся, — сейчас уже трудно определить. Часа через четыре у него и началось. Рассказывать подробнее не стоит, выглядело это ужасно — текло отовсюду. И главное, он худел прямо на глазах, черты лица заострились, глаза запали. Никогда бы не поверил, что человек за два-три часа может потерять столько жидкости. Мы остановились, везти его по бездорожью не было никакой возможности, люди боялись к нему подходить. Да мы бы его и не довезли, вероятнее всего. Тут начал я вспоминать все, что когда-либо слышал о холере. Вспомнил самую малость. Я ведь не врач, а инженер. Но была небольшая информация. Когда на третьем курсе института я сильно увлекался философскими вопросами научной деятельности, прочитал я как-то небольшую статью о причинно-следственных связях. И автор там привел пример эффективного воздействия на закрытую систему. Нестандартный такой пример, из медицины. Сказано там было нечто вроде того, что можно лечить причину болезни, то есть уничтожать микробы антибиотиками, а можно следствия, например, борясь с обезвоживанием при холере. Результат будет один и тот же. При благоприятном исходе — выздоровление. И вот эту

совершенно не медицинскую информацию я принял за основу своих дальнейших действий.

Сначала я выгнал всех из будки, где лежал больной. Затем свернул в длину полотенце, облил его водкой, которую мы собирались выпить вечером и, заложив внутрь полотенца носовой платок, обвязал это сооружение вокруг лица, прикрыв рот и нос. После этого я вылил всю минеральную воду в ведро, туда же высыпал полпачки соли и сказал местному представителю: "Хочешь жить — ты должен это выпить".

Нам нужно было проехать около ста пятидесяти километров до ближайшей больницы. Изыскатели сидели в кабине, мы с больным в будке. Водитель гнал как мог, и мы довезли его живым. Довезли, сдали врачам и немедленно уехали, не оставив обратного адреса. Никому не хотелось сидеть в обсервации 2-3 недели. Как долго я мылся и сколько принял на грудь в этот вечер, — это отдельная тема. Но никто больше из нас не заболел. Повезло.

Вернулись домой и забыли. А вот уже следующий раз я встретил своего пациента в министерстве через десять лет. Он уже там у себя начальником стал. Как принялся он нас угощать — еле отбились. Но одну он умную вещь тогда сказал после пятой рюмки: "Тонка, но крепка нить, на которой держится жизнь человека; не перегружайте ее — и проживете долго".

А я себе при этом вспомнил слова булгаковского Иешуа о том, что оборвать нить человеческой жизни может лишь тот, кто ее подвесил. А вы как думаете?

Симферополь

* * *

Млечный Путь. И в поисках ночлега
Век из века тащится телега.
Притяжение и отторженье —
Лучший принцип для передвиженья.
По обломкам рухнувших империй,
Через гравий вер и суеверий —
Колеса дробящее круженье —
Отторжение и притяженье.
Это было болью и любовью,
Нашей стариной и нашей новью
На камнях Египта или Рима...
Все теперь без нас. Отдельно. Мимо.
Ибо нам разрешено судьбою
Только то, что можно взять с собою,
И от Вавилона до Гранады
Виноватых нам искать не надо.
Граждане цыганские евреи,
Мы играли в этой лотерее,
Мы галдели в этом балагане,
Граждане еврейские цыгане.
Странники, изгнанники, бродяги...
Ямы, рвы, канавы и овраги...
И повсюду нам принадлежали
Только те, кто в этих рвах лежали.
По золе Варшавы, сквозь руины,
Через смертный морок Украины, —
Только то, что можно взять с собою.
Что там — кроме нежности и боли?

Что там — кроме памяти и муки —
В узелковых письменах разлуки?
Притяжение и отторженье —
Мировая формула движенья.
Было болью. Остывало былью.
Звездной солью. И подзвездной пылью.
Альтаир, Арктур, Капелла, Вега —
Век из века в поисках ночлега.
Грозный гул. Кибитка кочевая.
...Блеск костра меж звезд опознавая...

Сидней

Александр Гольдштейн возвращается домой

В тамбуре последнего вагона
поезда Москва — Баку, отчалив от Кизил-юрта,
синие зрачки Севера-деспота
пляшут за кормой в грязном окошке,
прячутся, выпрыгивают снова,
скачут по шпалам, лучатся путевыми
семафорами на разъезде, в лесу рельс,
расходящихся, сливающихся в полюс
Лобачевского, по лесенке шпал
можно покорить Арктику.
Худющий, как ветка, ушастый парень,
с залысинами под пышной шевелюрой,
обкуренный в дымину, с бородавкой на веке,
вдруг внешне — вот ведь чушь, ничего общего,
но что-то такое мелькнуло, — этот парень
напомнил мне Александра Гольдштейна:
стоит, нервничает, выглядывает в щелку —
в вагонный коридор, где дагестанские менты
проверяют документы, досматривают багаж.
Палец у одного на курке "калаша",
глаза ошалелые бегают, другой
подымает каждого пассажира стоймя,
тычет в скулу разворот паспорта.
"А что это — родинка? Откуда? Тут есть, там нет.
Где паспорт получал, Магомед-ага? Садись, отдыхай.
Теперь ты. Домой едешь? В гости? Где паспорт получал?"

Здравствуй, Саша! Вот таким макаром
везу тебя на родину. Распяли нас эти двое суток.
Тяжело мне, тебе чуть проще:
ни вони ста мужиков, ни духоты, ни стука
сердца — ты летишь со мной на третьей полке...
Вниз лицом, то подмигиваешь или киваешь,
или повернешься навзничь, на груди сложишь руки,
закроешь глаза, и я испугаюсь...

Ты знаешь, что я заметил?! Послушай!
За эти семнадцать лет разболтались рессоры
подвижного состава, и колеса стали выть на поворотах, —
долго-долго тянется поезд, меняя азимут,
из последнего вагона видно, как локомотив
набегает вспять окоему, и солнце
падает в скрипичный вой колес. Этот вой
разнимает, колесует душу, тревога, подкравшись,
вдруг схватывает ее, как птицу хищник,
на такое способна только музыка:
залить горем или счастьем сердце,
минуя культуру и восприятие, минуя разум,
музыка — это открытый массаж сердца.

Такого я не слышал в детстве, в детстве
колеса стучали весело, или — на мосту: значительно,
или вкрадчиво — при отправке, разболтанно — на перегонах,
а при въезде на станцию тише, нежнее —
здесь шпалы ухоженнее, затянуты гайки, путейцы
здесь подтягивают их чаще и добросовестнее,
а к середине перегона уже устают, садятся квасить.
Так вот — вдали от детства колесный вой, Саша,
ты слышишь? Он выворачивает душу, запомним
этот стенающий хор. Колеса плачут по ком, Саша?
Господи, как же съели нас эти двое суток.
Левый рельс проходит через ухо,
правый — штопает глаза. Народное мясо
мнет и жмет, и воодушевляет. Сосед —
год не видел жену, двух детей, работает
таксистом в Москве, знает трассы столицы
лучше меня, — вдруг забирается с ногами,
припадает лбом к подушке, мы затихаем, вслушиваясь,
как он бормочет молитву; его носки в этой позе
воняют особенно. Затем он соскакивает, воздевает
глаза горе и вполголоса в сторону, для меня:
"Все народы Аллах создал для того,
чтобы они стали мусульманами", — и снова
берется за кроссворды; детям он везет конфеты
и сумку китайской вермишели.

В купе
с нами едет еще старик — Мирза-ага, из Гянджи,
опрокидывая стопку за стопкой "белого чая",
он называет нас мальчики, сужденья его мягки,
глаза смирные, и весь он округлый, тихий, но
заводится с пол-оборота, когда
спрашиваем, где служил в армии,
Советский Союз, молодость, загорается, полощется стягом
в его зрачках, и он повествует нам про венгерский мир
образца пятьдесят шестого года. Он попал
в Будапешт, еще не приняв присягу,
семьдесят два человека, все кавказцы,
ходили всюду под конвоем — на плац и в баню,
автоматчики с собаками плотнее сбивали строй,
как мусорную кучу веник. В Ужгороде их одели
в старые мундиры, — в пятке гвоздь, без одного погона.
Погрузили в теплушки, высадили в Дебрицах, через неделю.
Все думали — Ташкент. Старый кашевар
заварил солдатам двойной паек, кормит, плачет:
"Третью войну я уже кормлю, все ей мало.
Это моя третья смерть. Берегите себя, сынки.
Не верьте венграм, даже их деды в вас будут стрелять".
Три года Мамед-ага служил в Хаймашкере,
ходил по девкам, те принимали его за цыгана.
Кругом фермерские хозяйства, поля паприки,
сбор красных лампочек, горящих у щиколоток,
тугих, всходящих к бедрам, с подоткнутыми подолами,
полные горячей крови руки над краем корзины, —
а также яблочные сады, алма — "яблоко" — на
азербайджанском, так же и на венгерском.
— Церетем кишлянк! — Девушка, я люблю тебя! —
говорил Мирза-ага своим ангелам, и они отвечали:
— Катуна, катуна! — Солдатик, солдатик!
Эти мясистые ангелы и поныне не покидают Мирзу,
он весь светится, когда их целует,
произнося вместе с ними полузабытые слова:
— Церетем кишлянк!

Здравствуй, Саша! Вот так я везу тебя домой,
в твое провинциальное болото, ты кривишься,
не желаешь, но я упорен в нашем возвращении,
и снова тяну тебя в прокуренный тамбур, —
все равно ты лишен обонянья, — смотри, как пляшут
за окошком рельсы, как полна луна над равниной.
Ты любишь луну, свою девочку, свою ненаглядную?

Москва

От редакции. В 2009 году в Литературном музее проходил вечер лауреата премии "Русский Букер" Александра Иличевского. По просьбе нашего альманаха он прислал из Москвы эти стихи, посвященные памяти писателя Александра Гольдштейна, лауреата премий "Русский Букер" и "Антибукер", умершего в 49 лет.

Перелистывая жизнь

Ночь

Обломки без конца и середины,
С одним началом скучным, как конец,
Шагаловские странные картины —
Дома, тележки, женщины, мужчины,
Терновый или лавровый венец;
Вот ослик в небе, женщина в бокале,
Знакомых незнакомые черты,
И боль в душе, как химия в Байкале
Почти у самой роковой черты...

Осколки памяти
Дробинкой ноют в коже,
Болит рука, подрагивает бровь,
Но даже осторожно потревожить —
Проступит кровь.

Необъяснимы следствия причины,
Непознаны и тайны бытия,
Где все смешалось —
Женщины, мужчины,
Дома, тележки, лошади, картины,
И ты и я...

Как дом на слом,
В тревожном ожиданьи
И в череде ошибок и измен,
Обманов, бесполезных обещаний,
Расписанное наверху, заранее
Предчувствие каких-то перемен...
Все это было — юности презренье
И старости почти угасший свет,
И зрелости минутные прозренья...
Уже купили каждый свой билет.

И бред, как след почти забытой роли
Не разделить — где радость, где печаль,
Бесцельная свобода и неволя,
Тупик и нескончаемая даль.

И стон души, уже почти без грима,
И без актерских шутовских одежд,
Без ожиданий, розовых надежд...
А по сердцу — неслышно и незримо
Идет мороз, сковав колючей лапой
Деревья голые у старого двора,
И ветер улицу, как проститутку, лапал
До самого утра.
Пора, пора... А далее — ни звука...
Исчезло вмиг разнообразье тем.
Пришел рассвет холодный, как разлука,
И грустный, как дорога в Вифлеем...

Памяти Окуджавы

Проплывают облака, как барашки белые,
А плывут они куда — не дано нам знать,
Ах, Булат Шалвович,
Что ж вы с нами сделали,
На кого оставили дворовую знать?

Стали грустными глаза, поредели волосы,
Виноградную лозу некому холить,
Как же мы теперь без вас,
Без вашего голоса,
Кто теперь научит нас плакать и любить?

Проплывают облака, а шарик все вертится,
И вот еще о чем я вас хотел спросить:
Расскажите, дорогой, как там после смерти?
Может, и не страшно так
Будет уходить...

Проплывают облака, собираясь в стаи,
Уплывают облака в голубую даль...
И как эти облака, наша жизнь тает,
Исчезая без следа, как это ни жаль...

Маме

Не так живу...
Не то пишу...
Все несерьезно...
Прощенья твоего прошу —
Да поздно...

А небо чисто, как агат,
И звездно...
Эх, повернуть бы все назад —
Да поздно...

И сердце мается в тоске
Гриппозной.
Прижаться бы к твоей руке —
Да поздно...

* * *

Не моя вина,
Не твоя вина,
Просто вся любовь
Выпита до дна.
Лишь на донышке
Боли зернышки...

Я вожмусь щекой
В холодок окна,
Скорый поезд мой
Унесет меня,
В перестук колес,
В перепляс берез,

От холодных глаз
Да соленых слез.

И не бойся ты,
Не волнуйся ты,
Я и сам сожгу
За собой мосты.
Не твоя вина,
Не моя вина,
В кружке нет вина —
Выпито до дна.

Ты скажи-ответь,
Как мне дальше жить?
То ли песни петь,
То ли выпью выть,
То ли водку пить,
То ли волком в степь —
Сколько, стало быть,
Эту боль терпеть?

А в ответ — лишь тишь,
Ты в ответ молчишь...
От любви — зола,
Знать, с другим ушла...

Свободная интонация
Поэма

1

тысячекратно черешня цвела
женщина счастлива жизнью была
не поправляя свои дела
завтрашним днем не торгуя
слогом возвышенным пренебрегла
не отрекаясь
от близости и тепла
английское слово "блоссом" произнесла,
"цветение", родные глаза целуя

музыкальность, грация
свободная интонация
проснулись во мне к утру
в полусне
ты обнял меня рукой натруженной
и нежен мускул руки нагруженной
разберу
черты твоего лица на память
завяжу в узелок, запрячу
заплачу наедине
здравствуй, родной
какое счастье проснуться с тобой
пора на работу
я завтрак на двоих соберу
(и знала: если ты не придешь
завтра, в субботу, к весне
я уже не умру)

2

он помогал, а больше так сидел
читал, пока полы, посуду мыла
и чистота к ним в комнату входила
и день заснеженный в окно глядел
обычная картина, но у них
меж стенами повисло напряженье
семейности его сопротивленье
на ток тепла
помножено на миг
посторонился
мол, сама неси
свою любовь, мне нечего ответить
перечеркнул стереотипы этим
мечтательница, наяву вкуси
но приходил
а иногда бывал
столь нежен
и исполнен чувств бессловных
в тот вечер ей казалось — безусловных
на постоянство кто не уповал?
не тщась пустое реноме сберечь
за тишиной и длительностью встреч
она привыкла к странностям партнера
и не искала повода для ссоры

несуетный сторонний наблюдатель
от мнений независим и затей
речей и мод он не законодатель
тем более не поводырь страстей
за что наказан иногда тоской
и не питает к жизни интереса
но совестлив
и на путях прогресса
не обзавелся прытью городской
потерянный — в техническое время
упало байроническое семя
на тонкий слой, удобренный молвой

вослед литературе мировой
добавим быт, жилищную проблему
обычай раздражение срывать на муже
и совместную кровать
когда уже не губы — нервы немы

весна и в город пыли намело
и воздух загазован, гарь и гадость
но легок дождь и беспричинна радость
и моешь ты оконное стекло
и напеваешь
и надела плащ, он голубой
и лодочки-уродки, идешь по улице
плывешь на лодке
и слезы на лице не означают плач, а смех
и хочется поговорить возвышенно
и милостью дарить обиженных
и пробежать вприпрыжку
и не другого, а его любить
и под дождем увидеть в нем мальчишку

3

как задевает доброта
не столь уж частый дар в мужчине
и отношений простота
неведомая ей доныне
разлука делает свое
и доброе
и злое дело
переиначив для нее
то, что лишь краешком задело
любовь, как сорная трава
опустошает
тянет соки
и сил не хватит оборвать
и незачем, сама засохнет

обстоятельность в голосе
нежность в подтексте
за привычными
"здравствуй", "спасибо"
"вот так"
прошлогоднее счастье
невозможность быть вместе
и любви отлетевшей
телефонный контакт

1978-83, 2007
Иерусалим

Стихи о Мексике

1

Дула автоматов, направленные на тебя,
пулеметчик залег за мешками с песком,
и жизнь колеблется между вехою бытия
и смерти с перекошенным ртом.
Но машины снуют, и в них люди поют,
светит яркое солнце, прожигая траву,
а еще почти райские птицы поют
одну мелодию "я живу".
Игуаны и ящерицы кругом,
развалины древних храмов и пирамид,
магазины наполнены серебром
и текилой. И жизнь кипит.
Политик торгуется и себя продает,
а сам покупает необходимый пост.
Солнце слишком рано встает,
и сильно качается деревянный мост,
висящий над пропастью, под ним водопад.
Масса кокосовых орехов лежит на земле.
Жизнь здесь часто проживается невпопад
и теряется в наступившей мгле.

2

Мексиканец мне говорит: "Украина твоя далеко!"
Он показывает своим видом, что встрече рад,
и выносит мне из хижины кокосовое молоко,
манго, авокадо и виноград.

Мексиканские девушки все давно влюблены,
целуются на улицах, в маршрутках и кино
со своими парнями. Первая неделя весны,
словно в бубен, радостно бьет в окно.

На скамеечке в парке три колдуньи сидят,
сегодня они бесплатно колдуют и ворожат,
ничего не таят — все говорят,
и голоса у них совсем не дрожат.

Улицы в городках разбредаются кто куда,
порою они подходят слишком близко к воде.
Красавица предлагает сердце с кусочком льда
(непонятно, какие мысли бродят в ее голове?).

3

Газет слишком много, журналов много, и все кричат
о будущих катастрофах, дети играют мячом
футбольным, напоминая стайку галчат,
их не страшат молнии и даже гром.

Было недавно солнце, а теперь дождь —
тропический ливень никак не перестает.
В газетах, понятное дело, мешаются правда и ложь.
Политик разъезжает с любовницей. Жизнь идет.

В городке К. праздник, похожий на карнавал:
выбирают Главного Вруна, всем другим в пример.
Я на открытие на полчаса опоздал,
Главным Вруном оказался их местный мэр.

Он взятки берет, ворует из госказны,
все, как у нас (но воруют у нас сильней).
Мэр улыбается: "Дожили мы до весны", —
что означает: до самых веселых дней.

4

К дулам автоматов я уже привык...

Март 2008,
Вильяэрмоса

Веракрус

Все смешалось в ночном городе — гитары,
смешки и пощечины, вздохи и поцелуи,
речи подростков, пальмы, сердец пожары,
памятники, смотрящие во тьму былую.

Пьют кофе парами, не расставаясь,
потом бредут покупать ненужные вещи,
а море под луною пылает, легко вплетая
в мартовский сумрак колдовской шепот зловещий.

Девушки позволяют рисовать на своих спинах,
и на них возникают змеи и игуаны.
И весь город — одна запоминающаяся картина,
где есть не только море, но и неразгаданные тайны.

В море, не раздеваясь, бросаются молодки,
шаман шаманит, колдунья клюет носом.
А ночь оказывается нестерпимо короткой,
словно песенка подвыпившего матроса.

16 марта 2009,
Веракрус

Пичукалько...

В маленьком мексиканском городке Пичукалько,
окруженном горами и банановыми плантациями,
я разыгрывал роль мачо, а еще нищего идальго,
оглушительно фантазировал о новых новациях.
Девушка Рита писала мне английские фразы
на листах бумаги, выводя их старательно на бумаге.
Эти фразы имели свои фазы,
но мне в них включиться не хватило отваги.
Она мне показывала местную библиотеку,
я нашел там "Доктора Живаго" и Солженицына.
Я хотел вплавь переплыть бурную реку
или перелететь ее совсем маленькой птицей.
Девушка Рита мне улыбалась печально,
выражение ее лица менялось раз десять.

А я написал на бумаге отчаянно:
"Приезжай! Я покажу тебе Одессу!"
Она мне дала номера своих телефонов,
я позвоню ей через несколько дней,
чтоб только услышать ее голос, мудрый и сонный,
и стать на один день нежней.

Экспромт

Совсем не ночь здесь в Мексике, а день
едва перевалил за середину,
а я импровизирую стихи,
которые бегут, как будто в небе
неспешно кучевые облака.
И нет тебя, ведь ты одна на свете,
мной выдуманная, и твоя реальность,
как дождь, что прожурчал совсем недавно...

Ты есть — и нет тебя! И душный день
повелевает мне забыть тот зыбкий
твой силуэт, застрявший в раме, где
пейзаж привычен — поле и деревья,
что все в цветах. А облако над ними
стоит, не двигаясь, едва дыша.

Ты есть — и нет тебя! Вернись обратно
в мое стихотворение!..

Пять стихотворений о море

1.

Море, мой тревожный брат
С профилем орла...
Бей приливами в набат
Синего крыла,

Властною срывай рукой
С берега белье...
В клочья — рви, мели — мукой,
Дикое — мое...

Так закованный в седло
Беленится конь —
Режет жидкое стекло
Города ладонь.

Нет ему по сердцу — вер.
Нет по росту — верст...
Море — спящий Робеспьер.
Море — Алконост.

2.

Стелется берег дымчатым догом,
хвост — в молоке.
Бельма тумана виснут облогом
на маяке.

Море одето только в браслеты
желтых камней.
Море — молебен южного лета
akme дождей.

Выпей из этой непокаянной
горькой души —
не пожалеешь... Яд или манна?
Крепче дыши

прахом погибшей кварцевой жилы,
прищуром дна.
Ветер вонзает ржавое шило
в легкое сна,

вечер тревожит хляби и дует
на молоко.
Призрак тритона шепчется с буем
в рваном трико.

Бел безъязыкий шепот. Озимый
жданный обман —
парус Голландца клочьями дыма
режет туман...

3.

Внахлест, неровно дышит море.
Его глубоким легким вторят
пропитанные солью души
погибших кораблей. На суше
так дышат сосны и пещеры.

Волна нанизывает эры
на выступы морского дна.
Хранит ревниво глубина
останки затонувших тайн...
И немы сонмы рыбьих стай
лишь потому, что эти тайны
могли бы выболтать случайно
любому. И тритоны — немы.

Вода бессовестна, как время.
Она не любит возвращать.

Пусть ставит твердь свою печать
на днище корабля, на храме —
вода сотрет ее губами
штормов — холодными и злыми...
Потом свое присвоит имя
и молча приберет к рукам
и днище корабля, и храм.

4.

Как старики, недоверчивы маяки.
Каждый из них скрывает, по ком он плачет,
и помнит каждый, что море кормить с руки
может лишь тот, для кого ничего не значит
желтое слово "жить", помноженное на дом,
сына, колодец... Ловимое ртами жадно —
тех, на набережной, и этих вот — за бортом
глаза округляющих. Да живите, ладно!..

А пульсы морские измерить дано не тем,
кто всаживает линейку в тугую кожу
спины океана, который из всех систем
ноля выбирает шар, на него похожий
своим первородством. Не им понимать дано
верлибры его настроений, мятущих тверди —
ером булыжника ли тянет себя на дно,
ятями мачт ли покой горизонта сердит...

Души земные цепко держит его рука,
то по щекам бия дельты и города, то
перебирая струны рыбьего плавника...
Зачеркивает имена, затирает даты...

5.

Зарей закатной берег — ржав
и бронзова — вода.
Сплетенье раковин и трав
спускает рукава

по локоть. Пеной пав, прибой
отнервничал и смолк
по убывающей кривой.
На северо-восток

скрипят уключины плечей
в ответ на чайки всхлип.
Здесь нет ни дома, ни вещей,
к которым ты прилип.

Ни смрада слов, ни карты вин,
ни дробного числа.
О, царство кварцевых руин
и битого стекла!..

Здесь выпрягающий коня
суровый Посейдон
глядит устало на меня
сквозь марево — времен.

Утро — новое творенье

Санжейка

Зной сумасшедший до самосожженья.
Что потеряла я в полдень в Санжейке?
Водит лукавый по кругу, морочит.
Мальва — одна, как дитя непорочна.

Кто там отважный вдоль берега носится?
Это колючих репейников — воинство.
Речи бесстыжие в жарком шелестье.
Ягоду дикую съест — искушение.

В сладкой истоме черешня алеет,
Так бы и пала на грешную землю.
Плоть и душа в неуемном раздоре,
Что остается мне — броситься в море!

1979 г.

* * *

Подлее всех соперниц эта ночь и злей.
Пошли мне мужество,
печальный образ Сольвейг!
На сердце камень выплаканной соли.
Роль Сольвейг Клеопатры тяжелей.
Но жизнь не сцена. Подлинна она,
Как эта дверь, что под дождями плачет,
Как за окном сплошная темнота,
Которая тебя надежно прячет.

1982 г.

Романс

Я в прошлое укутаюсь, как в шаль.
Мне не обидно. Я одна. Старею.

Опять неистово цветут деревья
и, может быть, меня кому-то жаль.

Спокойно мне. Теперь я точно знаю,
куда ходить не стоит мне порой.
Там у земли под сердцем бьются злаки,
сердца деревьев рвутся под корой.

Спокойно мне, хотя весной опасен
взрыв запахов, сирени и земли.
Еще немного — и его погасят
потоки ливней или зной в пыли.

А той дорогой через санаторий,
которой к морю бегали с тобой,
пожалуй, мне ходить не стоит.
Там до сих пор рыдает по тебе прибой.

Я слышу голос давний или дальний.
Опять смешались звезды и огни.
Я и тогда не знала, а теперь подавно,
В какую сторону весной уходят дни.

1985 г.

* * *

Утро — новое творенье.
Не спешите в напряженье.
Взгляд кладите акварелью
на фасады и деревья.

Свет молочный над домами.
Пьют его коты на крышах,
любоваться южной гаммой
на балкон художник вышел.

Тетя Муся рыбу жарит,
моря чувствуется запах.
Рядом наблюдает Шарик
тень, ползущую на Запад.

Вот уже идут с "Привоза".
Что там в сумках? — натюрморты.
Словно только что с мороза
яблок радостные морды.

Лук фырчит зеленый, лапы
петуха торчат из сумки.
Это ж копия голландцев.
Жаль, что сразу сварят студень.

Жизнерадостна палитра
и добры соседей лица.
Вот и, наконец, с поллитрой
вышел Гена похмелиться.

1977 г.

* * *

Как долго нет на свете Вали...
Ушел однажды, не простился.
И я с покинутых развалин
Сорвалась перелетной птицей.

Я в сон чужой нечаянно попала.
Я в суету нырнула, чтоб не сгинуть,
Чтоб задолбать непрошеную память.
Одна реальность — на стене картина.

Я время отодвину, как гардину:
Чай наливает гостю Хрущик.
Кувшин из глины на картине,
И по нему крадется лучик.

20 апреля 2009 г.

Бат-Ям

Игорь БОЖКО
По идее Евгения Гимельфарба, при участии Карины ШРАГИНОЙ

Роза и принц

Часть первая

слышен звук подъехавшей машины — на сцене появляется уверенная во всех своих достоинствах — Роза осматривается — сажает на сумку куклу — обматывает ей шею шарфом — смотрит на часы:

— ну вот... теперь будем ждать — прошлый раз я получила от него письмо именно здесь — (*еще раз осматривается*) — да это то место — тогда мы ехали на пикник всей компанией на джипе Зубкова — вдруг лопнула шина — шофер стал менять колесо — мы все вышли — а я направилась к этой лесной поляне — и потом увидела красный шар... он летел низко... я поймала его... к нему был прикреплен маленький футлярчик... в котором находилось письмо...

— тебе не холодно?

— (нет мама)

— ну вот и хорошо... (*осматривает небо*) — вот и хорошо (*еще раз смотрит на часы*) напрасно конечно я так гнала машину — у нас еще целый час в запасе — а пока если хочешь я расскажу тебе сказку — хочешь?

— (да)

— ну тогда слушай — сказка называется "маленький принц" — ее написал один очень хороший человек — звали его Антуан де Сент Экзюпери — в этой сказке говорится как на одной очень маленькой планете жил принц

— (настоящий?)

— конечно же настоящий — ему было очень одиноко — но вот однажды на его планету ветер занес маленькое зернышко из которого выросла прекрасная роза

— это был очень красивый ярко-красный и ароматный цветок очень нежный и капризный

— (почему капризный?)

— потому что роза родилась — как и твоя мама — под созвездием — веселого дракона — а принц был рожден — как и твой отец — под созвездием — грустного козерога — поэтому когда они полюбили друг друга — то их любовь оказалась такой хрупкой...

— (почему?)

— потому что те кто родился под созвездием веселого дракона — особенно женщины — а ведь роза была женщиной — это по природе своей яркие артистичные натуры — они рождены для блеска — (*начинает танцевать*) они любят чтоб ими восхищались — чтоб их боготворили — чтоб им служили — они кокетливы... и хотя в общем-то это очень сильные натуры — но они же и беззащитны — они могут просто погибнуть если на них не будут обращать внимание... тогда они начинают кашлять — и с ними даже может случиться чахотка... а те кто родился под созвездием грустного козерога — особенно мужчины — натуры мечтательные и мнительные — и хотя они тоже сильные... но часто из-за всяких мелочей делают обидные для себя выводы — и тоже потом начинают кашлять и с ними тоже может случиться чахотка — (*остановилась*)

твой отец часто напевал такую глупую песенку:

если ты меня разлюбишь —
на меня накатит грусть
заболею я чахоткой
и наверное умру
ну а если не разлюбишь
(под дождем и на ветру) —
я тогда не заболею
и конечно ж не умру

— напевал напевал — а потом вдруг взял — и улетел...

ну да ладно... слушай дальше — да на этой планете росли еще баобабы... и их надо было постоянно выкорчевывать — потому что они могли своими корнями просто разорвать планету на куски... принц их постоянно выкорчевывал... и укрывал розу на ночь стеклянным колпаком чтобы она не замерзла — а днем ставил возле нее ширму чтобы ее не продуло ветром — он наслаждался ее ароматом и алым цветом ее лепестков — он поливал ее родниковой водой — да я забыла сказать что у розы — кроме ее аромата и ярких лепестков — были еще и шипы — острые такие и твердые как стальные иголки

и вот однажды они сидели вдвоем и любовались заходом солнца — и все было таким таинственным и полным очарования и казалось что сейчас должно произойти что-то чудесное... принц обнял свою любимую розу — и один из ее шипов уколол его в грудь — ему стало очень больно — но

он даже не подал вида — он сидел — так же обнимая свою розу пока солнце не скрылось за горизонтом

а утром роза ему сказала: "ты очень терпеливый — я вчера видела все"... но даже после этих слов принц не разлюбил свою розу — (*снова начинает танцевать*) — он понимал что она вот такая — и другой просто не может быть — он знал что рожденные под созвездием веселого дракона иногда бывают немножко жестокими

— (и ты тоже немножко жестокая?)

— я нет... я не знаю — но почему ты задаешь такие странные вопросы — разве я тебя наказывала когда-нибудь за твои шалости...

— (нет ты не наказывала — ты просто смотрела на меня...)

— ну и что же что я смотрела... я что больно на тебя смотрела?.. хорошо извини я больше никогда не буду на тебя так смотреть...

— (рассказывай дальше)

— ну хорошо... принц и роза жили на этой планете одни — но изредка к ним прилетали в гости жители других планет — то один старый и мудрый король — то банкир — то фонарщик — то танцор — и даже один пьяница

— (а Зубков он кто? он пьяница?)

— нет — откуда ты взял эту глупость — он банкир — он очень умный — поэтому у него всегда много денег — и его все уважают

— (а у Трофимова тоже много денег?)

— а вот у Трофимова как раз за душой нет ни копейки — он актер

— (а мне нравится Трофимов он всегда такой веселый — умеет квакать как лягушка — и всегда подбрасывает меня высоко)

— так — ты будешь слушать сказку — или мы будем говорить о Трофимове?— на чем я остановилась... ах да — когда они прилетали то роза со всеми кокетничала — звонко смеялась — особенно ей нравился танцор — у него были такие изысканные манеры — и он всегда привозил с собой много всяких подарков

— (как дядя Гринберг?)

— да как дядя Гринберг... он был такой же добрый — он говорил розе всякие комплименты а потом улетал

— (а на чем они все летали?)

— как на чем? — я разве не сказала — на майских жуках конечно

— и вот как-то танцор прилетел в очередной раз (*возможно что дальнейшую часть монолога актриса также произносит в танце*) — он только ступил на их маленькую планету — как тут же закружился — стал выде-

лывать всякие балетные па — а потом сел и стал смотреть на розу — а роза принялась закатывать свои большие глаза — она то улыбалась то хохотала — а потом начала кашлять

принцу очень не понравилось как этот танцующий человек смотрит на розу

— (а почему ему не понравилось?)

— ну видишь ли... иногда мужчинам не нравится когда другие мужчины смотрят на их возлюбленных... а тут еще роза таким капризным голосом стала жаловаться танцору что ее никто не любит по-настоящему — что она очень страдает — что у нее скоро будет чахотка

— это неправда — я люблю тебя — вскричал принц

— и я вас очень люблю — вскричал танцующий человек — вскочил на ноги и снова стал танцевать — а потом сел на своего майского жука и улетел — и принцу тоже не понравилось что его розу любит еще кто-то другой — он даже захотел догнать танцора и пронзить его своей шпагой — а потом подумал что это будет несправедливо — ведь танцор не виноват в том что роза такая красивая — так благоухает... потом он стал убеждать себя в том что все это очень хорошо — плохо было если бы его роза никому не нравилась... и раз ей приятны признания в любви других людей — то пусть так и будет...

в этот вечер принц и роза смотрели как долго заходит солнце и молчали...

на их планету долго никто не прилетал и все душевные бури улеглись...

но однажды когда принц и роза смотрели на заходящее солнце — и принц обнимал ее несмотря на острые шипы — сзади вдруг раздался звук напоминающий шелест крыльев майского жука — "это прилетел танцор" — вскрикнула роза и отстранилась от принца — принц заглянул ей в глаза и увидел там смятение и растерянность... потом он оглянулся но за его спиной никого не было — кроме стрекозы которая сидела на камышовом стебле... утром принц сказал розе что улетает

— хорошо — сказала роза — ты прости меня я была глупа — будь счастлив — я очень хочу чтобы ты был счастлив...

— (и он улетел?)

— да

— (а зачем?)

— я не знаю... наверное за тем чтобы отыскать пропавшее взаимопонимание...

— (а что это такое?)

— ну это когда люди перестают понимать друг друга... они живут вместе — а потом из-за какой-нибудь мелочи ссорятся — потом еще... им начинает казаться что их уже любят не так как любили раньше... и все это накапливается — и тогда они начинают забывать свой язык — и каждый придумывает для себя новый — и тогда один говорит на своем языке — а другой тоже на своем — и они перестают понимать друг друга — и начинают от этого злиться и ссорятся а потом расстаются...

— (насовсем?)

— как когда... иногда насовсем — иногда не насовсем

— (а ты и папа тоже говорили на разных языках?)

(*немая сцена*)

— понимаешь... у нас была тихая любовь — без грома и молний — а мне нужны были гром и молнии — и фейерверки и война с трубами и барабанами — мне казалось что небольшая ссора только придаст остроты... так все почему-то считают... даже ученые... даже они говорят что иногда нужно немножко повздорить даже заставить ревновать — чтоб потом было радостное примирение — а твой отец не понимал этого — он говорил что всякая ссора и ревность — там в душе нашей — ломает маленькое такое колесико — как в часах — и постепенно все разрушается — а примирение — да это очень хорошо — говорил он — но колесики все же постепенно изламываются и однажды наступает критическая точка... после которой... часы останавливаются... хотя люди еще какое-то время могут жить вместе — и даже делают вид что ничего страшного не произошло...

— (мама я ничего не понимаю о чем ты говоришь — я не хочу чтобы ты и дядя Гринберг заговорили на разных языках — если вы заговорите на разных языках — то он перестанет приходить к нам — и не будет приносить конфеты и всякие игрушки)

— замолчи...

(*немая сцена*)

— (*капризно*) — (а мне нравится дядя Гринберг)

— а Зубков?

— (а Зубков не нравится... он такой сердитый всегда — и когда говорит то брызгается... а Гринберг он хороший)

— ты понимаешь... он мне тоже очень нравится я никогда нигде не бы-

вала — а Гринберг обещает мне показать Париж — и улицу и дом где жил Антуан Экзюпери... он очень хорошо ко мне относится... он нашел для меня хорошую работу — и помог купить машину...

ведь уже прошло три года как твой отец просто исчез — оставил меня одну — засыхать на пустой планете... а сам испарился

— (я совершенно его не помню)

— ты раньше никогда не говорил этого слова — совершенно... откуда оно у тебя?

— (я совершенно уверен — так всегда говорит Зубков — и еще Зубков говорит — что для здоровья очень важно — каждое утро в одно и то же время — опорожнять свой кишеченый тарак)

— не кишеченый тарак а кишечный тракт — все все — больше не говори мне про Зубкова...

(*немая сцена — Роза слушает небо*)

— твой отец улетел когда ты только поселился у меня вот здесь... он даже не знал этого — и я сначала не знала... а когда ты родился — от него пришло это странное письмо — в котором он сообщил что живет на далеком заснеженном острове — где всегда зима — и лето бывает всего один месяц в году

письмо без обратного адреса — и вообще сама доставка тоже очень странная... а в конце только стояла приписка что пришлет следующее ровно через двенадцать месяцев

я что по-твоему должна была все это время сидеть?... ни с кем не видеться никуда не ходить?— но я же ведь так не могу — почему никто не хочет меня понять?.. почему все думают только о себе?

(*на сцене появляется красный воздушный шар — Роза ловит его вскрывает футлярчик читает письмо*)

— любимая моя... дорогая моя Роза — рожденная под созвездием веселого дракона — я так по тебе соскучился — только сейчас — на этом огромном расстоянии от тебя — я узнал как я сильно тебя люблю

теперь я живу в пустыне — здесь очень много раскаленного песка — и здесь я приручил лиса — я приручал его довольно долго — постепенно каждый день в одно и то же время — я садился возле него на один шаг ближе и мы разговаривали — теперь мы с ним друзья — лис говорит что я те-

перь за него в ответе... потому что я его приручил — хотя это он сам научил меня этому приручению...

недавно у местного чародея я приобрел для тебя золотую поливалку — в которой вода остается всегда прохладной — даже в самый невыносимый зной...

еще здесь ползают маленькие золотистые змейки... если такая ужалит — то через полминуты можно вернуться на свою планету — туда откуда ты прилетел — я уже знаю что после ее укуса — там в наших пространствах — начнет звучать небесная музыка... и ты милая моя роза — сразу же узнаешь что это возвращаюсь я...

— и снова нет обратного адреса — бред какой-то...

— (это письмо от папы — или от принца?)

— господи как мне все это надоело... да пропадите вы все пропадом — с вашей любовью — с вашими планетами и песками... с вашими загадками — я хочу нормальной человеческой жизни... до каких же пор все это будет продолжаться — господи... — (*рвет послание — бросает клочки на землю — хватает куклу — и покидает сцену — слышен звук отъезжающей машины*)

(*сцена затемняется*)

Часть вторая

снова становится светло — на сцене стоят — кресло — стул с резной спинкой — венский стул — табуретка возле которой стоит бутылка — скамейка — и отдельно стоит трон
выходит Роза и обращается к этим предметам — обозначающим Зубкова Гринберга Трофимова Пьяницу Барашка и Короля

— ну зачем вы снова преследуете меня... господа — я же вам прямо сказала что все кончено... я уже не здесь... не здесь — вы понимаете?.. все эти пикники тусовки — это уже там... в прошлом... ну простите вы меня — я возможно неправильно себя вела... — ведь вы же умные интеллигентные люди... вы должны понять что всегда я любила только одного человека... только его... единственного... пусть странного пусть фантазера... пусть не такого успешного как вы Владимир Денисович и как вы Гринберг... у вас есть все... все достоинства... но вы никогда не сможете... нет это не то слово... вам не дано так смотреть чтобы улыбались зрачки глаз... чтобы один поворот головы... я бы сказала жест лица... так проникал сюда... в самое

сердце... возможно я говорю банальные вещи... я просто не могу описать свои чувства в словах... слова не точны... их мало чтобы выразить все то что творилось со мной когда он был рядом... тогда я всего этого не ценила... мне казалось что так будет всегда...

(*подходит к креслу*) — Зубков — Владимир Денисович — вы наверное думаете что я сошла с ума — но порой мне действительно кажется что наши судьбы — с одиноким цветком розой — из сказки Экзюпери — очень похожи...

я вам очень благодарна — вы для меня так много сделали — одно время мне казалось что я по-особому отношусь к вам — нет правда мне так казалось — но простите простите меня — я ошиблась... вы так участливо... помогли решить мои бытовые проблемы... я благодарна вам за ту ночь... море... ваша яхта... эта бездна полная звезд... и где-то там планета на которой родилась...

когда я увидела это небо — во мне вдруг появилось такое жгучее чувство вины... перед всеми... перед вами... перед моим мужем... мне захотелось броситься в черную воду и утонуть... я показалась тогда себе такой потерянной слабой... бесхарактерной... бегущей от одиночества... но оно как на поводке... отпустит даст какую-то иллюзию свободы и кажется что вот уже что-то свершилось — что-то хорошее ожидаемое... потом проходит день-два и ты видишь что все это мираж... одиночество твое и тоска с тобой... никуда они не исчезли... просто поиграли... спрятались на время... и вдруг возникли снова с удвоенной силой...

Владимир Денисович — вы дарили мне дорогие украшения... я знаю вы это делали от чистого сердца... но я не могла пользоваться этими вещами... я прошу вас заберите все это... — у них... и у вас такая тяжелая энергетика... извините но это правда — мне так не хотелось об этом говорить... простите меня

там на вашей яхте я многое поняла... действительно среди этой черной безбрежной воды и неба я была просто песчинка... почти нереальная... так легко можно было раствориться в этом пространстве... но потом вдруг теплая струя воздуха коснулась моего лица... и я увидела пустыню и одинокого путника... я узнала его...

господи были бы крылья... как тогда заныло мое сердце... слезы слезы слезы... мне казалось что я плачу впервые... хотя это пожалуй так и было... впервые за три года разлуки с ним меня настигли эти очищающие слезы... тогда я выплакала все свои несчастья... и вот эти слова — я уже не здесь — отпечатались во мне — вы понимаете меня?.. я очень вас прошу понять ме-

ня... я хочу быть счастливой сча-стли-вой... а счастливой я буду только с ним... иначе просто невозможно...

(*подходит к стулу с резной спинкой*) друг Гринберг — ты тоже деловой человек — твоя голова наполнена разными идеями... ты всегда был мне интересен... мне даже казалось что я принимаю твой мир... но это было просто привыкание... просто ты умеешь обольстить... но когда я по ночам просыпалась рядом с тобой — я чувствовала такое звенящее одиночество... я ощущала что все вокруг меня чужое — и твое ровное дыхание — и твое мускулистое тело — и все эти запахи дорогих парфюмерий... порой мне хотелось вскочить одеться и убежать... господи почему же я этого не сделала раньше? почему я прельстилась всей этой мишурой? все эти рестораны казино пикники с поеданием разных животных... ведь мне всегда так мало было нужно... заходило солнце я смотрела на него и душа моя разрывалась на части... потом всегда появлялся ты... и снова я опускалась в душную сладкую вату...

Гринберг... почему тебя все зовут просто Гринберг... у тебя же есть имя... постой как же тебя звать... Эдик... Эдуард?.. нет? ну да это и неважно... ты всегда что-то продаешь... то автомобили то квартиры... то антиквариат... в твоей голове вещи вещи вещи... твой мир твердый квадратный... и сам ты как зачехленный... тебя приводит в ярость если кто-то случайно наступит на твои вычищенные до блеска туфли... если на них вдруг появится пятно... если вдруг изомнутся полы твоего пиджака... а на сорочке останется след от губной помады

господи какая же все это чушь болотная... мой принц мог сам после гостей без лишних слов взять и перемыть всю посуду... с теми же смеющимися зрачками — напевая свои нехитрые песенки... а вы как кисейная барышня следите за своими ногтями любуетесь своими ногтями... рассматриваете свои ногти... свои тонкие руки... свои икры на ногах сколько раз вы спрашивали: "правда же у меня красивые ноги?" и ждали моего утвердительного ответа а я просто назло вам — на ваши действительно стройные и красивые ноги — говорила что они кривоваты... вы дулись на меня — у вас портилось настроение... да у моего принца не такие идеальные ноги как у вас — но для меня они в тысячу раз стройней ваших — в тысячу раз... желанней что ли — черт вас побери с вашей красотой... с вашими полированными ногтями... ой что я говорю не обращайте внимания господин Гринберг я вам также за многое благодарна но сейчас я говорю вам прощайте... прощайте господин Гринберг... я жду... я буду ждать моего странника... я люблю только его... только его... чего мне стоило прийти к этой простой истине...

(*подходит к венскому стулу*) — Трофимов — ты человек легкий — мне всегда было хорошо с тобой — ты щедро делился со мной своей глупостью — не обижайся но я часто говорила тебе что ты дурак совершенно искренне ты посмеивался думал что я это просто так болтаю... возможно... возможно я болтала... ты умный дурак... ты как монета с реверсом и аверсом когда как упадешь... если щелчком пальца подбросить... пойми же хоть ты меня — человек парадокса... я уже не здесь — я там — очень далеко отсюда... ну что же ты молчишь... ведь ты же хороший актер и тебе не нужны долгие объяснения — эти пустые слова — ты все понимаешь и так... просто посмотри мне в глаза... прости дорогой... но я должна это сказать — те ночи что я провела с тобой были... как наши с тобой слезы... я просто сочувствовала тебе — и наше на двоих одиночество всегда было третьим в наших отношениях... — ты потом сам же сказал об этом словами Рильке: "нет одиночеству предела — оно как дождь — на небе нет пробела — и дальше — где двое делят влажную постель одну навек и ненависть навеки"... мне так горько было видеть твой талант в такой бедной оправе... прости... я никогда не думала что придет день и душа моя заплачет о моем принце так тягуче и больно... ведь это плачет моя любовь? да Трофимов?.. если честно тебе сказать — такое со мной произошло нежданно и негаданно... я думала что со временем все умерло... душа моя погасла — а она тлела... костер тлел Трофимов... да порой он затухал... угольки подергивались пеплом но...

я так жду его... мне кажется что от ожидания можно умереть... я даже боюсь что умру и не дождусь его... так ноет в груди... знаешь что ноет?.. молитва... рождается там в моей груди и ноет нет это не то слово Трофимов... она плачет... нет и это не то... молитва уживается в моей душе она уживается со всякими там язвами царапинами порезами... ты понимаешь меня? я знаю что ты понимаешь... ты очень хороший актер глубокий и ты не дурак... ты просто притворяешься порой... наверное так тебе легче — это твоя маска для повседневного обихода? да Трофимов?..

я видела тебя в тех нескольких спектаклях в вашем театре и всегда удивлялась... как тебе удавалось подниматься взлетать там на сцене... хозяйничать в моей душе — вызывать в ней неведомые мне чувства... за это я любила тебя... короткой любовью... я и сейчас люблю тебя короткой любовью... хотя может быть это называется как-то иначе но... ты понимаешь о чем я... я ждущая Трофимов... ты видел когда-нибудь ждущую женщину... живущую ожиданием... растворенную в ожидании... смотри на меня вглядись в мое лицо — тебе это пригодится для твоего актерства... ну что ты молчишь?.. такой ты меня еще не видел... и я себя такой не видела не

помню себя такой... счастливой Трофимов... ожидание это не только муки но и радости... как видится все по-новому когда ждешь — как иначе слышатся голоса птиц вообще все звуки природы... а о музыке я вообще не говорю... классика... звуки клавиш рояля... какой удивительный мир открывается когда ждешь... и страшно и весело... я никогда так полноценно не жила как сейчас да мне нужно сейчас со всеми объясниться... я не хочу чтобы на меня держали зло... пусть все поймут меня и простят... простят и порадуются за меня...

(*подошла к табуретке*)

а ты кто?

(*села на нее — говорит испитым голосом*)

— глубокоуважаемая Роза — вы меня не помните? я бедный пьяница... я являюсь вашим соседом по планете... ваша слева от моей а моя справа — мне очень стыдно что я пью... но я ничего не могу с собой поделать я пропил все — у меня все пропало и дом и жена и машина и мысли и обаяние — я даже не слышу вашего аромата о котором все здесь говорят — поэтому я хочу дать вам совет... Роза выходите за меня замуж и мы с вами будем самой счастливой парой во всем космическом пространстве — я научу вас пить и все ваши проблемы просто растают в воздухе... кстати у вас нет случайно чего-нибудь спиртного с собой... хотя бы стаканчик Роза — у меня с утра не было даже маковой росинки во рту

(*она смеется*)

почему вы смеетесь разве я что-то смешное сказал — вам смешно смотреть как человек мучается...

Роза: простите меня великодушно... пьяница с пьяной планеты... вы не обижаетесь что я вас так называю... я польщена вашим предложением... вы знаете я бы охотно вышла за вас замуж и научилась бы пить... но сейчас я не могу этого сделать... я уже замужем вы разве не знаете что у меня есть мой принц... который сейчас отсутствует... но очень скоро мы встретимся... я жду только его уважаемый пьяница... вы верите мне? вижу что вы мне верите... хотя мои слова вас опечалили... когда прилетит мой принц я обязательно дам вам знать... мы накроем большой стол с разными напитками и закусками... и вы господин пьяница будете посажены на самое почетное место и будете пить из самой большой рюмки... а сейчас пожелайте мне удачи... пусть мой принц будет здоров... пусть его дорога домой будет легкой без всяких ненужных приключений... без всяких непредвиденных

сложностей... вы знаете порой мне становится страшно — а вдруг что-то случится... а вдруг начнется война или землетрясение которое взломает все дороги все аэродромы все пристани и причалы... нет этого не должно произойти... я знаю что все будет хорошо... по-английски это звучит: хэппи энд — правда же красиво... счастливый конец... слово конец правда здесь не совсем уместно... пусть будет счастливая бесконечность... вы не знаете как будет по-английски — бесконечность... ну да ладно... хотя счастливая бесконечность это тоже что-то страшноватое... счастливая долгая жизнь...

да так пожалуй получше...

(*подходит к трону*) мой милостивый Король... только вы остались жить в моем сердце... но вы ушли в иной мир и я осиротела без вас... вы были мне отцом — советчиком — моим самым дорогим другом... я недавно получила второе письмо от принца... я порвала его и чуть не умерла — а потом вернулась на ту лесную поляну и собрала все клочки — господи как я с ним была жестока... как я была легкомысленна...

(*кладет руки на спинку трона — говорит голосом Короля*)

— девочка моя... я так любил тебя... ты скрасила последние дни моей жизни... я так много хотел тебе сказать — ты знаешь благодаря тебе я умер как человек... благодаря тебе мой затухающий мозг не был обременен мелкими заботами... только нахлынувшие воспоминания о тебе теснились в нем до последнего вздоха...

— вот мальчиком я бегу с тобой по утренней траве... вот в зрелые годы мы путешествуем по разным странам и городам... а когда я состарился ты стала моей дорогой розой... такой ароматной и такой красивой... ты прости меня что я так мало для тебя сделал... моя маленькая...

(*закрывает лицо руками — плачет*)

Роза: мой дорогой Король сейчас я многое поняла многое для меня открылось... у меня вчера был тяжелый разговор с Зубковым... он упрекал меня в том что с ним я поступила нечестно что завлекла его и теперь он страдает — но разве я виновата (*говорит голосом банкира*)

— Роза я тебя очень хорошо понимаю — тебе нужны эти резкие перемены — ты не можешь жить как бы в одной плоскости... но в данный момент я не могу уделить тебе достаточно времени — я очень занят делами — если я не буду сейчас работать по двадцать часов в сутки — то мой банк прогорит в течение недели

и поэтому вот что я хочу тебе сказать — все то что ты мне здесь наговорила про любовь к своему принцу яйца выеденного не стоит я буду за тебя бороться я уничтожу всех кто окажется на моем пути...

ты знаешь почему твой принц оставил тебя? и куда он исчез? ты многого не знаешь Роза... — твой принц был игрок... он проиграл много денег — я скупил все его долговые расписки... а ты знаешь чем это ему грозит? — он улетел в надежде разбогатеть там за океаном — и рассчитаться с долгами... но не у всех это получается — учти...

вот что сказал мне Зубков... теперь я в тревоге неужели еще и это препятствие предстоит преодолеть...

от Зубкова я кинулась к Гринбергу

(*опускается на стул с резной спинкой говорит голосом Гринберга*)

— Розочка ты устала... тебе надо хорошо отдохнуть — твой принц никогда не заработает таких денег какие он проиграл — чтобы вернуть все — за эти долговые расписки тебе придется рассчитываться самой... да Роза я говорю это тебе как друг — несмотря на все то что ты мне здесь вчера наговорила — запомни — ты все еще здесь — а не где-то там — как ты выразилась — ты ведь знаешь если банкир передаст все эти бумаги в суд — то с твоим принцем будет покончено навсегда — мы все тебя жалеем — у тебя такой аромат — ты все еще такая красивая — но жизнь есть жизнь — и тут ничего нельзя поделать — долговые расписки это очень серьезно поверь мне... банкир дал мне хорошие деньги за те что были у меня... пойми бизнес есть бизнес — я все продаю все покупаю это моя профессия... так что тебе придется договариваться с Зубковым... он тебе уже сказал свои условия?

Роза: какие условия?.. вы все сошли с ума... я люблю только одного человека... что за бред вы все несете? какие могут быть условия?..

от Гринберга я кинулась к Трофимову

(*голосом Трофимова*) — да Розочка к сожалению это правда — принц проиграл много денег... даже мне он проиграл довольно приличную для меня сумму — я не хотел брать с него долговую расписку — но он сам настаивал... потом ты меня извини мне очень нужны были деньги — заболела дочь и я перепродал расписку банкиру... я знаю что я поступил как свинья но посуди сама — дочь заболела на врачей... на лекарства понадобились просто неимоверные деньги

Роза: но почему вы все это время молчали почему никто ничего мне сказал?

они видите ли не хотели меня огорчать... а теперь значит пришло время когда меня можно огорчать по полной программе

потом мне позвонил Гринберг и потребовал чтобы срочно к нему явилась... я пришла и вот что он мне поведал

(*голосом Гринберга*) — Роза Зубков поручил мне передать вам свои пожелания... он уничтожает все долговые расписки принца если вы согласитесь остаться у него в наложницах... или как это сказать потактичнее... у него ну скажем так личным секретарем по интимным вопросам... короче вы меня поняли... он хочет год... всего только год чтобы вы были его женщиной... — подумайте Роза — год пролетит ты даже не успеешь глазом моргнуть — как все проблемы будут решены... никаких долгов... никаких судов чести... никаких последствий... все уйдет как сон все развеется — зато твой принц прибудет с тобой до конца вашей жизни — так ты согласна Роза?.. что же ты молчишь — время-то идет... я хочу чтобы ты ответила немедленно — ты принимаешь предложение Зубкова? — только кивни мне головой — только кивни мне головой ты слышишь меня?

(*Роза подходит к скамейке — пинает ее — затем ставит на место*)

— извини Барашек — я сегодня не в себе — злая на всех вас — и даже на тебя...

(*голосом Барашка*) — душистая моя — вы снова отпихнули меня... я такой маленький... сегодня вам предстоит сделать выбор — и вот что я вам посоветую — послушайте маленького несчастного Барашка — я считаю что вы должны сделать правильный выбор — если вы внимательно выслушали то что вам говорил Гринберг — то вы поймете что деньги в наши дни это все

вы посмотрите что сейчас творится в мире — какая стала тяжелая жизнь — а любовь? — так называемые высокие чувства? — это все сказки для дураков и дур — любовь это болезнь а болезнь излечивается — нужно только знать чем ее лечить — а я вам скажу чем — золотом — любовь лечится приличной жизнью — хорошими деньгами — роскошной квартирой — прекрасной виллой желательно у моря — хорошими автомобилями

да банкир — он на первый взгляд как бы вам и не пара — но с лица воду не пить — у него хорошие манеры — и еще вот что я вам скажу — вы же всегда можете отключить свое тело когда дело дойдет до постели — я знаю что многие женщины умеют это делать — кстати в тот единственный раз когда вы были со мной — вы великолепно все это проделали... ваше прекрасное тело было просто мертво... а ведь я слышал что вы очень страстная натура — я понимаю — моя скромная особа и страсть — вещи несовместимые — да Роза?

банкир это вам не Гринберг который только обещает — Зубков он прокатит вас по Парижу вдоль и поперек — и не только по Парижу вы увидите мир — банкир Роза это ваше будущее... ваше и вашего принца... что вы кочевряжитесь милая Роза... год беззаботной жизни... да любая из наших баб пошла бы на это не раздумывая... еще бы за счастье посчитала а вы кочевряжитесь делаете страдальческое лицо...

Роза: — Барашек вы кто? вы черт?.. откуда вы все это узнали?

Барашек: — какой же я черт — у черта большие как у козы рога — а у меня маленькие рожки — почти не видные из-за кудряшек — бэээ

(*Роза обнимает спинку трона*)

— дорогая моя девочка — самое дорогое на земле не золото а терпение — вытерпеть можно все но ради другого человека — то что ради себя не вытерпел бы никогда — не подумай что это хвастовство — но ради тебя я целый год терпел свою болезнь — терпение и любовь это не затасканные слова — многие понимают ее под обычной постелью — но любовь это когда в разлуке вспоминаешь дорогого тебе человека — когда внутри тебя звучит его голос — вспоминаешь как он говорит — как смотрит — его жесты — как он двигается по комнате... проверить любишь ты человека или нет очень просто — если ты видишь его лицо — ощущаешь его присутствие — находясь далеко от него — значит ты растворена в нем

скажи мне девочка у тебя был такой день чтобы ты не вспомнила своего принца тысячу раз... даже когда ты была с другими — он все равно стоял у тебя перед глазами — я знаю это... просто обстоятельства заставили твое слабое сердечко... уступить натиску натур более искушенных пресыщенных... если бы мы были знакомы с тобой немного раньше — я бы уберег тебя от всех этих ловушек и капканов

да любовь это живая сущность — у нее есть периоды испытаний и их надо уметь пройти... это говорит тебе тот которого терпение и любовь сопровождали всю его жизнь — все сомнения в жизни могут разрешить только эти божественные свойства наших душ...

(*Роза садится у подножия трона*)

голос Короля: — девочка моя я не знаю как тебе помочь — если бы я был жив я бы просто застрелил банкира — но сейчас я бессилен

(*машинально взяла в руки скамейку*)

Барашек: — Роза это очень хорошая идея — взять и застрелить банкира — а что здесь такого — их этих банкиров всегда стреляют — раз курочек нажали и нет банкира — хотите я это сделаю для вас — у меня даже и пистолетик есть такой дамский — небольшой такой прямо как игрушечный — вот возьмите его в руки — ну как?.. правда же как игрушечный? — кстати милая Роза на нем уже остались отпечатки ваших пальчиков — да вы не принимайте все так близко к сердцу — кстати а вы уверены что за это время у вашего принца не появилась другая женщина? Бэээ

послушайте что я вам еще скажу... это так чтоб немножко вас позабавить... я попросил нашего фонарщика — а вы знаете что он — очень даже приличный поэт? — так вот я попросил его сочинить про меня песенку — послушайте что состряпал этот стихотворец:

я маленький барашек
я сделан из какашек
среди больших овец
я маленький подлец

не знаю как вам — а мне эта песенка очень нравится — спеть вам ее еще раз? — не хотите? — ну как хотите... вы все так же снисходительно относитесь к моей скромной особе...

(*сцена затемняется*)

Часть третья

затем становится светло Роза накрывает праздничный стол
напевает глупую песенку принца
в кресле сидит пупс Роза обращается к нему

— сегодня у нас знаменательный день... ты знаешь какой у нас сегодня день?

пупс: — да мама сегодня прибудет наш принц

Роза: — правильно мой дорогой и вчера миновал ровно год нашему со-

глашению с Зубковым — с сегодняшнего дня мы вступаем в новую эру... это будет эра новой независимой жизни... эра чистых и простых отношений... мы все начнем сначала... знаешь что вчера сообщил мне Барашек? Вчера когда Зубков устроил прощальный ужин на котором Барашек напился как свинья... он сообщил мне...

ему показалось что он сообщает мне нечто глобальное... то что должно было по его мнению сразить меня... растоптать и унизить... он улучил момент когда банкира позвали к телефону и...

(*говорит голосом Барашка*)

— моя милая моя ненаглядная Роза — может быть это вас немного утешит — так вот... слушайте меня внимательно... я даже не знаю стоит ли мне все это говорить но я пожалуй скажу... ваш принц Роза... никогда никому не проигрывал никаких денег...

это был чистый блеф со стороны банкира — да он всем нам заплатил хорошие деньги — чтобы мы подыграли ему... мы подыграли... поддержали эту его утку про карточный долг — теперь вы знаете все моя дорогая — если кто и любил вас на этом свете так это я — бедный маленький Барашек — с таким маленьким ранимым сердцем

— что тут началось... все набросились на бедного глупенького Барашка... а он выхватил свой дамский пистолетик и пытался из него стрелять... но пистолетик так ни разу и не стрельнул... а потом я спросила у Зубкова правда ли то что сказал Барашек... и он вдруг заплакал... как нашкодивший подросток... мне даже стало его жалко... а потом мне стало смешно... потом всем нам стало смешно... все тыкали пальцами в Барашка и хохотали как сумасшедшие...

потом мне стало их всех жалко... я поцеловала каждого в лоб... и Барашка тоже поцеловала и ушла...

и вот сегодня наконец-то... раздастся звонок... нет сначала заиграет небесная музыка а потом раздастся звонок...

(*стол уже накрыт... Роза осматривает его потом спохватившись*
выбегает за кулисы и возвращается с большой красной розой...
ставит ее на стол...
садится и долго ждет...
потом открывает бутылку наливает рюмку)

друг Пьяница я обещала вас пригласить на наш праздник... заходите не стесняйтесь... вот так садитесь... наливайте себе все что хотите... давайте выпьем с вами за то что баобабы только что благополучно разорвали на куски одну маленькую планету...

заходите и вы друг Трофимов и вы господин Гринберг и вы нашкодивший школьник Зубков Владимир Денисович... и ты рыцарь без страха и упрека мой верный Барашек...

(*начинает звучать музыка...*
Роза пьет... раздается звонок в дверь... Роза не обращает на него внимания наливает еще рюмку)

друзья мои... это вернулся мой принц... давайте выпьем за его благополучное возвращение...

(*раздаются еще звонки... хозяйка не торопится открыть дверь*)

на востоке есть такая теория о чистой любви... мудрецы востока говорят что истинная любовь не требует для себя ничего а только отдает... и тем счастлива... все для любимого... все для единственного...

а что же делать когда отдано уже все?.. когда карманы пусты?.. когда то что раньше называлось желанием иссякло растворилось...

наверное все же есть предел всему и даже ожиданию...

(*звонки в дверь все реже... потом как бы отдаляются...*)

друзья мои... не верьте восточным мудрецам... любовь не может долго жить прошлым... прошлое это не ее пища... прощайте господин странник... вы опоздали... на несколько минут... но этого оказалось достаточно чтоб колесико в часах истерлось и изломалось...

может быть завтра я столкнусь с вами на улице... может быть завтра что-то изменится... а сегодня я хочу быть одна...

(*тихо сидит за столом*)

(*занавес*)

Роман БРОДАВКО

"Ее зарею называли..."

От редакции. Нашему постоянному автору Роману Бродавко исполнилось 60 лет. Желаем юбиляру творческих успехов и уверены в сотрудничестве.

М.К. Заньковецкая. Одесса. 1915 г.

Среди актрис, оставивших неизгладимый след в театральной истории Одессы, почетное место принадлежит Марии Заньковецкой. Можно без преувеличения сказать, что Одесса — город ее триумфов.

Имя великой украинской актрисы носит улица в нашем городе, ее постоянно вспоминают в ряду великих деятелей национальной культуры, которые были связаны с Одессой. Увы, о мастерстве Марии Заньковецкой, как о мастерстве тысяч актеров докиношной и дотелевизионной эпохи, мы можем судить лишь по воспоминаниям современников и театральным рецензиям. Но и этого достаточно, чтобы понять: как художник она стояла в одном ряду с такими гигантами, как Леся Украинка, Иван Франко, братья Тобилевичи...

Заньковецкая родилась в 1860 году в селе Заньки Нежинского уезда Черниговской губернии в дворянской семье помещика К. Адасовского. Украино-польские корни ее рода просматриваются еще в XVII веке. Среди Адасовских были известные общественные деятели, герои войн, высокие государственные чиновники. Образование Мария Константиновна получила в Чернигове, в дворянском пансионе Осовской. В пансионе Заньковецкая увлеклась любительским театром. Однажды на экзамене она прочитала монолог Антигоны, и это чтение произвело на присутствующих огромное впечатление.

От роли к роли в любительском театре все ярче и ярче проявлялся ее актерский талант. Девушке посоветовали поступать в Московскую театральную школу, но родители были категорически против театральной ка-

рьеры дочери. После окончания пансиона Заньковецкая хотела учиться в консерватории, но и здесь встретила отказ со стороны родителей.

В 18 лет она вышла замуж за офицера Хлыстова, который в период ухаживания поддерживал ее стремление учиться, но после заключения брака заявил: "Предназначение женщины — быть женой, хозяйкой и матерью, а не думать о консерватории и театре".

Вместо консерватории Мария Константиновна оказалась в Бендерской крепости, куда перевели на службу ее мужа. Но и здесь будущая звезда украинской сцены принимает участие в любительских спектаклях. В одном их них, "Светские ширмы", ее увидела известная провинциальная актриса Власова-Кочевская и после спектакля стала убеждать Марию Константиновну, что ее место — на профессиональной сцене.

Так же считал и пехотный офицер Н. Тобилевич (позднее — Мыкола Садовский), который вместе с ней принимал участие в любительских спектаклях в Бендерах.

Мария Константиновна великолепно знала мировую и отечественную литературу. Она увлекалась творчеством своих современников — Ивана Франко и Михаила Коцюбинского, любила произведения Панаса Мирного. О ее глубоком знании поэзии Тараса Шевченко говорить не приходится. Она принадлежала к той когорте украинской интеллигенции, которая, мысля широко, будучи европейски образованной, никогда не забывала о своих национальных корнях.

Вскоре Хлыстова перевели в Финляндию, и Мария Константиновна получила возможность поступить на вокальное отделение Гельсингфорсской консерватории — тогда филиала Петербургской консерватории. Она училась у известного профессора Гржимали, который пророчил ей блестящее будущее как певице. С успехом Мария Константиновна выступала в концертах, исполняя арии и романсы. "Любовь к сцене стала моей жизнью. Я не могла больше противостоять своей любви и, порвав со всеми своими, поступила на сцену", — позднее вспоминала актриса. Свой псевдоним она взяла от названия села, в котором родилась.

Дебютировала Заньковецкая 27 октября 1882 года на сцене елисаветградского театра в роли Наталки в "Наталке Полтавке". В труппе М.Л. Кропивницкого некоторая часть актеров встретила дебютантку враждебно, с завистью. На первом спектакле, после того как Заньковецкая блестяще исполнила арию "Віють вітри", за кулисами раздался дикий хохот. Дебютантка на мгновение потеряла сознание, уронила коромысло с ведром. Но взяла себя в руки. Первое действие окончилось овацией восторженной публики.

А в финале Заньковецкую долго не отпускали: зрители поняли, что на украинской сцене зажглась яркая звезда, которая для многих станет путеводной.

В 1907 году Симон Петлюра, который немало написал об украинском театре, так определил значение Марии Заньковецкой: "Это актриса с талантом большим, самостоятельным, оригинальным; натура, вся сотканная из самых чувствительных нервов. Подвижность ее лица и всей ее фигуры подчиняются душевным движениям с необыкновенною правдою. Про эту артистку нельзя сказать, что она или особенно хороша в драматических порывах, или в более спокойных проявлениях жизни; она везде — сама правда, поэтическая правда во всей ее прелести. Это одна из тех немногих актрис, которые с первого же слова на сцене говорят вам о своем выдающемся таланте и его свежести, не запятнанной никакими подражаниями кому бы то ни было". "...Я прямо говорю, другой такой актрисы я никогда не видел. Я сравнил бы ее с Сарой Бернар, но эта актриса никогда меня не трогала, тогда как у Заньковецкой очень много чувства и нервности в игре". "Подобной артистки нет у нас, и за всю нашу память не было..."

Здесь, по-видимому, следует обратить внимание на то, что М. Заньковецкая играла, в основном, в мелодрамах. И только благодаря ее великому таланту героини этих мелодрам воспринимались как живые люди — с их страстями, обретениями и потерями. В репертуаре Заньковецкой не было ролей из мировой классики. Она не сыграла Джульетту, леди Макбет, Федру... Но это нисколько не сказалась на масштабности ее актерского дарования. А. Суворин писал: "Г-жа Заньковецкая неподражаема в драмах Карпенка-Карого, в которых соединились для нее и Шекспир, и Гете, и Шиллер, и Островский".

Потрясающий успех на сцене и личная жизнь, исполненная страданий... Увы, эту чашу Заньковецкой пришлось испить до дна. Мыкола Садовский, к которому она ушла от мужа, был ее духовной опорой в творчестве и одновременно личной трагедией. Заньковецкая развелась с Хлыстовым. Церковь наложила на нее, человека глубоко верующего, епитимию. Горячо любимый отец отвернулся от нее. Духовно поддержала ее только мать.

Однако жизнь Заньковецкой с Садовским вряд ли можно назвать счастливой. Красавец-актер увлекался другими женщинами, о чем Мария Константиновна знала. В результате после многих лет совместной жизни они разошлись.

Театр для Заньковецкой был домом, семьей. Зачастую он заменял ей тепло домашнего очага. Иван Марьяненко, выдающийся украинский ак-

тер и режиссер, близко знавший Марию Константиновну, вспоминал: "Когда говорили о личной жизни М.К. Заньковецкой, которая была женой известного в свое время актера и режиссера М.К. Садовского, которого она духовно поднимала и освещала его путь в искусстве своим исключительным талантом, то следует сказать, что жизнь великой артистки сложилась очень и очень несчастливо. Постоянные недоразумения заставляли Марию Константиновну часто прекращать работу и уезжать к себе в Нежин, и тогда театр терял свой творческий тонус. Наконец, в 1913-1914 годах она навсегда оставила театр Садовского...".

Уже в пожилом возрасте Садовский пытался выпросить прощение у Заньковецкой, но она его даже в дом не впустила. Простила, когда Микола Карпович ушел из жизни: попросила положить в его гроб ладанку... А перед уходом из жизни попросила похоронить ее на Байковом кладбище рядом с Садовским.

* * *

Впервые в Одессу Заньковецкая приехала с труппой Марка Кропивницкого в 1883 году, и наш город сразу принял ее. С той поры установилась прочная связь одесситов с великой актрисой, которую одесская критика назвала "украинской Дузе". Публику покоряла правдивость и естественность ее игры, психологическая выверенность создаваемых ею сценических образов. В 80-90-х годах Заньковецкая неоднократно приезжала в наш город. Именно в Одессе на один из спектаклей с ее участием пришел Петр Ильич Чайковский с лавровым венком, на котором было начертано: "Бессмертной — от смертного".

Ее талантом восторгался Чехов, который убеждал Заньковецкую перейти на русскую сцену и обещал написать пьесу, в которой роль будет написана по-украински. Среди поклонников таланта Марии Константиновны был Лев Толстой. Константин Станиславский, увидев Заньковецкую в роли Олены в спектакле "Глитай, або ж Павук" М. Кропивницкого, отмечал: "Все, что сделано ею в этой роли, говорит об огромном таланте. А главное — все свое, от начала до конца. ...Талант исключительный, свой, национальный. Я сказал бы — по-настоящему народный".

Она была непревзойденной Оксаной в пьесе М. Кропивницкого "Доки сонце зійде — роса очі виїсть", Софийкой в "Безталанній" и Харитиной в "Наймичці" И. Тобилевича, Наталей в "Лимерівні" Панаса Мирного, Галей в "Назаре Стодоле" Т. Шевченко, Марусей Богуславкой и цыганкой Азой в одноименных пьесах М. Старицкого. Марию Константиновну

сравнивали с выдающимися русскими актрисами Верой Комиссаржевской и Марией Савиной, отмечая при этом ее яркую творческую индивидуальность. Кстати, ее неоднократно приглашали на русскую сцену. Однако она отвечала отказом: "Наша Украина слишком бедна, чтобы ее можно было покинуть. Я слишком люблю ее, мою Украину, и ее театр, чтобы принять ваше предложение".

Заньковецкая обладала и большим педагогическим талантом. Многие актеры на всю жизнь сохранили чувство благодарности Марии Константиновне за ту огромную помощь, которую она оказала им на первых порах. Вот строки из воспоминаний нашей землячки Натальи Михайловны Богомолец-Лазурской (сестры академика Богомольца, многолетнего президента АН Украины, жены выдающегося ученого-филолога В. Лазурского): "Мне довелось несколько раз играть вместе с Марией Константиновной... Первый раз — в пьесе "Ой, не ходи, Грицю" в труппе М.К. Садовского, которая в 1908 году гастролировала в Одессе. Тогда я еще была молодой девушкой, и меня неодолимо тянуло на сцену. Я стала просить Марию Константиновну позволить мне попробовать свои силы в какой-нибудь небольшой роли... И вот роль Дарины в моих руках, роль второго плана, но драматическая и достаточно значимая. Дарина — сестра героя пьесы Грыцька и подруга героини пьесы Маруси, которую играла Мария Константиновна. ...Находясь рядом, я убедилась, что каждую роль Заньковецкая строго обдумывала и стремилась прочувствовать. Положение героини, изменение ее настроений она сначала анализировала. По ее мнению, ничего загадочного или непонятного в характере действующего лица не должно быть для зрителя: актер должен показать все точно и убедительно, чтобы зритель не сомневался в его чувствах. А вдохновение, настроение питают, оживляют то, что подготовлено разумом".

Огромное влияние Заньковецкой испытал на себе выдающийся режиссер Василий Василько, имя которого носит Одесский академический украинский музыкально-драматический театр. Свою актерскую деятельность он начинал в театре М. Садовского, затем в "Товариществе украинских актеров", где служила Мария Константиновна: "Я утверждаю, что это была актриса огромной вдохновенной силы, глубокой интеллигентности, большой культуры и образованности, — писал Василий Степанович. — Ее высказывания об искусстве и отдельные роли поражали глубиной анализа и неожиданной оригинальностью. Мария Константиновна не была педагогом, никогда не читала лекций, но ее практические советы и показы всегда были очень интересными и глубокими".

В 1912 году в Одессе отмечалось 30-летие творческой деятельности Заньковецкой. Впервые здесь было высказано мнение о необходимости создания ее творческой биографии. Большая статья о выдающейся украинской актрисе появилась в газете "Южная мысль" за 24 февраля. Ее автор Ар. Муров, в частности, писал: "В театре, когда на сцене играла Заньковецкая, мне всегда казалось, что искусство, настоящее вдохновенное искусство, идет не от целого, что создается театральным зрелищем, а только от нее, исключительно от нее".

С ошеломляющим успехом прошли в Одессе в 1915 году гастроли труппы Ивана Марьяненко с участием Заньковецкой. Их пиком стал бенефис великой актрисы, после которого в обществе развернулась дискуссия о путях развития украинского театра. Одесская интеллигенция видела его будущее в художественно полноценном репертуаре и сильной актерской труппе. Высказывались пожелания, чтобы Заньковецкая возглавила одесскую труппу из молодых одаренных актеров. Идея Марии Константиновне понравилась, хотя она никогда не была лидером-организатором.

В 1916 году Мария Константиновна на весь зимний сезон приезжает в наш город. За шесть месяцев одесская украинская труппа творчески выросла, хотя спектакли посещались плохо. Шла первая мировая война, назревали революционные события...

В ноябре 1917 года в Одессе было отмечено 35-летие творческой деятельности великой актрисы. Было открыто "Українське художнє товариство імені М. Заньковецької", которое возглавил профессор университета В. Лазурский. Обществу не удалось широко развернуться из-за политических событий. Свою сценическую карьеру Заньковецкая завершила в 1918 году.

В 1922 году вся Украина отмечала 40-летие творческой деятельности своей первой народной артистки. Павло Тычина посвятил Заньковецкой торжественную кантату, музыку к которой написал Петр Козицкий. Оду актрисе написал Максим Рыльский. Она начиналась словами: "Її зорею називали, ясною зіркою...". Юбилей превратился в праздник украинской театральной культуры. Он отмечался не только в Киеве, но и во всех городах Украины, в том числе — и в Одессе. В 1923 году в нашем городе создается Укрмуздрама имени М. Заньковецкой, она просуществовала до организации в 1925 году Держдрамы.

Скончалась Мария Константиновна в 1934 году.

В нынешнем году исполняется 150 лет со дня рождения М. Заньковецкой. Живо имя — жива память. А это — главное.

Владимир КУДЛАЧ

Воспоминания об учителе

Есть люди, которых не забывают. В силу своих личных качеств, они возвышаются над обыденностью, при этом держат почтительную дистанцию, рискуя показаться мизантропами; они избегают толпы, нежелательных контактов. Как творческие люди, которые идут в ногу со временем, спокойно относятся к славе, внешним почестям, понимая, какую нишу в будущем займут.

К таким дивным людям, по моему мнению, относится и выдающийся монументалист, талантливый педагог, один из основателей художественно-графического факультета педагогического института и его первый декан Валерий Арутюнович Гегамян (1925-2000). В апреле этого года ему бы исполнилось восемьдесят четыре. Это приблизительно тот возраст, когда Микеланджело ваял "Пиету", Тициан писал "Себастьяна", а Сарьян создавал серию последних графических пейзажей любимой Армении.

Есть выражение: "Лицом к лицу лица не увидать — большое видится на расстоянии", — но мы, в прошлом ученики Валерия Гегамяна, уже тогда понимали, что перед нами незаурядная личность, выражаясь отвлеченно, большое духовное явление. Мы могли слушать его советы, общаться, наблюдать, как работает учитель.

Персональная выставка, к сожалению, посмертная (2001 г., ОХМ), поразила многих своими масштабами. Это был и образец творческой лаборатории мастера с десятками подготовительных работ, и теоретически прелюдия к будущей музейной экспозиции. Даже те, кто имел представление о творчестве В.А. Гегамяна, в большинстве случаев не видели его основных работ.

Сегодня трудно представить, как бы сложилась творческая судьба многих из нас, если бы не знакомство с Гегамяном. Его требовательность, трудолюбие и самодисциплина, целеустремленность, а также заостренное чувство добра и зла, и как следствие, бескомпромиссность; его общая культура и беззаветное служение искусству — эти и другие качества ежедневно проявлялись в тех или иных поступках, влияя на окружение. Было понятно, что нескольких лет, отведенных для обучения под его руководством, недостаточно, тем более в стенах пединститута с его многопрофильным образованием. Мы находили понимание и сочувствие у нашего преподавателя, стремившегося дать нам основные принципы работы, метод, сформировать соответственное отношение к искусству. Все было на-

целено на перспективу, на дальнейшее самообразование. "Спеши неспешно", — любил повторять Гегамян. Главным недостатком современных художников Валерий Арутюнович считал неглубокую академическую подготовку, эскизность и неосновательность их работ, хотя и приветствовал новаторские подходы на определенном этапе развития. Наиболее ценные советы я стремился тогда записывать. "Вам бы диссертации писать", — иронизировал учитель.

Как художник-монументалист, призванный воплощать великие идеи, Гегамян не интересовался изменчивым, даже индивидуальным, — в человеке его интересовали типажи. Интересно было наблюдать, как он работал в классе: на первом этапе, устанавливая пропорции и довольно схематично движение, уже угадывалась будущая форма, чувствовалась экспрессия. Эти постановки ставились "с прицелом", для будущих или тех композиций, над которыми он работал в данный момент. Вспоминаю впечатление от выставки: нас не покидало чувство изумления — как эти условные роботы-конструкции могут быть удивительно правдоподобны и выразительны и с такой силой воздействовать на наши чувства! В этом, по-моему, и кроется феномен Валерия Гегамяна, сумевшего на основе, с одной стороны, реалистического сугубо рационального метода изображения и, с другой, — предельной экспрессивности с ее повышенным значением цвета создать ярко индивидуальное монументальное символическое искусство. Оно, безусловно, синтетическое.

Не помню, чтобы Валерий Арутюнович с особенным интересом говорил о пейзаже, но в системе обучения отводил ему определенное место. "Сделайте пейзажики — пойдите, распишитесь", — это к студентке-дипломнице. Как образец высокого трудолюбия он приводил пример Михаила Врубеля, который мог работать по 16-18 часов в сутки. Как-то на вопрос, должен ли художник принуждать себя к работе, он возразил: "Что вы: это же — как поешь!". Однако подобное понимание не исключало изнурительной работы, ведь работал Гегамян в буквальном смысле до капель пота на лице.

Русская школа живописи была для него образцовой, особенно московская (Московское училище живописи, ваяния и зодчества) — К. Коровин, В. Серов, П. Кузнецов, М. Нестеров, А. Архипов, А. Головин, П. Корин. Головина как колориста он боготворил, а среди украинских живописцев особенно ценил А. Мурашко. "Вы посмотрите, как у него лоб вылеплен (портрет художника М. Петрова), — произнес Гегамян, — даже Серов не достигал такого!"

Кажется, именно этой напряженности формы, которая творится как бы изнутри, добивался он в своих работах. Как педагог Гегамян нацеливал нас на изучение тех мастеров, которые имели серьезную школу. Хочу возразить на несправедливый упрек, который предъявляли нашему наставнику в свое время, будто бы он навязывал студентам собственную систему и нивелировал личность. Если непредубежденно посмотреть на произведения его учеников, то легко убедиться в абсурдности подобных обвинений (например, выставка учеников Гегамяна в галерее "Ракурс", 2006).

В людях он терпеть не мог нечестности, зависти, испытывал отвращение к особам агрессивным и своекорыстным. Не жаловал тех художников, которые используют искусство для собственной карьеры и склонны к конъюнктуре. Об одном из них, человеке в свое время влиятельном, Гегамян как-то сказал, что поставил целью не давать таким дороги, поскольку они сеют социальное зло. Во время пребывания в Москве, где Валерий Гегамян по рекомендации Мартироса Сарьяна работал в Худфонде, он подал документы и фотографию своих работ на соискание какого-то звания. Кто-то папку изъял и позже использовал ее для своих целей. Этот неприятный эпизод он помнил всю свою жизнь. Как-то в разговоре Валерий Арутюнович сознался, что не любит людей. Это поразившее меня откровение не было просто эмоцией, а скорее реакцией на окружение, глубоким разочарованием гуманиста. Вспомнилось парадоксальное изречение средневекового мыслителя Августина: "Чем больше я бываю среди людей, тем меньше чувствую себя человеком". Среди коллег Валерий Гегамян выделял, например, Ивана Дмитриевича Логвинова, ценил его доброту и скромность; культуру и такт — у Василия Даниловича Власова и др.

Как-то во время работы с натуры я непроизвольно произнес: "Что может быть прекрасней человека!". На что учитель заметил: "У кошки тоже глубина есть". Этих милых созданий он любил, наблюдал за ними, они забавляли его своим естественным поведением во время перемен во дворе факультета. Гегамян считал, что животные чувствуют, как люди. Он обратил внимание лишь на одну из уникальных планетарных форм жизни, которую мы, к сожалению, в своей самовлюбленности и эгоизме не всегда надлежащим образом замечаем. Должен отметить, что Валерий Арутюнович был вегетарианцем и выражался в пользу того, что в будущем люди научатся обходиться без пищи животного происхождения. Вот такая благородная утопия. Вспомните "Райский сад" М. Сарьяна, где люди и животные живут в совершеннейшей гармонии.

Сарьяну Валерий Арутюнович был многим обязан, ведь знаменитый художник покровительствовал своему ученику. В одно время тот жил у него фактически на правах приемного сына (отец Гегамяна Арутюн Ханагян был репрессирован в период "Большого террора"). Очень ценил Валерий Гегамян дружбу с младшим сыном Сарьяна Саркисом. Не исключено, что именно этот факт мог повлиять на формирование его эстетических взглядов. По свидетельству учителя, Саркис от рождения имел дефект в мимике, и сравнивал его с известным персонажем романа В. Гюго "Человек, который смеется". Акцент Гегамян делал именно на человеческих качествах своего друга.

К студентам Валерий Гегамян относился всегда корректно, не позволял себе фамильярности. Что-то не помню, чтобы он когда-нибудь повышал голос, разве что в минуты раздражения мог на тон выше произнести ваше имя. Выдержанным он был и с коллегами.

Однажды в аудиторию вошел профессор П.А. Злочевский. Возможно, незадолго до этого у них был неприятный разговор. Петр Афанасьевич нравился студентам за веселый нрав и снисходительность. Как главный художник оперного театра он организовывал для студентов бесплатный абонемент на премьеры. Злочевский очень гордился званиями "профессора", "народного" и "заслуженного" и не упускал случая это подчеркнуть. Они были совершенно разными людьми, что чувствовалось и по атмосфере, царившей в их классах. Если у Гегамяна работа протекала в тишине и сосредоточенности в присутствии работавшего наставника, то в своем классе Злочевский бывал набегами, а в его отсутствие сыпались анекдоты, шутки, могла звучать музыка, на что натурщица время от времени реагировала гомерическим смехом. Профессор Злочевский начал хвалить работы Гегамяна: "Как там в портрете председателя колхоза у вас прекрасно руки написаны! Таких рисовальщиков в Одессе больше нет". И это была сущая правда. Гегамян как-то неловко улыбнулся, был сдержанным. Профессор, очевидно, рассчитывал на иную реакцию, он тут же сменил тон и неожиданно бросил: "Однако характер у вас!.." — резко развернулся и вышел. Кто-то бросился закрыть сразу дверь. "Подождите, неудобно как-то", — остановил студента преподаватель. Эта интеллигентность многим импонировала. Сказался аристократизм происхождения Валерия Гегамяна, который по материнской линии происходил из княжеского рода Тер-Меликсицианов.

В редких случаях, если самообладание ему изменяло, Гегамян уединялся в свободной аудитории, пока не овладевал собой. Это могло быть

связано, например, с переживаниями за здоровье сына (ему тогда было лет шестнадцать) или с собственной неизлечимой болезнью дыхательных путей. По этой причине он избегал прямых контактов с окружением. То есть кроме ограничений духовно-психологических, были и физические. Однако несправедливо представлять нашего учителя как "человека в футляре".

Ему импонировала целеустремленная, начитанная и мыслящая молодежь. Помню, Гегамян очень гордился своей следующей группой (выпуск 1982 г.), в которой сегодня уже известные художники: Виктор Волков, Сергей Лыков, Василий Рябченко, Александр Ройтбурд, Анатолий и Оксана Фурлет. "Такие, как вы трое (Виталий Онищенко, Иван Димов и автор этих строк), у меня теперь вся группа", — признался Гегамян. Видно, что работа с этими ребятами ему доставляла удовольствие. Однако с ней связан и один досадный момент: когда Гегамян пригласил их однажды в свою мастерскую, кто-то из студентов откровенно высмеял работы учителя. Это очень сильно оскорбило его, пожалуй, не меньше, чем московский случай с фотографиями. Справедливости ради нужно признать, что и сегодня многие из этой плеяды, к сожалению, не воздают должного своему учителю. Среди более ранних выпускников Гегамяна следует назвать Евгения Рахманина, Олега Недошитко, Николая Резниченко, Наталию Мегалатьеву и др.

Занятие искусством В.А. Гегамян рассматривал не столько как профессию, сколько как духовное призвание. Он в целом негативно относился к выставочной деятельности, считая, что это отвлекает от творчества. К тому же у него была своя высокая планка, но о его творческих притязаниях мы могли лишь догадываться: Гегамян стремился выработать свой собственный монументальный стиль, как выработал свою систему рисунка и живописи. Притязания его были на уровне Ороско, Сикейроса, Риверы.

Они, как и Микеланджело в свое время, служили образцом творческого размаха и новаторства. Думаю, что Валерий Гегамян оставил этот мир с убеждением, что для поставленной цели ему не хватило времени.

Без работы Гегамян считал день прожитым напрасно, и эту требовательность он прививал своим студентам. Большая цель требовала огромного напряжения духовных и физических сил, потому в мастерской художника всегда были гантели и другое спортивное снаряжение.

Несмотря на то, что большую часть своей жизни Валерий Гегамян прожил далеко от родины, он не терял духовной связи со своим народом. Ярким доказательством служит диптих "Кровавая свадьба" (нач. 1990-х —

2000 гг. (тут и далее датирование по каталогу "Пламень печали, любовью зажженный. 2001, О., Друк)), замысел которого, судя по всему, возник еще в середине 70-х гг.

Вообще, национальный колорит, народное искусство привлекало Гегамяна своей эстетикой. Он ценил в нем рукотворность, эксклюзив, предпочитал колоритные постановки в национальных костюмах (как в период пребывания в Дагестане, конец 1950-х — 1962 г., так и в одесский период). Этому способствовали выезды со студентами на пленэр в Карпаты и другие места. Политические события в 1989-91 гг. усилили интерес к истории страны, с которой его связывали последние сорок лет жизни. Известно, что Валерий Арутюнович читал "Історію України-Русі" М. Грушевского. Это был человек, который шел в ногу со временем.

Автор выражает признательность
Александру Гегамяну и Дмитрию Банникову

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Совесть, благородство и достоинство

Размышляя о жизни и творческом пути Александра Николаевича Стилиануди, я искал точную формулировку, которая бы помогла читателям и зрителям уяснить смысл деятельности этого незаурядного человека, как, впрочем, и круга его единомышленников — художников южнорусской школы. Вот тогда и вспомнились мне стихи Булата Окуджавы:

Совесть, Благородство и Достоинство —
Вот оно, святое наше воинство.
Протяни ему свою ладонь,
За него не страшно и в огонь.
Лик его высок и удивителен,
Посвяти ему свой краткий век.
Может, и не станешь победителем,
Но зато умрешь, как человек.

Мне кажется, что эти строчки поэта ясно и легко ложатся на образ Александра Стилиануди, честного и благородного художника и человека.

Каким запомнился современникам Александр Николаевич Стилиануди? Прежде всего — вечным тружеником. В работе находил радость, в работе преодолевал невзгоды, работа помогала перенести выпавшие на его долю испытания. Трудоличество и порядочность, добросовестность — в высокой мере принадлежавшие ему качества, сделали его секретарем правления Товарищества южнорусских художников. Именно ему мы обязаны тщательно систематизированным архивом Товарищества — бесценным документом деятельности прославленных художников. Именно Александр Николаевич Стилиануди был инициатором создания Общества имени Костанди, еще одной славной страницы в истории художественной жизни Одессы. И всю жизнь — преподавал, преподавал, преподавал...

Художник Александр Стилиануди родился в Одессе 15 (27) января 1868 года в семье греческого подданного, бухгалтера Николая Стилиану-

ди. По желанию отца оба его сына — Александр и Константин — окончили греческое коммерческое училище. Но если Константин удовлетворился профессией бухгалтера, то Александр резко изменил предначертанный ему путь и поступил в Рисовальную школу при Одесском обществе изящных искусств.

И вот рука Провидения: именно в том, 1885 году, К.К. Костанди был приглашен знаменитым византинистом и знатоком древнерусского искусства Н.П. Кондаковым в Рисовальную школу преподавателем. Так и пошли рука об руку — первый учитель и первый ученик. Кстати, учеником Александр Стилианути стал превосходным, именно первым. В 1890 году он окончил школу с медалями — за живопись, акварель и рисунок — и был рекомендован в Академию художеств в Санкт-Петербурге, повторив и в этом путь своего учителя.

А потом — творческая жизнь, участие в многочисленных выставках. Причем членом Товарищества южнорусских художников А. Стилианути стал, еще будучи студентом, в 1893 году, за два года до окончания академии (с двумя серебряными медалями).

Можно сказать, что последующие 25 лет, до установления советской власти в Одессе, Александр Стилианути в центре одесской художественной жизни. Пишет картины, участвует в выставках, более того, как секретарь Товарищества южнорусских художников, организовывает эти выставки. Участвует в "четвергах" — еженедельных творческих общениях одесских живописцев, в "праздниках сирени", проводимых художниками Одессы. И бесконечно много преподает — в училище, в гимназиях, дает частные уроки.

Мне довелось разговаривать с одним из учеников А.Н. Ститиануди, с одним из отцов советской космонавтики Валентином Петровичем Глушко. Именно он рассказал мне, а потом я нашел подтверждение этому в книгах, что и Сергей Королев учился рисунку и черчению у Стилианути. А Глушко, кстати, бравший частные уроки, мечтавший тогда еще

о профессии музыканта, учился не черчению, а живописи.

— Стилианути учил видеть цвет, — рассказывал Валентин Петрович Глушко. — Писать этюды на воздухе, а не в мастерской, как это нередко практиковалось. И видеть в картине не сюжет, а другую драматургию — драматургию красок. И если позже я, не став художником, полюбил живопись, начал собирать картины, то этим я обязан Александру Николаевичу. Кстати, у него же в Одессе училась живописи моя первая жена, потом ставшая писательницей, Сусанна Георгиевская...

Десятка два, а то и больше, маленьких этюдов Александра Стилианути я впервые увидел в квартире, на стенах, увешанных картинами, как коврами, у Петра Эммануиловича Патиниоти. Старый грек — сапожник, тачавший обувь всем выдающимся художникам Одессы, бравший у них в качестве гонорара только этюды. Особенно он гордился работами греков-художников Одессы.

— Со Стилианути я мог отвести душу, — рассказывал Петр Эммануилович, — поговорить по-гречески. Я пишу плохо, а он мог и письмо написать на родном языке. Он с преклонением относился к Костанди, последняя его любовь, его гражданская жена — дочь Кирияка Константиновича, но то, что Костанди не знал греческий язык, его печалило. А вообще, Стилианути был преисполнен собственного достоинства. Его не огорчало, что критики до революции не понимали цветовую гамму его картин. Для него лучшие из них были музыкой. Его не сломило, что на советских выставках его этюды оказались ненужными. Он преподавал. Самый тяжелый удар он пережил, когда в 1937 году арестовали сына. Многие тогда надеялись, что разберутся, отпустят. Александр Николаевич как никто "понимал" советскую власть — "Если взяли — убьют". Я это вспомнил, когда из Одессы перед войной высылали греков, особенно молодых. Ни меня, ни Стилианути не сослали, а сына моего увезли... Но даже и в те годы работа спасала художника — он оставался открытым, доброжелательным человеком, помогающим всем, кто нуждался в поддержке.

И после войны было нелегко, — продолжал свой рассказ П.Э. Патинио-

ти. — За участие в выставках 1942-43 годов арестовали Цымпакова, а стариков Е. Буковецкого, М. Жука, А. Стилианути не тронули, хоть выставки были аполитичны — пейзажи, натюрморты, портреты... Но Александр Николаевич и тут не согнулся, без устали преподавал, зная, что на выставки его приглашать не будут...

Пожалуй, последнее для меня устное свидетельство — рассказ инженера, коллекционера, знатока истории Одессы и ее культуры Сергея Зеноновича Лущика о встрече с А.Н. Стилианути.

— В 1948 году, я тогда был студентом Водного института, на кафедре рисунка и черчения встретил художника Стилианути, из южнорусских. Одет он был чрезвычайно бедно, даже по тем трудным временам это было заметно. Но не обращал на это внимания. В последний год своей жизни, а было ему 80 лет, продолжал работать.

Сохранились портреты А.Н. Стилианути. Молодым, красивым, открытым миру и людям, нарисовал его К.К. Костанди. Ученик Стилианути художник Мануэль Шац оставил живописный портрет своего учителя, написанный в конце тридцатых годов. Этот портрет после смерти отца поэт Эвелина Шац подарила Одесскому художественному музею.

4 декабря 1948 года у себя в квартире в Каретном переулке, в доме № 15, умер Александр Николаевич Стилианути.

Школа, в которой я учился, находилась в Каретном переулке. Конечно, я никогда не видел этого человека, не общался с ним. Но мне видится тень одного из последних Дон Кихотов великой культуры, не сломленного ни революцией и гражданской войной, ни гибелью сына в застенках НКВД, ни доктриной "социалистического реализма".

Действительно, прав Булат Окуджава, "может, и не станешь победителем, но зато умрешь, как человек", сохранив Совесть, Благородство и Достоинство.

Ни одной персональной выставки не было у А.Н. Стилианути при жизни. Как не было ее у В.М. Синицкого, Н.Х. Алексомати, С.М. Василопуло и ряда других южнорусских художников. Тем большая благодарность Греческому фонду культуры, что спустя шестьдесят лет после смерти мастера собраны его картины и этюды как дань признательности, хоть посмертной, этому благородному и достойному человеку.

Илья БЕККЕРМАН

Рисунок Льва Межберга

Странные вещи случаются с нами в эмиграции. Вдруг мы ссоримся со старыми друзьями. А ссоримся мы часто, и часто потом и не вспомнить, почему. Иногда люди, которых мы знали давно, но шапочно, становятся дорогими и близкими.

Льва Межберга, Люсика, я знал в Одессе давно. Встречались на выставках, у общих знакомых. Один раз я был в его мастерской вместе с Иваном Михайловичем Федорковым. Помню, меня поразил натюрморт, написанный исключительно белым, разными вариациями и оттенками белого цвета.

В Нью-Йорке мы подружились. Встречи всегда радовали и оставляли ощущение их значительности. Когда я ушел на пенсию, жена устроила парти. Было много друзей. Люсик принес картину (королевский подарок). Он выглядел нездоровым и очень постаревшим. Потом он уехал в Италию.

Вдруг он появился в моей антикварной лавке помолодевший, полный

энергии. С ним была молодая красивая девушка, смотревшая на него с обожанием. Я был рад видеть его, видеть его таким.

Когда-то у меня была картина "Бродская синагога в Одессе", и я рассказал Люсику, как я жалею, что у меня ее больше нет. "Дай мне лист бумаги", — сказал он. Через 20 минут Бродская синагога и говорящие со своим Богом одесские евреи проявились в моей лавке в Нью-Йорке, — один из самых дорогих мне рисунков. В этот день меня переполняло ощущение радости, и я обзвонил всех друзей и знакомых.

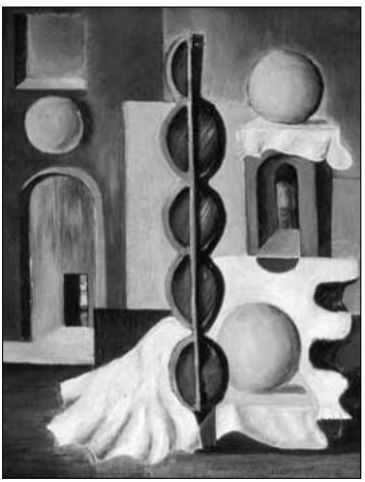
Люсика больше нет. Рисунок, подаренный мне в тот день, висит над моим столом — память о Люсике Межберге, память об Одессе.

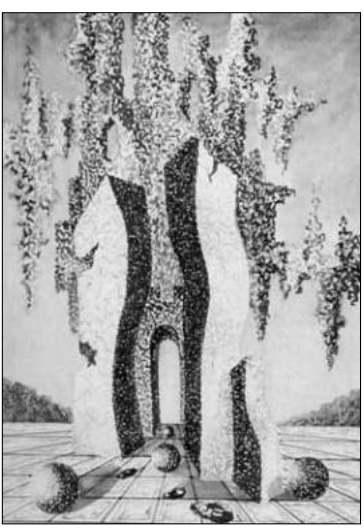
Нью-Йорк

Елена ШЕЛЕСТОВА

Сергей Ильин — художник next

В музее открылась юбилейная выставка Сергея Ильина (к 60-летию со дня рождения), открылась весьма торжественно, при большом стечении народа и даже представителей власти. Этот художник, только недавно принятый в Союз художников (после нескольких попыток), заслуживает того, чтобы его назвали (как это было озвучено на открытии) знаковым.

Но что означают знаки и символы его фантасмагорий и мистерий, пока никто не знает. Выставка тоже молчит, недаром она названа "*Terra Silentium*" (*Земля молчания*), как бы во исполнение лучших из определений живописи: "Живопись — это страстное молчание" (А. Матисс) и "Живопись — это кристаллизация в плоскости" (Д. Бурлюк).

Впрочем, прислушаемся, пытаясь найти мастер-ключ к искусству Сергея Ильина, к тому определению его тайн, которое исходит от него самого: *метареализм* — это его собственный термин. Он сам расшифровывает его так: "Каждый предмет или явление, взятые в отдельности, проявлены реально, но объединенные вместе, являют собой какую-то новую реальность, погружают нас в какое-то иное измерение".

Я назвала загадочного Ильина художником *next*, потому что это слово часто слышу от современной молодежи, так же, как и слово "реальный", которое фигурирует и в самодефиниции Ильина.

Не забудем, что современные молодые люди расы индиго так же часто

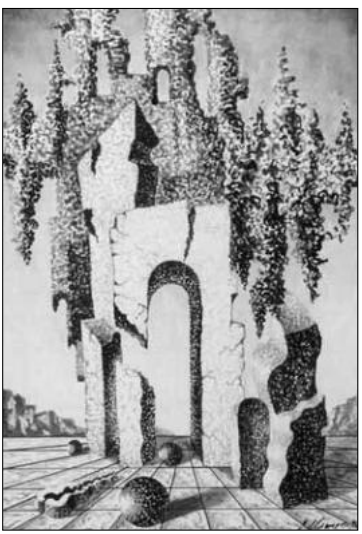
употребляют и слово "нереальный", причем не в значении отрицания реальности, а как некоей превосходной степени "реального". Это приводит меня как "философствующего" искусствоведа в восторг. Выходит, что нереальное — в рамках метареализма Ильина — это предметы и явления, объединенные вместе, то есть художественное целое по отношению к деталям, составляющим конструкты ильинских композиций.

Но поскольку наши философы до сих пор держатся за идею противоречивости в отношениях "целое — часть", восходящую еще к древним грекам, то нам остается обратиться только к дерзновенному мыслителю, немецкому гению Гете, который не знал никаких мук дуализма, и вообще чуждался всякой противоречивости. Он проповедовал идею единства вселенского целого и земных частей, даже определяя искусство как таковое в его отношениях с природой. Вот уж он-то точно понял бы (и принял бы) метареализм Сергея Ильина, так как смотрел на искусство иначе, чем это было всегда принято. Гете считал, что цель искусства не подражать природе, не копировать ее (что мы и видим у Ильина). Для Гете искусство было особой формой жизнедеятельности человека в природе. В природе Гете видел силу, которая поглощает другие силы, добро и зло в ней существуют на равных правах. А искусство, по Гете, — прямая противоположность природе: "оно возникает из усилий индивидуума, сопротивляющегося разрушительной силе целого. Человеку, художнику (читай — Ильину) удается замкнуть круговорот своих истинных и искусственных потрясений в некоем замке, и насколько лишь возможно, удержать за его стенами все рассеянные части красоты и счастья".

Замки Сергея Ильина возводятся из камня, изъеденного водой (библейская оппозиция тверди и хляби, о которой еще древние римляне говорили, что слабая вода дробит твердый камень). В этом смысле Сергей Ильин может быть назван романтиком (по определению искусствоведа Татьяны Балановской). Так называли в XVIII веке художников-руинистов, типа Джованни Паннини. Но романтики этого типа воспевали (оплакивали?) руины цивилизации, а Сергей Ильин как будто борется с процессом хаотического разрушения в самой природе, как бы осуществляя некую космогоническую миссию. Мазок за мазком он как бы осуществляет (вручную!) вторичную кристаллизацию Земли, как будто пережившей "ядерную зиму" или иные эсхатологические катаклизмы. Он восстанавливает Красоту. В одиночку. И зрителя приглашает к одиночеству. Не забудем, что одиночество на Востоке, кстати, почитаемом и любимом этим художником, считается идеальным творческим состоянием. И называется в буддизме вечным одиночеством. Да, этот художник на все смотрит сквозь магический кристалл своей графической техники и живописной технологии, как будто с точки зрения вечности, "*sub speciae aeternitatis*". Грандиозность масштабов его художественного мышления, соединяющего земное с подземным и надземным, позволяет предсказывать, что он будет когда-то очень знаменит. *Next*. В будущем. Когда будет создана из искусства и науки одна дисциплина, "общая кристаллография", по Джону Берналу. Вот тогда-то он, сегодня эзотерик, будет как на ладони. Сергей Ильин — пророк будущей духовной эры, когда все люди будут не работать, а творить, как сам Господь Бог. Об этом мечтал Казимир Малевич и другие художники, такие же, как Сергей Ильин, "впередсмотрящие".

Вера ЗУБАРЕВА

Старинный друг

Редакция Альманаха присоединяется к Вере Зубаревой и поздравляет Анатолия Глущака с возрастом зрелости – 70-летием.

День стоял солнечный и легкий. Легкость сквозила в воздухе, в ненавязчивом августовском солнце, и это сказывалось на ощущении окружающего мира: казалось, люди запросто открывались, как добрые книги. В тот день я перешагнула порог одесского Союза писателей, где у меня была назначена встреча с Анатолием Степановичем Глущаком.

Я слышала о нем от многих друзей и знакомых, но самой главной для меня была рекомендация моего отца Кима Беленковича, того самого "лоцмана на трубе", который не только ввел в порт затонувший "Моздок", но и стал моим проводником в этом непростом жизненном плавании.

Итак, с легкой руки моего отца, я переступила порог кабинета, в котором меня ожидал Анатолий Степанович. На столе лежала моя рукопись, которую он предварительно получил для ознакомления с тем, что я делала. "Старинный друг" — так называлась поэма, о которой пошел разговор, затронув многие вопросы и проблемы как профессионального, так и чисто человеческого толка. Не знаю, почему мой выбор пал именно на эти стихи, но они стали символическими для всех наших дальнейших отношений.

Много можно говорить и писать о литературном мастерстве Анатолия Степановича Глущака, о его поэзии, журналистике, переводах, равно как и его издательской деятельности. Он профессионален во всем, чем занимается. Глубина и многоплановость его поэтических образов, его пронзительное лирическое ощущение мира находят моментальный отклик в сердце и душе того, кто настроен на волну "чистой красоты". Для меня он всегда был и есть мастер слова, мастер образа и мастер эмоционального воздействия посредством образа и слова. Но главное — это то, что его стихи всегда слиты с ним самим. В них наряду с лиризмом угадывается бескомпромиссность и открытость их автора, его неподдельность, его прямота. Облегчали ли эти качества ему жизнь? Вряд ли. Но из них и возникал весь его поэтический мир — волнующий, неоднозначный, то нежный, то резкий... Его стихи ассоциируются у меня с садом, деревьями, в тени которых можно предаться размышлениям в солнечный день, но которые могут нещадно отхлестать ветками в бурю.

Сколько помню его, он никогда не юлил, ни с кем не был ни подобострастным, ни наоборот — чопорным и надменным. Местечковая элитарность и снобизм не присущи ему по природе. Он принял меня, тогда еще не публиковавшуюся девочку-поэтессу, как равную, как коллегу, хотя и младшую, и не было в его комментариях ни снисхождения мэтра (каковым он тогда уже был), ни прочих удручающих любого молодого автора вещей. Я вошла к нему в кабинет как равная, и то, что он сказал мне в ту первую встречу, впоследствии сбылось.

Пожалуй, если бы мне нужно было выделить одно, наиболее характерное качество Анатолия Степановича, я бы сказала: "Он умеет быть самим собой". И то же относится к его литературным работам. Всем. Благодаря этой особенности он и отличает безошибочно настоящее от подделки.

Мой старинный друг, Анатолий Степанович!

Все опять, как прежде, — на столе поэма,
По странице солнечный зайчик скачет...
Не пространство тот день сохранило, но время.
Значит, время сильней, значит, время могучей.
Если с прошлым в согласии мы — не в разладе,
Если стало оно настоящим и будущим,
Значит, мы не о том грустим на закате.
Что для солнца закат? Только путь к восхождению.
Да и то, с точки зренья лишь этой планеты.
Ну, а тело с душой — как пространство со временем.
Если ночь при свече — значит, будут рассветы.

Виталий АМУРСКИЙ

"Я — против определения "фотохудожник"

Мастер фотографии, русский парижанин Владимир Сычёв о себе и своем творчестве в беседе с членом редколлегии альманаха В. Амурским (Париж)

Владимир Сычев. Фото Хельмута Ньютона. Париж, 1981 год

О советском прошлом того периода, который называют "застойным", нынче кое-кто вздыхает чуть ли не как об Эдеме. Разумеется, все относительно. Дело не только в неких "объективных" критериях (полагаю, таких вообще не существует) — у каждого свой опыт прожитого. Соответственно, своя оценка. Я, оглядываясь назад, не только через то, что прошел сам, но через то, что сохранилось — в отдельных книгах, фильмах, музыке, искусстве, невольно ощущаю глубокую горечь — сколько по-настоящему интересного, яркого могло бы быть сделано, и как мало оказалось этого в действительности! Сколько не договорили, не смогли сказать такие писатели и поэты, как Трифонов и Шукшин, Арсений Тарковский и Рубцов (называю умышленно тех, кого не зажимали в публикациях), не запечатлели на пленке, в нотах, в холстах и графике (цензурированные, но не запрещенные) Андрей Тарковский и Параджанов, Шнитке и Валерий Гаврилин, художники-"белютинцы"...

Это — часть фона. В той жизни немало других имен, по которым можно было ориентироваться в культурном и нравственном отношении. Разумеется, был Солженицын, был Шаламов... Был Бродский... О них знали благодаря западным радиоголосам и хамским публикациям в советской печати, читали в самиздате... Были такие "знаковые фигуры" тогдашнего андерграунда, как прозаик Веничка Ерофеев и поэт Генрих Сапгир, художники Рабин и Зверев, диссиденты — математик Юрий Орлов и генерал Григоренко, национальные правдоискатели — священник Александр Мень и академик Сахаров... Перечислить всех невозможно. Некоторые имена я упомянул тут вот почему. Сохранившиеся на снимках Владимира Сычева, включенные в изданный в Париже три десятилетия назад известный его альбом "*Les russes vue par Vladimir Sichov*" ("*Русские глазами Владимира Сычева*"), они могут напомнить многим людям старшего поколения не только о себе в пространстве прошлых реа-

лий, но и о земляках, положивших души свои на алтарь российской словесности, культуры, демократии.

Уроженец Казани, ровесник Победы 1945 года, фотомастер, которым могла бы гордиться его родина, Владимир Сычев смог по-настоящему проявить свой талант только в эмиграции. Как профессионал, сотрудник престижного агентства "Сипа", парижанин, он бывает иногда в России и других уголках бывшей советской империи, но больше все-таки снимает во Франции, на Западе.

Он много видел и много знает. О своем же творчестве говорит обычно сжато, очевидно (и справедливо) полагая, что основное в самих его работах. Прошлой осенью в рамках Третьего Московского биеннале современного искусства в Москве в Государственной Третьяковской галерее и галерее Фонда "Общества поощрения художников" Владимир выставлял два цикла своих работ: "Повседневная жизнь 1970-х" и "Летопись приглашение неофициального искусства". Персональная выставка, на которой оказались представлены и работы советского периода, и работы во Франции, состоялась и в Париже, в *Galerie Russkiy Mir*. Беседа, предлагаемая тут, была сделана для выходящего в Германии русскоязычного ежемесячника "Литературный европеец", однако для одесской публикации Владимир Сычев любезно предоставил несколько снимков, которых там не было.

Перед открытием авангардной выствки Михаила Шемякина. Слева направо: поэт Слава Лён, жена А. Зиновьева Ольга, писатель Венедикт Ерофеев, писатель, философ Александр Зиновьев с ребенком, писатель Георгий Владимов с женой
Москва. 1978 год

* * *

— Оглядываясь в ту советскую жизнь, в семидесятые, какие чувства вы испытываете?

— Никаких. Во всяком случае, никакой ностальгии. Если речь идет о падении коммунизма, то я счастлив. Если говорить о друзьях, которые там остались (а мы ведь уезжали в один конец, без представления, что когда-нибудь можно будет туда вернуться), то, конечно, о них храню теплые чувства...

— В какой момент и как фотоаппарат стал вашим инструментом? Имея в виду под словом "инструмент" то же самое, что скрипка для скрипача или кисть для художника…

— Если говорить об инструментах, то, окончив музыкальную школу, я играл на кларнете и саксофоне — играл с друзьями американский джаз, биг-банд, лучшие вещи 60-х годов. Фотоаппарат у меня появился в 1965 году. Предыстория его покупки была такая. В феврале того года в составе студенческого театра Казанского авиационного института (СТЭМ-КАИ, а они все тогда имели такую аббревиатуру, которая расшифровывалась как Студенческие театры эстрадных миниатюр) я был в Москве на Всесоюзном конкурсе

Сухуми. 1978 год

Париж, 1980 год
Визит папы римского Иоанна-Павла Второго

СТЭМов. Все, кстати, было очень серьезно, на высоком уровне, с председателем жюри Аркадием Райкиным. И вот после нескольких дней просмотров главный приз достался нам, а на следующий день из редакции "Московского комсомольца" пришел фотокорреспондент, принес выпуск с публикацией о лауреатах и фотографией. К сожалению, фамилию его запамятовал, но имя помню точно — Игорь. Группа наша была довольно большая, но именно мне подарил он пачку своих снимков. Вскоре из моей тумбочки они исчезли, ребята, в первую очередь, разобрали те, где были запечатлены известные футболисты, скажем, Пеле... Говорю я об этом, разумеется, не сожалея о не сохранившемся у меня, а лишь с целью отметить данный эпизод. На каком-то, если угодно, "мистическом" уровне он словно подтолкнул меня к фотографии. Вернувшись в Казань в марте, я приобрел "Зенит", а позднее записался в фотоклуб Ленинского района.

Большинство его членов были инженеры, один уже на пенсии... Основные темы любительских интересов составляли пейзажи, портреты, обнаженная натура. За исключением одного из коллег, практически все относились к тому, что снимаю я, довольно отрицательно. Меня же влекли с самого начала улица, дворы — живая реальность, которую я знал, чувствовал... Так или иначе, но к концу 1969-го года, зная, что после института два года обязан буду проработать радиоинженером, я был уверен, что затем стану фотографом. Это было решено абсолютно, ни о чем другом я просто не мечтал.

— Были ли у вас в высоком смысле учителя в фотоискусстве? Если да, то можно ли к ним причислить, скажем, таких французских мэтров, как Анри Картье-Брессон или Робер Дуано?

— Живя в закрытой стране, мы знали о существовании этих мастеров и восхищались их работами. Однако, в основном, случайно, отрывочно. Если помните, в те времена альбомы художников были дорогой редкостью, а уж фотоальбомы тем более. Очень важную роль в моей творческой судьбе сыграл Виктор Резников — один из гигантов советской фотографии. Познакомились мы так. По случаю 50-летия советской власти в Казани проходила фотовыставка "Волга-67". Из Москвы на нее приехали Резников и Леонид Бергольцев, тоже мастер высочайшего класса. Оба были в жюри, называли победителей, а потом показали собравшимся снимки известных западных мастеров. Именно там я подошел к Резникову и познакомил с тем, что делал. Он удивился, узнав, что ничего из показанного не видел на выставке (отборочная комиссия тогда ничего моего не пропустила), но — самое главное — похвалил именно те из них, которые я сам считал наиболее удачными. Это как-то окрылило меня. Наше знакомство продолжилось. Бывая в Москве, я делился с ним сделанным... Слушал его советы и замечания. Так что, если "подтолкнул" меня к фотографии Игорь из московской газеты, то первым моим настоящим учителем на этой стезе оказался Виктор Резников.

Теперь об упомянутых французах. Понимаете ли, фотография держится на трех китах: это момент, свет, композиция. Момент, замечу, это только свойство фотографии. Так вот, Картье-Брессон ловил момент, а Дуано

ставил. На фотографиях у него нанятые и оплаченные актеры. Манера Картье-Брессона, с которым я познакомился в Париже лично, действительно мне кажется божественной.

Художник Анатолий Зверев

— Ваша профессиональная карьера фотографа во Франции оказалась исключительно быстрой… Как это произошло?

— Эмигрировав из СССР, оказавшись в Вене, я отправился оттуда во Францию в середине февраля 1980 года. Кто-то посоветовал мне обратиться в фотоагентство "Сипа". Правда, приехав в Париж, я первые дней десять об этом даже не думал, забыв обо всем, открывая для себя новый город, новый мир. В агентстве, куда я пришел с сотней своих фотографий большого формата, меня принял его руководитель и владелец турок по происхождению Гокшин Сипа-Оглы (именно отсюда название "Сипа"). Увидев то, что я принес, он тут же позвонил в редакцию журнала "Пари Матч", который тогда возглавляли Роже Терон и Мишель Соля, а минут через десять после этого мы уже были там. Реакция в "Пари Матч" была моментальная: "Печатаем!". Было решено поместить снимки в двух номерах, выделив в каждом по 22 страницы. Одну страницу при этом уделили мне... Вот так в конце февраля — начале марта 1980 года я получил возможность показать многие свои снимки во французском еженедельнике, а уже после этого они появились в Германии и США, в таких же престижных "Штерн" и "Лайф".

В Париже я познакомился лично с разными известными фотографами. К упомянутому Картье-Брессону можно добавить Хельмута Ньютона, Ги Бурдена, Хорста... Из них очень дружеские отношения у меня завяза-

Художник Илья Кабаков

лись с Ньютоном, который сам разыскал меня. В один из июньских дней того же 1980-го года мне позвонил директор журнала мод "Вог", сказал, что за меня очень хлопочет Ньютон, и они готовы дать мне возможность попробовать свои силы у себя... Фотографирование моделей высокой моды — от Нины Риччи до Ива Сен-Лорана — явилось для меня делом совершенно новым, однако, еще не успев довести до конца намеченные съемки, я получил сюрприз — приглашение подписать контракт на работу для "Вог"! Подобное вообще было впервые в истории журнала.

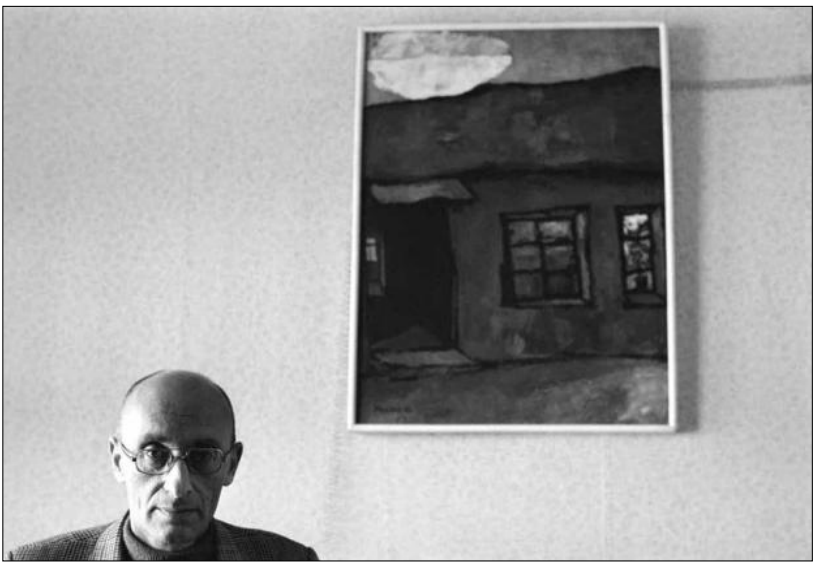
— Ну, а ваши снимки, которые были пробой там?

— Они заняли 40 страниц в сентябрьском номере 1980-го года.

— В "Вог" вы проработали пару лет, а затем ушли в "Сипа". Почему?

— Работа в "Вог" имела много своих плюсов, хотя в его редакции, как повсюду, существовали свои течения и проблемы. Главной причиной того, что я ушел оттуда в "Сипа", явился интерес творческий. Для журнала я снимал в студии, в цвете. Меня же тянула улица, и не цветная, а черно-белая фотография. Конечно, для агентства мне приходится снимать в цвете, но в целом условия работы предоставляют больше разнообразия.

— Чем можно объяснить у вас, фотохудожника, столь сильную привязанность к черно-белой фотографии?

Оскар Рабин у себя дома после разгрома "бульдозерной выставки". Москва. 1974 г.

— Во-первых, я против определения "фотохудожник". Есть художники, есть фотографы. Фотография, по моему мнению, не искусство. Объясню почему. Когда художник берет чистый холст, может быть, он сделает то, что назовут искусством, а может быть, нет. Фотография — это всегда воспроизведение реальности, и в этом смысле она — репродукция. Она может быть красивой или странной — это сути не меняет, так как это всего лишь воспроизведение существующего, которое проявляется на фотобумаге. Во-вторых, черно-белая фотография — это уже не репродукция в чистом виде, так как реальность существует в цвете, но, образно выражаясь, — оторвавшись от реальности, она искусством все равно не стала, застряла где-то в промежутке... Поэтому хорошая черно-белая фотография может висеть на стене, а хорошая цветная годится лишь на коробку конфет.

— Помогали ли воспитанию вашего глаза живопись, графика?

— Все, что я достиг, — благодаря художникам. Среди них одним из первых, научившим меня композиции, был Алексей Аникеенок. Мы познакомились в Казани в 1965 году, дружили четыре десятилетия... Увы, Алексей умер... Очень много дало мне общение с Анатолием Крынским, который теперь в Нью-Йорке (когда он жил в Москве, я обычно останав-

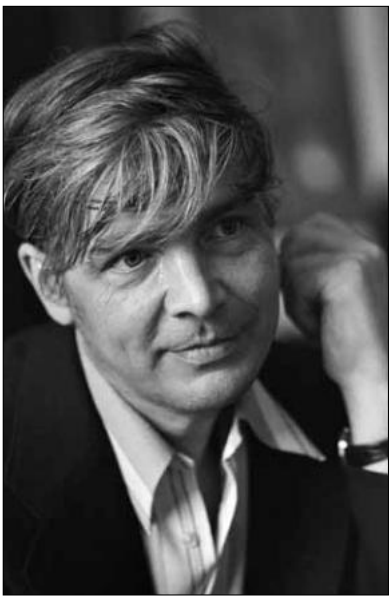
ливался у него), и с Валентином Воробьевым, живущим в Париже... Кстати, знакомствами с последними двумя в Москве я обязан Резникову.

— А профессиональные журналы той эпохи — они что-то давали?

— С ними было скудно. "Советское фото"... Больше всего информации о том, что делается в мировой фотографии, можно было найти в чешском фотожурнале, который у нас продавался... Но преувеличивать его значение я все-таки не стал бы.

— В середине 70-х годов на Западе появился бестселлер американского журналиста, несколько лет проработавшего в Москве, Хедрика Смита "Русские". Вообще, "русская тема" в тот период — период активизации гонений КГБ на инакомыслящих, — как мне помнится, была в моде. Слава Богу, благодаря вниманию в мире советские карательные структуры и партаппаратчики старались вести себя более-менее сдержанно. Сажая людей в тюрьмы, отправляя в ссылки, помещая в психушки или высылая (выталкивая в разных формах) из страны, они пеклись о своем имидже, об имидже СССР как государства "правового" — столь грубых, циничных по наглости исполнения убийств, как в нынешние "постперестроечные" времена (Политковской, Станислава Маркелова, Анастасии Бобуровой и многих других порядочных людей, озабоченных тем, что происходит в обществе), не было. Интерес же на Западе к советским реалиям во многом объяснялся не только попытками лучше разглядеть систему, которая угрожает миру, ценностям цивилизации, но и тем, как в ее собственных недрах не перестает, пусть слабо, но все-таки пульсировать интеллектуальная и творческая жизнь, мысль… И ваши фотографии, в которых отразилась не только внешняя, но и такая реальность, собственно говоря, тогда очень оказались кстати… Так что неудивительно, что следом за снимками в журнале "Пари Матч" решил издать ваш альбом. Насколько полно и точно в нем отразились не только ваше творчество, но представление о жизни в СССР?

— В "*Les russes vue par Vladimir Sichov*" все фотографии оказались разбиты на разделы: "Советские люди", "Армия", "Женщины", "Республики", "Молодежь", "Диссиденты", "Репрессии", "Город", "Деревня", "Религия". Я как фотограф никогда свою работу таким образом не раскладывал. Это была сугубо издательская инициатива. Из нескольких тысяч негативов для книги было выбрано 136. Из них я сам считаю по-настоящему достойными только 25. Теперь о тексте. Поскольку я сам французским языком в то время владел недостаточно хорошо, мне дали возможность рассказать о своей жизни, о своем опыте, прокомментировать снимки в беседах с журналистом

Венедикт Ерофеев в период славы после публикации "Москва-Петушки"

русского происхождения Евгением Селяновым. Он был специалистом по Советскому Союзу и социалистическим странам. Однако вопросы, которые он мне задавал, напоминали какие-то готовые клише — взгляд со стороны Запада на Восток. К моим ответам он относился подчас с явным недоверием. Скажем, его удивляло, когда я говорил, что не фотографировал Сибирь, потому что не ездил туда, — не более, он был уверен, что ехать в Сибирь без разрешения запрещено; возможность профессиональной работы в СССР он примитивно увязывал с обязательным членством в партии... Он не мог и не хотел понять, что диссиденты не представляют собой единства, что среди них есть люди разных взглядов (скажем, мне ближе, чем Сахаров, был Солженицын), что своим сближением инакомыслящие были обязаны только тем, что их сдвинула общим прессом государственная машина. Иначе как понять, почему к диссидентам вдруг оказался причислен такой художник, как Илья Глазунов? А ведь в 70-е это было так... Говоря иначе, если на Западе не хотели видеть никакой разницы среди диссидентов, то такую же убежденность имел и Селянов. Четыре месяца по два раза в неделю во время встреч с ним я отвечал на все вопросы. Все записывалось на магнитофон. А когда публикация состоялась, то ни одного моего слова там не осталось!

Мне очень хотелось, чтобы предисловие к книге написал Солженицын, который в то время уже был выслан из своей страны и жил в Цюрихе. В "Пари Матч" мне сообщили, что их представители в Швейцарии связались с Александром Исаевичем, но, дескать, он от предложения отказался. Позднее, когда он был уже в США, выяснилось, что обо всем этом он узнает впервые, — никто и никогда из "Пари Матч" по поводу "*Les russes vue par Vladimir Sichov*" к нему не обращался. Об этом он сам написал мне. Тем не менее, как бы там ни было, выпущенный альбом мне по-своему дорог, это важная для меня книга.

— Одно из удивительных качеств этой книги (я не о текстах, а именно о фотографиях) — естественность портретов, ситуаций. Как удавалось и удается вам освобождать фотографируемых от скованности перед объективом?

— Только быстротой съемки. Когда я фотографировал в Советском Союзе, еще не существовало автофокусов. Я наводил рукой и мгновенно снимал. Здесь была нужна тренировка.

Леонид Губанов

— Снимки, реализованные на пленэре, у вас нередко построены на диссонансе: лозунг о коммунизме как "светлом будущем всего человечества" иллюстрируется проходящими рядом инвалидами; серия стандартных роботизированных портретов руководителей партии на стене в среднеазиатской чайхане перекликается (в пользу последних) со стариками, в лукавых взглядах которых, в морщинах — просвечивающее осознание тщетности земного бытия… Такие внутренние драматургические ходы вы искали, или они приходили случайно?

— Я никогда не ждал момент, как делают иногда великие фотографы, выбирая предварительно "раму" для снимка и ожидая, когда туда войдет персонаж. Я снимал и снимаю то, что у меня перед глазами. Позже, видимо, появляется драматургия и драматизм композиции.

— Среди портретов, включенных в "*Les russes vue par Vladimir Sichov*", мне особо нравятся — Губанова и Венедикта Ерофеева… В облике Ерофеева какая-то удивительная просветленность, как у юродивого…

— Это Ерофеев в период публикации "Москва-Петушки", которая принесла ему большую славу. Леню Губанова, имея в виду портрет, где он держится двумя руками за голову, я сфотографировал у себя дома, в Москве, на Рождественском бульваре. Он пришел, читал стихи. Из негативов трех пленок, которые я тогда отснял, этот, может быть, наиболее

глубоко передает его характер, хотя, честно говоря, я не был очень близко знаком с ним, знал только, что поэт он замечательный, человек интересный.

— Период, о котором мы говорим, — конец семидесятых, время, когда вы жили в Москве. Ваша квартира в доме 5-7 на Рождественском бульваре, кажется, вообще была местом, где бывали не только интересные люди, но и иногда проходили выставки картин неофициальных художников?

— Таких квартир в Москве было, может быть, пять... Может быть, чуть больше. Так что, совершенно верно, моя была одной из них.

— Вернусь к фотографии. Реакции людей, которых фотографируют на улице, могут быть неожиданными. Приходилось ли вам попадать в опасные для себя положения из-за желания сделать острые кадры?

— Опасность для жизни была только 3 октября 1993 года, когда меня ранили в Останкино, в это же время были убиты пять иностранных фотографов.

— 27 мая 1994 года как корреспондент "Сипа" вы снимали возвращение Солженицына на родину, в тот момент, когда он, покидая землю США, улетал с Аляски… Что-то вам запомнилось особо?

— Особо запомнился эпизод, когда Александр Исаевич проходил контроль безопасности. Неожиданно раздался звуковой сигнал, и представитель авиакомпании Аляски, который потом летел вместе с нами во Владивосток, начал судорожно ощупывать одежду писателя, пока не нашел ручку с золотым пером. Ситуация показалась мне гротескной — известный всеми миру писатель возвращался на родину, а его проверяли — не имеет ли он с собой чего-то опасного!.. Конечно, правила есть правила, но все же на таком уровне это было нелепо, недостойно.

— Что цените вы особо в своей профессии?

— Быстроту реакции. Уже во время съемки в 80 случаях из 100 чувствуешь, хороший снимок сделал или плохой.

— В юности вы играли на кларнете и саксофоне. А сейчас?

— Сейчас нет. Давно уже не играю. Кларнет свой продал в 1969 году, купив на вырученные деньги два японских объектива к своему тогдашнему "Зениту". Но музыку люблю, конечно, по-прежнему.

"Литературный европеец". 2009, № 139
Париж

Ольга БАРКОВСКАЯ

Житие Георгия Бострема

Георгий Эдуардович Бострем — поистине удивительная и до сих пор до конца не оцененная личность: художник-абстракционист, иконописец, реставратор, философ, в молодости — одна из ключевых фигур Общества независимых художников в Одессе. В круг его близких знакомых и друзей входили философы Павел Флоренский и Василий Розанов, писатели Владимир Короленко и Михаил Пришвин, офтальмолог Владимир Филатов, художники Василий Кандинский, Михаил Нестеров, Владимир Фаворский, Николай Ромадин, певец Иван Козловский, композитор Алемдар Караманов. В 1997 году на правах отдела Центрального музея Тавриды в Симферополе открылся музей современного христианского искусства им. Г.Э. Бострема — во многом благодаря подвижническим усилиям ученика мастера, художника Георгия Константиновича Когонашвили. В прошлом году к 125-летию мастера Крымский фонд "Искусство во имя Христа" выпустил серию открыток, а Министерство связи Украины — юбилейный конверт с его портретом. В Крыму появилось несколько публикаций к дате.

Г.Э. Бострем. Фото одесского периода

В Одессе до недавних пор сведения о Бостреме заканчивались его участием в Обществе независимых. Дальнейшая судьба оставалась неизвестной. Эта статья — наша скромная дань памяти художника — стала возможной во многом благодаря материалам и фотографиям, которыми щедро делился с автором Г.К. Когонашвили.

Г.Э. Бострем был потомком шведского дворянина Хендрика Бострема, приехавшего в Россию на строительство судоверфей по приглашению Петра I. С тех пор Бостремы дали новой родине многих замечательных граждан. О семье и юношеских годах художника сведений мало. Из личного дела в архиве художественного училища (ГАОО, ф. 368, д. 164) известно, что он родился в Елисаветградской губернии (Елисаветграде?) 25 декабря 1884 года ст. ст. (6 января 1885 г. н. ст.). Окончил Елисаветградское земское реальное училище. Отец — губернский секретарь. Ученик Бостре-

ма Г.К. Когонашвили со слов учителя сообщает: "Художественный талант у Георгия Эдуардовича проявился рано, тому способствовала атмосфера дома. Мать его рисовала и прекрасно музицировала". Известно, что у Г. Б. был умерший в молодом возрасте брат Сергей и три сестры — Ольга, Мария и Надежда. Ольга в начале 1910-х гг. получила в Новороссийском университете свидетельство домашней учительницы. В эти годы вся семья жила в Одессе на Херсонской улице. Еще одна сестра была скульптором и, по сведениям Г. Когонашвили, "умерла сравнительно недавно где-то под Донецком, видимо, не оставив после себя ни скульптур, ни воспоминаний".

Из училищного дела явствует, что в 1902-1905 годах Г. Б. учился на живописном отделении Одесского художественного училища у К.К. Костанди и Г.А. Ладыженского в одно время с живописцами Павлом Волокидиным, Иосифом Школьником, Николаем Скроцким. Выбыл из училища 3 февраля 1905 года, не окончив его. В том же 1905 году училище оставил друг Бострема Павел Нитше. Вместе, или один следом один за другим, молодые люди уехали в Мюнхен (в архиве приемной дочери Бострема Галины Георгиевны сохранилась их совместная мюнхенская фотография).

Занимались в мюнхенской Академии художеств, посещали занятия в школе Холлоши. По окончании учебы в Мюнхене Нитше вернулся в Одессу, где включился в деятельность кружка молодых художников. А Бострем в то время переживал трудный период духовного становления. В дневнике симферопольского знакомого Бострема В.А. Платонова сохранилась запись за 1966 г.: "Он закончил художественное образование в Мюнхене в 1909 году. Он был близко знаком с семьей Кандинских. По его словам, после окончания обучения он, поняв и усвоив искусство прошлого, пришел к выводу о наступлении новой эры — как он называл, наступил *период цивилизации*. Он сказал, что стало ясно, что то искусство, которому он обучился, закончилось вместе с наступлением новой эры. Тогда он сжег все свои работы и отправился в Персию. Это было до войны 14 года...". Запись Платонова подтверждается воспоминаниями других близко знавших Бост-

Г. Бостем в Мюнхене

Г. Бостем и П. Нитше

рема людей. Так, Г.К. Когонашвили пишет: "Здесь, в Мюнхене, центре тогдашнего художественного мира, Бострем увлекается идеями своего наставника и близкого друга Василия Кандинского, участвует в выставках художников-абстракционистов, философствует, изучает мировые религии, занимается музыкой и много рисует, оттачивает технику. И вдруг — полный перелом, все работы бросаются в печь. Художник берет в руки посох и отправляется по католическим монастырям Германии и Франции, затем через православную Грецию — в Персию, а оттуда через Алтай, посетив таинственные места подле горы Белухи, возвращается в Россию. Что произошло в этом путешествии с Георгием Эдуардовичем, какие духовные откровения были даны ему, с какими искушениями пришлось вступить в борьбу, — мы не знаем. Да вряд ли это и нужно — есть в жизни у каждого из нас то сокровенное, глубоко личное, в которое не посвящается никто, даже самые близкие и любимые люди, но что знает лишь Бог...". Понятно, что все эти сведения почерпнуты из рассказов самого Бострема. Однако есть и "независимое" свидетельство кризиса — сохранившийся рукописный дневник соученика Бострема по одесскому училищу и мюнхенской Академии художеств, проницательного и злого на язык Н. Скроцкого. В разделе "Мюнхенские наблюдения" (записи 1909 г.) он пишет:

"Бострем признает, что то не искусство, которое идет вразрез его взглядам"; "Всем сообщает с печал. миной, что он сжег свое ослиное (так в тексте. — **О. Б.**)

произведение"; "Бостр. занят переоценкой ценностей" (последняя запись среди заметок о школе Холлоши).

В 1913 или самом начале 1914 года Бострем появился в Одессе. Его имя обнаруживается среди организаторов "Весенней выставки картин", в числе которых были будущий глава одесского Общества независимых художников, живописец и критик Михаил Гершенфельд, критик Мария Симонович, профессор-анатом и известный художник-любитель Николай Лысенков (артистический псевдоним — Кальвинский), художники Павел Волокидин и Павел Нитше. В выставке приняли участие левые художественные силы Одессы, московский "Бубновый валет" и мюнхенская группа во главе с Кандинским. Несколько одесских художников прислали работы из Парижа. Издали каталог с теоретическими статьями В. Кандинского, М. Гершенфельда, П. Нилуса, М. Симонович. Это было последнее перед началом первой мировой войны масштабное художественное событие. М. Гершенфельд писал в обзоре выставки: "Характерным лейтмотивом большинства холстов на выставке служит лозунг живописи настоящего момента (...) создавать новые эмоциональные ценности путем живописного восприятия мира. Будь это кусок природы или душевные переживания — художник больше не описывает их, а находит их выражение при помощи живописного языка и его средств — красок и линий" (Аполлон. 1914. № 5. С. 57).

Нужно сказать, что начало 1914 года в Одессе было насыщено акциями нового искусства. В январе в Русском театре прошли выступления футуристов Д. Бурлюка, В. Маяковского и В. Каменского. 31 января состоялся концерт А. Скрябина. В феврале город посетили эгофутуристы во главе с И. Северяниным. А в марте вышел первый альманах молодых одесских поэтов "Шелковые фонари", который местная пресса тут же окрестила "футуристическим".

Бострем показал на выставке 1914 г. только одну работу — "Симфония", но она привлекла внимание практически всех одесских критиков. М. Симонович: "Из произведений, стремящихся к чисто красочному восприятию вещей, останавливает внимание декоративное панно Бострема, выдержанное в глубокой гамме синего и зеленого, — радостное и звучное" (Музы. К., 1914. № 7). Н. Бялковский: "Кроме работ организации "Бубнового валета" большое впечатление оставляет декоративное панно Бострема. В этом панно воплощен весьма трудный и, пожалуй, не всем понятный опыт выявления творческого Я в гармонии красок. Безусловно, что как декоративное выражение переживаний это панно привлечет внимание художественных кругов" (Южная мысль. 1914. 24 марта). М. Гершен-

фельд: "В картине г. Бострема "Симфония", в сочетании сине-зеленых тонов, в их радостном устремлении, несомненно, есть то, что можно назвать живописной музыкой. Но эта картина была бы еще лучше, если бы возникающие на ее фоне фигуры вытекали из красочного задания, а не являлись только как дополнение к нему..." (Аполлон. 1914. № 5. С. 57). Были и другие отзывы: "Симфония" Бострема нечто дикое и представляет собою рекламу магазину ярких красок" (Аквилон (Шуф В.). Одес. обозрение театров. 1914. № 591); "Вот перед вами громадное полотно Бострема. Называется — "Симфония". Нарисовано... Сине-зеленое с пестрыми точками... Не то разбитое стекло в витрине. Не то план города Парижа..." (Думский Л. Мал. одес. новости. 1914. 25 марта / 7 апр.).

С началом мировой войны художественная жизнь на какое-то время затихла. Нет, отдельные события происходили — выставка "южнорусских" художников, музыкальные вечера "новой музыки", открытие студии "Югофильм", ретроспективная выставка П. Нилуса, гастроли Орленева, Собинова, Кшесинской, украинской труппы с Заньковецкой и Саксаганским... Но группа "весенников", как называли молодых художников рецензенты, никак не проявляла себя до конца 1916 г.

Осенью 1916 года Георгий Бострем, Василий Милеев (преподаватель физики и арифметики в художественном училище с 1902 г.) и Исидор Маркузе (художник и одновременно студент-математик Новороссийского университета) выступили организаторами выставки местных молодых художников, которую критики назвали первой выставкой нового общества "независимых". "Прием картин производится без жюри; требуется только грамотность", — отмечал художественный обозреватель "Одесского листка" С. Золотов в анонсе выставки от 10 октября. Выставка открылась 6/19 ноября в залах Городского музея. И. Златогоров: "Организаторы этой выставки сумели привлечь лучших местных художников и сгруппировать их картины так, что каждый из них представлен во всей полноте" (Южная мысль. 9 ноября); С. Золотов: "Мы заинтересовались вопросом, почему экспоненты этой выставки не организовали постоянного общества. Г.Э. Бострем, один из инициаторов этой выставки, разъяснил нам: "Г.Э. Бострем и В.Ф. Милеев давно уже носятся с мечтой об устройстве такого общества, и вот настоящая выставка была организована с целью произвести смотр тому, какие именно и сколько художников могут стать членами общества" (Одесский листок. 14 ноября); Н. Скроцкий: "Выставку можно считать безусловно удавшейся, и образование нового художественного общества — совершившимся фактом" (Одесский листок. 23 ноября).

Сейчас трудно сказать, что произошло, но у последующих выставок "независимых" организаторы были другие. Председателем нового общества в начале 1917 года был избран М.К. Гершенфельд.

Но вернемся к выставке 1916 года. Как и на "Весенней выставке картин" в 1914 г., Бострем показал на ней только одну работу — "Атлантида". Вот несколько отзывов критики об этой картине, судя по прессе, самой популярной из представленных на выставке:

"Картина г. Бострема "Атлантида" ("интимная запись, симфония вибрирующих красок", как называет ее автор) замечательна тем, что в ней выражено полное отрицание чего бы то ни было от реального мира. Несомненно, что подобие ковра живописно. Но в ковре, гобеленах, парче есть орнамент, элементы реального мира, здесь же нет никаких намеков на реальное.

Глубокими, сильными, красивыми тонами пестрят вертикальные и горизонтальные мазки, по форме очень определенные, производящие впечатление редкой настойчивости. Если искать в этой картине аналогии с музыкой, то действительно, могут послышаться тяжелые звуки большого органа (...)

Из художественных сект Запада г. Бострему ближе всего те, к которым принадлежат Кандинский и Густав Климт" (Н. Скроцкий. Одесский листок. 1916. 12 ноября).

"Много толков и разговоров вызывает оригинальная по своей трактовке и исполнению картина "Атлантида" Г.Э. Бострема.

В этой вещи нет определенного, так называемого предметного содержания. Есть только краски, изумительные по яркости и красоте краски. И чем больше всматриваешься в эту картину, тем больше проникаешься очарованием этих красок. Я назвал бы картину г. Бострема — картиной настроения, симфонией красочных мотивов" (И. Златогоров. Южная мысль. 1916. 9 ноября).

"Еще дальше по пути чисто живописных исканий идет Г. Бострем. Он совершенно исключает из своих картин всякое реальное содержание и стремится достигнуть определенного впечатления самодовлеющей силой краски. Бодрящий и радостный аккорд сапфиров и изумрудов — его впечатление о мире, и это впечатление он хочет передать зрителю при помощи совершенно отвлеченного линейного начертания. Как звуками музыки, заворожить душу зрителя, ввести его в определенный круг эмоций. Несомненно, художнику было б несравненно легче приобщить к своему переживанию зрителя, если бы он придал своим живописным сочетаниям хотя бы некоторую реальную оболочку" (Летиция (М. Симонович). Одесские новости. 1916. 7 ноября).

И негодующий зритель: "Это уже просто палитра красок без всякого сюжета, без всякого содержания..." (А. П-в. Из письма в редакцию // Одес. листок. 1916. 13 ноября).

По информации одесских газет, осенью 1916-го планировалась еще одна, не совсем обычная выставка: "Уполномоченные общества "весенников" гг. Г.Э. Бострем и В.Ф. Милеев на второй день Рождества устраивают в гор. музее выставку картин иностранных художников, как старых, так и современных. В Одессе есть много частных коллекционеров, имеющих прекрасные образцы иноземного искусства, но посещение таких галерей публике недоступно. Г.Э. Бостремом и В.Ф. Милеевым уже собраны у местных коллекционеров картины, среди которых произведения Таулова, Мориса, Ф. Штука, Аман-Жана и много других. Будут выставлены старинная гравюра и керамика. (...) Одновременно с открытием выставки будет устроена посмертная выставка картин Г.А. Ладыженского" (Одесский листок. 1916. 21 ноября). Через месяц появилось сообщение: "Объявленная о-вом "Независимых" художников выставка произведений иностранных художников и посмертная выставка картин Г.А. Ладыженского откладывается до весны" (Одесский листок. 19 декабря). Однако эта благородная идея в жизнь так и не воплотилась.

Как прошел для Бострема 1917 год, неизвестно. В одесской прессе не нашлось ни одного упоминания его имени. Не принимал он участия ни в работе по созданию "Союза пластических искусств", в которую включились весной почти все заметные художественные силы Одессы, ни в декабрьской выставке "независимых", где организаторами стали художники В.Г. Крихацкий и С.В. Милеев (сын В.Ф. Милеева). В кругах интеллигенции бурная политическая и общественная активность, эйфория от свобод, объявленных февральской буржуазной революцией, после октябрьского переворота сменились растерянностью. "В круговороте наших дней, отравленных безумием, запятнанных кровью братоубийственной бойни, искусство как будто умерло..." — писал критик "Южной мысли" И. Златогоров (23 декабря). Все чаще возникали беспорядки, свобода подменялась анархией и вседозволенностью. В начале декабря были разгромлены винные склады — город накрыло волной насилия и грабежей. К этому нужно добавить постоянные столкновения и перестрелки между красногвардейцами, анархистами, гайдамаками, сербскими частями. С конца января до середины марта 1918-го в Одессе — советская власть. С середины марта до середины декабря — австро-венгерские оккупационные войска и украинская власть. Но на деятельности художников, литераторов, работе многочисленных театров и кабаре перемены пока отражались слабо.

В 1918-м работы Бострема появились на летней выставке Общества изящных искусств, открывшейся в здании художественного училища. "Экспонируемые произведения в своем большинстве уже знакомы местной публике по прошлым выставкам картин. Две комнаты уделены работам "южнорусских художников" и две — общ-ву "Независимых". (...) В комнатах, отведенных об-ву "Независимых", (...) весьма выгодно выделяются работы по оригинальным краскам и композиции г. Бострема — "Симфония" (см. выст. 1914 г. — **О. Б.**), "Атлантида" (см. выст. 1916 г.) и "Космогония", — отмечалось на страницах журнала "Жизнь" (№ 4, июнь). Поэт и художник Вениамин Бабаджан (псевд. Клем Б.) писал: "Заблуждаться может только тот, кто ищет. Заблуждается г-н Бострем, проливающий на свои холсты море дорогостоящего ультрамарина..." (Южный огонек. 1918. № 7). В газете "Вільне життя" от 28/15 июня упоминаются "4 великі малюнки Бострема, надумані і дуже претенціозні. Його "сімфонія" скучна і, як можна так висловитись, калейдоскопична. Багато тут не стосуючихся одної з другою плям; цікавіша його "Космогонія" № 2 — тут досить ясно виявлена ідея і в ній єсть вартість".

В августе появилось сообщение об открытии художественной студии Бострема: "В студии будут преподавать живопись и драматическое искусство. В числе преподавателей Н.И. Скроцкий, О.Н. Маслова (своб. художница) и А.К. Горностаев. В студии обращено особенное внимание на практическое изучение искусства. Между прочим, будут преподаваться логика, психоанализ, психология и друг. предметы" (Одесские новости. 14/1 августа). Но уже в конце августа — начале сентября во всех газетах появляются заметки о скором открытии Свободной академии изящных искусств Общества независимых художников. Среди будущих преподавателей фигурируют Бострем и Скроцкий. Возглавил академию М. Гершенфельд. 25/12 сентября академия открылась в помещении фотографического общества на ул. Жуковского, 40 (где, кстати, проходили почти все собрания "независимых" художников). Возможно, толчком для создания Свободной академии послужила бостремовская идея студии. По крайней мере, так это воспринимали некоторые современники: "В Одессе основана еще одна академия благодаря инициативе художника Бострема и перешедшая впоследствии в ведение о-ва "Независимых", — писал С. Золотов в "Итогах 1918 года" (особом приложении к "Одесскому листку" от 1 января 1919). Он же отметил: "Из-за неладов, возникших среди инициаторов, академии грозит опасность закрытия". И действительно, в 1919 году упоминаний о работе академии в одесской прессе нет. Академия "незави-

симых" прекратила свое существование, тем более что с 4 апреля в городе в очередной раз поменялась власть, и пришедшие на смену французам большевики закрывали все, что считали излишним и чуждым, — в том числе учреждения культуры и органы прессы.

Очередная выставка "независимых" открылась 1 декабря (18 ноября ст. ст.). Однако работ Бострема на ней не было. "Как хотите, а это показательно: отчетная выставка почти совершенно не дает образцов станковой живописи, живописи чрезвычайно конкретного эстетического впечатления, но превалирует кубизм, возведенный тут едва ли не в степень культа", — писал Б. Бобович (Театр. день. 1918. 22 ноября / 5 декабря).

В городе было неспокойно. Газеты переполнены сообщениями о налетах, грабежах, перестрелках. С середины декабря 1918 до начала апреля 1919 года в Одессе были французские войска. "В течение всего 18/5 декабря Одесса была театром военных действий между войсками укр. директории с одной стороны и добровольческой армии — с другой. (...) Ворота домов были заперты во всем городе. Днем группа людей ползком пробиралась из порта в город. Это были пассажиры прибывшего из Николаева парохода. За исключением этих невольных путников, улицы Одессы за этот день не видали мирных прохожих" (Ведомости одесского градоначальства. 21/8 декабря). В начале апреля добровольческие и французские войска сменились частями Красной Армии.

Незадолго до прихода большевиков "Одесский листок" (от 26/13 марта) опубликовал сообщение: "...учреждено религиозно-философское общество, имеющее своей задачей всестороннюю разработку вопросов религии и философии и распространение религиозно-философских знаний. (...) Собрания будут происходить по четвергам в здании фотографического общества (ул. Жуковского, 40). Завтра в 6 час. веч. состоится доклад С.В. Тухолка "О персидском мистицизме"...". Среди членов общества — Г.Э. Бострем, Х.-Н. Бялик, М.А. Волошин, А.К. Горностаев, А.М. Дерибас, А.А. Кипен, Н.К. Лысенков и др.". Эта информация использована В.П. Купченко в книге "Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества. 1917-1932" (СПб., 2007. С. 67). Кстати, в объявлении о художественной студии, которую Бострем собирался открыть в сентябре 1918 г., среди преподавателей находим имя члена философского общества, поэта Александра Константиновича Горностаева.

С приходом большевиков культурная ситуация резко изменилась. Перестали выходить "буржуазные" (то есть практически все) газеты. Их заменили советские "Известия" да парочка красноармейских изданий. За-

крылась большая часть театров. Началось расслоение интеллигенции. Часть (в основном, старшее поколение) категорически устранилась от сотрудничества с новой властью, часть — в том числе молодые художники-"кубисты" во главе с неформальным лидером этой группы Амшеем Нюренбергом — с энтузиазмом приняла участие в украшении города к 1 Мая, в объявленных конкурсах плакатов и т. д. Газеты "Известия" и "Знамя борьбы" пестрели заголовками: "Художники, к работе!", "Художники на фронте", "Искусство на улицу!". Бострем держался в стороне от политических игр и от большевистских художественных акций.

Тем не менее, в июне 1919 он принял участие в организованной подотделом пластических искусств "1-й народной выставке картин, плакатов, вывесок и детского творчества" (по кат.: "№ 140. 2 вещи маслом"). Главным организатором выставки и автором вступительной статьи к каталогу стал Амшей Нюренберг. Неясно, было ли участие в этой выставке действительно добровольным, или отчасти вынужденным — как подтверждение лояльности. Здесь экспонировались работы почти всех известных одесских художников самых разных направлений, от юных "кубистов" до маститых "южнорусских". Выставка носила просветительский характер: "...посетителям дают объяснения и ведут беседы об искусстве художники..." (Известия. 1919. 11 июня). В число художников-лекторов кроме ближайших соратников Нюренберга входили М. Гершенфельд и В. Бабаджан. Имя Бострема не упоминается.

23 августа в Одессу вернулась добровольческая армия А.И. Деникина. Возобновился выход газет и журналов, открылись театры и киноиллюзионы. Журналист Л. Думский вспоминал: "Пять месяцев не брал в руки пера... Пять месяцев молчания... И каких страшных месяцев! (...) — Европейский город с почти миллионным населением без воды, без хлеба, без света. Ах, забудем о политике — ведь чисто по-человечески мы задыхались каждый день, каждый час в объятьях смерти" (Одесская почта: Веч. изд. 19 августа / 1 сентября). Газеты были переполнены историями о зверствах ЧК, списками замученных и расстрелянных. Но если большевики искали врагов советской власти, то деникинцы, в свою очередь, расправлялись с теми, кто сотрудничал с большевиками (по этой причине вынужден был бежать в Екатеринослав А. Нюренберг).

В декабре 1919 — январе 1920 г. Бострем выступил как участник еще на одной выставке — ежегодной Общества независимых (№ 28, 29 по кат., без назв.). По дошедшим до нас беглым отзывам можно понять, что его работы, "два больших полотна", представляли собой экспрессивные абст-

ракции, поражающие буйством — и гармонией — красок, живописные "симфонии", как называл их сам художник. На обеих выставках, и летней, и зимней, Бострем выставил по две работы. Трудно сказать, были это одни и те же произведения — или разные. Не сохранилось ни фотографий, ни описаний. А напряженная политическая обстановка не располагала к пространным художественным обзорам. На 1-ю народную выставку лета 1919 года нет ни одной рецензии. В связи с зимней выставкой "независимых" были опубликованы две небольшие статьи. В одной из них нашелся лаконичный отзыв о Бострeме: "К числу наиболее удачных работ Бострема принадлежит "Небесная симфония", прекрасная по технике" (Веч. одес. новости. 1919. 14 декабря).

После 1919 года следы Бострема в Одессе обрываются. Возможно, в начале 1920-х он недолго жил в Петрограде, Москве, Сергиевом Посаде (информация Г. Когонашвили), а затем отправился в Среднюю Азию. На это указывает справочник "Выставки советского изобразительного искусства", — в 1-м томе отмечены выставки 1923-1926 гг. в Казахстане (Алма-Ата и Кзыл-Орда). В архиве приемной дочери сохранились фотографии с временным разрывом не более десяти лет с надписями ее рукой на обороте: 1). "Алма-Ата среди учеников курсы живописи"; 2). "Ташкент. 1932 г. Мама и папа", — явно более поздняя. Из недавнего многотомного издания "Дневников" Михаила Пришвина узнаем, что начиная с 1920 г., он "часто бывал в Сергиевом Посаде" (Кн. 7. М., 2006. С. 650). Нужно учесть, что 1919-20 — переломные годы в истории Троице-Сергиевой лавры. В ноябре 1919-го совдеп Сергиева Посада постановил закрыть лавру и вынести мощи Сергия Радонежского из монастыря. Большая часть монастырской братии была арестована, Троицкий собор и другие храмы опечатаны. В апреле 1920-го Совнаркомом был утвержден декрет о национализации лавры. Но окончательно вопрос о национализации Троице-Сергиевой лавры и передаче ее под музей был решен летом. Именно в этот период Бострем оказался в Сергиевом Посаде. Его постоянные переезды можно объяснять по-разному. С одной стороны, похоже, что попробовав вкус скитаний еще в молодости, Г. Б. и в зрелые годы не сидел на одном месте, делил время между Россией и Средней Азией, нигде надолго не задерживаясь и перебиваясь, в основном, случайными заработками. Сыграло здесь свою роль, несомненно, его неприятие официальной идеологии и официального искусства, его религиозность, увлечение теософией и философией, ничего общего не имеющей с марксизмом. Человеку, настолько не вписывавшемуся в новую советскую действительность, в те годы

нельзя было привлекать к себе излишнее внимание, и частая смена места жительства — один из способов избежать этого.

В дневниках Михаила Пришвина за 1930 г. находим многочисленные упоминания о встречах и доверительных беседах с Г. Б. В примечаниях к дневниковым записям, кстати, сказано: "...художник, начиная с 1920 г., часто бывал в Сергиевом Посаде, реставрировал настенную роспись в Святых воротах Троице-Сергиевой лавры, дружил с Пришвиным, несколько раз писал портреты Пришвина, которые, по свидетельству сына писателя, Петра Михайловича, Пришвину не нравились и потихоньку им уничтожались" (Дневники. Кн. 7. С. 650). При всей несхожести вкусов и пристрастий интерес друг к другу был достаточно силен: весной и летом 1930 г. они встречались часто, временами — почти каждый день. Лаконичные записи этих встреч и бесед многое проясняют в характере и дальнейшей судьбе художника. Итак, слово Михаилу Пришвину.

Апрель: "Встретил искусствоведа из Третьяковки (Свирина) и сказал ему, что для нашего искусства наступает пещерное время и нам самим теперь загодя надо подготовить пещерку. Или взять прямо решиться сгореть в срубе по примеру наших предков 16-го в. Свирин сказал на это, что у него из головы не выходит — покончить с собой прыжком в крематорий. (...) А Бострем собирается уехать на Кавказ и жить пчелами. Одному смерть мелькает, другому жизнь в одиночку в природе с пчелами" (с. 92, 110).

Пришвин в это время увлекался фотографией, и несколько записей посвящено их совместной с Бостремом работе: "*11 июня*. Великая сушь, буря. Занимаюсь фот. работой. Увеличивал сову. Бострем будет ее писать. (...)

12 июня. Сушь. Бострем начал сову. Боюсь, что картина, если она удастся, — будет беспредметной, и если останется сова, то будешь досадовать, что осталась. (...)

14 июня. (...) В четверг 12-го Бострем начал писать сову. Что-то будет? Ведь при малейшем отступлении от фотографии, которая открыла нам такую действительность, сова будет казаться произвольно очеловеченной. Если же наоборот, будет сохранена фотографичность, что же останется от "беспредметника".

Я себе так представляю истоки беспредметной живописи. Вот я по дарованию своему художник-живописец, но внешних средств писания нет у меня, и я этот дар свой выражаю не красками и линиями, а словами, я писатель. Так бывает, музыкант перемещается в живопись, и уж он непременно стремится музыкально располагать свои краски, "беспредметно". Бострем прямо и называет картины свои "симфониями".

Я не успел закончить свое рассуждение, как явился Бострем с готовой картиной: он ее сегодня в 3 ч. утра начал, в 12 д. кончил и отделывал до вечера.

Мы долго беседовали об искусстве и последние заключительные слова о создании чего-нибудь нового были: "*надо жить иначе*" (курсив мой. — **О. Б.**)" (с. 128, 130).

18 июня: "О беспредметном искусстве. Всякий предмет с нашей человеческой точки зрения есть воплощение добра или зла, предмет — образ бытия какого-нибудь духа. Беспредметник хочет писать о самом духе... это возможно *путем святости* ("*жить иначе*" (курсив мой. — **О. Б.**)). Быт умирал, и с ним отмирали художники-бытовики, новые художники остались без быта, "без предмета" (с. 131).

21 июня: "Приходил Б. и говорил о том, что такие учителя, как Фл[оренский], как вообще люди вроде Штейнера и даже русские простонародные старухи-учителя теперь уже не современны. А надо быть современным в том смысле, что прошлое это ассоциация, будущее, мечта, современность — ни мечта, ни механизированное повторение, а свободное начало... (понятно, а выражено неясно). Современность — это религия Духа Святого" (с. 133).

2 июля: "Рассказ художника о муках своего разделения: эти портреты даром не прошли. И мы согласно сказали: "да, так разделиться невозможно". Какой-то предел. Очень больно..." (с. 140). — К записи примечание: "речь о художнике Бостреме, "который, мучаясь и страдая, писал на заказ портреты вождей" (с. 659).

17 июля: "Определилось больное место у Б.: избушка в лесу, куда можно уйти и укрыться" (с. 156).

18 июля: "Бострем и сова.

"Б" в живописи имя совсем неизвестное, потому что один известный художник однажды бросил имя свое, взял это Б. и скрылся. Время от времени он писал картины, но не выставлял их, а дарил друзьям, а кормился разного рода занятиями, ничего не имеющими общего с искусством. Он написал мне сову с особенным взглядом древней мудрости. Простодушные, ничего не понимающие в искусстве люди принимают ее за Маркса и ничего не говорят, а если обратят внимание и они вдруг поймут, то всегда говорят: "А я думал, это Маркс". Люди образованные, напротив, непременно восхищаются, правда, чрезвычайно эффектной, неожиданной и колоритной картиной. Ищут имя, но его нет: имя свое художник бросил давно и не подписывает.

— Кто это писал? — спрашивают.

Я называю это никому не известное имя "Б" и говорю:

— Вы знаете этого художника?

— Ну да, конечно... — обыкновенный ответ.

Самые осторожные говорят:

— Имя слышал, конечно, но...

Никто не отвечает:

— Нет, я такого художника не знаю.

Это потому, что образованный человек должен все знать" (с. 159).

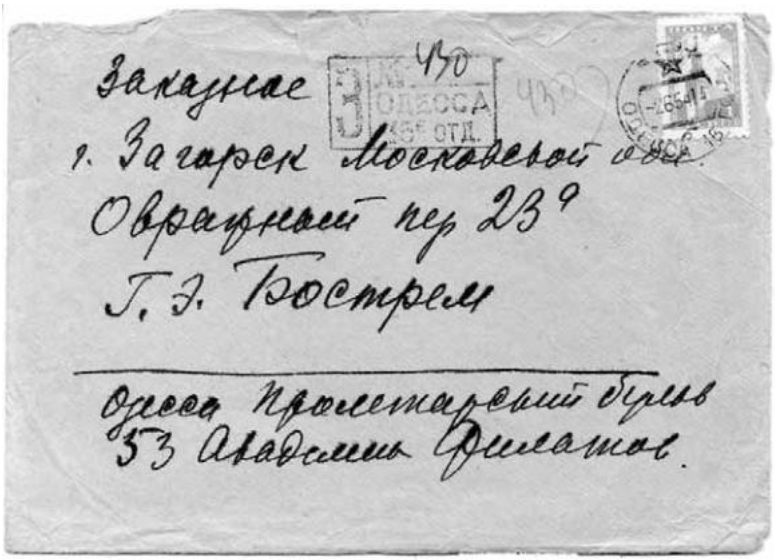
28 июля: "Беседовал с Б. Главное: мы, как писатели, поэты и художники не являемся, как раньше думали, "избранниками", будто бы мы живем, а внизу где-то прозябают (обыватели). Нет! мы ничем не отличаемся от других, если их дело является творчеством жизни... Так мы говорили, а между тем нового в этом для меня нет ничего: я так и писал..." (с. 163).

15 октября: "Уехал Бострем" (с. 252).

После этой записи имя Г. Б. не упоминается. Возможно, он в очередной раз отправился в Среднюю Азию (вспомним ташкентскую фотографию 1932 г.).

В середине 1930-х он опять в Загорске. Работал как иконописец, реставрировал иконы для Троице-Сергиевой лавры. Во время войны оказался в Ташкенте, что подтверждается воспоминаниями Михаила Ромадина об отце, художнике Николае Ромадине. М.Н. Ромадин пишет: "Георгий Эдуардович Бострем был колоритной личностью: с внешностью Бетховена, швед по национальности, ученый-физиолог и философ-мистик, он уже в то время проводил телепатические сеансы, никак не вписывался в советскую действительность. (...) Кроме того, Бострем был и любопытным художником, писал церкви и мистические абстракции. Они с отцом познакомились во время эвакуации [1942 г.] в доме у Филатова, который помимо лечения глаз занимался также опытами по измерению веса "души", гипнозом и телепатией. Бострем после войны жил в Симферополе. Как рассказывал мне отец, они ежедневно в строго определенный час выходили с ним на телепатическую связь "Москва — Симферополь". Не знаю, сколько здесь истины, сколько воображения".

С Филатовым, тоже увлекавшимся теософскими и мистическими идеями, Бострем сблизился еще в Одессе. Как художник-любитель Филатов пользовался советами Г. Б. Сохранилось любопытное письмо Филатова от 30 мая 1954 г. (кстати, из него следует, что Г. Б., по крайней мере однажды, в 53 или 54-м году приезжал в Одессу!). Письмо адресовано в Загорск, куда после войны вернулся Бострем. Вот оно с незначительными сокращениями:

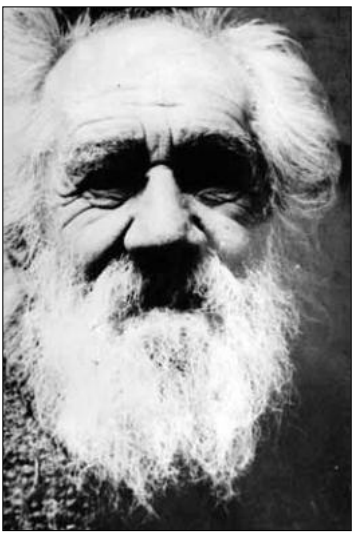
"Дорогой Георгий Эдуардович!

Спасибо за обстоятельное письмо от неизвестного числа. Я очень рад, что Вы от пребывания у меня почувствовали прилив творческих сил. Ваше "Видение" производит после освещения потрясающее впечатление в темноте на зрителей (к сожалению, найти эту работу не удалось. — **О. Б.**). Ваше письмо погрузило меня, пока теоретически, в такую пучину техники, из которой, если я в нее влезу, я и не вылезу. И пока я остаюсь в той "подносной" технике, которая несомненно улучшила мою живопись. К сожалению, Вы о ней не написали мне ни слова. А Вы бы попробовали бы ее! Особенно замечательно писание набивкой (ударчиками вертико направленной кисточкой).

Моя затея переводить рисунки Доре в краски очень меня забавляет и очень полезна для развития моей цветовой фантазии. Досадно, что в Одессе уже нет подносов. Я купил 10 и их больше нет, но я получу из Москвы пластины пластмассы.

Надеюсь, что у Вас благополучно, а я дошел до крайней степени утомления. Я дожил до того, что болезни служат мне отдыхом. Смогу освободиться для отдыха живописного только 21 июня.

Когда будет охота — напишите. Вы знаете, как я Вас люблю и мне будет приятно получить от Вас весть. Немного возимся с Варварой Васильев-

Последние годы жизни

ной по саду. Главным образом с гусеницами, которые начали снова нашествие.

Обнимаю. Сердечный привет семейству. (...)

Какие работы у Вас по реставрации?

Шлю привет

любящий Вас В. Филатов".

К этому же времени относятся воспоминания библиографа Екатерины Александровны Крашенинниковой, человека глубоко религиозного и серьезно изучавшего философию религии. В 1940-50-е гг. она близко общалась с Пастернаком и вспоминала, как в 1954-м "мы с сестрой отнесли ему [Пастернаку] картину очень близкого нам художника Георгия Эдуардовича Бострема "Моление о чаше". Дома его не застали. 4 октября он мне по поводу ее написал: "Да, это очень хорошо. Сначала, не заглядывая внутрь, я не поверил вашей записке, а потом, развернув холст, увидел, как вы правы. Лицо живет, дышит, молится, и хотя оно повторяет представления обычной дореволюционной иконописи, и хорошо, что с ними не расходится, художник в виде особого тепла и тонкости вливает в его формы все свое пережитое"" (Крашенинникова Е. Крупицы о Пастернаке // Новый мир. 1997. № 1. С. 209).

Все послевоенные годы Бострем продолжал писать и реставрировать иконы. Среди храмов, где он работал, — Ильинская и Казанская церкви в Загорске, Казанская в Шеметове, Покровская в Одинцове-Отрадном, Рождества Христова в Угре, кладбищенская церковь в Калитниках и др.

В 1961 г. Г. Б. приехал к приемной дочери в Крым и поселился в Заречном близ Симферополя. "Именно этой девочке, Галине Георгиевне Бострем, считающей, что это ее подлинный, от Бога, отец, обязаны мы практически всеми данными о мастере. Как раз благодаря дочери, к тому времени окончившей медицинский институт и получившей распределение в Крым, и появился у нас Георгий Эдуардович, — вспоминает его ученик Г. Когонашвили. — Отдал бедным людям свой маленький домик в Загорске и приехал к дочери. Хорошо, что у нее кое-что было,

да люди дали тайком от Георгия Эдуардовича — едва хватило купить полуразрушенную времянку с выбитыми окнами и наполовину провалившейся "под татаркой" крышей".

В этом убогом домике с прохудившейся крышей, где, по словам Г. Когонашвили, "прямо из комнатушки было видно небо", прожил старый мастер оставшиеся годы. Продолжал писать картины на религиозные темы и "небесные симфонии" — своеобразное продолжение красочных абстрактных "симфоний" 1910-х годов. А "на жизнь" периодически зарабатывал производством портретов "вождей" всех рангов, о чем тоже вспоминают знавшие художника люди. Сюда приезжали к нему ученики и почитатели, часто бывали замечательный певец Иван Семенович Козловский, композитор и музыкант Алемдар Собитович Караманов. Талант, мудрость, доброта, внутренняя чистота привлекали к отшельнику из Заречного всех, кто с ним сталкивался.

Г.Э. Бострем. Молитва

Г.Э. Бострем. Моление о чаше

О нем вспоминают, как о сказочном патриархе: "Необычная внешность, незлобивый, мягкий характер, кротость и религиозность, какой-то внутренний свет привлекали многих. Часто можно было застать у него очередного гостя, принесшего отшельнику то миску борща, то медовые соты, то горячий пирожок. Народ был разный — от местных старушек, которые стали считать его святым и приходили поговорить о чудесах и великомучениках, до студентов университета, проходивших здесь летнюю практику, и деревенских мальчишек. Никто как-то не замечал его страш-

ной нищеты и старческой немощи. (...) У него были свои интересные, необычные философские взгляды, он обожествлял природу. Землю почитал живым существом, причем женского рода, горевал, что люди обижают свою мать и кормилицу, планомерно уничтожая ее недра, растительность и животный мир. Все сущее имеет право на жизнь! Никакого зла и насилия! Только доброта и любовь нужны миру! Проповедуя необходимость самого тесного общения человека с Природой на все отпущенное ему время, считал, что излишний комфорт, технизация среды обитания выхолащивают душу, уводят от Бога" (А. Коваль); "Вокруг него вилось огромное количество собак и кошек, которых он подкармливал, птицы садились ему на плечи... Георгий Эдуардович говорил нам: "Если хотите жить долго — всегда улыбайтесь". К слову, он с тридцати трех лет и почти до самого конца был строгим постником — не ел ни мяса, ни рыбы, и только на Пасху позволял себе съесть яйцо" (Г. Когонашвили).

Последний год жизни художник провел в Евпатории в доме дочери. 7 октября 1977 года Георгий Эдуардович Бострем окончил свой земной путь.

Г.К. Когонашвили: Здесь был дом Бострема

Феликс РАХЛИН

Лучистая и вечная девочка

В Харькове за громадой Госпрома в конце 20-х — начале 30-х годов вырос целый городок. Сразу за этим стеклянно-железобетонным зданием — проспект "Правды", вторым порядком — улица Восьмого съезда Советов, далее — Четырнадцатого... Огромные многоквартирные дома, и у каждого — свое имя: Дом специалистов, Красный промышленник, Военвед, Табачник, Профработник... И даже "Пять — за три!" (то есть: "Пятилетку — за три года"). Вот на такой-то урбанистической советской "клумбе" и суждено было вырасти и расцвести нежному, тонкому и яркому цветку с именем контрастным, как оксюморон: Рената Муха.

Я жил в "Красном промышленнике", где помещалась ее 116-я женская школа, занимавшая весь цокольный этаж корпуса, и по дороге в свою, 131-ю мужскую, часто Рену встречал. Потому что их Дом учителей стоял на упомянутой улице Восьмого съезда Советов рядом с нашей школой. Было невозможно не обратить внимание на эту миниатюрную девчушку в темно-синем пальтеце с воротником из серенькой смушки и в такой же шапочке, из-под которой с отважным и веселым любопытством смотрели на мир и на прохожих огромные лучистые черные очи. Кто-то рассказал, что учится она в классе, на год младше моего... А еще через какое-то время мы познакомились в драмкружке, работавшем у нас в школе. Пьеса ("Юность отцов" Бориса Горбатова), которую репетировали, обошла, должно быть, половину школьных драмкружков первых послевоенных лет. Рена играла в ней главную роль: интеллигентной барышни Наташи Логиновой — дочери врача, ушедшей из своей старомодной семьи в революцию и комсомол. У "артистки" оказался (неожиданно для ее довольно хрупкой субтильной комплекции) звучный грудной голосок. В нашем самодеятельном театрике она, несомненно, стала бы примадонной, но мы, кажется, даже не довели нашу постановку до премьеры... Впрочем, общаться не перестали: вскоре оба вошли в состав маленькой компании старшеклассников, которая состояла, в основном, из нескольких девочек ее школы и мальчиков — нашей.

Нам было по 16-17 лет, а Рене и вовсе 15. Ясное дело, возникли пары

и треугольники. Она уже тогда (даром что на вид совсем девчонка) была в центре внимания, в нее одновременно были влюблены ребята из нашей и "не нашей" компании. Никогда не мог понять, что за таинственный магнит скрыт в этой малышке: казалось бы, и сутулится, и худышка, и чертами лица далека от "идеала", а глянул — и глаз не оторвешь! Весела, остра на язычок, а вместе с тем, дружелюбна! Мы знали, что еще с прошлого года увивается за нею Лева Р. Он чуть не с детства увлекся радиолюбительством, держал связь в эфире с "коллегами" и Рену азбуке Морзе научил. Мы много фотографировались, и я попросил Муху: "Подпиши мне на память свою фотокарточку!". Схватив со стола карандашик, — быстро проставила на обороте снимка цепочку точек и тире. Пришлось мне раздобыть табличку, при помощи которой с энтузиазмом принялся за расшифровку. Читаю итог: "Ты — сволочь". Вот тебе и на! Хороши шуточки... Но обидеться на озорницу мне и в голову не пришло...

Однажды вдруг спрашивает у меня: "Феля, что такое бардак?". Я растерялся: в то время это слово еще воспринималось как непристойность, его основное значение (бордель, притон) считалось главным, а переносное (беспорядок, кавардак) звучало редко. Но, помню, ответил на вопрос добросовестно.

В течение нескольких лет нашего позднего детства и юности целая вереница моих друзей и знакомых пылала к ней нежным чувством: Толя Н., Леня С., Алик Р., Виташа П. Наверняка было и много других, но она, кажется, никому не отдала предпочтение. Очень к ней расположенный, я, тем не менее, в нее не влюбился — и даже продекларировал это в одном из двух написанных тогда "Посланий Мухе", где были такие строки:

Ни я в тебе души не чаю,
ни ты в меня не влюблена...

А вот — из "Второго послания":

Мой друг влюблен, а я — чудак:
влюбляться разучился...

"Разучился влюбляться" — в 16 лет! "Далекие, славные были!" (С. Есенин).

Когда мы однажды, будучи уже взрослыми, элегически вспоминали юность, и я сказал, что не был в нее влюблен, — она шумно возмутилась таким заявлением — и демонстративно в него не поверила!

Сейчас, когда ее не стало, впервые подумал, что права была она: я, должно быть, в самом деле любил ее всю жизнь чистой, нежной, безнадежной, ни на что не претендующей дружеской любовью.

В 1995 году, примерно через полгода после кончины в Харькове Бориса Чичибабина, мы в итоге долгой разлуки встретились с нею в Иерусалиме на вечере его памяти. В своем выступлении Рената рассказала, как впервые познакомилась со стихами этого поэта: он в то время "тянул срок" в Вятлаге... "А стихи его мне читал Феликс Рахлин", — вспоминала она. И тут же (более чем через полвека!) прочла наизусть грудным своим нежным голосом ранние стихи его, запомнившиеся ей с моих слов:

Ну, расскажи, ну, каково тебе,
Что с камнем шепчется капель?
Не о тебе ль вздыхает оттепель,
И дождь шумит — не о тебе ль?
Ну каково тебе, что в лепете
Тумана, влаги и тепла
Сугробы плещутся, как лебеди,
И в ночь оттаивает мгла?

(и т. д.)...

Конечно же, и я помню, как читал ей и эти стихи, написанные им до ареста, и новые, привозимые сестрой моей Марленой со свиданий с ним из лагеря... Мы гуляли с Реной вдоль по улице, на которой она тогда жила, где стояла и стоит наша 131-я школа, и где жили его мать и усыновивший пасынка отчим, к которым Борис вернется из лагеря еще через долгие два с половиной года, — но, конечно, не предвидели, что лет через пятнадцать она с ним подружится. А он в нее пламенно, хотя и ненадолго, влюбится! (Я и сейчас полагаю, что "черная пчелка печали" — это о ней...) Но с еще меньшей вероятностью могло взбрести нам обоим в головы, что эта улица будет носить имя автора тех стихов — поэта Бориса Чичибабина!

Сама Рена стихов долго не писала. Может, и были какие-то пробы пера, но ничего заметного не припоминаю. Вопреки пушкинскому утверждению, будто "лета шалунью рифму гонят", она всерьез (но и в шутку, да какую блистательную! Одну блистательнее другой!) начала "рифмовать", каламбурить, сверкать изысканными и неожиданными, непревзойденными по меткости метафорами уже в свои зрелые годы, — по-моему, не ранее чем на четвертом десятке лет. Минимум два фактора определили такую нестандартную творческую судьбу: во-первых, постепенное знакомство с литературным богатством прошлого и настоящего и со многими его творцами или "пропагандистами".

Не забудем, что среди школьных ее учителей были и такие, как Александр Ильич Мосенжник, перед тем преподававший русскую литературу

в одном из педагогических вузов Украины, но попавший там под дикую расправу как "безродный космополит"... Его гонители и не предполагали, что, выкурив его из школы высшей, они тем самым буквально осчастливят целые поколения юных харьковчан, невольно обеспечив их чудесным наставником, умным, знающим и темпераментным. Огромное влияние имела на учениц работавшая в той же школе Катерина Михайловна Доценко (в девичестве Губенко) — родная сестра великого украинского сатирика Остапа Вишни. Слушать речь Катерины Михайловны (и не только на ее уроках украинской литературы!) было истинным удовольствием: "вишневі усмішки" народного и, безусловно, фамильного юмора так и сыпались из ее уст...

Что же касается Реночкиных друзей, то не забудем, что наряду с Чичибабиым среди них были и супруги Воронель (оба — "физики и лирики"!), и Юлий Даниэль (в одном из своих "Писем из заключения" он сообщил, что она первая приснилась ему после ареста! В другом — с восторгом отозвался о доставленной ему в мордовский "Дубравлаг" написанной совместно Ренатой Мухой и Нелей (Ниной) Воронель книжке "детских" стихов "Переполох"... Но, на мой взгляд, особенно ощутимо Рена была обязана своим вхождением в литературу еще одному другу — великолепному поэту, педагогу и психологу... Тут сработала своего рода "цепная реакция". В начале 60-х в Харькове с шумом прошли встречи с Евгением Евтушенко. Они произвели неизгладимое впечатление на молоденького инженера Вадима Левина. Он вдруг тоже стал сочинять стихи, а потом, уже будучи женатым, имея дочь, — очертя голову бросил свою инженерию и весь отдался поэтическому творчеству. Дальше — больше: Левин стал "детским" поэтом, издал ряд интересных книг, увлекся психологией творчества, возглавил в городском Дворце пионеров детский литературный клуб... Не знаю точно, когда он познакомился с Мухой, но у меня впечатление, что Вадим с его одержимостью дал развитию ее творческой активности некий "первотолчок". Тут главное, однако, в том, что он не только не пренебрег теми первыми опытами, которыми она с ним поделилась, но — щедрая и подельчивая душа! — искренне и горячо их поддержал. Как раз тогда, помню, Реночка и мне (почему-то со смущенной улыбкой, как бы немного стесняясь) прочла один из первых своих опытов — кажется, "Ужа ужалила оса...". Конечно, мне стихи понравились, но то, что на моих глазах родился новый незаурядный поэт, мне и в голову не пришло. А Левин это понял! И, как хорошо известно из ее же рассказов, помог своими советами, "шефством", соавторством, верой в ее талант.

Цепочка "Евг. Евтушенко — В. Левин — Р. Муха" — налицо, как бы далеко первое ее звено ни отстояло от последнего!

Мой перечень Мухиных литопекунов наверняка не полон — завершу его именем ее многолетнего коллеги по университету — доцента Ефима Бейдера, о котором сама Рената как-то раз подробно рассказала в передаче "Семь сорок" израильского TV, веселя зал и многотысячную аудиторию пересказом его искрометного "одесского" юмора. Да ведь она и сама одесситка: по рождению и первым восьми годам жизни, затем — по частым наездам в родной город к бабушке Фейге, маминой маме, но главное — по особому складу души. Фима, с отличием окончив в Одессе техникум политпросветработы, в 1949-м приехал в Харьков, чтобы продолжить образование в библиотечном институте. Как вдруг в здешнем госуниверситете был открыт факультет иностранных языков, и он, забрав документы из библиотечного, поступил на английское отделение. Через год студенткой стала Рената, они познакомились, а в перспективе оказались сотрудниками, преподавая на том же факультете... Помимо близких интересов в сфере английской филологии, их, возможно, объединил еще и специфически одесский склад натуры... Они, однако, не только пересмешничали: насколько я знаю, Реночкина методика "сказочного английского" в какой-то мере апробировалась в ходе консультаций с Фимой как с коллегой. Это имеет прямое отношение и к ее литературному творчеству, так как в названной методике использовались и придуманные обоими преподавателями "сказочные" англо-русские тексты!

Хотя стихи Ренаты с такими безобидными героями, как Уж и Еж, Оса, Таракан, Крокодил, Осьминог и другие, как будто не должны были подпасть под подозрение, однако это случилось, как мы знаем из ее потешного рассказа Владимиру Бейдеру — ведущему израильской телепередачи "Персона". Я понял так, что ее собеседник из КГБ Критерий Александрович (!) выискивал у нее крамолу в связи с тем, что она была знакома с Ю. Даниэлем. Мне, однако, памятен другой повод недовольства чекистов Мухой: как человек, (нечастое дело в СССР!) в совершенстве владеющий английским, она имела неосторожность пообщаться с интуристами! Но теперь ясно, что, по меньшей мере, одно стихотворение Мухи могло быть оценено, по критериям Критерия, как явно "антисоветское": это "Стихи о плохой погоде", где в первой части человек, идущий по городу, ест бутерброд без сыра, во второй — без масла, а в третьей — уже и без хлеба! Это потом Сергей Никитин положит их на музыку... А мы, Реночкины друзья, услышали эту "сагу" в ее речитативном чтении как раз в один из

очередных приступов отечественной перманентной бесхлебицы... Хорошо, что ко времени рождения таких стихов "Критерии" стали утрачивать былое могущество!

Когда-то, после сдачи ею экзаменов на аттестат зрелости (1950), Реночка со смехом рассказала мне о том, что свой ответ по русской литературе на теоретический вопрос о приеме аллитерации проиллюстрировала строчками... моего к ней "Послания":

— ...В овраге около ограды
Трамваи дряхлые ползут, —

цитировала она, тщательно нажимая на "р" и звонкой дробью рассыпая вокруг свой мелодичный хохот.

— Вот так, Феля, ты на меня поработал!

Прошло множество лет, и этот же эпизод она поведала у нас в Афуле на встрече с читателями, организованной местным литературно-творческим клубом-студией, куда прибыла из Беэр-Шевы вместе с Феликсом Кривиным. И тут же причислила и меня к "лику" своих литературных учителей! Гипербола, но... приятная!

Выше обещано было назвать наряду с творческим окружением еще один фактор, способствовавший рождению в современной литературе феномена "творчество Ренаты Мухи": это поразительная ее способность впитывать в себя впечатления жизни, уроки учителей и опыт коллег, многое помнить годами и десятилетиями, волшебно переработать в умной и чуткой своей головке — и сторицей вернуть читателям: взрослым и маленьким.

Беэр-Шева для Афулы, по израильским меркам, не ближний свет, и обоим гостям (впрочем, как и было заранее предусмотрено) был приготовлен ночлег: Феликсу Давидовичу — в нашей квартире, Реночке — в квартире через улицу: у сына и невестки. Там и состоялся тот скромный ужин, который до сих пор мы вспоминаем как едва ли не лучшие час-полтора за все годы жизни в Израиле: сидеть в застолье с участием двух таких остроумцев и рассказчиков, как Ф. Кривин и Р. Муха, — удача из редчайших! Реночку неожиданно порадовала наша младшая, уже здесь, в Израи-

ле, родившаяся внучка Тали: семилетняя сабра, как оказалось (это и для меня стало сюрпризом), знает наизусть несколько стихотворений поэтессы, что тут же и продемонстрировала на хорошем русском.

В Афуле живет дядя Ренаты Лев Гительзон — подполковник Советской Армии в отставке, юным лейтенантом встретивший на западной границе СССР нападение германских войск, тяжело раненный где-то в середине той войны, но потом долгие годы еще остававшийся на военной службе. Лишь недавно по состоянию здоровья и немалым годам перестал он возглавлять афульский совет участников второй мировой. Не помню, был ли он на той встрече в клубе...

Но вернемся назад, в Харьков конца 40-х. В те школьные годы Рена жила вместе с мамой Александрой Соломоновной Шехтман (двоюродной сестрой Льва Гительзона; они и родом из одних и тех же мест под Одессой — это в довоенные времена поселения немцев-колонистов: Найдорф, Александергильф — ныне, кажется, Виноградное). Теперь Рена с мамой ютились в тесноватой комнате коммунальной квартиры, и мы, мальчики из соседней школы, часто сюда заходили в гости. Мама, доцент института иностранных языков, преподававшая там немецкий, была приветлива, держалась просто. Красивая женщина, она, сверх всего, обладала чувством мягкого юмора, что, должно быть, передалось и дочери...

Время от времени, как правило, по выходным, школьница Рена шла пешком через сад Шевченко и по Сумской к папе Григорию Мухе, который жил с новой семьей в старом центре города, в так называемом Дворце труда. Мне не раз доводилось ее сопровождать, и нетрудно было почувствовать, что идет она без охоты, что ей там не слишком уютно, что если б мама не настаивала... О ее отце я ничего не знал, потому что сама она не рассказывала. И лишь недавно от Левы Гительзона узнал, что "Гриша был хороший хлопец из украинского села"... и что его отец (то есть дед Рены) в гражданскую войну командовал отрядом красных партизан в украинской глубинке. Не отсюда ли (подумалось "в шутку, но всерьез") та "партизанщина", бесшабашность, которая иной раз в бушевала в Ренате? Впрочем, благодаря уточнениям Рениных близких, удалось узнать, что ее папа Грицько Муха — родом из знаменитого села Большие Сорочинцы, что на Миргородщине, а его отец еще в 1905 году принял активное участие в знаменитом Сорочинском восстании, за что и был люто наказан плетьми (а может, и шомполами?) карателей-казаков. Как бы то ни было, но о Реночке вполне можно сказать словами Козьмы Пруткова, что "в детище смешались две натуры", две стихии народного юмора: еврейско-

одесская и украинско-гоголевская: превосходная затравка для ее великолепного юмора!

В конце 50-х Рената стала вести на молодом, делающим первые шаги харьковском телевидении уроки английского и быстро приобрела популярность в городе. Окруженная множеством еще прежних поклонников, она долго не выходила замуж, как вдруг разыгралась история, ставшая источником пересудов городских кумушек в лице так называемой "общественности": у Рены возник серьезный роман с наблюдавшим ее в больнице известным профессором-терапевтом. Он был женат (правда, бездетен)... Ситуация завершилась его уходом от жены, однако стражи морали не могли с этим смириться — Ренату, к тому времени работавшую уже на кафедре госуниверситета, вызвал для "беседы" некий профсоюзный душеспасатель... Далее передаю тогдашний рассказ Мухи группе близких друзей:

— ... а я уже к тому времени донашивала нашего Митю. И вот вхожу в кабинет, куда гораздо раньше меня является вот это... (Рена картинно обрисовала продиктованные обстоятельствами тогдашние размеры своего живота.) Хозяин кабинета, взглянув на меня, спрашивает:

— Говорят, вы беременны?

— Нет, что вы?! — возразила я.

— Ну, вот и хорошо! — с облегчением сказал хозяин кабинета.

Без комментариев!!!

Совместная ее жизнь с отцом ребенка не была, однако, долгой: профессор вернулся к жене. Не станем уподобляться морализаторам из месткомов, но отметим лишь, что сложнейшую личную драму ее участники перенесли (насколько знаю) на диво достойно. Они сохранили на долгие годы нормальные человеческие взаимоотношения, а женщины постепенно даже подружились.

Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, не слишком долго Рената оставалась одинокой. В гостеприимном доме Бейдеров-Сазоновых (Света Сазонова, жена Фимы, — мне двоюродная сестра) был принят как близкий друг известный харьковский математик профессор Юрий Ильич Любич. Вместе с ним приходил его двоюродный брат Вадим — стройный молодой человек, тоже математик. Помню, как под звуки радиолы он и Рена беззаветно отплясывали чарльстон... Мне тогда уже подумалось: какая чудесная пара! Прошло какое-то время, и они поженились. У них родился ребенок — второй сын Ренаты.

Прошло много лет. Оба сына выросли, обоих она и Вадим не раз вмес-

те по-родительски проведывали: Митю — в Харькове, Алешу — в Штатах. А сыновья гостили у них в Беэр-Шеве.

Лично я обязан покойной тем, что моя СЕМЬ лет пролежавшая в харьковском издательстве, набранная, сверстанная, уже готовая к печати книга "О Борисе Чичибабине и его времени" все-таки увидела свет. Именно Рената смогла переубедить единственного человека, чье авторитетнейшее отрицательное мнение об этой книге мешало издателю дать последнее "добро" на выпуск. А я не был в состоянии переделать собственную память и переписать собственные мемуары в соответствии с пусть авторитетными, но не своими желаниями. Положение казалось безвыходным. Книгу спасла Рената. Она нашла такие слова, которые убедили противника книги в том, что она будет способствовать укреплению памяти поэта, усилению интереса к его творчеству. Не мне судить, но многие говорят, что так и вышло.

И супруги Ткаченко, Рена и Вадим, без моей просьбы, просто в порыве дружеского чувства и понимания, привезли мне из Харькова первые десять экземпляров той моей книги! А из другой своей поездки туда же — книгу следующую, вышедшую там же, — и тоже не одну-две, а — десяток.

Все, кто видел и слышал выступления Ренаты — неважно, вживую или по радио и ТВ, — обычно в восторге от ее изящества, остроумия, обаяния, таланта, естественности и простоты. А ведь много лет, даже еще до прибытия в середине 90-х на жительство в Израиль, она страдала от тяжелейшей болезни — причины и последствия целой череды операций. Несколько лет назад уже здесь перенесла еще одну, после которой даже сами врачи удивлялись, что она выжила. И ОБ ЭТОМ ОНА МНЕ С ЮМОРОМ (!) РАССКАЗАЛА ПО ТЕЛЕФОНУ! Не знаю, как точнее назвать эту черту ее личности: женственное мужество — или мужественная женственность? Бабы обоего пола, готовые раскиснуть от малейшего дискомфорта, — берите пример с этой дивной малышки!

Мне остается лишь рассказать, как закончилась наша встреча в Афуле. Тогда, прочитав по памяти в зале здешнего матнаса Бейт-Познак строчки из моего полудетского "Первого послания к Мухе", в том числе и те, где содержалось такое "пророчество": "Ты станешь старою калошей, я стану старым сапогом", — она в итоге вечера подарила мне свою книжку "Гиппопопоэма" с такой надписью: "Дорогому старому сапогу от старой калоши. Р. Муха, 5. 10. 2001 г.". Я ответил ей мадригалом: "Третье послание Мухе":

Как сладко на сердце стало
от антитезы такой:
сапог я хотя и старый,
а все-таки — дорогой!
Но вот что всего дороже:
хоть нынче не та пора —
не дешева и калоша,
а главное — не стара!
Пусть в обуви и одежде
иная мода теперь —
Калошенька! Ты, как прежде,
хорошенькая, поверь!
Не смяли нас годы, не сплющили,
и — пусть не в гладь и не в тишь, —
но я, Бог даст, поскриплю еще,
а ты еще поблестишь!

6.10.2001

Сейчас, когда ее не стало, утешаюсь хотя бы тем, что оказался прав: еще несколько лет, вплоть до совсем недавнего времени, она находила в себе силы радовать тысячи людей своим метким и точным словом, изобретательной рифмой, обаятельным юмором, захватывающим рассказом... Удалось ли мне хотя бы лишь "проскрипеть" о ней в этом несовершенном очерке воспоминаний? Но живут и блистают ее смешные и оригинальные стихи, в которых жизнь ее души продолжается для новых поколений.

Имя *Рената* в переводе с латыни означает "*Возрождающаяся*".

Да сбудется вновь и вновь!..

Мемуарный очерк был напечатан 1 октября 2009 г. в литературном еженедельнике "Окна" — приложении к тель-авивской газете "Вести".
Текст настоящей публикации несколько дополнен автором.

Публикация Татьяны АБРАМОВОЙ
Днепропетровск

Три рассказа о любви

"Я всегда был оптимистом и очень любил жизнь"
Юрий Олеша

Нас в Одессе было трое популярных поэтов: Багрицкий, Катаев, Олеша.
На этой тройке Одесса и въехала в Москву.
Валентин Катаев

"Он молод был, этот человек,
Он юношей был еще,
В гимназической куртке с большим ремнем
В фуражке, плоской как блин.
Лицо его было голубым.
Такой голубизной
Фарфор отливает, да скорлупа
Иволгина яйца.
Лоб, нависающий на глаза,
Был не по-детски груб,
И подбородок его торчал
Кудесничьей бородой.
Я понял, что этот вот человек
И есть душа синевы.
Что тяжестью погибших звезд
Согнуты плечи его,
Что, сам не сознавая того,
Он совмещал в себе
Скорбящий умирающий мир
В его последнюю ночь".

Это — Юрий Олеша в поэме Багрицкого "Последняя ночь". Вернее, в черновом ее варианте. Позднее Багрицкий изменит последние строки, и Олеша будет совмещать в себе уже не "умирающий мир", а

Крик журавлей и цветенье трав
В последнюю ночь весны.

Это, конечно, более оптимистично звучит, но все же первый вариант написанной в 1932 году поэмы точнее пророчит будущее писателя Юрия Карловича Олеши.

У Багрицкого — первая встреча летом 1914. А через три года Юрий Олеша, Эдуард Багрицкий и Валентин Катаев — наиболее заметные фигуры литературной жизни города из

нового поколения поэтов. Особенно Олеша, в отличие от артиллериста Катаева, не воевавший и не покидавший Одессу. В 1917 он становится одним из ведущих авторов знаменитой "Бомбы" – журнала революционной сатиры. Он художник и автор подписей к карикатурам (в те годы это не так уж и часто совпадало). Он сатирик и лирик, поэт и драматург, прозаик и сценарист. В журналах 1917-1919 годов отрывки из его драм, стихи, рассказы и даже сообщения о принятых к производству сценариях.

Одна пьеса была поставлена на сцене. В 1918 году "Южный огонек" сообщал: "В среду 24 (11) апреля в зале Консерватории состоится 4-й вечер "Зеленой лампы". Идет пьеса Юрия Олеши "Маленькое сердце". В главных ролях выступят Мария Шапиро и Б.К. Бобович". Помощником режиссера был В. Катаев.

Как исполнитель главной роли, так и помощник режиссера сочли необходимым посвятить свои произведения драматургу. Опубликованы они были в журнале "Южный огонек", авторами которого являлись все трое. Похоже, Бобовичу роль не очень понравилась, потому что посвященное "Дорогому Юр. Олеше" стихотворение начиналось со строк "Годами тлела злоба...". Катаев оказался более благодарным. Он обошелся без эпитетов, написав просто: "Посвящаю Юрию Олеше". Рассказ назывался тоже непритязательно: "Поэт".

"Жил-был юноша семнадцати лет, который с детства писал стихи. Писал он про любовь, про луну, про соловьев и аккорды, звучавшие у него в душе. Все находили его стихи прелестными и говорили о нем так:

– О, со временем из него выйдет знаменитый поэт.

Девушки записывали его стихи в свои бархатные альбомы и тайно плакали над ними. Но юноше этого было мало. Он хотел настоящей славы и мучился потому, что не мог в своих стихах выразить и сотой доли того, что его волновало. Поэтому он часто придумывал стихи. Придумывал, а не писал". И юноша обращается за советом к великому писателю-отшельнику. Получает совет – не писать искусственные стихи, а прислушиваться к окружающему миру. "Юноша пошел по мокрой траве и смотрел, и слушал, и впивал в себя росистый воздух. Новые образы и рифмы бродили у него в голове, и он по привычке уже собирал строчки про утро в горах, про росу и орлиные крики. Потом взошло солнце, и было оно так красиво, что ему захотелось писать стихи о солнце. Потом наступил полдень, и ему захотелось писать о цветах, рассыпанных в траве. Он даже придумал образ, что цветы в траве похожи на краски на палитре художника.

И так он все ходил, слушал, прислушивался, ловил неясные образы, сплетал рифмы, пил горный воздух и чувствовал всей душой, всей своей плотью и кровью красоту мира. Как очарованный бродил он много дней и потом забыл, что он поэт, что ему надо писать стихи. Все забыл. Только слушал, прислушивался и молился. И его душа стала сама по себе напевной и похожей на стих. В долину он не возвратился и все считали его погибшим".

Это впервые Олеша появляется на страницах прозы Катаева. Потом будет и "Бездельник Эдуард" в 1925 — о веселой троице поэтов, и "Алмазный мой венец" в 1978, где появляется "ключик". Их непростые отношения, то ли дружба-вражда, то ли зависть двух талантливых поэтов (ведь Катаев пишет о самом начале, о начале двадцатых годов).

Как ни странно, ни Катаев, ни сам Юрий Карлович не упоминают ни словом ранние рассказы Олеши. Поэт — иного определения для одесского Олеши ни у кого не находится. А ведь три его рассказа были опубликованы в 1918. И в них уже угадывается будущий "король метафоры", автор "Зависти" и "Любви".

Алена ЯВОРСКАЯ

Рассказ об одном поцелуе

Над каждой ложей между двумя лепными амурами висел матовый фонарь, похожий на дорогую писанку.

В красной темноте ложи стояли молодые люди в черных смокингах с блестящими отворотами и старики с розовыми лысинами, напоминавшие пуделей.

Над барельефами, украшенными облупившейся позолотой, оперев локти о малиновую обивку барьера, сидели дамы, и плечи у них были оголенные и красивые, а тальи схвачены легкими тканями или темным мягким бархатом.

При каждом повороте головы или движении руки, то на шее, среди кружев, в узком мысе холодного тела, то на пальцах, то в ушах под тяжелыми волосами — загорались разноцветные огоньки, вытягивая длинные острые лучики.

В бинокль, в малиновом овале, были видны их лица с глазами, сиявшими голубым блеском и необычно длинными от глубокой синевы, с алыми губами, говорящими что-то неслышное, что слилось в ровный, журчащий, неумолкающий шум, с биноклями, поднесенными к лицу, в тонких пальцах с блестящими ногтями.

В партере, похожем на раскрытую коробку конфет, веяли воздушные платья, склонялись плоские проборы кавалеров, маячили ослепительные манишки, золотые погоны и оскаленные воротники, затягивавшие, как петли, чахлые шеи стариков.

I

Над двумя многостворчатыми дверьми горели немигающим светом красные фонари, похожие на лампочки, при которых проявляют снимки, а у косяков стояли в аккуратных бачках, как будто загримированные, капельдинеры в красных с синим ливреях с золотыми позументами.

Занавес с Русланом, разящим страшную голову, казался сделанным из тяжелой желтой парчи, и на большую раковину была похожа суфлерская будка.

Погас свет, зазвенел звонок сразу в трех местах, отдавшись чистым переливом под какими-то невидимыми сводами, и низ занавеса осветился ярко от вспыхнувшей рампы, в то время как верхняя его часть осталась в лиловом полумраке.

В пролеты дверей, внезапно ставшие темными, торопясь проходили запоздавшие, чуть усилился шелест платьев и шарканье ног, и вдруг все сразу насторожилось, только в одной ложе кто-то прошел в двери, бросив обрывок желтого света, отчего блеснуло зеркало в темноте, и гулко ударив дверью.

Неожиданно появившиеся музыканты, совсем маленькие внизу, заиграли, когда маэстро взмахнул, как игрушечный, руками.

Скрипачи, сидя в ряд и склонив в одну сторону головы над скрипками, упершимися в белые платки под их подбородками, одновременно размахивали локтями, вытягивая тонкие, похожие на золотые дрожащие рапиры, ноты.

В это время через вестибюль, где была лестница, покрытая пурпурным ковром, с балюстрадой из мрамора такого цвета, как кофе, прошел в двери, ведущие в зрительный зал, золотоволосый юноша, одетый в черное. Стараясь ступать тише, он пробрался к своему месту в близком ряду и сел.

Перед собой он увидел спину седой дамы, а рядом молодую девушку, которая смотрела в бинокль, держа близко от золотоволосого юноши голый локоть.

Струился приятный аромат, получившийся оттого, что смешались все запахи духов с запахом старой материи, которым тянуло со сцены.

Золотоволосый юноша чувствовал себя хорошо и оттого, что взглянув мимоходом в вестибюле в зеркало, которое шло до потолка, вправленное в барельеф между двумя рядами электрических ламп, он нашел, что сегодня он бледен, и что это очень идет к его золотым волосам, и от присутст-

вия нарядной публики и красивых женщин и от приятного вкуса ликерной конфеты, который остался во рту, хотя съел он ее еще после обеда, стянув у сестры Зои.

Девушка, сидевшая в кресле рядом, через несколько минут после того, как он сел, отняла бинокль от лица и посмотрела на него блестящими веселыми глазами.

От движения головы метнулись и заблестели сережки, и нельзя было узнать, что блестело больше: сережки или глаза.

Золотоволосый юноша заметил, что ей захотелось улыбнуться, потому что, вероятно, она тоже себя чувствовала хорошо.

Потом, до конца акта, она глядела в свой бинокль, слегка склонившись влево и положив одну руку на поручень кресла.

II

Окончился акт.

Артисты, трое, держась за руки, выходили раскланиваться перед чуть оттянутой створкой занавеса, и теперь оттого, что был опущен желтый занавес и горела рампа, неприятно был заметен их грим, и белки глаз казались совсем голубыми.

Зажглись опять фонари над ложами и люстра, вверху, на страшной высоте, оранжевыми жемчужинами, похожая на повернутую книзу шапочку сказочного пажа.

Золотоволосый юноша встал, чтобы дать проход девушке, сидевшей рядом. Она, извинившись, прошла близко возле него, повеяв духами и чуть задев его руку холодным браслетом, на котором звенела цепочка.

Он повернулся к сцене, и, оглядывая публику, увидел во втором ряду сидящую к нему спиной даму.

От шеи, широкий сначала и постепенно суживающийся к низу, вырез в черном блестящем шелке обнажал ее плечи. Она сидела, поднеся обнаженную руку к подбородку и немного подавшись вперед, от чего между лопаток легла у нее мягкая складка, и шелк неуловимо красивыми линями сбегал к ее коленям.

Золотоволосый юноша подошел ближе и увидел, что волосы у нее были того красивого оттенка, который бывает у светлых шатенок, а плечи такого цвета, как страница старого молитвенника. И эти плечи заполнили все его сознание, как будто он видел их всегда и только не знал, что это они, как будто то, чего бы он когда-либо захотел, как самого ценного во

всем мире, это была бы именно возможность поцеловать эти плечи в вырезе черного блестящего шелка.

Он даже поднес руку к лицу.

"Я поцелую ее плечо, да, поцелую".

Он прошел к барьеру, отгораживавшему оркестр, посмотрел на виолончелиста, который ел мятные лепешки, повернул и лицом к публике пошел по проходу, чтобы увидеть ее спереди.

Он увидел ее лицо и кольца, отяжелившие ее пальцы, которые она держала у подбородка. Коричневые глаза, слегка оттененные, взглянули на него. И прежде, чем глаза их встретились, он успел заметить, что рот у нее был большой и очень красный, а волосы слегка завиты.

"Я ей нравлюсь", — подумал он.

Она, не отводя взгляда, как ему показалось, расширила глаза, немного откинулась назад, и губы у нее шевельнулись, сдержав ласковую улыбку.

Это было делом одной минуты.

Уже проходя мимо, он увидел ее обнаженную руку в коротком рукавчике, веснушчатое лицо и жидкий пробор господина, который сидел с ней рядом, но, видимо, не был с ней знаком.

Золотоволосый юноша пошел дальше между рядами по коврику, заглушавшему шаги.

"Поцелую ее в плечо! А что будет?.. Воображаю. И все равно. Это интересно".

Дрожь от головы к ногам прошла по нему, и ему припомнились те сны, которые снились ему в детстве, и когда, видя сон, он знал, что это сон, и не боясь, делал все, что ему хотелось.

Он принял такое положение, чтобы видеть ее.

Она сидела уже иначе, и он решил, что она, вероятно, повернулась, ища его глазами, покамест он шел к своему месту.

Теперь немного был виден ее профиль, и издали, от освещения, была заметна влажность ее рта.

"Да", — решил золотоволосый юноша.

Трехтонно зазвенел звонок, и погасли оранжевые жемчужины, только матовые фонари над ложами еще горели. Ряды пополнялись. Опять ему пришлось встать, чтобы пропустить свою соседку. Она прошла, чуть склоняя голову и приподняв согнутую руку, чтобы не задеть его браслетом, на котором звенела цепочка.

"Ну, что будет! Ничего не будет. Получу пощечину".

И чувствуя, как теплые волны хлынули к ногам, сделав их тяжелыми,

а сердце заставив ускоренно биться, — он встал, удивив соседку, которая уже пристраивали свой перламутровый бинокль, и медленно пошел к тому ряду, где сидела дама с красивыми плечами.

Он увидел чьи-то спины и чей-то висок с рыжеватыми волосами. Потом перед его глазами очень близко и вместе с тем как бы и не тут, а где-то в прошлой жизни, были ее плечи с мягким углублением между лопаток, матовый блеск черного шелка и красноватый огонек, как Сириус, в ее кольце на пальце обнаженной руки, которую она поднесла к голове, чтобы поправить завиток волос.

В то же мгновение стало темно, низ занавеса сделался ярко-желтым с четкой тенью суфлерской будки, и красный Сириус потух, потому что дама опустила руку.

Золотоволосый юноша, чувствуя, что на него все ближайшие из зрителей смотрят с удивлением, нагнулся и поцеловал даму в плечо, как раз в том месте, где начиналась шея. Было мгновенное неизъяснимо-приятное ощущение теплоты на губах, которое вызвало такое же мгновенное и ушедшее в глубины души чувство непонятной нежности, такое чувство, будто в нем сосредоточилась вся сила любви, которую он испытывал когда-либо или только будет испытывать.

И пока еще ничего не произошло, в тот мгновенный промежуток мига, пока он смыкал губы, его охватил запах, исходивший от нее и похожий на тот, которым пахло от смятой постели его сестры Зои.

Вскочил чей-то жилет, и чьи-то глупые голубые глаза испуганно посмотрели. Кто-то сбоку сказал: "Боже!".

Она вздрогнула, двинулась вперед, точно кто-нибудь прикоснулся к плечу куском льда, привстала и повернулась так, что одна ее рука, мягко изогнувшись, осталась на спинке ее кресла, а другая напряженно уперлась в спинку бывшего напротив кресла.

Он почувствовал, что краснеет, и почему-то неловко дернул рукой.

Но потом он увидел, что лицо ее стало другим — из удивленного веселым.

Она протянула ему обнаженную руку, чуть согнутую в локте, и, слегка закинув лицо с большим очень алым ртом, сказала и не громко, и не тихо:

— Вы красивый и смелый.

Он пожал ее пальцы.

Она повторила:

— Вы красивый и смелый. Я на это не решилась бы.

— Тише! — сказал кто-то недовольно. Кто-то засмеялся.

Она еще раз протянула ему руку, и опять у нее губы шевельнулись так, как будто сдержали ласковую улыбку или как будто после поцелуя.

Потом она светло улыбнулась.

Маэстро взмахнул руками, точно нарисованный на плакате, и оркестр заиграл.

— Идите садитесь, золотоволосый.

Он пошел к своему креслу, сопровождаемый взглядами, и встретила его улыбкой девушка с голыми локтями, сидевшая с ним рядом.

III

В антракте она встала и, мягко ступая и чуть наклонившись вперед, подошла к нему. Прежде чем заговорить, она посмотрела прямо в глаза ему широкими зрачками своих коричневых глаз.

Он встал.

Она улыбнулась.

Золотоволосый юноша видел ее близко: черный блестящий шелк таким же вырезом открывал ее груди, схватывая плотно талью и расходясь к ногам шумящими складками. Покачивались от каждого движения головы завитки волос над висками, и поблескивали, то потухая, то вспыхивая, кольца на руках.

— Это самое оригинальное знакомство, — сказала она.

— Подождите, может быть, сегодня еще кто-нибудь прибегнет к такому способу.

— Это уже будет не оригинально.

После паузы она добавила:

— Вы мне нравитесь. У вас удивительные волосы.

Когда спектакль окончился и поднялся шум от закрываемых дверей, от запоздалых хлопков, от слов, от шелеста платий и от того, что кто-то на галерке звучным баритоном повторял последнюю фразу премьера, она подошла к нему и, сделав такое движение, точно хотела опереться об его руку, сказала:

— Ну, мой мальчик, вы меня проведете домой.

— А это не страшно?

— После того, что вы сделали, вам нечего уже бояться. Только будьте до конца оригинальны.

В гардеробной, где была толкотня и веселый шум, он помог надеть ей темно-лиловое манто с коричневым меховым воротом, в которое она за-

пахнулась так, что над мехом были видны только ее глаза. На шляпе у нее было белое перо в виде маленьких стрелок. Стрелки дрожали, и тяжелыми складками покачивался низ ее манто.

— Мы пройдем пешком, — сказала она, когда швейцар в длинной до пят ливрее с пятью пелеринками и круглыми, похожими на луны, пуговицами открыл перед ними дверь, и в стекле отразились огни и бледное лицо золотоволосого юноши.

— Мы можем поехать.

— Нет. Идем. Смотрите, какая ночь. Возьмите меня под руку.

В небе была луна и огромная галоша над куполом "Проводника". Звенел стеклами, громыхал трамвай, и лошади храпели, выпяливая кровавые глаза.

Она ответила ему такой же оригинальностью.

Когда они пришли к ней, она угощала его ликером, который горел, как золото, от света лампы в ее будуаре, где все было в желтых, теплых тонах.

Она отдала ему для поцелуев свои плечи и смеялась, когда он целовал их, и черный шелк, и обнаженные руки, и широкими зрачками смотрела на свое и его отражение в зеркале, и ее большой, очень алый рот как будто слегка шевелился.

Потом, когда прошло несколько дней, ему не верилось, что все это было в действительности. Как будто все это выдумал Шопен: и то, что золотоволосый юноша, одетый в черное, поцеловал в театре даму в плечо, и коричневые глаза, и лиловое манто, и прекрасные плечи, и руки цвета страницы старого молитвенника на белых подушках в пене кружев, и большой очень алый рот, целовавший темные глаза золотоволосого юноши.

Южный огонек. № 5, воскресенье 2 (20) мая 1918.

Конец студента Бахромова

I

Шансонетная артистка Лина Амеги жила на содержании у еврея Кенига. Как ни странно, но она была в него влюблена, хотя Кениг был наружности далеко не привлекательной и был стар — не так чтобы стар совсем, но достаточно потрепан и не имел зубов, которые заменил вставной челюстью, отчего и неприятно пришептывал.

Говорят, что женщина тяготеет вообще к силе, как бы она ни проявлялась; надо полагать, что Лину Амеги покорила сила денег: Кениг был невероятно богат.

То, о чем будет речь в рассказе, происходило летом, в исхода его, в разгаре сезона фруктов — в это время Кениг с Линой жил на даче, находившейся весьма близко к морю и недалеко от города, в той местности, что именуется славным именем французского графа, потрудившегося в свое время немало для процветания нашего города. Примечательными в этой даче, кроме ее хозяйки, было также и то, что на одном из балконов ее, повисшем над мшистым откосом, где внизу белели повернутые кверху дном рыбачьи шаланды, в золоченой клетке белый и нахохленный, не умолкая кричал какаду. Крик этот настолько стал обычным в этой местности, что даже мальчишки, бегавшее к морю, уже не дразнили птицу, и, казалось, перестань она кричать, то и солнце не так чудесно будет сиять, и трава в приморских скверикаx не будет столь ярко-зеленой, и не так весело будет потрескивать упругая струя, бьющая узким веером из рукава старого садовника на золотой гравий и бесчисленные пахнущие перцем гвоздики.

Иногда на балконе появлялась очаровательная госпожа.

Снизу она казалась маленькой женщиной в лиловом платье. Ей солнце ослепляло глаза, и она подносила руку к лицу. К тому же она боялась загорать и, постояв несколько минут, чтоб посмотреть на чаек и коричневых людей на пылающем пляже, она уходила внутрь, за стеклянную дверь, отражавшую невероятно синее небо и золотой блеск облаков.

До обеда изящный и легкий кабриолет с ливрейным лакеем увозил ее по направлению к городу по асфальтовой, размякшей от солнца дороге между двумя посадками парка, где по одну сторону парк назывался "молодым" и состоял из невысоких деревьев, подстриженных на английский манер, а по другую — "главным", со старинными платанами, корявыми, точно изрытыми оспой, березами и, как полагается, "вековыми" липами, чьи стволы были исчерчены множеством вензелей и знаменательных надписей.

В городе очень часто Лину Амеги в обществе маленького и до некоторой степени франтоватого Кенига можно было видеть в партере или на скачках.

Словом, Кениг знал, как полагается вести светскую жизнь в рамках, предоставленных нашим городом.

Лина Амеги всегда была не кричаще, со вкусом одета, причем в нарядах ее преобладали лиловые тона. Шляпы она носила небольшие и очень

часто с черными бархатками, которые, прижимая у щек к вискам ее подстриженные волосы, делали ее похожей на средневекового пажа.

Дамы высшего круга смотрели на нее, усмехаясь слегка иронически, но и завистливо, и всегда лорнировали ее то на самом деле, то как будто мысленно. Очень многие избегали поклонов, и все называли ее так: "эта, затем многоточие, Амеги". Конечно, с их точки зрения, справедливой по своей общеместной применяемости, они были правы. Им не приходилось взвешивать душевные свойства ее, — а она ведь была только кафешантанная артистка и находилась на содержании.

В кафешантане, впрочем, теперь она уже не выступала, чем немало огорчала любителей этого жанра, так как лучшей исполнительницы танго не нашлось бы в южной полосе нашего государства.

II

Студент Бахромов за два года до того, как Лина Амеги ушла к Кенигу, имел несчастье увидеть ее в ночном *cabaret* "Девять муз", исполнявшей танго Анапа, которое входило тогда в моду, вместе с ее партнером *m-sieur Geordel*, покорившим золотую молодежь нашего города потреблением кокаину и изумительной меткостью стрельбы из пистолета.

Студент Бахромов, дотоле никого не любивший, а имевший лишь связи с певицами из оперного хора и одну, очень длительную и прибыльную, с женой фабриканта Р., — с первого же взгляда почувствовал к прелестной танцовщице сильную и неодолимую любовь.

Все могло бы протечь вполне благополучно, если б в тот момент, когда товарищи представили ей Бахромова, она не была слегка пьяна шампанским и не заметила влюбленному юноше, что он напоминает ей белую мышь.

Бахромов запомнил узкую в длинной матово-поблескивающей перчатке, руку, разнузданно протянутую к губам какого-то господина в цилиндре, и теплый и влажный блеск глаз на слегка запрокинутом лице — и все это в освещении сверху, с головками хризантем, наклонившимися к нему из оранжевого полусвета, и негром, пляшущим Ки-ка-пу, на огромном плакате позади всей сцены, — осталось в его памяти, как отрывок когда-то виденной им кинематографической картины.

Слова танцовщицы наполнили его сердце горечью и невыразимой болью. С этих пор он оставил стремление познакомиться с ней ближе, но любовь его стала еще сильнее. Ко всему, ему приснился сон, где он уви-

дел себя маленьким, в шелковом голубом костюме и кружевным воротом у шеи, а Лину Амеги в виде девочки, одетой для верховой езды, в длинных матово поблескивающих перчатках. Они ели абрикосы из помятого кулька, и вдруг девочка поцеловала его в лоб. Поцелуй этот был так нежен, и сжал сердце его такой неизъяснимой печалью и сладостью, как это только бывает во сне.

Проснувшись, он понял, что выхода нет, что нечем ему жить, и что все пути потеряны. Тогда он стал обдумывать, и получалось так, как будто одна мысленная тесемка закутывала его мозг по одним определенным швам, а другая — по остальным. Одни мысли были такие: "Ни одного мгновения не проходит без того, чтобы ты не думал о ней, без ее любви ты не мыслишь своего существования, твоей тоске — нет исхода, ты похож на белую мышь. Значит что? — Конец". А другая тесемка распутывалась таким образом. — "Все это чепуха. Нет такой горести или счастья, которые не были б забыты. Не надо романтизма. Время Принцивалле прошло. Выход — стараться забыть".

Бахромов знал, что забыть можно, но о том, чтобы сделать это, даже и думать было страшно. И он решил покончить с собой. Эта мысль преследовала целый год и становилась все настойчивее. К этому времени он стал прибегать к кокаину. Несколько раз он брал в руки *Colt* и наводил черное массивное дуло на себя. В эти минуты он сознавал свою трусость и почти лязгал зубами от внутренней дрожи. Тогда он решил отравить себя кокаином. Но исполнение откладывалось, а тоска становилась невыносимей.

Лина Амеги, конечно, вовсе не помнила о студенте, похожем на белую мышь, и когда встречала его, то совершенно не замечала. У Бахромова же падало сердце и захватывало дыхание, так что ноздри чуть не разрывались. И, удаляясь от места случайной встречи, он повторял про себя ту фразу, которая пришла ему в голову в один из таких моментов: "Любовь похожа на смерть".

Так прошло время до того дня, когда Лина Амеги поселилась на даче. Теперь, бродя в июньские дни возле узорчатых решеток ее сада, где на каменных цоколях ограды болтались медные кольца в львиных мордах, Бахромов определенней вспоминал свой сон, как будто в этом сне было такое же изумительное небо, и так же сползали солнечные пятна по зеленым дощатым ставням; какие-то неясные и мучительно-неуловимые воспоминания детства вспыхивали в памяти, точно он знал уже когда-то ее, и в какой-то веселый день девочки в розовых платьицах, похожих на цветок "львиную пасть", кричали кому-то через забор: "Ай, яяй, Линка! Ай, яяй, Линка!".

III

Однажды, подумав о самоубийстве, Бахромов почему-то увидел длинную вереницу богомолок, идущих по пыльной серой дороге. Это было необъяснимо, но это означало — Смерть.

Было воскресенье, конец августа. Воздух был напоен тем особенным, холодным и свежим ароматом, который характерен для этих предосенних дней. Этим запахом веяло от фруктовых магазинов, где розовые груши в плетеных корзинах были завернуты в тонкую папиросную бумагу, и от мясных лавок с входами, заваленными тяжелыми дынями в желтых подпалинах.

В этот день Бахромов решил умереть. Он боялся, что в последнюю минуту у него не хватит сил, и поэтому решил отрезать себе пути. Для этого он изобрел план наиболее верный и вместе с тем такой, который должен был сделать конец его жизни самыми счастливыми мгновениями ее.

Следя неотступно свою возлюбленную, он знал, что в этот день вечером она останется одна на даче. Почему не сделать хоть один раз, хоть перед концом, явь — сном. Ведь все равно никто уже не взыщет. Тем лучше — сделать так, чтобы жить более нельзя было.

Он решил пойти к ней.

Одна мысль об этом наполняла его сладким трепетом, заставляла испытывать такое чувство, которое он испытывал, идя на экзамен с хорошо выученным билетом.

Он приготовил все: написал письма к тем, кому счел нужным, расплатился с долгами, осмотрел револьвер и зарядил его шестью патронами, спрятав запасную обойму. План захватил его, как веселая затея, как если бы он собирался ехать туда, куда долго стремился, как будто он читал интересный рассказ, которого осталось несколько страниц.

Часов в шесть, когда еще оставалось немного времени до условленного часа, он пошел в кафе, находившееся на бульваре, и выпил в последний раз мазаграму.

Неожиданно у него началось сердцебиение. Это было неприятно, так же, как и то, что в голову, как часто это бывает при случаях особенно значительных, бессмысленно лезла фраза из какой-то сказки братьев Гримм:

"Меня мачеха убила, съел отец меня потом, а Карлинхен, та сложила в ворох кости под окном!.."

IV

Ровно в девять часов вечера Бахромов позвонил у входа в сад дачи Кенига.

Теперь ему все уже казалось происходящим не в действительности. Мысли становились неопределенными, не заканчивались и текли без связи по каким-то странным ассоциациям; обстановка теряла свою рельефность и казалась не рядом существующих предметов, а рядом понятий, означающих эти предметы. Но время не оставляло его, но делалось все сильнее чувство какого-то необъяснимого умиления и нежности.

В темноте сада вспыхнул бледный четырехугольник стеклянной двери, потом она звякнула; мелькнул мужской силуэт и по гравию захрустели шаги. У Бахромова сердце билось тяжелыми и медленными ударами.

— Боже мой, я иду к ней! — думал он, замирая и страдая от этих ударов.

— Кто там? — спросил слуга.

— Госпожа Амеги дома?

"Я спрашиваю: "госпожа Амечи дома", — пронеслось в его мыслях. Он дрожал от необычности и точности сладкого предчувствия.

Слуга увидел, что Бахромов одет так же, как господа, приходившие на дачу: Бахромов был в белых брюках, темном пиджаке с цветком и белой шляпе.

Ничего подозрительного слуга не заметил и, конечно, ничего и не мог подозревать.

— Я сам пройду к ней. Она знает, что я должен быть сегодня у нее. Куда идти?

— А как доложить?

— Скажите, из театра "Трокадеро". По делу.

Бахромов последовал за слугой. Он был полон восторга, как будто исполнилось то, о чем он думал, как о самом невероятном и неисполнимом.

Слуга включил свет в передней, похожей на фойе маленького театра, потом, щелкнув за портьерой выключателем, пропустил гостя в следующую комнату. Здесь стояла мягкая мебель в одном углу, а ближе к двери — пианино с фарфоровыми безделушками. Бахромов испугался так, что даже в ногах стало тепло и тяжело: сверху, как будто не со стены на расстоянии, а почти подступив к самому его лицу, или точно выйдя из него самого, глянул на него из темной широкой рамы портрет Лины Амеги — чуть повернутая голова над чудесными обнаженными плечами, отороченными воздушным мехом. И опять нежность подступила к его горлу.

— Что я делаю, Боже мой! — подумал он.

Потом за дверью он услыхал голос, давно не слышанный, но все время звучащий в глубине его сознания, голос, немного грубый, но до слез казавшийся ему милым.

Тогда он сказал:

— Госпожа Амеги?

— Да, да.

Дверь напротив него приоткрылась и, освещенная позади, выглянула женская головка в подстриженных волосах, похожая на голову средневекового пажа. Он сделал шаг вперед. Слуга, как воспоминание, проплыл мимо него. Ему захотелось сесть на землю, и глупо, по-индюшечьи, заболтать языком.

— Все равно конец... Чего же бояться? Лина, Лина, Лина... — мысль разрывалась, взлетала и хлопала, как бич.

— Что угодно?

Он стиснул зубы и быстро подошел к дверям. В эту минуту были перед ним только ее глаза, и он был поражен, увидев их так близко. Это был первый раз за два года. Он не знал, что они так прекрасны.

— Я... — хотел он что-то сказать, но не окончил.

— Что такое! — вскрикнула она с испугом.

Бахромов достал револьвер и сказал:

— Не смейте кричать.

Она поднесла руки к лицу. Он увидел так же близко ее пальцы с розовыми полированными ногтями.

— Я не грабитель... Я... пришел посмотреть вас. Я сегодня застрелю себя...

"Я не так действую", — подумал он и потом сказал резким голосом:

— Зайдите в комнату!

В последующую минуту они были уже за дверью. Он закрыл ее за собой. Это была спальня. Он увидел, не понимая и думая о ее склоненной спине с белым вырезом в лиловом шелке, — две кровати посередине, зеркальный шкаф и туалетный столик, где, искрясь, поблескивали флаконы.

Оттого, что он видел обстановку, в которой она жила, и оттого что она была так близко и в его власти, он испытывал такое счастье, что все в нем ликовало.

— Чего вы хотите? — спросила она со страхом и возмущением.

— Вы не помните меня?

— Нет.

— Я студент Бахромов, которого вы назвали белой мышью.

— Не помню.

— Я люблю вас в течение двух лет. Сегодня последний мой день. Неужели я не имею права перед концом увидать вас близко? Садитесь сюда.

Она села на мягкий диван с вышитыми хризантемами, похожими на звезды.

— Если бы вы знали, какую радость я испытываю сейчас.

Она улыбнулась. Студент видел ее профиль на фоне спинки дивана.

— Мне хочется взять ваше лицо в руки, поднести близко и смотреть целую вечность. Если бы вы знали, как я тосковал.

Он говорил, как будто сам с собой.

— Вы в лиловом платье. У вас сейчас, в таком положении, вырез на груди меньше, чем на спине. От вас тянет запахом изумительных духов. Как они называются?

— "*L'or Coty*". Она засмеялась.

— "*L'or Coty*", — повторил студент, как слова молитвы, Он и сам улыбался, как будто ему казалось, что красавица к нему благосклонна. Он был у наивысшего предела восторга. Он боялся проснуться,

— Лина Амеги, Лина, Лина, тоска моя, любовь моя, — говорил он, склоняясь к ее рукам.

— Вы не похожи не белую мышь, — прозвучал ее голос, от которого у него сжималось горло, и дрожь, сладкая и замирающая, проходила по спине, — у вас умные глаза, только вы смешной мальчик.

Перед глазами у него были ее колени.

— Не похож? Значит, мне можно жить?

Он поднял голову. Она улыбалась, глядя на него нежными темными глазами.

Потом он начал, захлебываясь и чуть не плача, говорить о своей любви, сбивался, цитировал стихи, вспоминал детство и, говоря, следил за собою и чувствовал, что, несмотря на несвязность и торопливость его речи, выходило необыкновенно хорошо.

Она слушала внимательно и серьезно смотрела прямо в его глаза. Когда он умолк, она коснулась его лица рукой и сказала:

— Вы меня любите, но я не люблю вас. Я сейчас в вашей власти, вы можете сделать со мной, что хотите. Вы можете овладеть мной. Но все равно, — ведь любви моей вы не узнаете.

Студент не знал, что говорить.

Револьвер был уже в ее руках. Бахромов хватился, а она, улыбаясь, отвела его руку.

— Нет, не пугайтесь. Я хочу хоть немного сделать вас счастливым.

Потом случилось нечто невероятное. Он видел, как Лина поднялась и быстро начала раздеваться. Лиловый шелк, хрустя и изламываясь, шелестел у ее ног, затянутых в черные блестящие чулки и как будто сделанных из железа, пахнули кружева, завились банты, тонкие и гибкие руки взметнулись, — и Бахромов увидел обнаженную женщину в мягком желтоватом полумраке, наполнявшем комнату, с запрокинутым лицом и руками, упертыми в узкие бедра.

Студент лежал у ее ног в мягких шуршащих тканях, одурявших его своим ароматом, и плакал, говоря несвязные слова. Потом он протянул руки и скользнул по ее коленям, испытав незабываемое и единственное в его жизни ощущение...

Она сказала:

— Теперь хотите умереть?

Она смеялась.

— Уходите. Берите ваш револьвер. Можете рассказывать кому хотите, все равно никто не поверит.

Она набросила халат, запахнулась в него и, улыбаясь, смотрела на студента.

Бахромов не помнил, как вышел, как очутился в саду и за калиткой. Револьвер остался наверху.

Он вдруг вспомнил, что написал многим последние письма, и представил свое смешное положение. Он поплелся через дорогу, где вязли ноги в асфальте, и повторял про себя: "Меня мачеха убила, съел отец меня потом"...

Потом остановился и сказал, почти крикнул:

— К черту!..

Он не знал, к кому это относилось, но еще раз повторил ругательство. И вдруг подумал:

— А что же теперь делать? — и не нашел ответа.

Огоньки. № 23, суббота, 19 (6) октября 1918

Ветер

День молодого ветра. Сумасшедший, шумный, стремительный, как только в апреле и ранней осенью.

Заря желтая. Дома шатаются. Извиваются проволоки. Все летит, торопится. Один я стараюсь не поддаться общей инерции. Трудно. Особенно

на мостовой. Налезают лошадиные морды, стреляют бичи, ревут автомобили. Со всех сторон — огнедышащие пасти, красные и золотые огни трамваев, мечутся пешеходы, бьют по лицу полы пальто, взлетают, кружатся, разбиваются стуки, звоны, слова, принесенные ветром издалека.

Почему-то колокола гудят. Пароходы поют. Пахнет мокрой землей и опавшими листьями.

Канотье в неудержимом беге подпрыгивает по камням. Трах-трах-хлоп! Остановилось возле башмачков красавицы. Молю Бога, чтобы ветер взметнул ее платье. Взметнул! Ай, спасибо!.. Очаровательная ножка! Закройте скорее, поправьте!

Одной рукой хватилась за шляпу, другой ловит развевающийся подол платья. Названье: "Ветер". Набросок модерниста.

А все-таки грустно. Бог его знает, грустно — и приятно. Приятная жалость к себе — чувство от детских лет.

Мне не грустить надо: тосковать, мучиться. Вспоминаю. Такое положение, что трудно описать, чтоб было понятно. Я ведь не снизу смотрел, а профиль ее был на фоне черного картонного неба. И почему звезды были видны, хотя слепил розовый дуговый фонарь? И где фонарь — над вывеской, а профиль низко, — но как будто от них пол-аршина расстояния. Один момент на ходу — потому все смешалось и запомнилось в своем перемещении относительно меня. Это было неделю назад. Позвольте, как она была одета? Ну, этого не забудешь. Совсем не похоже на амазонку, — а вот почему-то запомнилась как амазонка. Импрессионизм!

Черное платье. Какое-то плотное, но не тяжелое, видно. И идет же ей, когда талья схвачена... А какая она тонкая в нем. Как девочка! Узкий мыс тела. Вырез спереди больше, чем на плечах.

— Вероника. Определенно золотое имя. Не объяснишь. Я подписался под письмом так: "не забывайте"... и затем имя и фамилия в родительном падеже. Письмо дурацкое, влюбленный лепет, хоть, напившись в "Гамбринусе", и говорил, что не письмо — а молитва. Ах, мальчишка, мальчишка!..

В лицо сыплются мелкие капельки, и рукава становятся мокрыми: сырость, от которой и холодно и жарко в одно время.

Вероника — это та, которую я люблю, и которая меня не любит. Вероника, из-за которой я застрелюсь. Не застрелишься. Разговорчики. Так просто — театр для себя. Есть и тоска, и горечь, и мысли о смерти, но что-то есть сильнее, что смеется. Ну да, молодость. Значит, в молодости ни радость, ни боль не искренни?

Уже совсем темно. Зари нет. Ветер, ветер!

Какое-то предчувствие. Начало каждого сезона — время предчувствий. Чего еще ждать — Вероника на письмо не ответила. Может, не получила? — Получила. Недаром глаза прищурила, когда встретились.

Чего я хочу от Вероники? Прежде всего, я ее люблю. Ну, если любишь, значит радуйся, что видишь хоть издалека. Написал письмо, следовательно, одной приглядки мало. А что же нужно? И снизу, Бог весть из каких глубин сердца просасывается нехороший, но такой истинный, такой живой ответ — нужно касаний.

Касаний? Значит — похоть! А любовь? Ведь я ее люблю. Или похоть и любовь одно и то же? А может быть, похоть, которая возникает при любви, уже не похоть? Но все-таки, все-таки все сводится к касаниям! Черт возьми — ясно, что так и должно быть; это от природы, от души и плоти. Похоть, и великолепно! Разве я осквернил бы свою любовь, обладая Вероникой, — а обладая Надькой, я оскорбляю похоть. Потому что Надьки я не люблю. Тонкое различие — похоть любящего и похоть нелюбящего. Философия!

Улица Памятника. Любимая моя улица. О, этот мост! Какая чудесная ограда. Когда идет снег, то если смотреть через нее, дома вдали, повисшие над узкой старинной уличкой, напоминают обложку сказок Андерсена.

Здесь меньше пешеходов, но зато листья, листья! Летают, мечутся, шуршат под ногами... А возле обочин тротуаров от них мягко ступать. Иногда, осенью, бывает так: вчера еще улицы были чисты, а выйдешь утром — и все желтое от листьев, точно за одну ночь аккуратно осыпались порыжелые и сухие.

Вдруг сердце падает — момент небытия, и сразу застучало, как молот. Да, да! Нет, не можете быть! Она! Она! Она!

О, улица нечаянной радости!

Встретил. — Где? Когда? Кто бы ожидал... Сердце... Сердце...

Идет из темноты Вероника. Ликую и страдаю. От счастья и испуга. Всегда пугаюсь, когда вижу ее. Почему?..

Прыгнули дома, упал памятник, поплыли огни.

— Здравствуйте!

— Здрассс...

Боже мой, лицо! Удержать — удержать... еще! еще! Куда там!

Оглянулся. Вероника... Желтый непромокаемый плащ и поблескивающая небольшая шляпа, даже не шляпа — что-то вроде шапочки с бархаткой вокруг лица... Идет, отводя руку в сторону.

Боже мой, как стучит сердце. Лопнет. Сказала "Здрассс"...

Остановился. Повернул за ней. Заметит! Скажет:

— Какого вы черта лезете! Письмо какое-то! Слежка! Мальчишка! Я на вас плевать хочу!

Осторожно ступая, прячусь в темноте. Зрение морского волка. Держусь на расстоянии полуквартала. Иногда кажется, что потерял. Нет, вот она. В полосе света.

Ах, эти прохожие, ах, этот ветер... Все мешает, путает, крутит перед глазами...

Куда она идет? Ах! Неужели, в драму? Одна! А вот не встретил бы, болтался б по улицам, не знал бы, а так проведу изумительный вечер — вечер с Вероникой. Звучит громко! Можно подумать, что сидеть буду с ней рядом, разговаривать, а потом домой провожать в пролетке. Да, как бы не так. Во-первых, она будет сидеть, вероятно, в четвертом-пятом ряду, а я — в конце. Буду дожидаться антрактов, чтобы видеть ее ближе, где-нибудь в фойе, когда все прогуливаются.

Театр уже в огнях. Масса публики у портала. Как она быстро идет! Вечер с Вероникой — это как во сне. Увижу, значит, ее без шляпы. Наверно, платье какое-нибудь нарядное, оголенные плечи и руки такие особенные, театральные. Женщины в театрах всегда какие-то особенные.

Вдруг неожиданность. Есть две подряд небольшие темные улицы, не доходя театра, с дурной репутацией. Женщина с подведенными глазами, удивительная женщина, взглянула на меня так, что сладко в спине стало. Ветер повернул ее и обтянул ноги платьем. Ноги! Ноги!

— Во рту высохло. Конец.

Вероника поднялась по ступеням. Входит.

Останавливаюсь. Женщина тоже. Денег у меня хватит. Разорюсь окончательно.

— Смотрите, ветер унесет! — говорю я глупыми тоном под денди.

— Спасайте,— отвечает женщина.

— Идите за мной.

Она смеется. Какая интересная! Наверно, из дорогих.

— Вы похожи на мою первую любовь! — это я говорю обычно таким женщинам.

Она улыбается крашеным ртом.

— Знаете что? Идемте в театр.

— Не стоит.

— Почему?

Беру ее под руку. Пальцы скользят по шелку от локтя к ладони.

— Идем, идем... Не разговаривайте.

Она уже прижимается тесней. О, эти мурашки по спине!

Заходим в вестибюль. Ищу глазами Веронику. Вот! Уходит? Что такое... Куда? Ах, вот этот господин, который с ней повсюду. Подошла к нему.

— А у тебя кокаин есть? — спрашивает моя дама шепотом.

Я не отвечаю. Прислушиваюсь к разговору тех двух. Боже мой, что за голос у нее!

Она спиной ко мне. Господин значительно выше ее, улыбается, глядя сверху.

— Что за интерес! — голос Вероники: — билетов еще не брал?

— Нет.

— Великолепно. Идем в "Нетопырь".

— А! — отмахивается.

— Ей-богу, там лучше!

Я вижу, как они уходят. Рука, отведенная слегка назад, бархат вокруг лица, красные уголки глаз. Не видела.

— Идем лучше в "Нетопырь", — говорю я.

— Морочишь голову.

Она сразу переходит на ты. У нее чудесное углубление между лопаток. Видно в вырезе. Как хорошо поцеловать туда.

— Как тебе не холодно в шелке?

— Сердце горячее.

Ответ, которого я ждал.

Идем в "Нетопырь". Веронику потерял из виду.

Программа уже началась, в кассе только билетеры. Покупаю два билета третьего ряда. Входя в темный зал, стараюсь рассмотреть публику. Садимся. У нее мокрый большой рот, поблескивает в темноте от света со сцены. Предвкушаю — и замираю весь.

Номер окончился. Лиловый занавес упал, рампа вспыхнула. Хлопают. Оглядываю зал. Еще раз. И еще и еще. Нет! Черт возьми, куда они ушли?..

— Ты мне нравишься! — голос низкий и щекочущий мне горло. Сжимаю ее руку. Вся приникает.

Где же Вероника? Нет, нет и нет.

Выходит молодой человек со стеклышком в глазу, осторожно минует суфлерскую будку, волнуя сверху донизу занавес, и начинает:

— Итак, сейчас вы видели...

Неужели они и отсюда ушли?

— Только хлопайте, посильнее, — оканчивает и скользит за занавес.

Глупо сидеть здесь. Лучше пойти ко мне.

Дома деньги: пошлю за вином, фруктами и сладостями, устрою нечто невероятное. Почему уже не досадно на Веронику?

— Плюнем на это дело. Скука.

— А? — она говорит, — а, — нежно склоняясь ко мне.

— Скука. Идем ко мне.

— Вот невозможный!

— Дома кокаин!

— Ну?

— Честное слово.

Встаем и уходим из зала. В фойе сталкиваемся с Вероникой и ее спутником. Что это! Боже мой, что она подумает! Ведь это сыск — куда она, туда и я. Сейчас скажет ему, а он как трахнет меня палкой по голове: не бегай, мальчишка, за Вероникой Станиславовной.

Посмотрела на меня серьезно и, Боже мой, недовольно.

Что делать? Назад в "Нетопырь"? Что тогда подумает эта в черном. Еще скандал поднимет? Бросить ее здесь и остаться, или вести к себе?

Они берут билеты. Вероника почему-то хохочет.

Вечер с Вероникой или это углубление между лопаток?

— Чего же ты стал? — спрашивает она. В это мгновение я замечаю, как черный шелк на груди у нее возле выреза чуть отстает над телом и образует пленительную темноту, где я вижу кружево. Конец.

— Как тебя зовут?

Она отвечает:

— Валя.

Я начинаю дрожать. Приятная дрожь, от которой трудно говорить.

— Валя, ты меня любишь?

Глупейшие разговоры.

Приходим ко мне. Хозяев квартиры нет: тем лучше. Я иду за вином. Покупаю две бутылки удельного, груш и винограду.

Весело проводим время.

Вот и говори после этого о подвигах любви, о прекрасных дамах, о тоске, о том, что в огонь попадаешь из-за нее... Чепуха.

Я записываю в дневник:

"Я страдаю. Никак иначе нельзя назвать то, что я испытываю от неразделенности моей любви.

Но возможность близости к интересной и доступной женщине сделала так, что я потерял счастливый случай видеть целый вечер ту, которая

мне дороже всех людей. Заключаю: молодость не может ни любить, ни ненавидеть. Любовь молодого человека — это наиболее ярко выраженное желание. Почему-то думают, что чистая любовь свойственна юношам. Ничего подобного!"

Огоньки. № 25, суббота, 2 (20) октября 1918

Публикация Алены ЯВОРСКОЙ

"Брызги шрапнели"

Журнал "Юмористический пулемет" был задуман редактором Евстафием Сильванским в разгар первой мировой войны и выходил еженедельно с апреля по ноябрь 1915 года. Редакция не скрывала, "сколько волнений, труда и денег пришлось положить, пока не наладилось дело". Действительно, бумажный голод того времени делал усилия энтузиастов просто героическими, чтобы издание было иллюстрированным, многостраничным, по возможности красочным.

Сегодня, зная хронику культурной жизни Одессы 1915 года, можно с уверенностью сказать, что "Юмористический пулемет" не стал, увы, знаковым событием. Он не приобрел авторитета, сопутствовавшего, скажем, журналам "Театр и кино" Л. Камышникова или "Южный музыкальный вестник" Н. Марценко, стартовавшим в том же году. Не удалось привлечь к сотрудничеству авторов, способных на должном художественном уровне отразить современные трагические темы, связанные с военными действиями, патриотизмом граждан, необходимостью пополнять ряды воинов.

Журнал же напечатал наивные предсказания о скором заключении мира и разгроме австро-германской армии и анкету с вопросами об отношении одесситов к многоженству (мировая война сделала актуальным вопрос о восполнении населения).

В каждом номере журнала находим такие наспех зарифмованные патриотические "всплески", иногда почти опереточные:

"Бейся крепко на войне.
Если ж только из-под пушек
Станешь ты гонять лягушек,
Так такой не нужен мне..."

Защитники отчизны, идущие "унять спесивого тевтона", почему-то ностальгировали по войне:

"...Ты помнишь ли, мой друг,
Те чудные мгновенья,
Когда в тиши ночной мы в
Бой кровавый шли?.."

"...И кто хоть раз побыл на брани,
Того потянет вновь...".

Такие себе "эскизы о войне" (так, впрочем, и называлось одно из стихотворений).

Редактору хотелось привлечь внимание к изданию, поэтому в журнале появляются странички для читательниц с обсуждениями европейских веяний моды, рубрики "Вести и слухи", "О чем говорят", где примитивно зарифмованы были проблемы современного быта и нравственности.

Пожалуй, один из материалов из журнала "Юмористический пулемет" и сегодня попадает в цель. Это статья "На фабрике сенсаций", где подается "кухня желтой прессы". Любителям еженедельного подобного чтива раскрывается, как можно своими силами на пустом месте создать "сенсацию" и потом подать это "вкусненько" своим читателям. Зло высмеивается, как "праздный вымысел, легкомысленная шутка" становятся всерьез предметом обсуждения доверчивой публики. Заключительная фраза статьи, кажется, обращена и непосредственно к нам: "Вам рассказали, как обманывают вас, может быть, теперь вы возьметесь за настоящую книгу".

Татьяна ЩУРОВА

Майорка Строкеръ.

I.

Мойсей повелитель.
Великій учитель,
Намъ всѣмъ заповѣдаль одно:
Въ добрѣ жить и мирѣ,
Открыть дверь пошире,
Будь другъ то, иль врагъ все равно.
Враговъ чтобъ любили,
Поили, кормили,
Будь эллинъ, иль будь іудій.
Вернувшись отъ Бога
Твердилъ онъ намъ строго;
"Мой милый народъ "не убій"!..
Но мы то, конечно,
Грѣшны были вѣчно
И мудрыхъ не слушали словъ.
"Не убій", какъ и нынѣ,
Былъ гласъ лишь въ пустынѣ,
Былъ крикъ лишь среди мертвецовъ...
Теперь у народа,
Какъ будто-бы мода
Людей убивать за ни что...
Подчасъ ради славы,
Подчасъ для забавы,
Убьемъ мы отца своего...
Мы вѣчно въ несчастьи,
И буйныя страсти
Обуздать не въ силахъ уже мы...
Нашъ вѣкъ, — вѣкъ страданья,
Убійствъ и рыданья,
И вѣчно мы ходимъ въ крови...

——— ———

Въ убійствахъ Одесса
Есть городъ прогресса,
Мнѣ нужно вѣдь дань ей отдать...
Въ кровавомъ туманѣ,
На первомъ же планѣ
Одесса должна была стать!
Пріймусь я за дѣло,
И тайну "Отеля",
Подробно я вамъ опишу.
(Простить мы обиду
Не можемъ за Лиду, —
И все представляемъ суду)...

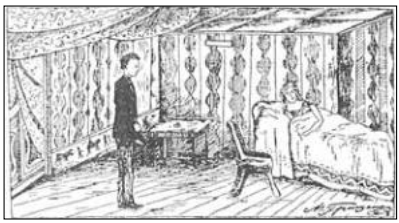
II.

Былъ пиръ послѣ пира,
Въ согласьи и въ мирѣ.
Казалось, сидѣлъ нашъ Майоръ.
Но нѣтъ!.. Онъ все думалъ,
И что то надумалъ, —
И двери закрылъ на запоръ.
А Лида сидѣла —
И горько жалѣла
О жизни пропащей своей...
И все размышляла,
Какъ низко упала
И вновь жить хотѣлося ей!..
"Не въ горькой обидѣ, —
Все думалось Лидѣ. —
Устрою свою я судьбу.

Я буду молиться,
У Бога проситься
И честно свой вѣкъ проживу"...
Въ то время Майорка,
Обдумывалъ ловко,
Избавить отъ Лиды себя...
И такъ вотъ въ молчаньи,
Въ различномъ мечтаньи,
Сидѣли они до утра...

III.

...За ночь все созрѣло,
И Строкеръ — умѣло —
Ужъ ножъ свой для Лиды точилъ...
.....
А позже онъ съ крикомъ,
Съ удальствомъ и гикомъ,
Ей раны ножемъ наносилъ!
.....
Лилась кровь рѣкою...
А Строкеръ рукою
Все дѣло свое продолжалъ...

И кончивъ!.. очнулся,
Отъ сна встрепетнулся —
И трупъ предъ собой увидалъ...
И дверь на запорѣ
Открывъ, въ коридорѣ
Онъ, плача, прислугу позвалъ
А позже немного,
Уже онъ въ острогѣ
Свои показанья давалъ.

IV.

Подруги собрались,
И всѣ они взялись
Подругу свою хоронить...

"Нашимъ пистолетамъ"

Тамъ льется кровь, зіяютъ раны,
Оскалилъ зубы злой недугъ...
А васъ здѣсь гонитъ въ рестораны
Вашъ отвратительный досугъ.
За васъ на бой пошли дружины
Подъ градь свинцовый, подъ огонь,
А вы присѣли къ нимъ за спины,
Еще-бы — васъ война не тронь!
За васъ другимъ наносят раны,
И гибнетъ тамъ за ратью рать...
А вы куда? — въ кафешантаны
Вы не хотите умирать?
Молчите! Жалки ваши рѣчи,
И ложь трусливый вашъ отвѣтъ...
Васъ надо гнать въ средину сѣчи,
Гдѣ отъ враговъ пощады нѣтъ!

Н. Баяновъ.

КАРТА ВОЙНЫ ВСЕГО СВѢТА
вмѣсто 30 за 5 к.
Открытки
роскошн. изд. воен. и юмористическія вмѣсто 10 к. по 2 к.
Въ конторѣ „Юм. Пулеметъ"
ул. Новосельс. 96. Тел. 28—80

Наша анкета о многоженствѣ

Міровая война выдвинула на очередь новые сложные вопросы.

Однимъ изъ такихъ вопросовъ является вопросъ, какими путями страны, втянутыя въ войну, смогутъ пополнить свою убыль въ мужскомъ населеніи.

Вопросъ о колонизаціи ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть принимаемъ во вниманіе т. к. въ послѣдніе годы эмиграція изъ Европы въ Америку, Африку и Австралію приняла колоссальные размѣры. Ждать же возвращенія эмигрантовъ обратно къ мѣстамъ своего выѣзда, не выдерживаетъ никакой критики, т. к. каждому извѣстно, что субъектъ, разъ покинувшій насиженное мѣсто, не станетъ возвращаться на старое пепелище.

Міровая статистика о рождаемости за послѣдніе годы ясно показала, что рождаемость въ нѣкоторыхъ континентальныхъ странахъ идетъ на убыль, при чемъ въ процентномъ отношеніи рождаемость женскаго пола превышаетъ рождаемость мужскаго пола.

И вотъ теперь, когда пошелъ второй годъ войны, стало ясно, что съ восьмого мѣсяца ея, рождаемость быстро уменьшается, прогрессируя съ каждымъ новымъ мѣсяцемъ

Что дѣлать для того, чтобы повысить рождаемость?

Надъ этимъ вопросомъ первыми занялись наши враги.

Мы же со своей стороны предлагаемъ нашимъ читательницамъ и читателямъ отвѣтить на предлагаемую "Анкету о многоженствѣ".

Принимая во вниманіе, что въ странѣ нашей исповѣдуются нѣсколько религій, просимъ въ отвѣтахъ указывать свою религію. Отвѣты могутъ быть безъ подписи.

ВОПРОСЫ:

Какъ поднять рождаемость въ Россіи?

Допустимо-ли многоженство и если да, то въ какомъ видѣ?

Эти два вопроса являются кординальными, остальное мы предоставляемъ дополнить тѣмъ, кто пожелаетъ отвѣтить на предложенную анкету.

Редакція проситъ принять во вниманіе, что ДОПЛАТНЫЯ ПИСЬМА ею не принимаются, поэтому открытки надо оклеивать 3-хъ коп. маркой, а закрытыя письма — городскія — 5 коп. маркой, а иногороднія — 10 коп. маркой.

Отвѣты слѣдуетъ адресовать такъ:

Одесса. Новосельская 96, Ред. "Юм. П-та" въ отдѣлъ "Анкеты"

Воспоминанья.

Ты помнишь-ли, мой другъ тѣ чудныя мгновенья,
Когда въ тиши ночной мы въ бой кровавый шли?
Безстрашно ждали мы горячаго сраженья,
Съ молитвой на устахъ въ окопѣ залегли.
Не чувствуешь въ груди ни робкаго сомнѣнья
Въ побѣдѣ надъ врагомъ, ни страха передъ судьбой,
Забили въ барабанъ — и съ страстной жаждой мщенья
Мы кинулись впередъ за честь Руси родной.
Ужасно бились мы; кругомъ земля дрожала,
Какъ молнія огонь во мглѣ ночной блисталъ,
И въ битвѣ славной той мнѣ ногу оторвало...
Померкло все въ очахъ; я вскрикнулъ и упалъ.
Но гдѣ же ты, мой другъ сей жизни одинокой,
Любимый образъ твой не видѣлъ я съ тѣхъ поръ.
Быть можетъ, вѣчнымъ сномъ ты спишь въ странѣ далекой
И дремлетъ надъ тобой, качаясь, старый боръ.

Г. Рыковъ

Эскизы о войнѣ.

И кто хоть разъ побылъ на брани,
Того потянетъ вновь.
Вѣдь маршъ военный только
И тотъ волнуетъ кровь.
Отваженъ воинъ въ громѣ,
И въ молніяхъ войны.
И тамъ, гдѣ пули флейты,
Герои рождены.

Въ походъ

...И если только слышу счетъ
И равномѣрный шагъ солдата, —
Не все-ль равно — убью я брата,
Вѣдь все герою прощено!?
И въ сердцѣ нѣжномъ, женскомъ сердцѣ
Не будетъ больше словъ любви.
И въ равномѣрные шаги
Побольше твердости и мести.

Женинъ

ДАРОМЪ
при покупкѣ отъ рубля выдается книжка для храненія денежныхъ
— — марокъ — —
Все для хозяекъ
бумага для закупорки оконъ, бумага гофре, кружева для буфети, и кухон. полокъ, булавки невидимки, шпильки и проч. и проч.
Т.д.„В.Гринзафтъ и С-нъ“
Одесса, Площадь Кондратенко 1, Телефонъ 72-87.

Новое предсказаніе

о близкомъ заключеніи мира и разгромѣ австро германской арміи.

Согласно предсказанію одного чеха миръ будетъ подписанъ 11 ноября 1915 года.

Это предсказаніе, надѣлавшее много шума въ австрійской имперіи, основано на простомъ ариѳметическомъ вычисленіи, въ основу котораго положены даты войны съ Наполеономъ и франко прусской 1870 года.

Великая обще-европейская война противъ Наполеона I началась въ 1813 году и кончилась въ 1814.

Сложивъ оба эти числа, получаемъ 3627.

Раздѣливъ это число на двѣ части, по двѣ цифры въ каждой, получаемъ 36 и 27.

Складывая сумму цыфръ этихъ обоихъ чиселъ, получаемъ: 3+6=9: 2+7=9.

И въ самомъ дѣлѣ, миръ былъ заключенъ девятаго числа девятаго мѣсяца т. е. 9 сентября.

Возьмемъ теперь войну франко-прусскую.

Она началась въ 1870 году и окончилась въ 1871.

Сложивъ оба числа, получаемъ 3741.

Опять дѣлимъ число на двѣ части.

Получаемъ 37 и 41.

Сложивъ сумму цыфръ, мы имѣемъ: 3+7=10 и 4+1=5.

Миръ былъ подписанъ 10 мая, т. е. пятаго мѣсяца.

Примѣняя эту же систему къ настоящей войнѣ, получаемъ: 1914+1915=3829, или 38 и 29.

Складываемъ сумму цыфръ 3+8=11 и 2+9=11.

Въ результатѣ: миръ долженъ быть заключенъ 11 ноября.

Въ концѣ предсказанія говорится, что австро-германская армія будетъ на голову разбита, въ то время, когда въ союзѣ съ ней будетъ одной изъ европейскихъ второстепенныхъ государствъ (Болгарія).

Вѣсти и слухи

Ходятъ слухи, хоть трудно понять,
(Не обратно-ли ихъ понимать),
Городская больница опять,
Будто стала больныхъ принимать.
Говорятъ, что кондукторъ трамвая
Съ пассажиромъ былъ вѣжливъ вчера
И сказалъ, даже въ бокъ не толкая:
— "Господинъ, вылѣзать вамъ пора".
Говорятъ, что въ Управѣ балансы
Сведены (но, конечно, съ трудомъ)
И что, будто-бы, есть даже шансы
Совершить снова новый заемъ.
Говорятъ, что богадѣлки старухи
Перестали судьбу проклинать...
Словомъ, ходятъ различныя слухи...
Не обратно ли ихъ понимать?

Иванъ Олзаханъ

Страничка нашихъ читательницъ

Дорогія читательницы! Получавшіяся во время моего отсутствія изъ Одессы, многочисленныя письма очень меня обрадовали и я считаю долгомъ поблагодарить моихъ корреспондентокъ за вниманіе и въ общихъ чертахъ постараюсь отвѣтить на нѣкоторые общіе вопросы.

Какіе цвѣта матеріи считаются въ данное время самыми модными?

Въ Парижѣ и Лондонѣ въ текущемъ сезонѣ носятъ платья цвѣтовъ: синяго, краснаго, коричневаго и верблюжьяго. Верхнія вещи почти исключительно цвѣтовъ чернаго и верблюжьяго. Отдѣлки изъ бѣлячьяго мѣха и ангорской козы.

Въ области причесокъ уже не замѣчается гладко причесанныхъ головокъ, и мѣсто ихъ заняли прически изъ локонъ съ проборомъ посрединѣ головки или же высокія прически съ фестонами на лбу и завитками около ушей и шеи.

Въ послѣднихъ №№ американскихъ модныхъ журналовъ обращаютъ вниманіе новые фасоны дамской обуви съ узкими носками и отдѣлкой изъ мѣха.

Вмѣсто гамашъ ботинки дѣлаются очень высокими на 28 пуговицъ, что при короткой юбкѣ придаетъ женщинѣ грацію и предохраняютъ ноги отъ простуды.

Косметическій отдѣлъ въ слѣдующемъ №-рѣ.

На всѣ вопросы читательницъ даются отвѣты въ журналѣ. Желающія получить отвѣтъ письмомъ, благоволятъ прилагать марку или открытку.

Маска

Послѣдній и крикъ Парижскаго салона Пуаре.

Въ эту ночь...

Въ эту ночь, когда звѣзды игриво
Мнѣ мигали въ окно, съ высоты
Мнѣ впервые призналася ты,
Въ эту ночь, когда нѣжныя руки
Я твои безъ конца цѣловалъ,
Въ эту ночь, мои новые... брюки
Изъ окна кто-то ловко укралъ.

Мистеръ Хрю-Хрю.

Всему свѣту-по секрету.

Мода.

Ведя безпомощно рукою,
Не могъ я темы все найти.
(Хоть бейся въ стѣнку головою,
А дай въ редакцію стихи...)
Черкнувъ немного о погодѣ,
Я въ кабинетъ, друзья, вошелъ; —
Редакторъ золъ по старой модѣ
И рапортъ мнѣ такой отплелъ:
"Отбросьте къ черту вы погоду,
Не смѣйте мнѣ о ней писать,
Побольше думайте про моду,
То больше будетъ намъ подъ стать!!.."
Не понялъ я; "Прошу прощенье,
О чемъ вы спорите со мной"?
Редакторъ повторилъ вь мгновенье,
Что мы "безъ страха и сомнѣнья"
Должны за моду стать горой".
Блюдя его совѣтамъ строго,
Себя желая показать, —
Прійдется мнѣ читагель много
Про нашу моду написать.
Всякъ знаетъ, — Ева начала
(Случилось это не вчера)...
Съ Адамомъ вмѣстѣ плодъ сорвала,
Что указала имъ змѣя.
И въ тотъ же мигъ увидя голой
Себя, какъ женщина тогда,
Она накрыла быстро полой
Адама друга — и себя...
И съ той поры у насъ обряды, —
Сказать вѣрнѣе — нашъ законъ, —
Что женщинѣ нужны наряды
И... денегъ цѣлый граммофонъ
Затѣмъ на разныя манеры
Наряды дамы стали шить,
Явились юбки шантеклеры
И мода начала шалить.
Парижъ вѣдь есть и мода смѣло
Впередъ все шествуетъ, впередъ,
Она лишь мужу надоѣла,
Который деньги все даетъ...
А нынѣ ужъ рѣшусь сказать я,
Что все до ужаса дошло,
Что дамы шьютъ съ разрѣзомъ платья
И ткутъ изъ насъ мужей манто...
Разрѣзъ ихъ былъ у правой ножки
(Вотъ сколько есть у дамъ идей...)
То для того чтобъ ставить рожки
Отнынѣ легче было ей.

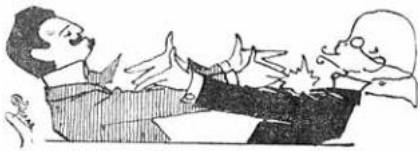
— —

Но имъ конечно мало все,
И всѣ онѣ себѣ рѣшили
Разрѣзовъ сдѣлать 5 еще,
Мужчинъ тѣмъ больше раздразнили...
Мы смотримъ, — кровь бурлить всегда
Отъ этакой картины
Чтожъ будемъ дѣлать мы тогда,
Когда увидимъ, господа,
Разрѣзъ ... у середины?...

П. Соколовскій.

О чемъ говорятъ

Кишка.

Я наблюдалъ изподтишка,
Что у людей различныхъ сферъ,
Играетъ въ жизни роль кишка,
Смотря каковъ ея размѣръ.
И только, только для кишки
Живетъ весь родъ людской гурманъ,
И для нея творитъ грѣшки:
И ложь, и кражу и обманъ.
Упершись въ разныя края,
Внизу груди, повыше ногъ,
Кишка, какъ толстая змѣя,
Обводитъ брюхо поперекъ...
И вотъ, для этой-то змѣи
Все въ прахъ летитъ со всѣхъ сторонъ:
И умъ. и стыдъ, и честь семьи...
Она, порой, колеблетъ тронъ!..
Кишка, поганная кишка
Сильнѣе мудрой головы!
Подобье грязнаго мѣшка...
Вообразите только вы!
Когда кишка у васъ пуста,
То воля мякнетъ, точно воскъ,
Молчатъ несмѣлыя уста,
Порабощенъ тревогой мозгъ
Любовь и всякіе божки —
Пустыя вздорныя слова.
Мы всѣ подъ властію кишки,
Ея незыблемы права.
И мыслю я изподтишка,
Когда взираю на людей:
Идетъ поганая кишка,
И никакихъ въ ней нѣтъ идей!"

Н. Баяновъ.

Рифмы подбирайте сами.

1.

Изъ-за феи изъ балета
Взвелъ курокъ у...

2.

Какъ заѣхалъ въ скверный номеръ,
Такъ бѣдняга въ немъ и...

3.

Чтобъ проложить себѣ дорожку,
Подставляй почаще...

4.

Задолжавши денегъ массу,
Опустилъ онъ руку въ...

5.

Она красива какъ Амуръ,
Но по уму одна изъ...

6.

Написалъ стиховъ пять тысячъ,
И за всѣ бы розгой...

Дядя Яша.

ЗАДАЧА.

Виноторговецъ имѣлъ 20 бочекъ вина и 41 бочку воды. Онъ разлилъ вино въ бутылки. Спрашивается, сколько стоитъ бутылка, такъ называемаго "Аккерманскаго" изъ погреба Ослана въ Одессѣ?

Ничего не дѣйствуетъ

Нянька. Пожалуйте къ намъ поскорѣе, г. докторъ: молодая барыня заболѣла!.. Мы ужъ всѣ домашнія средства перепробовали, — не помогаетъ...

Докторъ. А что именно вы дѣлали?

Нянька. Ну, я ѣздила за билетомъ на "Золотыя яблоки", баринъ обѣщалъ ей купить новую шляпу... наконецъ пригласили къ обѣду двоюроднаго братца, Николая Сергѣевича...

Нѣтъ, не дѣйствуетъ!

— —

Дама говоритъ кавалеру:

— Отъ вашей игры всѣ въ восторгѣ.

— Да, я много и очень удачно играю.

— Мы даемъ концертъ, примите и вы въ немъ участіе со своимъ инструментомъ.

— Къ сожалѣнію, моего инструмента ни принести, ни привести нельзя.

— На чемъ же вы играете?

— На билліардѣ.

— —

— Я теперь знаю, что значитъ находиться между двухъ огней!

— Ну что-же?

Вчера я былъ въ Красномъ переулкѣ, въ кофейнѣ "Дюльберъ"; справа отъ меня сидѣлъ мой портной, а слѣва сапожникъ, которымъ я давно уже ничего не плачу.

Чудо XX вѣка.

или рестораторъ въ объятьяхъ трезвости.

Фабриканты - грабители.

Носятся слухи, что табачные фабриканты намѣрены вновь повысить цѣны на табакъ.

Необходнмость четвертаго за время войны повышенія фабриканты отъясняютъ отсутствіемъ на рынкѣ турецкаго табака и плохимъ урожаемъ зелія въ Россіи.

Не понимаемъ: если табаку вообще мало, то отъ вздорожаній его едва ли прибавится до новаго урожая?

Сказали бы ужъ проще:

— Не желаемъ отставать отъ другихъ и пользуясь моментомъ, задумали погрѣть руки за счетъ обалдѣвшаго отъ всеобщей дороговизны потребителя.

И драли бы ужъ шкуру безъ всякихъ объясненій.

Къ чему они?

Грабители, снимая у прохожаго штаны и сапоги, не объясняются.

Иван ЛИПТУГА

Дубаи — самый быстрорастущий город в мире

То, чего я добился в Дубаи, — это лишь 10% моего видения от того, каким он должен стать.

Его высочество Мохаммед ибн Рашид аль-Мактум,
премьер-министр и вице-президент
Объединенных Арабских Эмиратов,
правитель Дубаи

Самый большой в мире аэропорт
Самые большие в мире проекты развития побережий
Самый большой в мире парк развлечений
Самый большой в мире торговый центр
Самая высокая в мире башня
Самый высокий в мире отель
Самый высокий в мире жилой дом
Единственный в мире отель 7 звезд
Самый большой в мире причал для яхт
Самое большое в мире число миллионеров на душу населения

Глядя через окно иллюминатора самого большого в мире пассажирского двухэтажного лайнера "Аэробус 380" авиакомпании "Эмирейтс" на ночной залитый светом город будущего Дубаи, тяжело себе представить, что еще пятдесят лет назад это была неисследованная пустыня с небольшим прибрежным поселением, жители которого занимались рыбной ловлей, добычей жемчуга и морской торговлей. Сегодня Дубаи стал символом человеческого прогресса, и несмотря на отсутствие каких-либо благоприятных природных условий, оставил далеко позади себя столицы и мегаполисы крупных мировых держав. Нигде в мире, кроме Шанхая, не строят больше, чем в Дубаи. Нигде в мире роскошь не возведена в такой абсолют. Местная поговорка гласит: "Хотели как лучше, а получилось еще лучше!".

История Дубаи коротка и делится на два основных периода: до открытия месторождений нефти и после. Первые поселения бедуинов на территории Дубаи столкнулись с большими трудностями при адаптации к географическому положению. Дневная температура превышала 40 градусов, поселенцы испытывали постоянный недостаток пресной воды и еды. Не-

смотря на это, они продолжали кочевать, разводя коз и верблюдов, а также выращивая финики. Однако выгодное прибрежное расположение сделало это место безопасной гаванью для морской торговли. Такое расположение, а также введенные первыми правителями эмирата налоговые льготы привлекли внимание португальцев и англичан, что послужило началом образования нового многокультурного города и величайшего торгового центра в Персидском заливе.

История этого далекого города напоминает нашу с вами любимую Одессу первой половины XIX века.

Своему развитию Дубаи обязан, в первую очередь, правящему шейху Рашиду бин-Сайед Аль Мактум, отцу ныне правящего шейха, который заложил основу для экономических преобразований. Развивая инфраструктуру порта, углубляя и расширяя бухту, Дубаи приобрел статус главного порта на Ближнем Востоке. Во времена его правления было положено начало беспошлинной торговле, что еще больше укрепило статус порта как основного по транспортировке грузов в Персидском заливе. Но с открытием нефтяных месторождений в середине 60-х годов все эти проекты получили мощную финансовую поддержку.

Дубаи из всех семи эмиратов обладает лишь 5% всех запасов нефти ОАЭ. Отдавая себе отчет в том, что запасы нефти эмирата весьма ограничены, мудрые экономические советники шейха составили грамотный план развития инвестиционной привлекательности Дубаи и применения финансовых инвестиций, от добычи черного золота и превращения его в прямом смысле слова в настоящее золото.

На сегодняшний день экономика Дубаи зависит от добычи нефти лишь на 1-2%. Невообразимый рост и развитие обязаны, прежде всего, открытой беспошлинной торговле и свободным экономическим зонам. Вместе с развитием торгового и транспортного центра Дубаи стал привлекательным международным финансовым центром, который привлекает инвесторов со всего мира огромным выбором возможных вложений и отсутствием налога на доходы.

Благодаря открытости иностранным инвестициям, родились такие уникальные в мире проекты, как "Медиа-Сити" — центр для международных публицистов, дикторов, профессионалов радио и телевидения, "Интернет-Сити" — новая Силиконовая долина Ближнего Востока. В недалекой перспективе планируется создание "Силиконового Оазиса" вокруг залива Аль-Хор. Дубаи станет технопарком для дизайнерских компаний и фирм — производителей микроэлектроники.

Успех Дубаи прост: стопроцентное право собственности для иностранцев, отсутствие налогов и отлаженный бюрократический аппарат. Все как у нас.

Инфраструктура для туризма и созданные искусственно объекты ландшафта поражают воображение даже человека, видавшего виды. За менее чем 10 лет на побережье Персидского залива были искусственно намыты три архипелага островов в виде пальмовых деревьев, уходящих на несколько километров в открытый залив, застроенных сверхсовременными многоэтажными гостиничными и жилыми комплексами с развитой дорожной инфраструктурой и даже линиями нового монорельсового метро! Где вы такое еще видели, спрашивается?

Отдельного внимания заслуживает так называемый Дубаи-Уорлд — архипелаг островов, предназначенный для застройки частными виллами, намытый, опять же, посреди залива в виде макета карты мира!

А что можно сказать о настоящем горнолыжном курорте посреди пустыни? Да-да, самом настоящем горнолыжном курорте, с настоящим снегом, настоящими лыжами, коньками, горками, подъемниками и обезумевшими от счастья арабскими детьми, которые в полураздетом виде, в шапках и шортах или шарфе поверх майки катаются на санках. За окном искусственного горнолыжного комплекса, столпившись, стоят совершенно по-летнему одетые туристы и местные жители в размышлениях о том, что, видимо, все-таки придется купить шапочку и пойти прокатиться.

В середине огромных торговых центров, или, как их называют, молов, от английского *mall*, придуманы всевозможные развлечения. Торговые центры Дубаи стали гораздо большим, чем просто местом для совершения покупок. Это место встречи и проведения досуга. Когда большую часть года температура воздуха превышает 40 градусов, естественным желанием любого человека будет укрыться от этой жары. По этой причине каждый год в Дубаи вырастает новый торговый центр, который покоряет всех своими размерами и изощренностью придуманных в нем аттракций. Аквариумы на десятки тысяч тонн воды с акулами и другими морскими обитателями. Каждый может воспользоваться возможностью и погрузиться в этот аквариум с аквалангом прямо на глазах у всех посетителей и поплавать рядом с акулой. Ледовые катки, кинотеатры, рестораны, детские городки, интернет-клубы, короче, все, что может удержать человека в таком центре. Время в молах улетает. Выходя в конце дня с полными сумками покупок, вдруг понимаешь, что день прошел, а ты успел пройти лишь одну пятую того, что там было. Когда выходишь на улицу, снова поражает

количество выстроившихся людей и количество выстроившихся в ряд такси. Такого нет даже в ведущих аэропортах мира.

Так, один из новых молов, который на данный момент является самым большим из всех молов, и сравнить его можно с десятью комплексами Одесского морского вокзала со всеми его строениями, расположился рядом с только что открывшимся новым чудом света — самым высоким зданием в мире, Бурдж-Халифа. Это сооружение в форме сталагмита, сужающегося к пику, насчитывает 828 метров и 162 этажа. На первых 37 этажах расположены дизайнерские отели "Армани" и "Версаче-Резорт". С 45 по 108 этажи — шикарные квартиры и апартаменты, остальные этажи занимают офисы. Смотровые площадки — на 123 и 124 этажах, туда можно подняться на нескольких из 104 лифтов, скорость которых составляет 18 метров в секунду! По сути, Бурдж-Халифа — это город в городе, и только на перечисление того, что в нем находится, можно потратить не одну сотню страниц.

Практически вся прибрежная зона района Джумейра занята шикарными гостиничными комплексами. Безусловно, символом современного Дубаи до появления Бурдж-Халифа считался построенный 1999 году единственный во всем мире семизвездочный отель "Бурдж-Аль-Араб", известный как отель "Парус". Семь звезд, конечно, гипербола, но "Парус" был первым выдающимся проектом, привлекшим пристальное внимание мировой туристической индустрии к Дубаи. Он расположился на искусственном острове, на расстоянии 280 метров от берега, имеет высоту 321 метр. Атриумное лобби внутри отеля с роскошными золотыми колоннами ведет к его пику. В интерьере отеля было использовано 8000 квадратных метров 22-каратного сусального золота. Богатство и роскошь отеля ощущаются в каждой детали. В отеле нет простых номеров. Из 202 номеров самый маленький занимает 169 кв. метров, а самый большой — 780, и цена такого номера за ночь составляет 28 тысяч долларов США. В отеле несколько великолепных ресторанов, включая панорамный на последнем этаже, с видом на Персидский залив. Если хотите увидеть сказочное богатство тысячи и одной ночи, то "Бурдж-Аль-Араб" для этого абсолютно подходит.

Среди обслуживающего персонала вы никогда не встретите представителей местного населения. Уровень жизни коренных дубайцев очень высокий, и учитывая их малую численность и огромное количество новой инфраструктуры, созданной в Дубаи, почти все они являются собственниками бизнесов или руководителями высших звеньев. Нужно было бы

углубиться в тонкости мусульманской религии и арабской культуры, чтобы описать отношение коренных арабов к работе, к женщинам и к жизни в принципе, чтобы понять степень важности статуса и родственных отношений в арабском обществе. Я ограничусь тем, что скажу, что каждый местный житель, заключая брак с местной жительницей, получает от государства в лице семьи шейха сумму, эквивалентную 20 тысячам долларов, и небольшой дом на несколько спален. Таким образом, государство мотивирует местное население, и без того не сильно жаждущее вступать в брак с иностранцами, заключать семейные узы с соотечественниками. Каждый мужчина имеет право иметь четыре жены, но это не значит, что все они могут жить в одном доме. Для каждой из жен муж должен обеспечить отдельный дом и достойную жизнь. В семьях принято иметь много детей. В богатых семьях отцы идентифицируют своих детей по семейному паспорту, когда подходит время давать ребенку образование и выделять средства для поездки за рубеж. Для нас это звучит смешно, но так и есть.

Основная часть населения сейчас — это гастарбайтеры из Индии, Шри-Ланки, Африки и бывших республик СССР. Все они заняты или на стройках, или в сфере обслуживания миллионов туристов со всего мира. Сервис и вежливость — на самом высоком уровне. Конкуренция обязывает. Вы почти не видите обслуживающего персонала, но везде чисто. Никто не стоит назойливо у вас над головой, но если вам что-то нужно, то всегда кто-то находится рядом, кто с улыбкой поинтересуется, чем он может вам помочь. И так везде. И так все. И так все время. И от этого никуда не деться.

Возможно, шквал положительных эмоций от двухнедельного пребывания в Дубаи заставил меня немного идеализировать это место, но в любом случае, этот город заслуживает восхищения, и на его примере мы получаем редкую возможность посмотреть воочию, как творится история.

Дубаи

JUST IN TIME

PLASKE

ПЛАСКЕ

www.plaske.com

Михаил ПОЙЗНЕР

Комитет народного контроля

...Строить, а особенно ремонтировать, нужно было всегда. Тем более при той еще советской власти, тем более у нас в Одессе.

Не успел что-то сделать, как у кого-то уже что-то новое. Или жена что-то у кого-то подсмотрела, или появилось пару безразличных копеек, а может, просто что-то в голову стукнуло. И опять двадцать пять, и опять все по новой — снимай перегородки, лепи падугу, меняй плитку... Чтобы как у приличных людей.

У богатых или у тех, кто "на должности", — и тогда, и сейчас — было именно так. А что делать, когда не до роскоши? Когда вокруг тебя дети, старики, кастрюли, и когда всё на голове. Когда некуда поставить даже примус или там ведро с углем... Или когда соседа-пьяницу внезапно "отселили" в ЛТП, а его комната — "стенка к стенке" — досталась тебе. И вот прямо сегодня ночью (и чтобы ША!) надо присоединиться и пробить проем! А кругом "уши", которым не так повезло с той стенкой, как тебе...

Тут уже не до моды, тут чтобы хоть чуть-чуть при жизни успеть.

Ну, как-то вот так крутились...

А что власти? На бумагах все должно было быть по закону. Тут как тут и КРУ, и ОБХСС, и контрольные обмеры, и... тюрьма на всякий случай. Только оступись, не дай Господь...

А я тогда как раз работал в обычном ремонтно-строительном управлении. Наводили порядок на Молдаванке — строили, латали и наживали себе инфаркты... Если пройтись даже сейчас ниже Комсомольской, то можно заметить отчетливые следы еще той нашей работы с тех 60-х и 70-х годов еще той жизни.

А сколько по всему городу надстроили этажей? А сколько "вырезали" балконов?!

Что это, от хорошей жизни портить красивые дома, лезть к ним в душу?!

Ты думаешь, сердце не болело? Мы ж одесситы аж с какого-то там колена! Ну, хорошо, а как иначе? Иначе людям некуда приткнуться, иначе оставайся на улице.

Ты мне рассказываешь...

А как я сам жил?

Две комнаты на шестерых, провисшие потолки, сырость, разбитая проходная веранда, расшатанная вконец лестница еще со времен оккупа-

ции. Да еще все это над дворовой уборной... Ну, представь себе на минуточку этот шухер. В выходные только и делал, что пропадал на Староконном. То гайка, то шуруп, то олифа, то шланг. То одно, то второе, то даже третье... Короче, еще как выкручивал себе мозги.

Сама жизнь заставила привести в порядок свою развалюху. Хоть что-то... Добрался до шиферной крыши, поменял трубы, не забыл за полы, даже умудрился выкроить отдельный (!) туалет. А иначе все это как эскимо... без палочки. Как у строителя какие-то возможности тогда у меня все-таки были.

Ну и когда уже как-то почти всё закончили, кто-то из соседей тут же удачно "стукнул" куда надо. Мол, на Молдаванке посреди жизни построили целые хоромы... Мол, куда смотрит власть?!

И начали меня таскать не только в зубах.

Райисполком, райком, милиция... Обмеряли, высчитывали, протоколировали. Чтобы потом вывести на чистую воду. На их чистую воду...

Так дошли до самого страшного — до городского Комитета народного контроля. А что в те годы могло быть страшнее?

Чтобы не было так скучно, "пригласили" на их внеочередное заседание. Это на Пушкинской, дом 34, — угол почти нашей Бебеля. В гробовой тишине секретарь "с ударением" огласил мое дело. Потом выступил и сам председатель Комитета народного контроля — медленно, с расстановкой обличительных фраз, артистически жонглируя "документами".

Мне слово не дали. И так все ясно.

Какие будут мнения?

Мнение одно — направить дело в прокуратуру, рассмотреть вопрос о дальнейшем пребывании в партии...

Всё. Всех за двери — уже докладывается другое дело. Жизнь не стоит...

У меня опустились и руки, и ноги... Я же член партии еще военного призыва. И у меня, скажу, партия всегда была не на последнем месте, а прокуратура — это уже дело такое...

Пока в коридоре приходил в себя, ко мне подбежали несколько моих рабочих, пришедших поболеть за... справедливость. Они-то хорошо знали, в каком "раю" я живу.

Завидя самого председателя Комитета народного контроля, ребята не могли сдержаться: "Вы что, не помните, кто это?! Это же...".

И тут все стало на свои места.

Где-то, наверное, за год до этого разбирательства как-то вызвал меня мой начальник, бывший отставник. Мол, так и так — надо срочно сделать

ремонт квартиры одному большому человеку. Одному очень большому человеку! И чтобы без копейки денег, и чтобы быстро-скоро, и чтобы тихо... Короче, все, как для дивизионного смотра. Кто тогда вообще знал за тот "евроремонт"? Тогда даже таких слов не знали, но дело свое знали добре...

Ну, начали строить. Этого "большого человека" я никогда в глаза не видел. Всем распоряжалась жена — и куда поставить, и как поставить, а куда так вообще не поворачивать даже голову. Исправно каждое утро мне вручали записку с указаниями "от мужа" — что, по его мнению, надо повторить, поправить, добавить... В Одессе же в строительстве и в любви как раз разбираются все...

Записочки эти начинались всегда одинаково:

"Глубокоуважаемый товарищ...

Ознакомившись со сложившейся ситуацией, считаю необходимым отметить следующее..."

А далее уже шли сами, на минуточку, претензии — что и где разобрать, заменить, подшпатлевать, перекрасить...

За столько лет, чтоб я не знал, с кем имею дело? Что, для этого надо много ума? Что, мы "такому" первому делали ремонт?! И вообще...

Потому я всегда складывал те записочки в одну кучу. Складывал до лучших времен, чтобы всегда можно было "отстреляться" — мол, точно, все, как и указывалось лично вами, полностью выполнено. Сличайте, сличайте...

...А что делать теперь?

Мозги застучали, как паровозные колеса.

Губы задрожали.

Надо бежать домой за теми записками. Ноги в руки...

Ну, как-то добежал до угла, поймал машину — домой. Хватаю скоросшиватель — опять на Пушкинскую. Дотягиваю до дверей зала заседаний. Дождались перерыва — я и скоросшиватель с записками. Еще мгновение — и председатель возле меня. Говорю: "Извините, я хотел объяснить...". Председатель невозмутимо: "А что еще объяснять? И о чем нам с вами говорить? Все уже сказано... Ждите письменного решения...".

Я преградил дорогу: "Извините, вы не поняли. Я же тот самый Глубокоуважаемый...". Руки мои автоматически перетасовывали спасительные записки.

К председателю мгновенно вернулась память. Тут же он жестко приказал: "Никуда не отходить! Вас вызовут". Я уже, как говорится, почти начал сушить сухари.

Буквально через минуту меня вызвали.

Председатель обратился к залу: "Товарищи! В связи с вновь открывшимися обстоятельствами есть необходимость вернуться к рассмотрению ранее заслушиваемого вопроса о самовольном строении...".

Затем ко мне: "Скажите, пожалуйста, вы действительно "вырезали" два окна в соседний двор, провели водяное отопление, устроили отдельный туалет, настелили новые полы?.." Опустив голову, я подтвердил.

Вопросы продолжались: "А скажите нашему уважаемому собранию, ваш дом относится к частному сектору или государственному?". Еще не понимая, к чему он клонит, я подтвердил, что живу в государственной квартире. А у самого перед глазами прошла вся жизнь — и очереди, и голодуха, и похоронки, и мама с папой...

Тут председатель разошелся не на шутку: "Да что же это происходит, товарищи! Обращаю внимание комитета на то, что в столь серьезный для нашей страны момент находятся люди, которые хотят пустить работу комитета по ложному следу, укрыв таким образом действительные факты хищения и злоупотреблений служебным положением...".

Указав на меня, он продолжил: "Перед вами человек, который смог в такое непростое время построить для нашего государства, повторяю — для нашего государства (!) — благоустроенное жилье! Да за этот поступок его не осуждать, а награждать надо... Прошу это внести в протокол...".

Какие есть мнения?

Мнение одно — дело прекратить, прежние решения по данному вопросу отменить, самовольное переоборудование квартиры номер... по адресу... узаконить.

Мои ноги вместе со мной вышли в коридор.

На мгновение перед глазами возник председатель... с протянутой рукой, в которую я автоматически вложил уже сделавший свое дело скоросшиватель.

...На улице меня встречала толпа моих рабочих.

Оказывается, до них успел долететь слух, что где-то на Пушкинской, 34, готовится расправа. Люди побросали работу, двинулись со своих объектов — с Колонтаевской, Садиковской, Разумовской, Косвенной... В рабочей робе, с инструментом. Штукатуры и маляра, кровельщики и плотники, сварщики и подсобники. Эти ребята прошли с Молдаванки через весь город сюда, на Пушкинскую, чтобы посмотреть в глаза тому правосудию. Хотя именно с такими "глазами" в институт Филатова должны принимать без очереди...

Вся эта толпа и проводила меня домой.

На расспросы домашних я ответил: "Все в порядке. Комитет народного контроля принял единственно верное решение".

Дочка-школьница переспросила: "Папа! А что такое "Комитет народного контроля"?" Я подсадил ее на новый подоконник: "Смотри, дочка, вот он, наш "Комитет народного контроля". Из окна я помахал ребятам, которые все еще не расходились...

...Еще год-два назад я встречал по выходным на Староконном еще тех моих хлопцев, с которыми ремонтировали и ставили на ноги этот город.

Бывало, задержимся на минутку, закурим, перебросимся словами "за то время". Что тогда, что теперь... Хотя нам всегда, во все времена, твердили: "В наше непростое время...".

Время — это понятно, а я вот до сих пор так и остался не награжденным, хотя тот председатель намекал...

А еще говорят, что родина знает своих героев.

Как раз родину и своих героев мы уже давно хорошо знаем со всех сторон.

А ты мне рассказываешь...

Жестикулирует народ руками...

Две Одессы

Кто первый море
К нам в поэзию привел?

А. Кушнер

1

Сонный город ждет рассвета,
Ветер стих — мотив забыл,
В дымку берега одеты,
Белых чаек крик уныл.
От светила, как от газа,
Горизонт зажжется сразу,
Полыхнет пожар-заря!
Свет небесный множит силы,
Пенье как "Хаванагилы",
Как надежда в шторм на якоря.

Завершилась игра в прятки
Между солнцем и волной!
Ягоды в палитре с грядки,
Персик сладко-золотой,
Римский алый цвет богатый, —
Бог хорош как декоратор!
Разукрасил, мол, таможню,
Вязь платанов и акаций,
И дворец, что был, возможно,
Местом чудных декламаций.

Море пахнет бромом, йодом,
Замечательный прогноз,
Корабли полны народом —
К солнцу — от дождей и гроз.
Есть путевка — значит ушлый!
Гостя встретят здесь радушно.

"Дикаря" — тихонько в дых,
Обожаем холостых:
Распишись в правах на отдых

В наших водах голубых.
Из Иванова ткачиха
И не менеджер — шофер
На приморском склоне тихом
Снимут комнату-шатер.
И с Отрадной и Тенистой,
Постояльцы как туристы,

Побредут на пляж по тени,
В шортах — иностранцы, вроде,
Выразить с утра почтенье
Пробудившейся природе.

2

Ворча и мышцами играя,
Ночной прибой готов к труду —
От Ланжерона до Дуная
Намыл песчаную гряду,
А запах трав морских и мидий
Воспел Багрицкий и Овидий.
Люстдорф, Аркадия, Отрада
Мирили пляжников в одном:
Загар дарили и прохладу,
Мазутным пачкая пятном.

Привозу не нужна реклама,
Дарами полнится земли.
Здесь торг идет на килограммы
За гривны, доллары, рубли.
Цыганка, старожил Привоза,
Пристанет, как репей, заноза.
Мелькают осы, мотыльки,
Каких вы не видали сроду,
Что ставят гражданам силки,
Воспринимая грех, как воду.

С водою, впрочем, все непросто!
Ее дают с шести утра
И в трубах извести короста
Налипла по пути с Днестра,
А ржавчина проела дыры —
Воды ночами нет в сортире.
Давно нуждаются в ремонте
Хрущебы и особняки.
Попробуйте их только троньте —
Финансов нет и руки коротки!

Одесса строилась за злато
Купцов, любителей колонн:
"На дом, торговые палаты
Истрать последний миллион!".
Воздвигли оперу-мечту,
Бульвар Французский весь в цвету,
И Ришелье как символ страсти,
И Пушкина с крылатою строкой.
Любимый город от напастей
Хранят они и с верой, и тоской.

* * *

Жестикулирует народ руками,
Чтоб тяжесть размягчить в душе
Обид, копившихся веками
И каменеющих уже.

Привычка прижилась, окрепла,
Играет, как в руде кристалл.
Народ гнобили, развевали пеплом —
Махать руками он не перестал.

И наблюдать забавно за сраженьем,
И кажется, далекий разговор
Воспламеняется от рук движений.
В них страсть кипит и горечи укор!

Похоже, будто взяв щепотку соли,
И передумав суп солить,
Перстами просит он позволить
В секунду всех разубедить.

Заломит руки в ужасе, экстазе,
Покрутит пальцем у виска,
Необязательно рождаться лишней фразе —
Доходчиво расскажет все рука.

Голландия известна ветряками,
А наши мельницы не вертят лопастей...
Жестикулирует народ руками,
Как будто жемчуг мечет из горстей.

Бат-Ям

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК

"Городок" — пятый угол!

Городок под маской

В скромной, но приличной квартире. На столике стакан чая, рядом лекарства и варенье. В комнату входят Хозяин с перевязанным горлом и Сосед. Он тоже простужен, постоянно сморкается в платок.

СОСЕД. Здорово, сосед! Тоже болеешь? Вот и я третий день на больничном, от скуки уже волком вою... Короче, есть идея!

ХОЗЯИН. Какая?

СОСЕД. Надо что-то делать!

ХОЗЯИН. Ха! Отличная идея... А что делать?

СОСЕД. Ну, это я пока не знаю... Но думаю, что сейчас самое время что-нибудь замутить...

ХОЗЯИН. Почему именно сейчас?

СОСЕД. О господи... Ты телевизор смотришь? В стране сейчас что? Что сейчас в стране?

ХОЗЯИН (*думает, потом неуверенно*). Демократия?

СОСЕД. Еще хуже!.. Эпидемия! А когда в стране беда, я не могу сидеть сложа руки. Не могу!.. Потому что сердцем чую — на этом можно заработать!

ХОЗЯИН. Ох, Антон... В такое время надо думать о другом — как вовремя выявить больных и как победить болезнь! Вот, в стране не хватает масок. Можно их шить. У меня и марля есть, и даже швейная машинка. Жаль, образца нет...

СОСЕД. Есть! Мы с женой когда-то давно шили маски — они замечательно уходили... Я сейчас. (*Убегает, Хозяин прихлебывает чай, вдруг Сосед влетает в вязаной шапочке с дырками для глаз и рта и орет.*) А ну, кто больной — все на пол!! (*Хозяин падает на пол.*) Ага! Одного больного выявили.

ХОЗЯИН. Как вы меня напугали, Антон... Нет, здесь совсем другая маска нужна.

СОСЕД. Другая у меня тоже есть. (*Достает марлевую повязку*) Но ты ж сам сказал, что сначала надо как-то выявить больных. А "Все на пол!" — это у нас самый надежный способ.

ХОЗЯИН. Ну, этот способ лучше против воровства и коррупции. А не против эпидемии.

СОСЕД. Ха! А знаешь, какая у нас разница между эпидемией и коррупцией?

ХОЗЯИН. Какая?

СОСЕД. Эпидемия когда-нибудь кончится.

Они садятся за швейную машинку, Хозяин достает марлю и пытается вдеть нитку. Сосед берет калькулятор и считает.

СОСЕД. Так... Если мы будем продавать по 10 рублей за маску, то получается...

ХОЗЯИН. Продавать по 10 рублей? Вы с ума сошли, Антон! Вы с ума сошли!

СОСЕД. Да?.. Извини, Витя. Ты прав — лучше по 20.

ХОЗЯИН. Ох... В стране эпидемия, а вы... Мы сошьем маски и раздадим их людям бесплатно!

СОСЕД. Бесплатно?!.. А еще говорит, что это Я с ума сошел...

Хозяин режет ножницами марлю, примеряет узкую полосу на лице.

ХОЗЯИН. М-да... Надо будет маску пошире делать.

СОСЕД. Эх, если б я узнал, какой гад меня заразил, я б ему кишки вырвал... Кстати, а если человек уже заразился, ему надо надевать маску?

ХОЗЯИН. Да, всегда намного лучше, если на лице больного маска.

СОСЕД. Потому что в маске меньше шансов заразить других, да?

ХОЗЯИН. Да. Но главное — в маске меньше шансов, что другие потом узнают того, кто их заразил... Ну, чтобы потом не было никаких осложнений. С кишками.

Сосед режет ножницами марлю, Хозяин строчит на машинке.

СОСЕД. Но ты учти — я задаром работать не собираюсь! Сейчас все кашляют, чихают, всем маски нужны. Увидишь, какая прибыль будет!

ХОЗЯИН. Мне такая прибыль не нужна. Если хотите знать, Антон, я даже немного рад, что у нас эпидемия. Да! Общая опасность объединяет. Народ снова станет как одна семья.

СОСЕД. Вот как?... Хм... Так я, пока с температурой не свалился, как раз над этим и работал. В метро, на работе, в супермаркете... Везде чихал! Объединял народ, значит...

ХОЗЯИН. Ужас!

Сосед чихает, сморкается.

СОСЕД. Такой гнусный этот вирус... Папаша мой вчера еще был молодцом, а сегодня — хоп и всё! (*Вытирает выступившие слезы.*)

ХОЗЯИН (*осторожно*). Степан Иванович? В каком смысле — все?

СОСЕД. Вчера еще за хлебом ходил. А ночью температура... И утром перестал дышать...

ХОЗЯИН. О господи... Что же вы сразу не сказали? Я могу вам немного помочь? (*Достает деньги и сует Соседу.*)

СОСЕД (*удивляется, но берет*). Почему бы и нет?

ХОЗЯИН. Что, вот так вот просто перестал дышать — и все?

СОСЕД. Ага... Такой насморк у него — нос не дышит вообще! Сегодня он нас с женой весь день этим достает... Но за помощь спасибо, я ему пива куплю. Теплого.

ХОЗЯИН. М-да... Так мы с вами договорились? Раздавать маски будем бесплатно!

СОСЕД. Эх... Ты бы лучше о себе подумал! Кто о тебе еще подумает? У тебя даже жены нет. Никому ты не нужен.

ХОЗЯИН. Ну, почему... Есть у меня на работе... один вариант. И прекрасно ко мне относится. Два раза в неделю... Даже говорит, что это у нее любовь до гроба.

СОСЕД. Так что же ты на ней не женишься? Не веришь ей, что ли?

ХОЗЯИН. Насчет любви до гроба? Как раз очень верю. Она трех мужей уже похоронила.

СОСЕД (*берет только что сшитую маску*). Готово? Я примерю. (*Надевает маску.*) Ну как? Мне идет?

ХОЗЯИН. Конечно! Вам в ней даже намного лучше, чем без нее... И не только вам. Вот такие маски и будем шить, и как можно быстрее — эпидемия ведь!

СОСЕД. Если без денег, то это без меня. Можно же нормально заработать, а ты тут сопли развел! (*Хозяин вытирает нос.*) Не, это я в переносном смысле.

ХОЗЯИН (*с пафосом*). А вы можете себе представить, что люди могут бескорыстно помогать друг другу? Просто делать друг другу добро! И мир станет лучше! И всем людям будет счастье!.. Добро! Мир! Счастье! Я хочу сказать это всем людям! Всем!

СОСЕД (*вдруг просветленно*). Опа... Кажется, теперь и я понял... Я понял! И я знаю, что надо делать! Да! Тогда маски, конечно же, будем раздавать бесплатно!

ХОЗЯИН. Так вы согласны? Я вас убедил?

СОСЕД. Конечно! Вы должны сказать это всем людям. Мы организуем ваши выступления. Я уже вижу афишу — "Слово о добре, мире и счастье. Маски выдаются БЕСПЛАТНО".

ХОЗЯИН. Вот! (*Жмет ему руку.*) Я знал, что вы меня поймете! Именно так! "Слово о добре, мире и счастье. Маски выдаются бесплатно... Цена билета 300 рублей"... Триста! А не эти ваши гроши за маску!.. Ну, или 320, надо же еще затраты на эти маски отбить и вам пару копеек отстегнуть... Что вы на меня так смотрите?

О "Книге читателя"

Валерий ХАИТ
Книга читателя
Одесса, Зодиак, 2009

...Просматривая тексты своих "Колонок редактора" в газете "Одесский маяк", которую, проживая в Лос-Анджелесе, я редактировал, с интересом обнаруживаю, как часто упоминается в них имя Валерия Хаита. Впрочем, ничего удивительного в этом нет: приятельствуем много лет (даже в одной группе в институте учились), оба обожаем Одессу и не одессита Довлатова, да и отсутствием чувства юмора, кажется, не страдаем, с удовольствием встречаемся во Всемирном клубе одесситов, где Валерий — один из двух его вице-президентов...

Внимательно слежу за литературной деятельностью В. Хаита и смело могу сказать: прочитал все (в крайнем случае, почти все) написанное им. С нескрываемым интересом "освоил" только-только увидевшую свет и подаренную мне Валерием его книгу, в которой необычно не столько название ("Книга читателя"), сколько ее, так сказать, конструкция и, если хотите, само содержание. Впрочем, название становится вполне понятным с первых страниц: это действительно записки читателя о прочитанных в разное время книгах поэтов и прозаиков, самых знаменитых и не очень, но явно сыгравших важную роль в формировании личности автора записок, его мировоззрения.

Валерий вспоминает "колючую" фразу Бродского в разговоре с Довлатовым: "Вкус бывает только у портных". Ой как неправ нобелевский лауреат, как чудовищно неправ! Впрочем, сам Хаит хоть и иносказательно, достаточно точно выражает и свое несогласие с упомянутой эпатажной фразой: "Скажи мне, кто твой поэт, и я скажу тебе, кто ты..." — в той части книги, где он помещает фрагменты поэзии любимых авторов. Раздел этот под названием "Мои поэты" достаточно велик — добрая сотня страниц, но какие имена: Пушкин и Лермонтов, Тютчев и Баратынский, Хода-

севич и Пастернак, Маршак и Бродский!.. И, уверен, ни одному читателю не придет на ум обвинить автора в искусственном увеличении объема книги, потому что, демонстрируя отточенный вкус, Валерий выбрал то, чем можно вместе с ним упиваться несчетное количество раз: "И в дыму багровом, / Застилавшем взор, / Отдаленным зовом / Огласился бор..."...

Наиболее интересен, на мой взгляд, раздел "Записки дилетанта". С одной стороны, робость автора, высвеченную в самом названии раздела, можно понять: он пытается дать некую философскую оценку, показать свое видение истины в творчестве и поступках истинных колоссов: опять же Пушкин, Мандельштам, Пастернак, Довлатов, Ерофеев... Во вступлении к разделу В. Хаит как бы заранее извиняется перед читателем: "...отсутствие необходимой глубокой подготовки, неумение, так сказать, "держать мысль" и, что самое главное, поверхностность знаний и подходов не дают оснований принимать мои мелкие доморощенные "открытия" всерьез". Полноте, Валерий Исаакович, полноте! Не нахожу ни "поверхностности знаний", ни "отсутствия необходимой глубокой подготовки", более того, точно знаю: книга эта — не какое-то сиюминутное озарение, тем более — не попытка пустить пыль в глаза, но длительная, в течение нескольких (а может, и более) лет кропотливая работа по собиранию буквально по крупицам материала, его осмыслению и оформлению. Другое дело, с чем-то можно не согласиться, о чем-то поспорить, но никакой легковесности!.. И вообще, я не узнаю бесстрашного и дерзкого КВНовского капитана Валерия Хаита! Вот он пишет о Жванецком, пишет с присущими всем нам (нормальным одесситам — я так думаю!) любовью и восторгом, приводит собственный очерк о нем 30-летней давности, рассказывает о попытках систематизировать его тексты — все правильно, и вдруг: "Увы, эта работа оказалась мне не под силу. Таким делом должны заниматься специалисты". Еще как под силу! Какие еще нужны специалисты тебе — читаемому автору достаточного количества книг, драматургу, главному редактору юмористического журнала, наконец?! Хочу надеяться, что твоя следующая книга будет посвящена Ему — нашему великому земляку, с которым нам выпала честь общения.

...С удовольствием "проглотил" очень любопытные разделы "Литературные очерки, попытки эссе, письма" (видите — опять "попытки") и "Другие тексты". "Проглотил", чтобы опять через некоторое время вернуться к ним и еще раз получить удовольствие от уже где-то ранее читанной истории о встрече автора с незабвенным Зиновием Гердтом, об "эффекте Казиника", об Александре Ильиничне Ильф — дочери знаменитого нашего сатирика...

Короче говоря, хорошая, достойная книга побывала в моих руках. Книга, заслуживающая читателя думающего, которому я искренне желаю приятного чтения.

Анатолий ГОРБАТЮК

P. S. Увидел как-то в доме приятеля на видном месте одну из своих книг, подаренную ему несколько лет назад. "А как я ее тогда подписал?" – захотелось вспомнить мне, и я взял книгу с полки. Каково же было мое разочарование, когда я обнаружил в нескольких местах неразрезанные страницы! Пожаловался своей супруге и услышал от Людмилы Эдуардовны суровый, но справедливый ответ: "А ты дари книги тем, кто их читает"...

А. Г.

Книжный развал

Александр ГРАБОВСКИЙ
Михаил Водяной. Очерк жизни и творчества
Одесса, ТЭС, 2009

К 85-летию со дня рождения народного артиста СССР Михаила Водяного (1924-1987) вышла книга, совместившая очерк Александра Грабовского и удивительную по полноте коллекцию фотографий, документов о "самом одесском" из артистов второй половины XX века, собранную Михаилом Пойзнером, коллегами артиста, музеем театра имени М. Водяного.

"Ты по таланту настоящий одессит", – написал как-то Михаилу Водяному Леонид Утесов. Такие слова от такого человека дорогого стоят. В книге рассказана не только биография актера (родился в Харькове, играл в Пятигорске, затем во Львове, наконец, с 1954 года и до конца жизни – в Одессе), но есть и попытка разгадать феномен актерской судьбы...

Конечно, большая серьезная книга о Михаиле Водяном еще впереди. Михаил Водяной на сцене и Михаил Григорьевич в жизни не всегда равнозначны. Как хотелось бы, чтобы такой крупный театровед и писатель, как Валерий Семеновский, долгие годы погруженный в мир одесской опе-

Короче говоря, хорошая, достойная книга побывала в моих руках. Книга, заслуживающая читателя думающего, которому я искренне желаю приятного чтения.

Анатолий ГОРБАТЮК

P. S. Увидел как-то в доме приятеля на видном месте одну из своих книг, подаренную ему несколько лет назад. "А как я ее тогда подписал?" – захотелось вспомнить мне, и я взял книгу с полки. Каково же было мое разочарование, когда я обнаружил в нескольких местах неразрезанные страницы! Пожаловался своей супруге и услышал от Людмилы Эдуардовны суровый, но справедливый ответ: "А ты дари книги тем, кто их читает"...

А. Г.

Книжный развал

Александр ГРАБОВСКИЙ
Михаил Водяной. Очерк жизни и творчества
Одесса, ТЭС, 2009

К 85-летию со дня рождения народного артиста СССР Михаила Водяного (1924-1987) вышла книга, совместившая очерк Александра Грабовского и удивительную по полноте коллекцию фотографий, документов о "самом одесском" из артистов второй половины XX века, собранную Михаилом Пойзнером, коллегами артиста, музеем театра имени М. Водяного.

"Ты по таланту настоящий одессит", – написал как-то Михаилу Водяному Леонид Утесов. Такие слова от такого человека дорогого стоят. В книге рассказана не только биография актера (родился в Харькове, играл в Пятигорске, затем во Львове, наконец, с 1954 года и до конца жизни – в Одессе), но есть и попытка разгадать феномен актерской судьбы...

Конечно, большая серьезная книга о Михаиле Водяном еще впереди. Михаил Водяной на сцене и Михаил Григорьевич в жизни не всегда равнозначны. Как хотелось бы, чтобы такой крупный театровед и писатель, как Валерий Семеновский, долгие годы погруженный в мир одесской опе-

ретты, написал роман о Короле... Но это надежды на будущее, а сегодня перед нами книга-буклет, воскрешающая память о человеке, талант которого был одним из символов нашего города.

Александр БИРШТЕЙН
Ольгиевская угол Баранова
(Борис Александрович Шайкевич)
Одесса, Внешрекламсервис, 2009

Есть люди с обостренным чувством благодарности к тем, кто повлиял на их судьбу, кто формировал их характер, жизнь. К таким, безусловно, относится Александр Бирштейн. С не меньшей энергией, я думаю, с большей, чем он занят своими повестями, рассказами, стихами, он создавал книги о Берте Яковлевне Барской, Ирине Борисовне Шайкевич... И вот очередная в этой серии книг-памятников, сборник статей, воспоминаний о Борисе Александровиче Шайкевиче, в которой, как и в предыдущих, А. Бирштейн и составитель, и комментатор, и автор.

Борис Александрович Шайкевич — филолог, доцент Одесского университета, но главное — "человек Одессы", один из тех, без которых представление о послевоенной культурной жизни в нашем городе всегда будет неполным. Еще работают многие его ученики, поэтому так вовремя взялся за свой труд Александр Бирштейн. Он собрал воспоминания (иногда подвигнув на них даже тех людей, которые никогда не писали мемуаров), перепечатал из старых газетных подшивок статьи, рецензии Б.А. Шайкевича, прочитав, прокомментировав, опубликовал его письма. Более 35 лет А. Бирштейн знал, ежедневно общался со своим тестем, поэтому его книга — не отстраненная летопись, а эмоциональный яркий рассказ о судьбе человека, о деле его жизни.

Как и в предыдущих книгах, это рассказ о Доме, об одном из "культурных гнезд" Одессы, где сливались воедино понятия — жизнь, работа, театр, университетская кафедра, чтобы спустя годы быть объединенными одним словом — судьба.

Татьяна МАРТЫНОВА
Столкновение
Одесса, Друк, 2009

Третья книга стихов Татьяны Мартыновой — это лирический дневник человека, остро чувствующего прерывистое сердцебиение нашего города, невыносимую усталость нашего современника.

Вот одна строфа из стихотворения, помогающего ощутить мир лирического героя (героини), как говорили когда-то, а я бы сказал — мир поэта Татьяны Мартыновой.

А дряхлость общего добра? А те генсеки,
С трудом с трибун приподнимая веки,
Топорща плечи, — вызывали смех.
Но эти — отомстили нам за тех.

Конечно, это не публицистическая книга стихов, а прежде всего, лирическая, где столкновение автора с жизнью (вот откуда, думается, название книги) вызывает печальную иронию, а улыбка согревает от безнадежного отчаянья.

Илья РЕЙДЕРМАН
Одесские этюды
Одесса, Издательство КП ОГТ, 2010

Эта книга стихов Ильи Рейдермана — пятая, вышедшая из печати. Хоть написано у автора намного больше, но сегодня найти мецената, чтобы издать книгу, порой занимает больше времени, чем творческая работа. Однако и в этом есть нечто положительное, стихи "настаиваются" в компьютере, и со временем автор сам осознает, что выдержало проверку немотой.

Рейдерман мне представляется поэтом философского склада ума. И поэтому городские этюды представляются каким-то новым пластом в его творчестве, они более "разговорны", более насмешливы.

Пописай, пописай, собака,
на оперный, старый театр!
Хозяйка собаки, однако,
Тем более просится в кадр.

Это начало одного из "одесских этюдов". Но в этой же книге есть раздел "Зимние сны", возвращающий в майнстрим поэзии Рейдермана. Поэт классической традиции, верный Тютчеву и Тарковскому, он преодолевает трагедийность собственной судьбы, стараясь дать возможность читателю насладиться воздухом великой русской поэзии, веточкой которой автор ощущает свое творчество.

...В КИЕВЕ

Александр МУЧНИК
Философия достоинства, свободы и прав человека
Киев, Парламентское издательство, 2009

Думаю, многие, кто был вовлечен в общественно-политическую жизнь нашего города с начала перестройки, помнит организацию, которая способствовала возникновению первых ростков гражданского общества в Одессе — Фонд социальной помощи имени Ф.П. Гааза и его президента — юриста Александра Геннадиевича Мучника. Сегодня А. Мучник живет и работает в Киеве, был в разные годы советником премьер-министра Украины, Президента Украины, сейчас — президент Института демократии и прав человека.

Признаюсь, что когда получил 700-страничную книгу "Философия достоинства, свободы и прав человека", думал — возьму и вечером полистаю ее. Но сразу же зацепился на какой-то странице, вернулся к началу главы, затем к началу книги. И хоть книга эта не рассчитана на легкое чтение, насыщена документами, цитатами, она читается взахлеб. Естественно, кто-то будет с ней не соглашаться, спорить, в старые времена писались бы доносы в ЦК КПСС (хоть в те времена появление такой книги было бы абсолютно невозможно), кто-то будет рад получить строгое рациональное

подтверждение своих мыслей. Во всяком случае, никого из думающих людей она не оставит равнодушным.

Что сегодня отбрасывает Украину назад, в Средневековье? Думаю, пещерный национализм. Александр Мучник скальпелем вскрывает гнойники нашего общества. И делает это во имя достоинства, свободы и прав человека.

Надеюсь, эта книга будет переиздаваться. И не раз. Она нужна не только философам и историкам, не только политикам, но и каждому человеку, ощущающему необходимость перемен.

Тарас ФЕДЮК
Горище. Книга нових віршів
Київ, Факт, 2009

Тарас Федюк как поэт состоялся в Одессе. Здесь, в кругу Бориса Нечерды, Олексы Шеренгового, Юрия Коваленко прошла его поэтическая молодость. Сейчас он живет в Киеве, но и там представляет юго-западную школу, выламываясь из окружающей среды легкостью бытия, иронией. Приятно было, что приз фестиваля "Киевские лавры" в 2008 году поделили Тарас Федюк (стихи на украинском языке) и Борис Херсонский (стихи на русском языке), а значит, целиком он достался Одессе.

Новая книга Т. Федюка "Горище", которую он презентовал в Одесском литературном музее, может прочитываться и как "Тори ще!" — обращение к свече, обращение к поэзии. Огонь творчества не должен погаснуть, как бы трудно ни жилось человеку.

"Зима довга, як іліада", — ощущает поэт. И тем больше стремится он прикоснуться вновь и вновь к теплой Одессе:

Повз винарку повзе трамвай
У винарці — вино з водою
нечерда говорить: "тримай!"
Добре пити з нечердою...

Тираж 2000 экземпляров вроде бы и большой для сегодняшних книгоиздателей. Но, увы, этой книги, как и многих поэтических книг, выходя-

щих во Львове, Харькове, Москве, мы в Одессе не видим. Поэтому с разрешения Тараса Федюка в одном из следующих выпусков альманаха познакомим читателей со стихами из этого сборника.

...В НЬЮ-ЙОРКЕ

Зоя ИВНИЦКАЯ
Михаил Ивницкий
Нью-Йорк, Издательство "Слово/Word", 2009

Художница Зоя Ивницкая написала книгу о своем муже, театральном художнике Михаиле Борисовиче Ивницком (1926-1996). Это не только творческий портрет замечательного художника, не только воспоминания о нем (и то, и другое есть в этой книге объемом в 450 страниц), это переплетение жизни, судьбы, творчества на фоне театральной жизни Одессы. Да и шире — страны, ведь Михаил Борисович был не только главным художником Одесского театра музыкальной комедии, он создавал сценографию спектаклей в других одесских театрах, работал в прославленных театрах с выдающимися режиссерами — в Киеве, в Москве, в Ленинграде...

Книга густо населена людьми — художниками, актерами, режиссерами, теми, с кем работал Михаил Ивницкий, близкими людьми, друзьями, с кем тесно связала его жизнь. И о каждом из них Зоя Александровна рассказывает с любовью, с нежностью, с благодарностью, что они были рядом, участвовали в том единственном деле, которому всю свою жизнь посвятил Михаил Борисович Ивницкий, — в служении театру.

Во вступлении к книге Зоя Ивницкая предупреждает, что она не писатель, у нее другая профессия. Но в том случае, когда человек делает то, что только он должен и может сделать, сделать искренне, не лукавя, с подкупающей откровенностью, любовью и достоинством, у него все непременно получается.

Зоя Ивницкая уверена, что люди остаются с нами, пока о них помнят. И своей книгой, своей памятью продлила духовное бытие и Михаила Ивницкого, и многих других — добрых, умных, хороших людей. Спасибо ей!

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Содержание

От редакции 3

ИСТОРИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ

Аполлон СКАЛЬКОВСКИЙ
Русское Общество пароходства и торговли 1857-1869 г. 6

Олег ГУБАРЬ
Функции Одесского строительного комитета в контексте истории градостроительства Одессы 20

Галина ПЕДАХОВСКАЯ
В доме Вольфа 36

Иосиф РАЙХЕЛЬГАУЗ
Мы едем, едем, едем... 50

Виктор ГЛУШАКОВ
К. Паустовский: "Время больших ожиданий" 57

Елена ГОЛЕНИЩЕВА
Отравленный славой 62

Феликс КОХРИХТ
Мама мыла Раму 68

ОДЕССКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Сергей ЛУЩИК
"Семиэтажный" дом 72

Сергей РЕШЕТОВ, Лариса ИЖИК
Мария Фердинандовна Кич-Маразли и ее родственное окружение 80

ПРОЗА

Владимир КАТКЕВИЧ
Пароль Артура Анатра 108

Елена НЕКРАСОВА
Домовой 125

Рада ПОЛИЩУК
Лапсердак из лоскутов 130

Ольга ИЛЬНИЦКАЯ
День города, или Шизографомания по-московски 146

Олег ГУБАРЬ
Терешкова 152

Петр МЕЖУРИЦКИЙ
Дневник человека 157

Евгений ДЕМЕНОК
Казус Бени Крика 162

Борис ФИНКЕЛЬШТЕЙН
Нам не дано предугадать… 175

ПОЭЗИЯ

Юрий МИХАЙЛИК
"Млечный Путь. И в поисках ночлега…" 183

Александр ИЛИЧЕВСКИЙ
Александр Гольдштейн возвращается домой 185

Виктор АБЕЛЬ
Перелистывая жизнь 189

Белла ВЕРНИКОВА
Свободная интонация 193

Игорь ПОТОЦКИЙ
Стихи о Мексике 197

Евгения КРАСНОЯРОВА
Пять стихотворений о море 201

Вика ХРУЩ
Утро — новое творенье 205

ДРАМАТУРГИЯ

Игорь БОЖКО
Роза и принц 209

ЖИЗНЬ — ИСКУССТВО — ЖИЗНЬ

Роман БРОДАВКО
"Ее зарею называли..." 228

Владимир КУДЛАЧ
Воспоминания об учителе 234

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Совесть, благородство и достоинство 240

Илья БЕККЕРМАН
Рисунок Льва Межберга 244

Елена ШЕЛЕСТОВА
Сергей Ильин — художник next 246

Вера ЗУБАРЕВА
Старинный друг 249

Виталий АМУРСКИЙ
"Я — против определения "фотохудожник" 251

Ольга БАРКОВСКАЯ
Житие Георгия Бострема 263

ПУБЛИКАЦИИ

Феликс РАХЛИН
Лучистая и вечная девочка 282
Публикация Татьяны АБРАМОВОЙ

Юрий ОЛЕША
Три рассказа о любви 292
Публикация Алены ЯВОРСКОЙ

НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Татьяна ЩУРОВА
"Брызги шрапнели" 316

ПУТЕШЕСТВИЕ

Иван ЛИПТУГА
Дубаи — самый быстрорастущий город в мире 328

АХ, ОДЕССА

Михаил ПОЙЗНЕР
Комитет народного контроля 334

Григорий ШУХИН
Жестикулирует народ руками... 339

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК
"Городок" — пятый угол! 343

ИЗДАНО...

Анатолий ГОРБАТЮК
О "Книге читателя" 348

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Книжный развал 350

Литературно-художественное издание

ДЕРИБАСОВСКАЯ — РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Одесский альманах

Книга 40

DERIBASOVSKAYA — RISHELIEVSKAYA

Odessa almanac

Book 40

Издается с 2000 года

Технический редактор Евгений Светин
Корректор Татьяна Коциевская

Оригинал-макет, верстка
ТИА "Вікна-Одеса"
Тел. 77-33-705

Подписано в печать 23.02.2010.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Формат 60x84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Зак. № 2. Тираж 1000 экз.

www.odessitclub.org

Отпечатано в типографии издательства "Печатный дом"

Издательская организация "ПЛАСКЕ" ЗАО
Регистрационное свидетельство ДК № 2149 от 08.04.05
а/я 299, г. Одесса, 65001, УКРАИНА
Тел. +38 (048) 7 385 385
E-mail: books@plaske.ua